

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**РОССИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ
ИМЕНИ Д. С. ЛИХАЧЕВА**

ЮЖНЫЙ ФИЛИАЛ

**КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
КАК РЕСУРС МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО СОГЛАСИЯ**

сборник научных статей

Москва
2019

УДК 008+304.44+93/94

ББК 66/5+70+86

К 90

Редакционная коллегия:

Горлова И. И., доктор философских наук, профессор, директор Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, Заслуженный деятель науки Российской Федерации (ответственный редактор);

Еремеева А. Н., доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева;

Коваленко Т. В., кандидат философских наук, заместитель директора Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева;

Крюков А. В., кандидат исторических наук, ученый секретарь Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева;

Костина Н. А., кандидат педагогических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева;

К 90 Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия: сб. науч. ст. по итогам междунар. науч. форума / отв. ред. И. И. Горлова; редкол. Т. В. Коваленко, А. Н. Еремеева, А. В. Крюков, Н. А. Костина. – М.: Институт Наследия, 2019. – 438 с. ISBN 978-5-86443-289-1. DOI 10.34685/NI.2019.98.73.001

В сборник вошли статьи, подготовленные по материалам докладов и сообщений международного научного форума «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия», состоявшегося 12–14 октября 2018 года.

В опубликованных статьях рассмотрены проблемы культурного наследия народов России в аспекте укрепления российской государственности, основные вопросы теории и практики сохранения культурного и природного наследия, литературное наследие Северного Кавказа в контексте диалога культур, специфические черты этнических культур народов Юга России и механизмы межнационального взаимодействия. Особое внимание уделяется анализу опыта актуализации и репрезентации культурного наследия Северного Кавказа в современном обществе.

Сборник подготовлен в рамках государственного задания Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева.

УДК 008+304.44+93/94

ББК 66/5+70+86

ISBN ISBN 978-5-86443-289-1

DOI 10.34685/NI.2019.98.73.001

ISBN 978-5-86443-289-1

9 785864 432891

© коллектив авторов, 2019
© Южный филиал
Института Наследия

MINISTRY OF CULTURE OF THE RUSSIAN FEDERATION

**RUSSIAN RESEARCH INSTITUTE FOR CULTURAL
AND NATURAL HERITAGE**

SOUTHERN BRANCH

**CULTURAL HERITAGE OF THE NORTH CAUCASUS
AS A RESOURCE FOR THE INTERETHNIC CONCORD**

**Proceedings
of the 4th International Scientific Forum**

Krasnodar
2019

UDC 008+304.44+93/94

LBC 66/5+70+86

K 90

Editorial Board:

Irina I. Gorlova, Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Professor, Director, Southern Branch of the Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Honored Scientist of the Russian Federation;

Anna N. Eremeeva, Dr. Sci. (National History), Prof., Chief Researcher, Department for Complex Problems for Cultural Research, Southern Branch of Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage;

Timofey V. Kovalenko, Cand. Sci. (Theory and History of Culture), Deputy Director, Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage;

Anatoly V. Kryukov, Cand. Sci. (National History), Academic Secretary, Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage

Natalya A. Kostina, Cand. Sci. (Library Science, Bibliography and Bibliology), Assoc. Prof., Leading Researcher, Department for Complex Problems of Cultural Research, Southern Branch of the Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage;

K 90 Kul'turnoe nasledie Severnogo Kavkaza kak resurs mezhnatsional'nogo soglasiya (The Cultural Heritage of the North Caucasus as a Resource for the Interethnic Concord) / Ed.-in-Chief I. I. Gorlova; T. V. Kovalenko et al. - Krasnodar: Institut Naslediya, 2019. - 438 p. ISBN 978-5-86443-289-1. DOI 10.34685/HI.2019.98.73.001

The book includes materials based on the reports and messages of the 2nd International Scientific Forum "Cultural Heritage of the North Caucasus as a Resource for the Inter-Ethnic Concord", held on October 12-14, 2018.

The authors deal with the problems of the cultural heritage of the peoples of Russia in the aspect of strengthening the Russian statehood, the basic questions of the theory and practice of the preservation of cultural and natural heritage, the literary heritage of the North Caucasus in the context of the dialogue of cultures, the specific features of ethnic cultures of the peoples of the South of Russia and mechanisms of international cooperation. Particular attention is paid to analysis of the experience of actualization and representation of the cultural heritage of the North Caucasus in the modern society.

The book was prepared within the framework of the state task of the Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage.

UDC 008+304.44+93/94

LBC 66/5+70+86

ISBN 978-5-86443-289-1

DOI 10.34685/HI.2019.98.73.001

ISBN 978-5-86443-289-1

© By collective of authors, 2019
© Southern Branch,
Russian Research Institute
for Cultural
and Natural Heritage, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

И. И. Горлова

Наследие Северного Кавказа
в контексте государственной политики
и диалога культур (Вместо предисловия) 19

РАЗДЕЛ 1.

Историко-культурное наследие как ресурс
укрепления российской государственности

Ш. А. Гапуров

«Кавказ пленила пушкинская Русь»:
история и перспективы многовекового единства 24

Г. Д. Гриценко

Российская идентичность и политика идентичности
как факторы сохранения культурного наследия
и обеспечения национальной безопасности..... 40

М. И. Магомедов

Культурное наследие народов Дагестана
как фактор гармонизации
межнациональных отношений 48

А. Н. Гришанина

Новые коммуникативные стратегии
медиатрансляции сохранения культурного наследия 56

М. М. Мовсисян

Вовлечение молодежи в волонтерские проекты
по охране объектов культурного наследия
в контексте приоритетов
государственной молодежной политики 66

Т. Н. Суминова

Арт-менеджмент как механизм реализации
государственной политики
в сфере культуры и искусства..... 70

РАЗДЕЛ 2.

**Потенциал культурного наследия в контексте
брендинга территорий Юга России**

И. А. Аполлонов

Бренд в контексте историко-культурной традиции региона ... 89

А. Н. Коваленко, М. Ю. Русаков

Елизаветовское городище
как историко-культурный бренд Ростовской области..... 97

Ю. А. Прокопенко

Звериный стиль в декоративно-
прикладном искусстве носителей
культуры склеповых захоронений
Центрального Предкавказья III – I вв. до н.э.
как историко-культурный бренд 103

Е. И. Иноземцева, Д. С. Кидирниязов

Нижнее Притеречье как историко-культурный бренд
межэтнической и межконфессиональной
толерантности под «сберегающим крылом России»
во второй половине XVI–XVIII веке..... 117

Н. В. Юрченко

Джигитовка как культурный бренд Северного Кавказа..... 127

Е. М. Багаева	
История предпринимательства как источник стратегии брендинга города.....	133
О. И. Сгибнева	
Бренд города-героя Волгограда: от моносмысловой значимости к полисемантике	141
Б. П. Борисов	
«Культурный брендинг» – условие присвоения региональной и мировой культуры личностью исторической эпохи постмодерн	152
А. А. Гуцалов	
Территориальный брендинг: в поисках стратегии развития.....	162

РАЗДЕЛ 3.

Усадьба как локальный культурный ландшафт

Г. Н. Керцева	
Архитектурный комплекс в селе Галиат как пример североосетинских усадеб в условиях горного ландшафта	175
А. В. Гончаров	
Объекты культурного наследия – усадьбы, расположенные на территории Краснодарского края: история принятия на государственную охрану, современное состояние и проблемы сохранения	187
Б. Б.-А. Абдулвахабова	
Культурно–пространственная среда усадьбы терско-гребенского казачества: материальные и нематериальные характеристики	198

Н. Г. Соловьева	
О традиционной усадьбе кубанских казаков Баталпащинского отдела в конце XIX – начале XX века	208
С. П. Шендрикова, О. С. Карпова	
Архитектурное наследие академика А. Н. Бекетова на юге России (конец XIX – начало XX вв.)	219
Ю. Ю. Клычников, Ю. Н. Клычникова (Кононова)	
Наследие А.Ф. Реброва в истории Кавказских Минеральных Вод	225

РАЗДЕЛ 4.
Этнические культуры Юга России:
история и современность

Д. С. Кидирниязов	
Взаимодействие и взаимовоздействие традиций казаков и народов Северного Кавказа в историко-культурном контексте XVIII – первой половины XIX в.: специфика и особенности	237
А. М. Канкошев, Л. К. Хужева	
Морально-этический феномен адыгагъэ — основа культуры адыгов	245
Р. Г. Сунгуров, А. Г. Хлыстова	
Национальные языки Северного Кавказа и их роль в развитии региона	251
Д. М. Магомедов	
Дагестанские языки как фактор сохранения национальной культуры	259
М.А. Гусейнов	
Поэзия Ыырчи Казака – выдающееся явление словесной культуры Дагестана	267

Ф. О. Мамчугева	
Художественные особенности переводческой деятельности Муссы Батчаева	277
Р. З. Сагов	
Национальные традиции как форма общения	291
Х. А. Хабекирова, М. Р. Дышекова	
Образ девы Марии как элемент христианской религии в традиционных верованиях черкесов.....	298
Л. А. Делова	
Книгоиздание в Адыгее: краткий очерк истории	307
А. Х. Дзыба	
Реалии абазинской литературы: к вопросу о функциях художественного перевода в современном культурном процессе	310

РАЗДЕЛ 5.

Современное общество и культурное наследие Северного Кавказа: опыт актуализации и репрезентации

О. Р. Тучина	
«Человек культуры» глазами современной молодежи	317
С. Г. Батырева, К. П. Батырева	
Живопись в евразийском поле культуры (к 95-летию народного художника РСФСР Г. Рокчинского).....	323
С. И. Фомина	
Стратегии и технологии освоения ресурсов регионов России в процессе проектной деятельности студентов (на примере магистерской программы «Региональный культурно- познавательный туризм»).....	334

Б. М.-Г. Харсиев	
Регламентация семейных отношений ингушей: социальный аспект	339
А. П. Ноздрина	
Прикладной аспект сохранения традиционной культуры в рамках самодеятельного творческого объединения (на примере Новороссийского клуба руководельниц «Уютный уголок»)	354
Е. М. Малышева	
Советская публицистика и СМИ в годы Великой Отечественной войны: опыт актуализации.....	364

РАЗДЕЛ 6.

Межнациональное взаимодействие: личность – общество – культура

М. З. Магомедова	
Традиционная культура народов Северного Кавказа как фактор противодействия экстремизму в молодежной среде.....	376
О. В. Ищенко	
Деятельность национально-культурных общественных объединений и религиозных организаций ХМАО-ЮГРЫ в области профилактики экстремизма.....	384
Т. Ф. Маслова	
Ценностные характеристики взаимодействия студенческой молодежи в поликультурном образовательном пространстве: эмпирический анализ	400
Р. А. Ханаху, З. Х. Гучетль	
Ислам в Республике Адыгея: состояние, перспективы, прогнозы	407
Е. С. Полянская	
Профилактика интолерантности в молодежной среде: крымский опыт	414

Ю. Е. Окопишникова

Организация публичных пространств
как элемент политики идентичности
на локальном и региональном уровне..... 420

В. А. Чернобровкин

Развитие этнокультурной образованности
дошкольников: реализация программно-
методического комплекса «Наш дом – Южный Урал» 428

CONTENTS

Irina I. Gorlova

The Heritage of the North Caucasus
in the Context of State Policy and Dialogue of Cultures
(Instead of a Foreword) 19

SECTION 1

Historical and Cultural Heritage as a Resource
for Strengthening of the Russian Statehood

Shakhrudin A. Gapurov

“The Caucasus was captured by Pushkin’s Russia”:
History and Prospects of Centuries-Old Unity 24

Galina D. Gritsenko

Russian Identity and Identity Policy
as Factors of Preservation of Cultural Heritage
and Ensuring National Security 40

Magomed I. Magomedov

The Cultural Heritage of the Peoples
of Dagestan as Factor of Harmonization
of Interethnic Relations 48

Anastasiya N. Grishanina

New Communication Strategies for Broadcasting
the Preservation of the Cultural Heritage 56

Marina M. Movsisyan

Involving Youth in Volunteer Projects
for the Protection of Cultural Heritage Objects in the Context
of Priorities of the State Youth Policy 66

Tatyana N. Suminova

Art Management as a Mechanism of Realization
of State Policy in the Sphere of Culture and Art 70

SECTION 2

Cultural Heritage Potential in the Context
of Territorial Branding in the South of Russia

Ivan A. Apollonov

Brand in the Context of Historical
and Cultural Traditions of the Region 89

Aleksandr N. Kovalenko & Mikhail Yu. Rusakov

Elizavetovskoe Settlement as a Cultural
and Historical Brand of the Rostov Oblast 97

Yuri A. Prokopenko

Animal Style in Arts and Crafts Media
Culture Burial Vaults in the Central
Ante of the 3rd - the 1st century BC 103

Elena I. Inozemtseva & Daniyal S. Kidirniyazov

The Lower Priterech'ye as a Historical
and Cultural Brand of Interethnic
and Interfaith Tolerance Under the «Russia Saving Wing»
in the Second Half of the 16-th-18-th Centuries 117

Natalya V. Yurchenko

Dzhitovka (Fancy Riding) as a Cultural Brand
of the North Caucasus: Features of Revival, Preservation
and Prospect of Development 127

<i>Yelena M. Bagayeva</i>	
The History of Entrepreneurship as a Source of the City Branding Strategy.....	133
<i>Olga I. Sgibneva</i>	
Brand the City-Hero of Volgograd: from the Monosemantic Importance to Polysemantics.....	141
<i>Boris P. Borisov</i>	
“Cultural Branding” - a Condition for Assignment of Regional and World Culture by the Identity of a Historical Era a Postmodern	152
<i>Alexander A. Gutsalov</i>	
Territorial Branding: in Search of the Strategy	162

SECTION 3

Manor as a Local Cultural Landscape

<i>Galina N. Kertseva</i>	
Architectural Complex in the Village of Galiat as an Example of North Ossetian Estates in Conditions Mountain Landscape	175
<i>Alexey V. Goncharov</i>	
Objects of Cultural Heritage - the Estates Located in the Territory of Krasnodar Region: History of Acceptance on State Protection, a Modern Condition and Problems of Preservation.....	187
<i>Birlant B.-A. Abdulvahabova</i>	
Cultural and Spatial Environment of the Estate Terek-Grebensk Cossacks: Tangible and Intangible Characteristics.....	198
<i>Natalya G. Solovieva</i>	
About Traditional Manor of the Kuban Cossacks of Batalpashinsky Department in the Late 19-th - Early 20-th Centuries.....	208

<i>Snezhana P. Shendrikova & Olga S. Karpova</i> The Architectural Heritage of Academician A.N. Beketov in the South of Russia (late 19th - early 20th Centuries)	219
--	-----

<i>Yuri Yu. Klychnikov & Julia N. Klychnikova (Kononova)</i> Aleksy F. Rebrov's Heritage in the History of Caucasian Mineral Waters	225
--	-----

SECTION 4.

Ethnic Cultures of the South of Russia: History and Modernity

<i>Daniyal S. Kidirniyazov</i> Interaction and Mutually Influence of Traditions of Cossacks and People of the North Caucasus in a Historical and Cultural Context of 18-th - the first half of the 19-th Century: Specifics and Features	237
--	-----

<i>Arsen M. Kankoshev & Lyudmila K. Khuzheva</i> Moral-Ethical Phenomenon Adygaghe of the Culture of the Adyghes	245
---	-----

<i>Ruslan G. Sungurov & Alena G. Khlystova</i> National Languages of the North Caucasus and Their Role in the Development of the Region	251
--	-----

<i>Daniyal M. Magomedov</i> Dagestan Languages as a Factor of Preservation of National Culture	259
---	-----

<i>Malik A. Guseynov</i> Poetry by Jyrki Cossack as a Remarkable Phenomenon of Verbal Culture of Dagestan	267
--	-----

<i>Fatima O. Mamchueva</i> Mussa Batchaev's Artistic Peculiarities in Translation	277
---	-----

Ruslan Z. Sagov National Traditions as a Form of Communication.....	291
Habiba A. Habekirova & Marina R. Dyshekova The Image of the Virgin Mary as an Element of the Christian Religion in the Traditional Beliefs of the Circassians	298
Lyudmila A. Delova Book Publishing in Adygea: a Brief Outline of History.....	307
Aishat Kh. Dzyba The Realities of Abaza Literature: to the Question of the Functions of Literary Translation in the Modern Cultural Process.....	310

SECTION 5
Modern Society and Cultural Heritage
of the North Caucasus:
the Experience of Actualization and Representation

Oksana R. Tuchina “Man of Culture” through the Eyes of Today’s Youth.....	317
Svetlana G. Batyreva & Kermen P. Batyreva Painting in the Eurasian Field of Culture (To the 95-th Anniversary of the People’s Artist of the RSFSR Garry Rokchinsky).....	232
Svetlana I. Fomina Resources of Russian Regions: Study in the Process of Project Activities (Master’s Program «Regional Cultural and Educational Tourism»).....	334

Boris M.-G. Kharsiev	
Regulation of the Ingush	
Family Relations: Social Aspect	339

Angelina P. Nozdrina	
The Applied Aspect of the Preservation	
of Traditional Cultural Heritage in the Framework	
of Amateur Creative Association	
(on the example of Novorossiysk	
Club of Needlewomen “Cozy corner”).....	354

Elena M. Malysheva	
Soviet Publicism and Media	
in the Years of the Great Patriotic War.....	364

SECTION 6
Interethnic Interaction:
Personality – Society – Culture

Madina Z. Magomedova	
Traditional Culture of the Peoples	
of the North Caucasus as a Factor of Counteraction	
to Extremism in the Youth Environment.....	376

Oksana V. Ishchenko	
About Activities of National-Cultural Public	
Associations and Religious Organizations	
of Khmao-Ugra in the Field	
of Prevention of Extremism.....	384

Tatyana F. Maslova	
Value Characteristics of Interaction	
between Students in a Multicultural Educational	
Espace: an Empirical Analysis.....	400

Ruslan A. Hanahu & Zukhra Kh. Guchetl	
Islam in the Republic of Adygea:	
Current State, Prospects, Forecasts.....	407

Elizaveta S. Polyanskaya

Prevention of Intolerance
among Young People: Crimean Experience 414

Yulia. Ye. Okonishnikova

Organization of Public Spaces as an Element
of Identity Policy at Local and Regional Level 420

Vladimir A. Chernobrovkin

Development of Ethno-Cultural Education
of Preschool Children: Implementation
of the Program-Methodical
Complex «Our Home - South Ural»..... 428

*И. И. Горлова**

Наследие Северного Кавказа в контексте государственной политики и диалога культур (Вместо предисловия)

Представлен обзор проблематики докладов и сообщений Четвертого международного научного форума «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия», который состоялся 12–14 октября 2018 г. Рассмотрены вопросы сохранения культурного наследия народов Северного Кавказа, его использования как ресурса межнационального согласия, создания единого культурного пространства, налаживания межкультурного диалога на международном и региональном уровнях.

Ключевые слова: международный научный форум, Северный Кавказ, культура, культурное наследие, государственная политика, межнациональное согласие, диалог культур, единое социокультурное пространство.

Предлагаемый читателю сборник статей содержит доклады участников Четвертого международного научного форума «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия», который состоялся 12–14 октября 2018 г., исправленные, дополненные и/или переработанные специально для настоящего издания.

Стартовавший в 2015 г. масштабный проект Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва за четыре года зарекомендовал себя как одна из наиболее авторитетных научно-общественных инициатив, создающих условия для открытого диалога и обсуждения накопленного опыта, разработки наиболее проблемных вопро-

* ГОРЛОВА Ирина Ивановна, доктор философских наук, профессор, директор Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Краснодар, Россия. Электронная почта: ii.gorlova@gmail.com.

сов в деле актуализации, сохранения и преумножения культурных богатств самого многоликого региона нашей большой страны (см. подроб.: [1] [2]). В 2016–2018 гг. форум проводился в рамках реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. (распоряжение Правительства Российской Федерации от 23 декабря 2015 г., № 2648). Неизменную поддержку в организации форума оказывает наш учредитель — Министерство культуры Российской Федерации.

Четыре — цифра устойчивости. Мы видим, что встречи на форуме служат логическим продолжением предшествующей, постоянно обретающей новые грани деятельности Южного филиала Института Наследия по формированию общероссийской и региональной идентичности [3]. Эти грани объективно проявляются сами как каркас, скрепляющий направления и темы вдумчивого обсуждения проблем, заинтересованного, равнодушного обмена мнениями. Среди участников круглых столов и панельных дискуссий форума представлены высококвалифицированные специалисты, работающие над усовершенствованием научно-теоретических оснований межкультурного взаимодействия и диалога культур, стремящиеся к преодолению межкультурных различий и построению мирного сообщества народов, к объединению на фундаменте российского патриотизма. В этом смысле форум отражает насущные общественные запросы, откликается на самые важные вызовы сегодняшнего дня.

Форум был изначально задуман как ежегодная международная и межрегиональная платформа диалога. Его география постоянно расширяется. Если в 2015 г. участников было около 100, в настоящий момент количество заявок выросло более чем вдвое. Из 240 авторов очно поучаствовать удалось не всем, тем не менее, на Четвертый форум приехали более 150 специалистов в области академической науки, образования, работников учреждений социально-культурной сферы, туризма, органов исполнительной и законодательной власти, активистов общественных организаций и институтов гражданского общества. Все они так или иначе задействованы в процессе формирования научно-методического обеспечения государственной культурной политики, охраны и использования культурного наследия, упрочения межнационального взаимодействия.

Научная программа форума 2018 года была насыщенной и разнообразной: три круглых стола, две панельные дискуссии и специаль-

ная сессия «Актуализация культурного наследия: молодежные инициативы». Мероприятия проходили параллельно, была предоставлена возможность высказаться всем желающим и эффективно построить ветви дискуссии.

Мы были искренне рады видеть как наших уважаемых постоянных гостей, можно сказать, аксакалов форума, так и новые лица — активистов волонтерского движения, авторов интересных общественных инициатив, молодых ученых, услышать их соображения, ознакомиться с их опытом реального воплощения идей в жизнь. То, что наш научный проект позволяет объединять поколения, за четыре года показало самый положительный эффект.

В этот раз участниками проекта стали представители научной общественности из Армавира, Астрахани, Владикавказа, Волгограда, Воронежа, Грозного, Краснодара, Магаса, Майкопа, Махачкалы, Москвы, Нальчика, Омска, Пятигорска, Ростова-на-Дону, Санкт-Петербурга, Симферополя, Ставрополя, Томска, Челябинска, Черкесска, Элисты, Ялты, а также из Астаны (Казахстан), Баку (Азербайджан), Сухума (Абхазия), города Зелёна Гура (Польша), Кишинёва (Молдова), Невшателя (Швейцария).

Принимая ученых и общественных деятелей на щедрой гостеприимной кубанской земле в санатории «Жемчужина моря», расположенном на территории курортного поселка Кабардинка, мы готовы ознакомить с их открытиями и идеями самую широкую аудиторию, публикуя статьи в электронном журнале «Наследие веков» (см., напр.: [4]), в тематических сборниках и сборниках трудов международного научного форума «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия» (см. подроб.: [5] [6] [7]).

В структуре настоящего сборника обобщены грани проблематики научного диалога, состоявшегося 12–14 октября 2018 г.. Перечислю только названия разделов:

- Историко-культурное наследие как ресурс укрепления российской государственности;
- Потенциал культурного наследия в контексте брендинга территорий Юга России;
- Усадьба как локальный культурный ландшафт;
- Этнические культуры Юга России: история и современность;
- Современное общество и культурное наследие Северного Кавказа: опыт актуализации и репрезентации;

– Межнациональное взаимодействие: личность — общество — культура.

Эти грани отражают концепцию, я бы сказала, благородную миссию, которую призван выполнять международный научный форум «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия». Мы понимаем свою высокую ответственность за развитие вненинституциональных форм научной коммуникации, создание прочных горизонтальных связей в региональном научном сообществе. В задачи такой работы входят и гармонизация межэтнических отношений, сохранение нашего общего наследия, конкретика применения базовых основ государственной культурной политики Российской Федерации. Благородная цель ко многому обязывает, но мы будем придерживаться ее и в дальнейшем.

В уже не столь далекой перспективе — Пятый форум, своего рода юбилейный. Отрадно признавать, что авторитет форума крепнет год от года, растет его статус, увеличивается внимание к нему со стороны ученых из разных уголков нашей большой страны и зарубежья. Всем, кто считает важным принять участие в этом действительно значимом мероприятии говорим: добро пожаловать, уважаемые коллеги! Мы гордимся нашим Форумом как платформой содержательных встреч, началом, упрочением, развитием самых серьезных и плодотворных научных контактов.

Использованная литература:

1. Горлова И.И. Северный Кавказ — территория межнационального согласия // Культурное наследие России. 2016. № 3. С. 39–42.
2. Коваленко Т.В. Международный научный форум «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия» [Электронный ресурс] // Наследие веков. 2015. № 4. С. 149–153. URL: [http:// heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/12/2015_4_Kovalenko.pdf](http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/12/2015_4_Kovalenko.pdf). (дата обращения 21.12.2018)
3. Коваленко Т.В. О создании Южного филиала Российского института культурологии [Электронный ресурс] // Культурологический журнал. 2012. № 1. С. 18. http://www.cr-journal.ru/rus/journals/119.html&j_id=9 (дата обращения 21.12.2018).
4. Крюков А.В. Научные издания Южного филиала Института Наследия [Электронный ресурс] // Наследие веков. 2016. № 1. С. 121–124. URL: [http:// heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/04/2016_1_Kryukov.pdf](http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/04/2016_1_Kryukov.pdf). (дата обращения 21.12.2018).

5. Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия: сб. науч. ст. / отв. ред. И.И. Горлова; редкол. Т.В. Коваленко, Н.А. Костина, А.В. Крюков. М.; Краснодар: Принт сервис групп, 2015.

6. Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия: сб. науч. ст. / отв. ред. И.И. Горлова; редкол. Т.В. Коваленко, А.В. Крюков, Н.А. Костина, А.А. Гуцалов. Краснодар: Родные традиции, 2017.

7. Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия: сб. науч. ст. / отв. ред. И.И. Горлова; редкол. Т.В. Коваленко, А.В. Крюков, Н.А. Костина, А.А. Гуцалов. Краснодар: Экоинвест, 2018.

Irina I. GORLOVA

Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Prof.,
Director, Southern Branch of the Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage,
Krasnodar, Russia
ii.gorlova@gmail.com

**The Heritage of the North Caucasus
in the Context of State Policy and Dialogue of Cultures
(Instead of a Foreword)**

A review of the problems of reports and communications of the Fourth International Scientific Forum “Cultural Heritage of the North Caucasus as a Resource of Interethnic Concord”, which took place on October 12–14, 2018, is presented. Issues of preserving the cultural heritage of the peoples of the North Caucasus, its use as a resource of interethnic consent, and creating a unified cultural space are considered establishing intercultural dialogue at the international and regional levels.

Keywords: *international scientific forum, North Caucasus, culture, cultural heritage, state policy, interethnic harmony, dialogue of cultures, a single sociocultural space.*

РАЗДЕЛ 1

Историко-культурное наследие как ресурс укрепления российской государственности

*Ш. А. Гануров**

«Кавказ пленила Пушкинская Русь»: история и перспективы многовекового единства

Важнейшим фактором в процессе присоединения народов Северного Кавказа к России явилась русская культура. Сперва это были культурные контакты между казачеством и северо-кавказскими горцами, приведшие к созданию уникального казацко-горского сообщества. А затем, в первой половине XIX в. — русские писатели, поэты, декабристы, кавказские просветители, которые знакомили Россию с Кавказом, а Кавказ с Россией. Подчеркивается, что так возникла культурная основа, которая и объединила, вопреки всему, Россию и Кавказ. Особо отмечается, что те районы Северного Кавказа, которые с XVIII в. тесно контактировали с русским населением, русской культурой, — равнинные районы Чечни (Терско-сунженское междуречье) Дагестана, Кабарды, Карачая, не говоря уже об Осетии, никогда не воевали против российской власти. В статье делается вывод, что поэт Расул Гамзатов имел полное основание писать: «Кавказ пленила пушкинская Русь».

* ГАПУРОВ Шахрудин Айдиевич, доктор исторических наук, профессор, Президент Академии наук Чеченской Республики, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Чеченского государственного университета, заслуженный деятель науки Чеченской Республики, Грозный, Россия. Электронная почта: garigov2011@gmail.ru

Ключевые слова: Россия, Северный Кавказ, Русская культура, культура народов Северного Кавказа.

Президент Российской Федерации В. В. Путин, рассуждая о природе политических процессов в России в конце XX в., писал: «С распадом страны мы оказались на грани, а в отдельных известных регионах — и за гранью гражданской войны, причем именно на этнической почве. Огромным напряжением сил, большими жертвами эти очаги нам удалось погасить. Но это, конечно, не означает, что проблема снята.

Однако даже в тот момент, когда государство как институт критически ослабело, Россия не исчезла. Произошло то, о чем Василий Ключевский говорил применительно к первой русской Смуте: «Когда надломились политические скрепы общественного порядка, страна была спасена нравственной волей народа» [20, с. 121]. И действительно, именно «нравственная воля народов» спасла Россию от распада на рубеже XX–XXI вв. И огромную роль тут сыграла русская культура, которая в течение веков тысячами нитей связала народы России и которые не смогли разорвать никакие деструктивные силы, включая и враждебные России внешние силы. Русская культура выступила в качестве цементирующей силы и в образовании многонационального российского государства. Ей удалась эта миссия прежде всего потому, что она ставила на национальных окраинах России задачу, говоря словами Ивана Ильина, «не искоренить, не подавить, не поработить чужую кровь, не задушить иноплеменную и инославную жизнь, а дать всем дыхание и великую Родину: всех соблюсти, всех примирить, всем дать молиться по-своему, трудиться по-своему и лучших отовсюду вовлечь в государственное и культурное строительство» [20, с. 123]. Особенности русской государственности и русской культуры и позволили России к концу XVII — началу XIX в. присоединить к себе (и тут необходимо подчеркнуть, что преимущественно мирными политико-экономическими средствами) большинство народов Северного Кавказа. Уже с последней трети XIX в. народы России и Северного Кавказа оказались объединены прочными узами политических и экономических отношений, которые в XX в. выдержали тяжелейшие испытания. Достаточно вспомнить только Великую Отечественную войну и потрясения конца XX в. Стержнем, скрепляющим ткань этой уникальной цивилизации, как справедливо

сказал В. В. Путин, «выступили русский народ и русская культура» [20, с. 123].

Было множество факторов, которые притягивали друг к другу Россию и горские народы Северного Кавказа, но важнейшее место среди них занимал и фактор культур — русской и горских народов.

Есть расхожий тезис о том, что Кавказская война была порождена конфликтом цивилизаций: передовой, европейской русской культуры и отсталой, традиционной горской культуры. Мы полагаем, что тезис этот глубоко неверен. Хотя Кавказская война порождена множеством причин — прежде всего политических, но среди них не было конфликта культур, конфликта цивилизаций. Более того, с самого начала соприкосновения, в основном с XVI в. (а вообще этот процесс начался еще с периода Древней Руси), было стремление к познанию друг друга. Без взаимного уважения не получилось бы того удивительного взаимодействия, взаимовлияние этих культур, возникновения такого феномена, как культура кавказского казачества (терского, гребенского, кубанского, черноморского), которое мы наблюдаем с XVII в.

Поэтому мы полагаем, что совершенно прав был великий и мудрый дагестанский поэт Расул Гамзатов, когда он писал:

*«Нет, не смирялись и не гнули спины.
И те года и через сотню лет
Ни горские сыны, ни их вершины
При виде генеральских эполет
Ни хитроумье бранное, ни сила
Здесь ни при чем. Я утверждать берусь:
Не Русь Ермолова нас покорила,
Кавказ пленила пушкинская Русь».*

Соприкосновение, а затем и взаимодействие русской народной культуры и культуры горцев началось с XVII в., когда на Тереке и Сунже появились большие группы русских людей, предков будущих терских и гребенских казаков.

Уже в XVIII в. составной частью северокавказского общества стало терско-гребенское казачество. Оно явилось важным фактором как в экономическом, так и в политической истории края, во взаимоотношениях северокавказских народов с Россией и, наконец, в установлении российской власти на Северном Кавказе. «Вхождение казаков в этнокультурное пространство Северного Кавказа привело

к качественным изменениям результатов протекавших в регионе процессов. С конца XVIII в. казачество начинает превращаться в одну из равноправных сторон северокавказского общества» [15, с. 147].

Дальнейшее закрепощение крестьян, нарастание феодального гнета, усиление централизованной государственной власти в России в XVI — начале XVII в. привело к тому, что одной из форм социального протеста со стороны крестьян, холопов, посадских людей стало их бегство на окраины и даже за пределы тогдашних границ России. Так русские люди (казаки) в поисках воли появились на Тереке и Сунже. Тех из них, кто поселился на гребнях между Терекком и Сунжей, назвали гребенскими казаками. Другая часть казаков поселилась на нижнем Тереке, в его устье, и построила здесь так называемый Трехстенный городок. Их называли низовыми терскими казаками.

В источниках отражены разные мнения о месте и времени появления казаков на Тереке. Согласно трудам М. К. Любавского, «первыми русскими пришельцами в крае были казаки, утвердившиеся на нижнем Тереке» [14, с. 394], Трехстенный город стал «опорным и сборным пунктом терского казачества» и лишь к концу XVI — началу XVII в. казачество сосредоточилось в двух местах: в устье Терека и на Гребнях [14, с. 397]. Крупный исследователь истории терского казачества Л. Б. Заседетелева, называя гребенских казаков «самой старой группой терского казачества» [8, с. 182] и относит начало формирования гребенского казачества к середине XVI в. Подобного же мнения придерживаются С. А. Козлов и другие авторы [8, с. 141]. А. Ригельман полагал, что гребенские казаки сперва поселились в Кабарде, а позже перебрались на Сунжу [19, с. 138–140]. Здесь, на чеченской плоскости, тогда еще малозаселенной (чеченцы в XVI в. только-только начинали вновь осваивать покинутую ими в XIII в. равнину) и стали селиться казаки [10, с. 108]. Их поселки и хутора «встречались у Урус-Мартана, у Гойтен-Корта, по Аргуну и по другим более или менее отдаленным местам» [18, с. 26]. У. Лаудаев также указывает: гребенские казаки поселились в XVI–XVII вв. на землях Большой и Малой Чечни [13, с. 8].

Терско-гребенское казачество складывалось не только из беглых русских, искавших волю на Северном Кавказе, но и из представителей самих горских народов: чеченцев, кабардинцев, дагестанцев и т.д. Горцы бежали к казакам, спасаясь от кровной мести, рабства, от феодального гнета и произвола. Трудно определить, каково было число горцев среди терско-гребенских казаков, но бесспорно, оно

было значительным. У терских казаков были целые станицы, состоящие из горцев-нехристиан. Правда, гребенцы принимали в свою среду из «инородцев» только тех, кто принимал христианство [21, с. 148]. «Относительно инородческого элемента, входившего в состав терского войска, следует сказать, что это были разные кавказские выходцы, поселившиеся особыми слободами около Терека, под наименованием черкес, окончан, юртовых, то есть оседлых татар, мичкизян, шубутян и новокрещенов», — отмечал С. Писарев [17, с. 16]. Здесь, как видим, в основном, упоминаются чеченцы — «окочане», «мичкизяне», «шубутяне». В исторической литературе сложилось единое мнение, что в первоначальный период формирования терско-гребенского казачества (XVI–XVII вв.) между ним и горцами сложились мирные, дружеские отношения. «С первых же дней между гребенцами и ближайшими их соседями установились самые добрососедские отношения, — писал М. К. Караулов. — Гребенцы куначились и с кабардинцами, и с чеченцами, причем от последних часто брали себе жен...» [10, с. 108]. В работах С. И. Писарева и М. К. Любавского отмечено, что казаки держались в своих гребнях благодаря поддержке малокабардинских князей и чеченских обществ [17, с. 399]. «Терско-гребенское казачество до их переселения на левый берег Терека в непосредственном соседстве с горцами Восточного Кавказа, как видно, прожило чуть ли не 180 лет, а в целом эти дружественные отношения имеют почти 300-летнюю историю, — писал М. С. Тотоев. — Если бы эти отношения хотя бы наполовину были враждебными, то, само собою, понятно, терско-гребенская казачья вольница не смогла бы продержаться долго в окружении воинственных горских народов. Но казачья вольница в окружении горцев здравствовала целые века, потому что ее отношения с ними были преимущественно добрососедскими, и эти отношения продолжали существовать до тех пор, пока в них не стала вмешиваться разделяющая рука самодержавного, феодального государства» [21, с. 147].

Многовековые мирные отношения казаков и горцев способствовали взаимовлиянию горской и русской культур. Казаки, плохо знакомые с местными природными условиями, перенимали у горцев систему ведения сельского хозяйства, одежду, отдельные виды холодного оружия [3, с. 35]. М. А. Караулов отмечал, что именно мирные отношения с горцами и, прежде всего, с чеченцами привели к тому, что терско-гребенские казаки, наряду с охотой и рыболовством, уже

с XVI в. стали широко заниматься скотоводством, хлебопашеством, шелководством и пчеловодством, в то время как на Дону даже в конце XVII в. занятие земледелием каралось смертной казнью [10, с. 110]. Возможно, это и лежало в основе встречавшихся у авторов XIX в. неодобрительных отзывов о культурном и духовном влиянии горцев, якобы «неблагоприятно отразившемся на казачестве» [6, с. 60].

Об отношениях не просто мирных, но и уважительных между казаками и горцами в XVI–XVII вв. говорит и тот факт, что они усвоили язык друг друга, это важнейшее средство добрососедского общения. «... Казаки, вступая в сношения и даже в родство с соседними племенами, знали язык этих племен...», — подчеркивал Е. Максимов [16, с. 11]. Многие авторы (М. К. Любавский, М. А. Караулов, С. И. Писарев, И. Л. Омельченко, М. С. Тотоев и др.) писали, что в первоначальный период заселения Северного Кавказа казаки брали себе жен преимущественно из горских народов, в большинстве своем — путем хищения, а иногда и по добровольному согласию, договариваясь с горскими владетелями. «Русская казачья вольница на Тереке и отчасти на Дону в первые времена своего существования буквально-таки добывали жен на Кавказе», — указывал Ф. А. Щербина [22, с. 337]. М. А. Караулов уточнил: гребенские казаки брали жен, в основном, от чеченцев, поскольку те были их ближайшими соседями [10, с. 108]. «Специфические условия жизни зарождающегося казачества оказали существенное влияние на процесс его этногенеза и на особенности отношений между казаками и горцами, — пишут Ю. Г. Кульчик и З. Б. Конькова. — На Терек шли “волны” преимущественно представителей мужского пола. Жены казаков, в основном, были горского происхождения ... Эти браки составляли в стародавние времена самое заурядное явление и путем смешения образовался особый могучий тип гребенского казака и казачки...» [12, с. 6].

На установление и сохранение в XVI–XVII вв. мирных, дружеских отношений между казаками и горцами влияли два основных фактора: во-первых, в тот, первоначальный, период казаков на Тереке и Сунже было немного, они занимали свободные земли (а горцы полагали, что земли хватит всем; срабатывал и многовековой горский обычай оказывать гостеприимство беглым и гонимым). Россия тогда еще реально не угрожала независимости горцев и казаки не выступали проводниками царской колониальной политики в регионе. Во-вторых, в XVI–XVII вв. северокавказские владетели, общества

и казаки были взаимно заинтересованы в мирных союзнических взаимоотношениях. Казаки прекрасно понимали, что иначе нельзя удержаться в беспокойном регионе, где постоянно идет междоусобная борьба феодалов и на который регулярно нападают турки, Крымские ханы и иранцы. Поскольку упрочение на Тереке и Сунже, обеспечение жизнеспособности казачества находилось в прямой зависимости от состояния его отношений с горцами, казаки кровно были заинтересованы в горских союзниках. На рубеже XVI–XVII вв. казачество превратилось в серьезную военную силу, способную влиять на политические процессы, протекавшие на Северном Кавказе. В условиях острой борьбы в регионе между владельцами, многие оказались заинтересованы в союзнических отношениях с казаками, в использовании их военной силы для упрочения своих позиций. Казаки были верными союзниками горцев и в отражении иноземных нашествий: со стороны Османской империи, Ирана и Крыма. И наконец, для тех горских обществ и владельцев, которые были заинтересованы в союзнических отношениях с Россией, наличие дружественных отношений с казаками было обязательным условием. Наглядный пример тому — союз и сотрудничество вайнахского владельца Ших-Мурзы Окоцкого и его наследников с терско-гребенскими казаками. Можно указать и на то, что войсковым атаманом Терского войска в 40-х гг. XVII в. был горский князь Муцал [18, с. 81].

В тоже время развитие горско-казачьих отношений не было прямолинейным и бесконфликтным даже в XVI–XVII вв., и дело тут не в разнонациональности и разнорелигиозности казаков и горцев. На Кавказе того периода не было двух соседних владений, которые бы не конфликтовали друг с другом. Следует учитывать, что казачество в ранний период формировалось зачастую из «удальцов», «кого преследовали сами общества как нарушителей законов и обычаев страны» [18, с. 33], естественным промыслом которых были нападения на соседей-горцев с целью захвата скота и прочего имущества. Терский воевода в 1589 г. сообщал о погроме казаками узденя Кумыкского шамхала, у которого взяли «45 лошадей, да 3 седла ..., да саблю, да шапку железную, да 9 лисиц». В другой раз казаки захватили людей тюменского владельца — «трех человек», а с ними «4 пищали, да сорок лисиц, да котлы, да платье» [1, л. 3].

По мере выселения вайнахов с гор на плоскость и превращения их в оседлых жителей сунженской равнины, они с середины XVII в.

стали более враждебны к терско-гребенским казакам. В отписке казачьего воеводы в 1647 г. в Москву сообщалось, что «и окочане, и шубтяне и мичкизяне (т.е. чеченцы. — авт.), и черкасы... и кочевые татаровы ездят рекою, и на всякие промыслы, и для всяких своих дел куда кто похочет, по одному человеку, и по два, и по три без ружья, и их нигде не грабят. И не побивают, и в полон не емлют, только одни твои государевы русские люди от тех басурманов гинут, и терские и гребенские атаманы, и казаки хотят свои казачьи юрты покинуть и брести росно, что де стало им жить невозможно» [9, с. 233, 234]. С конца XVI — начала XVII в. стали вспыхивать конфликты казаков с адыгами [2, л. 9] и кумыкскими владельцами [9, с. 189, 190]. Казаки совершали «ответные» нападения на горские аулы, громили их, захватывая имущество и пленных. В.Л. Величко писал, что «отряд станичников прибежал к испытанному ... способу восстановления мира и порядка», то есть шел «набегом на ингушское или чеченское воровское гнездо» [6, с. 60]. Однако в XVI–XVII вв. подобные столкновения горцев и казаков носили локальный характер, в основном им (зачастую с помощью института куначества) удавалось регулировать свои отношения друг с другом и заключать как кратковременные, так и длительные союзы. В тот период обе стороны — и горцы, и казаки — стремились строить свои отношения на принципах взаимотерпимости, взаимопонимания и добрососедства.

Таким образом, отношения между казаками и горцами в течение веков были, в основном, мирными и добрососедскими, пока царизм в последней трети XVIII в. не начал создавать на горских землях Кордонные линии, казачьи станицы, оттесняя самих горцев в горные ущелья, не начал отвечать на любое проявление непокорства карательными походами (в которых участвовали и казаки). К началу XIX в. «вызванная этими причинами напряженность между горцами и казаками переросла во многих районах Северного Кавказа в открытое противостояние» [15, с. 149]. В то же время следует указать на одно обстоятельство, отмеченное в свое время декабристом А.А. Бестужевым-Марлинским: «Левый берег Терека унизан богатыми станицами линейных казаков... Почти все они говорят по-татарски, водят с горцами дружбу, даже родство по похищенным взаимно женам, но в поле враги неумолимые» [5, с. 461]. Даже в годы Кавказской войны куначество между горцами и казаками не прерывалось.

Безусловно, казачество на Северном Кавказе было уникальным явлением. Убегая из России от феодального гнета, казаки шли на Кавказ в поисках воли и были в целом доброжелательно приняты горцами. С течением времени они стали неотъемлемой составной частью северокавказского общества, и свои отношения с местными владельцами и обществами строили по сложившимся в крае законам и традициям, точно так же, как строили их между собой сами северокавказцы. Однако, когда царизм в конце XVIII — начале XIX в. поставил перед собой цель любым путем (а «любой путь», разумеется, не устраивал горцев) утвердить свое господство на Северном Кавказе, казачество, уже к тому времени подчиненное российскому государству, стало наиболее боеспособной частью царской военной машины в крае. В. А. Потто писал, что на Северном Кавказе «передовыми русскими форпостами, сменившими богатырей былинного эпоса, было наше казачество — явление беспримерное в истории народов, свойственное только нашей Руси» [18, с. 12].

До начала XIX в. для российского общества, в том числе для просвещенной ее части, Северный Кавказ, его жители и его природа оставались мало известной «terra incognita». Но вот в 1818 г. началась трагическая Кавказская война (мы не оговорились, Кавказская война началась именно в 1818 г., а не в 1817 г., как об этом продолжают писать везде и всюду). Кто-то когда-то совершенно необоснованно ввел в обиход утверждение, что начало Кавказской войны приходится на 1817 г. Но в том году не было на Кавказе никаких серьезных военных действий, кроме отдельных набегов и эпизодических мелких боевых стычек. Более того, командующий Кавказской армией генерал А. П. Ермолов составил свой план покорения Северного Кавказа лишь к осени 1817 г. (в ноябре отправил его в Петербург на утверждение царю). План был дополнен, уточнен и утвержден царем в марте 1818 г., и первым шагом в выполнении этого плана было строительство в том же году крепости Грозная в Чечне. Строительству пытались помешать восставшие чеченцы, вскоре к ним присоединились дагестанцы, а затем пламя вооруженных действий перекинулось на Кабарду. Так в 1818 г., началась Кавказская война, с ее началом численность российской армии увеличилась, на Кавказе оказались тысячи российских офицеров, среди которых были писатели, поэты и вообще люди передовых взглядов. После восстания декабристов на Кавказ были сосланы десятки осужденных за участие в тайных обществах.

Все эти люди отличались одной особенностью: у них не было предвзятого отношения к жителям Северного Кавказа. Они пытались узнать как можно больше о горцах, об их традициях, культуре и, главное, разобраться в причинах Кавказской войны. Именно передовые русские люди, одетые в солдатские шинели, ознакомили российское общество с Кавказом и его жителями в своих письмах домой, в своих произведениях.

Включение горских народов в состав России наложило неповторимый отпечаток на русскую культуру — литературу, искусство, общественную мысль. В процессе взаимообогащения российская культура расширила горизонты познания, внесла мощную струю новых впечатлений в жизнь народов Кавказа, в том числе, конечно, и в духовную жизнь. В сложной и глубоко противоречивой действительности того времени многостороннее влияние русской культуры значительно усиливало позитивные черты национальной культуры народов Северного Кавказа и ослабляло влияние феодальных порядков [7, с. 78].

Кавказ как «дивный край», населенный не «хищниками», а гордыми, свободолюбивыми, храбрыми горцами, открыл для русского общества великий русский поэт А. С. Пушкин. Известны слова В. Г. Белинского: «Грандиозный образ Кавказа с его воинственными жителями первый раз воспроизведен в русской поэзии. Только в поэме Пушкина в первый раз русское общество познакомилось с Кавказом, давно уже знакомым России по оружию. Мы говорим — в первый раз: ибо каких-нибудь двух строф, кроме довольно прозаических, Державинских, посвященных Кавказу, и отрывка из послания Жуковского к Воейкову, посвященного тоже довольно поверхностному описанию (в стихах) Кавказа, слишком недостаточно для того, чтоб получить какое-нибудь, хоть сколько-нибудь приблизительное понятие об этой поэтической стороне. Мы верим, что Пушкин с добрым намерением выписал в примечаниях к своей поэме стихи Державина и Жуковского и с полной искренностью от чистого сердца хвалит их: но, тем не менее, он оказал им через это слишком плохую услугу, ибо после его исполненных творческой жизни картин Кавказа никто не поверит, что в тех выписках шло дело о том же предмете» [4, с. 427].

Произведения Пушкина, Лермонтова, декабристов (Полежаева, Бестужева-Марлинского и многих других) способствовали распространению правильных представлений о Кавказе и его народах. Несмотря на некоторые встречающиеся неточности и противоречия, эти

люди были глубоко прогрессивны для своего времени. Они одними из первых отнеслись к горцам как братьям, нуждающимся в помощи и просвещении, призывали к развитию мирных контактов и к дружбе с ними, развитию образования и культуры. Они сочувственно относились к освободительной борьбе горцев, но были сторонниками присоединения Кавказа к России. Будучи против жестоких военных методов царизма при покорении края, они считали, что присоединить Кавказ нужно мирными средствами, путем развития торговли, просвещения, культурного сближения между горцами и русским населением.

Цивилизационное влияние России на развитие народов Северного Кавказа можно проследить на примере российско-чеченских отношений.

С окончанием Кавказской войны завершился длительный и сложный процесс присоединения Чечни к России. Появилась возможность для постепенного включения региона в хозяйственно-экономическую, культурную и административную систему России. И в этом плане в последней трети XIX — начале XX в. было действительно сделано много. Проходившие в то время широкие реформы (административная, экономическая, аграрная) были распространены и на Чечню.

И, самое главное, в конце XIX в. она была приобщена к таким отраслям промышленности, как добыча нефти, строительство железнодорожных магистралей, грунтовых, шоссейных дорог, мостов; в нарастающем темпе на территорию Чечни стал проникать промышленный и торговый капитал. Город Грозный (он получил этот статус в январе 1870 г.) начал превращаться в крупный промышленный и торговый центр на Северном Кавказе. На железной дороге и нефтяных промыслах стали работать отходники из чеченских сел. Уже к началу XX в. они составили 22% от общего числа нефтерабочих. Чеченцы, уезжая из своих сел в промышленные города северного Кавказа, изучали русский язык, некоторые — грамоту, знакомились с русской культурой, повышалась их гражданственность, менялось мировоззрение. Первые светские школы, библиотеки открылись в последней трети XIX в. Русский ученый П. К. Услар совместно с чеченцем Кадидосовым создал чеченскую грамматику, уже к концу XIX в. Владикавказское и Грозненское училища подготовили первые выпуски школьных учителей — костяк будущей светской чеченской интеллигенции. Российский капитализм, втягивая различные отрасли хозяйства Чечни

в товарное производство, подчиняя их нуждам капиталистического рынка, способствовал превращению региона в неотрывную часть целого народнохозяйственного организма Российской империи. Это влияние особенно наглядно проявилось к началу XX столетия. О том, что чеченцы с конца XIX в. относились к России как к своей большой Родине, говорят факты их участия во внешних войнах России вместе с другими народами империи: в русско-турецкой войне (1877–1878), русско-японской, первой мировой.

В 1917 г. в России произошла Октябрьская революция. Чеченцы, поверив, что им вернут отнятые при царе земли, что будут созданы условия для национального развития, поддержали большевиков. Во имя исторической справедливости, нельзя не отметить, что в советские годы власть сделала многое для развития культуры, науки, образования, экономики Чеченской (Чечено-Ингушской) Республики. В 1920–1930-е гг. была создана система современного школьного, средне-специального и высшего образования. К концу 1930-х гг. школы имелись в каждом населенном пункте, была ликвидирована всеобщая неграмотность. Преподавание в младших классах велось на родном языке, в 1938 г. на чеченском языке было издано около 40 учебников. К 1940 г. в республике работало 378 общеобразовательных школ, одновременно создавалась система среднеспециального и высшего образования (к концу 30-х гг. в республике работало 14 средне-специальных учебных заведения, 2 вуза — нефтяной и педагогический). Большое количество молодых чеченцев по целевому направлению проходили обучение в других вузах страны. В саму республику приехало большое количество русских специалистов, которые помогли в создании системы школьного и вузовского образования, в становлении науки и культурных учреждений. Так создавался государственный архивный фонд, научно-исследовательские учреждения, чеченский театр, библиотеки, органы печати, музей. О развитии литературы можно судить по тому, что в 1935 г. в Москве на русском языке вышел сборник «Поэты Советской Чечено-Ингушетии».

1920–1930-е гг. стали прорывом в промышленном строительстве республики: возникли современная нефтеперерабатывающая, химическая, машиностроительная отрасли. Однако все эти успехи в республике сопровождались и негативными процессами: репрессиями против интеллигенции, инженерно-технических кадров и партийно-советских работников. А в 1944 г. сталинский режим осуществил

страшное преступление (геноцид) против вайнахского народа — в феврале чеченцы и ингуши были депортированы без всяких оснований со своей родины в Казахстан и Среднюю Азию. В ходе депортации и в период пребывания в местах высылки (13 лет) погибло до 1/3 населения чеченского населения.

Президиум Верховного Совета СССР принял 9 января 1957 г. Указ «О восстановлении Чечено-Ингушской АССР в составе РСФСР» и с этого же года чеченцы стали возвращаться на свою историческую родину. Процесс этот растянулся на несколько лет, был плохо организован. Лишь к середине 1960-х гг. чеченцы в основном вернулись на родину и началось полноценное восстановление республики.

В 1960–1980-е гг. развитие Чечено-Ингушской АССР шло довольно противоречиво. С одной стороны, благодаря помощи Москвы, довольно быстро и хорошо развивалась промышленность, в том числе и перерабатывающая для сельскохозяйственной продукции. И в то же время под предлогом борьбы с национализмом существовали серьезные препятствия для развития национальной культуры, изучения национальной истории. К концу 1980-х гг. по количеству лиц, имеющих высшее образование и ученую степень, чеченцы отставали от всех народов Северного Кавказа и шли на одном уровне с чукчами и коряками. Вплоть до начала перестройки, в Республике не действовала ни одна мечеть. Все это порождало естественное недовольство у местного населения, тем не менее, вплоть до начала 1990-х Чечено-Ингушская республика оставалась самым спокойным и стабильным регионом СССР.

В 1991 г. действия деструктивных сил привели к распаду Советского Союза. Определенные политические силы в Москве при поддержке антироссийских кругов за рубежом взяли курс на развал и Российской Федерации и в качестве плацдарма для выполнения данной задачи решили использовать Чеченскую Республику. Так Республика оказалась вовлечена в трагические кровавые события, целью которых, повторяю, был развал России как единого государства. Чеченский народ ни в коей мере не был виновен в этих событиях. Напротив, претензии по поводу так называемых «чеченских событий» конца XX в. нужно предъявлять тогдашнему руководству Кремля: Ельцину, Березовскому и прочим. За то, что они оставили чеченский народ один на один с международными террористами и не защитили Чеченскую Республику как часть России. Это очень четко не раз

подчеркивал президент России В. В. Путин. Более того, в 1994 г. чеченский кризис можно было разрешить путем мирных переговоров. Чеченская сторона была к этому готова, но Ельцин и его окружение хотели «небольшой победоносной войны». Что из этого вышло, мы все знаем.

В то же время события 1990-х гг. очень четко показали, что Россия и Чеченская Республика очень тесно, неразрывно связаны многовековыми политическими, экономическими и культурными узами, разорвать которые невозможно.

Военные кампании 1994–1995 и 1999–2000-х гг. тяжелым катком прошли по нашей Республике. Были уничтожены города и населенные пункты, вся социальная инфраструктура. В этих сложнейших условиях Президент России В. В. Путин назначил Главой Администрации Чеченской Республики Ахмат-Хаджи Кадырова. Благодаря его огромной мудрости, мужеству, дипломатическому такту ему удалось остановить войну, объединить чеченский народ, начать восстановление разрушенной республики. После безвременной гибели отца 9 мая 2004 г. его курс и политику продолжил Рамзан Ахматович Кадыров. За несколько лет руководства Чеченской Республикой он совершил беспрецедентный прорыв: Республика была восстановлена, стала намного краше и лучше довоенной, к людям пришли мир и стабильность. Самое главное, молодому чеченскому лидеру удалось выстроить с Москвой, и, прежде всего, с В. В. Путиным, особо доверительные отношения, благодаря которым российское правительство даже в кризисных условиях всячески помогало и помогает восстановлению и дальнейшему развитию Чеченской Республики. Таким образом, отношения между Чеченской Республикой и Российской Федерацией вступили в качественно новый этап развития.

Завершить нам хотелось бы словами Президента России В. В. Путина: «Российский опыт государственного развития уникален. Мы многонациональное общество, но мы единый народ. Это делает нашу страну сложной и многомерной. Дает колоссальные возможности для развития во многих областях. Однако если многонациональное общество поражают бациллы национализма, оно теряет силу и прочность ... Нельзя насильно заставить быть вместе. И нельзя заставить жить вместе по расчету, на основе взвешивания выгод и затрат. Такие расчеты работают до момента кризиса. А в момент кризиса начинают действовать в обратном направлении.

Уверенность, что мы можем обеспечить гармоничное развитие политкультурной общности, опирается на нашу культуру, историю, тип идентичности.

Российская цивилизационная идентичность основана на сохранении русской культурной доминанты, носителем которой выступают не только этнические русские, но и все носители такой идентичности независимо от национальности. Это тот культурный код, который подвергся в последние годы серьезным испытаниям, который пытались и пытаются взломать. И тем не менее он, безусловно, сохранился. Вместе с тем его надо питать, укреплять и беречь» [20, с. 127].

Использованная литература:

1. Архив внешней политики Российской империи. Ф. 115. Оп. 1. 1756–1757 гг. Д. 6.
2. Архив внешней политики Российской империи. Ф. 115. Оп. 1. 1757. Д. 8.
3. Ахмадов Я. З. Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII в. Грозный: Изд-во Грозненский рабочий, 1991.
4. Белинский В. Г. Избранные сочинения. М.: ОГИЗ, 1947.
5. Бестужев-Марлинский А. А. Сочинения: В 6-ти т. Т. 1. М., 1958.
6. Величко В. Л. Кавказ. Русское дело и межплеменные вопросы // Держава. 1997. № 9. С. 57–64.
7. Документальная история образования многонационального государства Российского: В 4-х кн. Кн. 1.: Россия и Северный Кавказ в XVI–XIX вв. М.: Норма, 1998.
8. Заседателева Л. Б. Терские казаки. М.: Изд-во МГУ, 1974.
9. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.: В 2-х т. Т. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1957.
10. Караулов М. А. Терское казачество в прошлом и настоящем. Владикавказ: Электротпечатная тип. Терского областного управления, 1912.
11. Козлов С. А. Кавказ в судьбах казачества. СПб.: Лениздат, 1996.
12. Кульчик Ю. Г., Конькова З. Б. Нижнетерское и гребенское казачество на территории Дагестана: поиск путей выживания // Дагестан: нижнетерское казачество. М.: Наука, 1995. С. 3–11.
13. Лаудаев У. Чеченское племя // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 6. Тифлис: Тип. Главного управления Наместника Кавказского, 1872. С. 3–125.
14. Любавский М. К. Обзор истории русской колонизации. М.: Изд-во МГУ, 1996.
15. Мальцев В. Н. Казаки и горцы Северного Кавказа: проблемы становления и развития отношений в конце XVIII–XIX вв. // Кубанское

казачество: три века исторического пути: матер. междунар. науч.-практ. конфер. (23–27 сентября 1996 г., ст. Полтавская). Краснодар, 1996. С. 141–149.

16. Максимов Е. Терское казачье войско. Владикавказ: Тип. Обл. правления Терской области, 1890.

17. Писарев С. И. Трехсотлетие Терского казачьего войска. Владикавказ: Тип. Терского обл. правления, 1881.

18. Потто В. А. Два века Терского казачества. Ставрополь: Кавказская библиотека, 1991.

19. Ригельман А. История или повествование о Донских казаках. Ростов н/Д: Ростовское кн. изд-во, 1992.

20. Слова, меняющие мир. Ключевые цитаты Владимира Путина. М.: ПроектСеть.РФ, 2015.

21. Тотоев С. М. Взаимоотношения горских народов с первыми русскими поселенцами на Северном Кавказе // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Дзауджикау: Гос. изд-во Северо-Осетинской АССР, 1948. Т. 12. С. 137–148.

22. Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска: В 2-х т. Т. 1.: История края. Екатеринодар: Тип. Кубанского обл. правления, 1910.

Shakhrudin A. GAPUROV

Dr. Sci. (National History), Prof.,

President, Academy of Science of the Chechen Republic,
Head, Department of Modern and Contemporary History,

Chechen State University

Grozny, Russia

gapurov2011@gmail.ru

**“The Caucasus Was Captured by Pushkin’s Russia”:
History and Prospec of Centuries-Old Unity**

It’s noted that the most important factor in the process of joining the peoples of the North Caucasus to Russia was the Russian culture. First, these were the cultural contacts between the Cossacks and the North Caucasian mountaineers, which led to the creation of a unique Cossack-Mountain community. And then, in the first half of the XIX century there were the Russian writers, poets, Decembrists, Caucasian enlighteners which acquainted Russia with the Caucasus, and the Caucasus with Russia. It is outlined that cultural basis, which is also combined in spite of everything Russia and the Caucasus, is come. It is especially noted that those regions of the North Caucasus that have been in close contacts with the Russian population since the XVIII-th

century, the Russian culture-plain regions of Chechnya (Tersko-Sunzh interfluve), Dagestan, Kabarda, Karachay, not to mention Ossetia, have never fought against the Russian authorities. The article concludes that the poet Rasul Gamzatov had a full basis to write: "The Caucasus was captured by Pushkin's Russia"

Keywords: Russia, North Caucasus, Russian culture, culture of the peoples of the North Caucasus.

Г. Д. Грищенко*

Российская идентичность и политика идентичности как факторы сохранения культурного наследия и обеспечения национальной безопасности**

В статье обосновывается необходимость укрепления российской идентичности и доказывается ее значимость для сохранения культурного наследия и обеспечения национальной безопасности. В результате проведенного автором категориального анализа понятия идентичности была показана важность перехода от психологической трактовке идентичности к социологической. Установлено, что соответствует задачам нашего исследования понятие идентичности, данное в рамках символического интеракционизма, где делается акцент на теории социализации в качестве основы для теории идентичности. Идентичность трактуется не только как социально обусловленный результат диалектического взаимодействия Я и Мы по поводу культуры, ее обычаев и нравственных императивов, этнических и религиозных особенностей, и др., но и результат, достигнутый воспитательными практиками. В таком контексте целесообразно говорить о политике идентичности, реализуемой, прежде всего, государством. И здесь на первый план выходит популяризация культурно-исторического наследия.

* ГРИЩЕНКО Галина Дмитриевна, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории конфликтологии Федерального исследовательского центра Южного научного центра РАН, профессор кафедры философии и гуманитарных дисциплин Ставропольского государственного медицинского университета, Ставрополь, Россия. Электронная почта: dissovet@rambler.ru.

** Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта № 16-03-00038 «Технологии противодействия укреплению общероссийской идентичности как фактор рисков национальной безопасности».

Ключевые слова: идентичность, социальная обусловленность, воспитательный аспект, политика идентичности, историческое и литературное наследие.

В последние десятилетия современный мир столкнулся с серьезными глобальными вызовами, обусловленными как социально-экономическими, этнополитическими, культурно-конфессиональными изменениями, стремлением осмыслить эти процессы, а также искусно проводимой информационной войной. Одним из таких вызовов стало появление в динамично изменяющемся социуме множества социальных групп, которых традиционно относят к маргинальным, то есть группам, находящихся на границе различных социальных групп, культур, систем и испытывающий влияние их противоречащих друг другу норм, ценностей и т.д., в результате чего формируется мозаичное самосознание. Маргиналы вынуждены искать свое место в быстро меняющемся социальном мире. В результате актуализировалась проблематика идентичности.

Встречаясь с понятием «идентичность», возникает потребность задуматься над истоками одного из самых неясных терминов в современной социогуманитарной науке. Распространение в научном поле этого понятия связывают с психолого-антропологическими исследованиями Э.Г. Эриксона в 40–50-е гг. XX в. О сложности трактовки введенного им термина Э.Г. Эриксон писал: «Концепты идентичности скорее находятся в обыденном мышлении или, в любом случае, в словаре широкого круга читателей разных стран — не говоря уже об их появлении в карикатурах, которые отражают интеллектуальную моду» [12, р. 17–18].

Идентичность, согласно теории Эриксона, есть стержень, вокруг которого строится психосоциальное равновесие личности, которое дает ей ощущение устойчивости и непрерывности своего Я во времени и пространстве, ее включенности в социум, взаимопроникаемости личного и социально-принятого типов мировосприятия: «В молодом человеке мы видим зарождение уникального соединения телесного облика и темперамента, одаренности и ранимости, инфантильных моделей поведения и приобретенных идеалов — со свободой выбора, которая будет реализовываться в доступных социальных ролях, профессиональном поле, в рамках предлагаемых обществом ценностей, заповедей учителей, образцах дружбы и первых сексуальных контактах» [12, р. 18–19]. Такое понимание идентичности неиз-

бежно, по Эриксону, предполагает учет роли семьи, воспитательных практик и исторической ситуации в формировании идентичности.

Исходя из этого в содержание идентичности обычно включали специфику культуры, ее обычаи и нравственные императивы, особенности этнических и религиозных характеристик, специфику материально-экономической деятельности, конкретно-исторические способы организации социального опыта [11, с. 47–48]. Именно поэтому появились такие определения идентичности как «национальный характер» (М. Мид), «модальная личность» (К. Дьюбуа), «статусная личность» (Р. Линтон), «социальный характер» (Э. Фромм).

Наиболее оптимальным с точки зрения рассматриваемой проблематики целесообразно обратиться к социологической трактовке идентичности, данной в рамках символического интеракционизма Дж. Г. Мидом. Под идентичностью Дж. Мид понимает результат постоянного диалога между внутриспсихическим «Я» и социальным «Мы», формирующегося только при помощи других людей, отражая тем самым интересубъективный космос социального мира. Дж. Мид тем самым выделяет осознаваемую и неосознаваемую идентичность, где под осознаваемой — понимается «Я» как индивидуально-неповторимая реакция человека на социальную ситуацию, то есть как процесс сознательного рефлексивного построения Я-концепции; а под неосознаваемой — «Мы» как социально детерминированный человек, как «представитель общества в индивидууме», а именно, как воспринимаемый человеком комплекс социальных норм, ценностей, культурных привычек [9, с. 225].

Дж. Мид настаивал на социально обусловленном конструировании идентичности, считая ее не врожденным атрибутом человека, а необходимым условием включения индивида в социум, его социальные группы. Эту точку зрения Дж. Мида разделяли и П. Бергера и Т. Лукмана, утверждая: «Идентичность представляет собой феномен, который возникает из диалектической взаимосвязи индивида и общества» [3, с. 281]. Базируясь на положениях Дж. Мида о социальной обусловленности идентичности, П. Бергер и Б. Бергер акцент делают на теории социализации в качестве основы для теории идентичности. Формирование и развитие идентичности человека в процессе социализации предполагает его желание и возможность активно участвовать в поддержании определенного социального порядка при сохранении своей индивидуальности. Однако идентичность, по мнению

ученых, станет реальной для индивида, если его претензии на идентичность признаны другими [4, с. 88–89].

В контексте нами избранной проблематики следует обратиться к еще одному положению Дж. Мида: развитие идентичности идет по пути от неосознаваемой к осознаваемой. Но при слабости осознаваемой идентичности в условиях динамичности неопределенности и неоднородности социальных изменений появляется возможность «расщепления» идентичности человека [9], то есть его маргинальности, что в настоящее время и имеет место в современном обществе.

Итак, рассматривая идентичность как результат социального взаимодействия индивида и общества при приоритетности последнего, возникает потребность в целенаправленном воздействии социума на идентификационные процессы в целях сохранения социального единства, культурной самобытности и политической стабильности общества. Это нашло отражение в появлении в социальной практике и теории такого понятия, как «политика идентичности». Первоначально она возникает в США, где воспринималась как политика, направленная на интеграцию национального сообщества, формирование определенного представления о «нации», опирающегося на те или иные интерпретации «национальной» истории и культуры; на воспитания убеждения у граждан в том, что они составляют «единую нацию» и все вместе принадлежат к одному политическому сообществу. Ведь пока граждане государства стремятся к сохранению своей политической и культурной «особости», пока ставят свою национальную идентичность выше более узких этнических, классовых, конфессиональных или региональных принадлежностей, существует и нация [1]. Это находить отражение в политике обеспечения национальной безопасности.

Постепенно политика идентичности получает широкое распространение в Европе. Термин «identity politics» утверждается в рамках конструктивистской парадигмы анализа социально-политических изменений (П. Бурдьё, Т. Лукман) на волне подъема массовых социальных движений за права дискриминируемых социальных групп, первоначально употреблялся в значении «практики утверждения ущемленными в социальном статусе меньшинствами и группами, объединяющимися как носители особой идентичности (расовой, этнической, гендерной), права на общественное признание и легитимность [8].

Этот термин в 1990-е гг. начал использоваться и на постсоветском пространстве, хотя и недостаточно широко. В то же время после распада СССР российское общество столкнулось с комплексом социальных и ментальных сдвигов, определяемый как «кризис идентичности». Данный кризис был обусловлен не только необходимостью переосмысления представлений о «Нас» с учетом новых географических, политических и социальных границ, но и ростом геополитической конкуренции, острыми идеологическими конфликтами, которыми это переосмысление сопровождалось.

В наше время осуществление такой задачи государства, как обеспечить интеграцию населения постсоветской России в единое сообщество, затруднено как никогда, поскольку глобализация, как справедливо отмечает Р. Ле Коадик, с одной стороны, «ослабляет мощь национальных государств, которые отчасти утрачивают свою способность навязывать идентичность и узаконивать категории учета. С другой стороны, она сопровождается развитием миграций, которые по-новому ставят вопрос об идентичности» [5, с. 129]. Появление в результате миграционных процессов новых меньшинств усложнило и усугубило «многовековые противоречия между универалистскими принципами, объявленными американской, французской и русской революциями, и особенностями, связанными с национальной, этнической, религиозной, гендерной, «расовой» и языковой принадлежностью. Конфликты, обусловленные поиском идентичности, ... стали повсеместным явлением...». Такую оценку процессам в глобализирующемся социуме дала Сейла Бенхабиб [2, с. XXXI.].

Кроме этих общеуниверсальных факторов, обусловивших противоречивость политики идентичности, проводимой в современной России, необходимо учитывать и собственно российские. Так, это выбор основания идентификации сообщества, стоящего за российским государством, то есть ответ на вопрос: «Как Нас называть?». На этот счет нет единого мнения. В современном политическом лексиконе есть разные обозначения: «многонациональный народ Российской Федерации», «граждане России», «россияне», «русские» и др. В последнее время стала обсуждаться идея о принятии закона о российской нации [10]. Очевидно права О. Ю. Малинова, полагающая, что за этими терминологическими различиями стоят когнитивные и мировоззренческие противоречия, которые усугубляют синдром «кризиса идентичности» [6]. Поиски ответа на данный вопрос следует искать в истории

становления и развития государственности на территории нашей страны. И здесь, видимо, необходимо более корректно подходить к историческому наследию, содержащемуся в архивах, официальных документах и т.п., в том числе к юбилейным датам, например таким, как 100-летие со дня Октябрьской революции либо 100-летие со дня расстрела царской семьи; или к названиям фильмов о значимых вехах нашей истории: в частности стоило ли использовать название «Викинг» для фильма о Владимире-крестителе!?

Другим не менее важным аспектом проблемы политики идентичности стал вопрос о том, «Кого к Нам относить?», то есть вопрос о критериях принадлежности к сообществу, стоящему за российским государством. Согласно Конституции РФ — это граждане Российской Федерации. Но в официальном обороте есть еще два понятия — «соотечественники» и «русский мир». Однако оба эти понятия указывают на людей, которые проживают за рубежом, но по основаниям языка, культуры и иным узам связаны с понятием «Мы». Наличие данной системы категорий задает неопределенность этого аспекта политики идентичности [7]. Ответ на поставленный вопрос может помочь великая русская литература, литература народов, населяющих нашу страну. Это не только А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, Т. Г. Шевченко, К. Л. Хетагуров, но и Муса Джалиль, Чингиз Айтматов, Даниил Гранин и другие выдающиеся литераторы. Проблема популяризации литературного наследия — это задача не только школы, но различных общественных организаций, в том числе национальных сообществ. Любая памятная дата того или иного писателя, поэта, и не только официально «раскрученного», как например А. И. Солженицына, но и, например, такого выдающегося литератора, как Кайсына Кулиева, которому 1 ноября 2017 г. исполнилось 100 лет со дня рождения, должна стать яркой вехой в развитии духовной жизни российского общества, неотъемлемой частью политики идентичности, без чего говорить о развитии и укреплении российской идентичности бессмысленно.

Таким образом, политика идентичности, которую российское государство проводит последние десятилетия с целью интеграции населения постсоветской России в единое социокультурное сообщество, обеспечения национальной безопасности характеризуется неопределенностью, непоследовательностью, нередко противоречивостью, что не способствует решению тех проблем, которые призвана устранить политика идентичности — обеспечить укрепление российской иден-

тичности как основы сохранения богатейшего культурного наследия и обеспечения национальной безопасности.

Использованная литература:

1. Ачкасов В.А. Политика идентичности в современном мире [Электронный ресурс] // Вестник СПбГУ. 2013. Сер. 6.: Политология. Международные отношения. Вып. 4. С. 71–77. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-identichnosti-v-sovremennom-mire> (дата обращения 08.05.2018).
2. Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М.: Логос, 2003.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М.: Academia-Центр; Медиум, 1995.
4. Бергер П. Л., Бергер Б. Социология: Биографический подход // Личностно-ориентированная социология. М.: Академический проект, 2004. С. 93–102.
5. Ле Коадик Р. Мультикультурализм // Филиппова Е. Французские тетради. Диалоги и переводы. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2008. С. 125–149.
6. Малинова О. Ю. Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России [Электронный ресурс] // Политическая экспертиза. 2010. Т. 6. № 1. С. 5–28. URL: <http://www.vz.ru/politics/2016/10/31/841161.html> (дата обращения 28.06.2018).
7. Малинова О. Ю. Политики идентичности в постсоветской России // ПостНаука. 2015. 30 авг. URL: <https://postnauka.ru/video/51378> (дата обращения 18.06.2018).
8. Мартыанов В. С. Конфликт идентичностей в политическом проекте Модерна: мультикультурализм или ассимиляция? // Идентичность как предмет политического анализа. М.: Ин-т мировой экономики и международной экономики РАН, 2011. С. 41–42.
9. Мид Дж. Интернализированные другие и самость // Американская социологическая мысль: тексты. М. Изд-во МГУ, 1994. С. 222–227.
10. Резчиков А. Путин поддержал идею «закона о российской нации» [Электронный ресурс] // Взгляд: деловая газета. 2016. 31 окт. URL: <http://www.vz.ru/politics/2016/10/31/841161.html> (дата обращения 01.02.2018).
11. Симонова О. А. К формированию социологии идентичности // Социологический журнал. 2008. № 3. С. 41–61.
12. Erikson E. H. Life History and Historical Moment. N.Y.: Norton, 1975.

Galina D. GRITSENKO

Dr. Sci. (Religious Studies, Philosophical Anthropology, Philosophy of Culture), Prof., Chief Researcher, Department of Conflict Management, Federal Research Center Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Stavropol, Russia
dissovet@rambler.ru.

**Russian Identity and Identity Policy
as Factors of Preservation of Cultural Heritage
and Ensuring National Security**

The article substantiates the need to strengthen Russian identity, proves its importance for the preservation of cultural heritage, ensuring national security. As a result of the author's categorical analysis of the notion of identity, the importance of the transition from the psychological interpretation of identity to the sociological one was shown. It is established that the concept of identity, given in the framework of symbolic interactionism, corresponds to the tasks of this research. It focuses on the theory of socialization as the basis of the theory of identity. Identity is treated as a socially conditioned result of the dialectical interaction of the I and We with regard to culture, its customs and moral imperatives, ethnic and religious characteristics, etc. Identity is also interpreted as a result achieved by educational practices. In this context, it is advisable to talk about an identity policy implemented primarily by the state. And here, the popularization of the cultural and historical heritage comes to the forefront.

Keywords: *identity, social conditioning, identity, educational aspect, identity politics, historical and literary heritage.*

Культурное наследие народов Дагестана как фактор гармонизации межнациональных отношений

Как известно, культура передается посредством языка. Родной язык — это средство сохранения и трансляции культуры, истории, традиций народа и преемственности поколений. В Дагестане особое место принадлежит культурному наследию, которое выполняет консолидирующую функцию, объединяет разноязычные дагестанские народы в одну дружную семью. В настоящее время роль духовного фактора в сохранении дагестанских языков и культур имеет большое значение. От состояния духовной культуры во многом зависят поддержание межэтнического согласия, ведение плодотворного межнационального диалога и равноправное развитие языков и культур народов Дагестана.

Ключевые слова: культура, дагестанские языки, двуязычие, фольклор, глобализация, культурное наследие.

Современный Дагестан представляет собой поликультурный и многоязычный регион, где на относительно небольшой территории представлено 14 письменных и 18 бесписьменных языков.

Одна из самых острых проблем современности — проблема сохранения национальных культур, особенно культур малых народов.

В последние годы значительно повысился интерес к прошлому своего народа, его истории, самобытному богатому духовному наследию. Совсем недавно не могло быть и речи о «древности» культуры, особенно так называемых «младописьменных» народов. В школах учили, что и культура и литература народов Дагестана формировались лишь после Октября. Однако наука не стоит на месте, усилиями наших ученых сегодня намного расширены границы и исторические глубины научных исследований. В Институте языка, литературы и искусства имени Г. Цадасы Дагестанского научного центра РАН созданы истории литератур народов Дагестана, подготовлены к изданию «Свод памятников фольклора народов Дагестана» в 20 томах в объеме до 30

*

МАГОМЕДОВ Магомед Ибрагимович, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела грамматических исследований Института языка, литературы и искусства имени Г. Цадасы Дагестанского научного центра РАН, заслуженный деятель науки Республики Дагестан, Махачкала, Россия. Электронная почта: rafrus1@yandex.ru.

печатных листов каждый. Первые шесть томов уже изданы в Москве в издательстве «Наука» (см.: [5], [6], [7], [8], [9], [10]). Представляется особенно ценным то, что тексты этих изданий готовятся к изданию на языке оригинала и в переводе на русский. В своих исследованиях ученые все больше и больше проникают в глубь истории, к истокам.

Знание своей истории и культуры края, прежде всего, облагораживает человека духовно, помогает ему в осознании связей родного уголка с большой Родиной, с ее прошлым и настоящим. Без знаний о жизни предков, об их трудовых и боевых свершениях нельзя воспитывать у подрастающего чувства любви к родной земле и гордости за своих земляков. В 1990-е гг. в условиях смены модели общественного развития усиливается внимание к национальному образованию и в школах республики вводится новый предмет — «История Дагестана». В курсе данного предмета предусматривается получение системных знаний по материальной и духовной культуре дагестанцев. Главное — целенаправленно воспитывать в юных душах любовь к отчому краю, добрые чувства к народам, населяющим наш горный край.

Сохранение духовной культуры — это творческий процесс овладения нравственными, эстетическими, культурными и духовными ценностями предков. Изучая произведения писателей, сохраняя семейные традиции и воспитывая любовь и уважение к старшему поколению, мы можем сохранить общечеловеческие ценности. Знать свои корни очень важно, так как, во-первых, если знаешь свои истоки, то лучше понимаешь родных и самого себя — легче найти общий язык с близкими людьми, когда известно, что вас объединяет; во-вторых, история семьи тесно переплетается с историей родного края. Из множества родословных складывается и история государства. Поэтому исследования способствуют воспитанию патриотизма, уважения и любви к родной культуре и к своей Родине [3, с. 339].

Устное народное творчество уходит своими корнями в незримое прошлое. Художественные традиции ранних общественных формаций исключительно устойчивы и живучи. В каждую историческую эпоху сосуществовали произведения более или менее древние, трансформированные, а также вновь создаваемые. В совокупности они образовали так называемое народное творчество, то есть музыкально-поэтическое творчество, творимое и передаваемое каждой этнической средой из поколения в поколение устным путем. Если история освещает цепь событий, происходящих в обществе, через факты,

то восприятие народом этих событий воссоздается в фольклоре в их художественном отражении. Таким образом народы сохраняли в памяти все, что отвечает их жизненным потребностям и настроениям. Духовная и материальная культура народов, неразрывно связанная с природой, и богатая на события история отражены в устном народном творчестве народов Дагестана, в том числе песенном искусстве [1, с. 206].

Одним из важнейших направлений государственной политики в Республике Дагестан является сохранение культурного наследия и развитие творческого потенциала народов, сохранение народных и этнических культур, развитие самодеятельного художественного творчества, художественных промыслов и народных ремесел, развитие и модернизация сети культурно-досуговых учреждений.

В Республике Дагестан оказывается всемерная поддержка национальным самодеятельным коллективам, популяризируются лучшие образцы народного искусства, проводятся крупные международные, межрегиональные, республиканские фестивали, праздники, конкурсы по вокально-хоровому, хореографическому, театральному, фольклорному, инструментальному жанрам, различные обучающие мероприятия — курсы, семинары, практикумы, стажировки с целью повышения квалификации культработников, занимаются разработкой методических пособий, рекомендаций и т.д.

Государственная поддержка развития народного творчества в республике выражена в принятых и успешно реализуемых мероприятиях по изучению, возрождению и развитию творчества народов, по развитию культуры и искусства Республики Дагестан.

Важнейшее значение для укрепления межнационального согласия имеет приобщение к культуре и традициям другого этноса. Этой задаче отвечает проведение республиканских Дней национальных культур, фестивалей, праздников национальных культур, конкурсов по развитию народного творчества. К наиболее значимым из них нужно отнести создание во всех районах республики центров по этнической культуре, которые находятся в тесном взаимодействии с администрациями муниципальных районов, совместно решая целый комплекс этнокультурных и социальных вопросов. По охвату выполняемых задач центры по этнической культуре Дагестана можно назвать комплексными, так как в сферу их интересов входит: сохранение историко-архитектурных памятников, языка, традиций народа, проведение

мероприятий в области национальной культуры и искусства, создание условий для культурного развития местного населения, просвещения, организация музейной деятельности и т.д. По своей сути центры аккумулируют деятельность государственных и муниципальных органов власти с национальными общественными организациями по направлению сохранения и развития культуры и традиций той или иной национальности. Центры ведут работу со всем населением республики и имеют большое значение для воспитания подрастающего поколения.

Важным является и тот факт, что все центры находятся в сельской местности, где существует сложная взаимосвязь социума, природы и культуры. Национальные устои традиционно сильны на селе. Часто именно сельская местность выступает в роли главного хранителя истории, вековых традиций и обычаев, народной мудрости, а также объектов духовного, культурного и народного наследия. Следовательно, создание центров имеет эффект двойного действия: сохранение национального достояния и оказание экономической поддержки району, где расположены центры этнической культуры, то есть осуществление духовно-культурных и материальных преобразований придает серьезный импульс развитию сельской местности.

Следует сказать, что историко-культурные центры в Дагестане — это не только музейные, познавательные, культурные комплексы, селения, знаменитые места в традиционном понимании, а формы самоорганизации населения для удовлетворения своих национальных потребностей на проживаемой территории, где человек имеет возможность обучаться на родном языке, изучать историю своего народа и края, постигать его культурные устои, принимать активное участие в возрождении национальных ценностей и благоустройстве родной местности. Именно через приобщение к народным истокам воспитывается патриотизм, бережное отношение к культуре, уважение к иным национальным характерам и формируется гармонично развитая личность.

В глобализирующемся мире, с одной стороны, происходят постоянная диффузия и взаимопроникновение культур, а с другой — возрастает их дифференциация, и чем сильнее процессы глобализации, тем востребованней оказывается локальная специфика.

В Дагестанском научном центре проводится довольно много научных мероприятий и исследований, которые включают в себя как международные и всероссийские научно-практические конференции,

так и обсуждения вопросов межнационального развития в республике Дагестан. Гармонизации межнациональных отношений в республике способствует проведение конференций, направленных на возрождение исторической памяти и развитие культурных традиций.

Очень эффективным средством в деле сохранения культур народов республики является проведение народных праздников, в которых участвуют представители всех национальностей Дагестана. Такие яркие самобытные праздники являются примерами поистине «народной дипломатии» в деле сближения и взаимопонимания народов.

Мировая культурная практика свидетельствует, что далеко не всегда и не везде ценности одной культуры оказываются полезными для других культур, для их прогрессивного развития. Однако на опыте Дагестана можно убедиться в том, что в современном бытии культур национальные ценности, «опирающиеся на собственные силы», на собственный культурный архетип и традиции, в то же время, открытые к общению и взаимодействию с чужими культурными ценностями могут получить качественно новое содержание.

Таким образом, можно убедиться, что в Дагестане сегодня, при активной поддержке государственных органов власти, создаются наиболее благоприятные условия для развития народного творчества, что, в свою очередь, оказывает положительное влияние на сохранение национальных культур всех народов нашей республики.

Большую работу по сохранению и развитию языков и культур народов Дагестана проводит Институт языка, литературы и искусства имени Г. Цадасы Дагестанского научного центра РАН.

Народы Дагестана имеют богатое фольклорное наследие. Ведущее место в устно-этническом творчестве занимают эпические произведения. Большое место в фольклоре занимают сказки.

Художественно-поэтическое дарование народов Дагестана получило яркое выражение в народных песнях. В исторических песнях раскрываются события, отражающие борьбу против иноземных захватчиков, повествуется о подвигах защитников народа. В истории развития духовной культуры народов Дагестана значительное место занимают народные музыкальные инструменты. В глубину веков уходят исторические сведения о древнейших музыкальных инструментах, таких как агач-кумуз, пандур и т.д.

Что касается современной языковой ситуации в Дагестане, то необходимо отметить, что она вызывает серьезную тревогу. Из года

в год сужаются сферы влияния родных языков. О недостаточном использовании дагестанских языков в сфере образования говорит тот факт, что до сих пор отсутствуют какие-либо нормы по использованию родных языков в дошкольных образовательных учреждениях Республики Дагестан, что противоречит концепции полилингвального образования, одобренной Правительством России, которая предполагает обязательное введение родного языка, начиная с младшей группы дошкольных образовательных учреждений. Следует также законодательно закрепить пункт об обязательном введении родного языка для изучения на всех факультетах в вузах Республики Дагестан. Необходимо также ввести ЕГЭ по родным языкам для всех выпускников дагестанских школ. Что касается дошкольных образовательных учреждений, то по закону допускается создание детских садов (и других образовательных учреждений), функционирующих на родном языке по инициативе национально-культурных обществ. Пока, к сожалению, нет системного, глубокого исследования анализа причин постепенного сужения сфер употребления дагестанских языков и снижения уровня владения родным языком [2, с. 60].

Использование дагестанских языков в системе образования должно найти свое отражение в целевых долгосрочных и краткосрочных Программах по сохранению и развитию языков народов Республики Дагестан. Ученые нашего института разработали программу по сохранению и развитию дагестанских языков. Однако наши старания и предложения остаются гласом вопиющего в пустыне.

В письмах, обращенных в органы государственной власти Республики Дагестан, предлагалось участие ученых в разработке научной составляющей целевых программ, однако до сих пор наша помощь не востребована.

К сожалению, до сих пор не принят закон «О языках народов Дагестана», где можно было бы предусмотреть меры по сохранению и развитию языков народов Дагестана. Важными представляются также разработка и финансирование республиканских целевых программ, реализация которых приведет к изданию художественной, научной, учебной и учебно-методической литературы на языках народов Дагестана.

Необходимо уделить серьезное внимание воспитанию и обучению в детских дошкольных образовательных учреждениях, а также

подготовке специалистов, работающих в области сохранения и развития языков народов Дагестана.

Приведенный выше подход дает возможность одновременно сохранить фундаментальные образовательно-воспитательные функции родного (первого) языка, при этом специфически усиливая роль русского языка, делая его активным посредником при функционировании родного языка (первого) и эффективным катализатором диалога культур [4, с. 36].

Для формирования родной речи и языковой культуры, необходима языковая среда — дети должны постоянно слышать родную речь. Однако эфирное время на родных языках мизерное: в Республике Дагестан на радиовещание на национальных языках выделяется около получаса ежедневно, на телевещании — всего по одному часу в неделю.

Для полноценного развития родные языки должны стать языками фильмов, мультфильмов, интернета, современной качественной литературы и цифрового телевидения и т.д.

Язык любого народа — наиболее эффективное средство сохранения и развития его культурного и духовного наследия. Это представляется особенно актуальным сегодня, когда передается забвению духовное наследие нации.

Использованная литература:

1. Магомедов Д. М. Актуальные проблемы функционирования дагестанских языков // Гуманитарная наука Юга России: международное и региональное взаимодействие: матер. II междунар. науч. конфер. (14–15 сентября 2016 г., г. Элиста). — Элиста: Калмыцкий ин-т гуманитарных исследований, 2016. С. 205–206.

2. Магомедов Д. М. Языковая жизнь полиэтнического Дагестана: взаимодействие русского и дагестанских языков // Россия и Восток: взаимодействие стран и народов: тр. X всерос. съезда востоковедов, посвящ. 125-летию со дня рождения Ахмет-Заки Валиди Тогана (7–10 октября 2015 г., г. Уфа). Кн. 2. Уфа: Ин-т истории, языка и лит-ры Уфимского науч. центра РАН, 2015. С 59–61.

3. Магомедов М. И. Гуманитарный Дагестан: язык, культура, образование. Махачкала: АЛЕФ, 2013.

4. Магомедов М. И. Русский язык в многоязычном Дагестане. Функциональная характеристика. М.: Наука, 2010.

5. Свод памятников фольклора народов Дагестана: в 20-ти т. Т. 1.: Сказки о животных / под ред. акад. Г. Г. Гамзатова. М.: Наука, 2010.
6. Свод памятников фольклора народов Дагестана: в 20-ти т. Т. 2.: Волшебные сказки / под ред. акад. Г. Г. Гамзатова. М.: Наука, 2011.
7. Свод памятников фольклора народов Дагестана: в 20-ти т. Т. 3.: Бытовые сказки / под ред. акад. Г. Г. Гамзатова. М.: Наука, 2013.
8. Свод памятников фольклора народов Дагестана: в 20-ти т. Т. 4.: Мифологическая проза / под ред. акад. Г. Г. Гамзатова. М.: Наука, 2012.
9. Свод памятников фольклора народов Дагестана: в 20-ти т. Т. 5.: Героический и героико-исторический эпос / под ред. проф. М. И. Магомедова. М.: Наука, 2014.
10. Свод памятников фольклора народов Дагестана: в 20-ти т. Т. 6.: Обрядовая поэзия / под ред. проф. М. И. Магомедова. М.: Наука, 2017.

Magomed I. MAGOMEDOV

Dr. Sci. (Languages of the Peoples of the Russian Federation
(Caucasian languages), Prof. Chief Researcher,
Department of Grammatical Studies,
Institute of Language, Literature and Art,
Dagestan Scientific Centre, Russian Academy of Sciences,
Makhachkala, Russia
rafrus1@yandex.ru

The Cultural Heritage of the Peoples of Dagestan as Factor of Harmonization of Interethnic Relations

As it is known, culture is transmitted through language. The native language is a tool for the preserving and transmission of the culture, history and traditions of a people and the continuity of generations. In Dagestan a special place belongs to the cultural heritage, which performs a consolidating function and unites the multilingual Dagestani peoples into a one harmonious family. At present, the spiritual (moral and intellectual) factor in preserving Daghestanian languages and cultures is of great importance. The maintenance of interethnic harmony, effective interethnic dialogue and equal development of the languages and cultures of the peoples of Dagestan largely depend on the state of spiritual (moral) and intellectual culture.

Keywords: culture, Daghestanian languages, bilingualism, folklore, globalization, cultural heritage.

Новые коммуникативные стратегии медиатрансляции сохранения культурного наследия

Трансляция культурного наследия сегодня обретает новые черты по сравнению с «классическим» пониманием. В статье дается обоснование необходимости поиска и изучения новых коммуникативных стратегий медиатрансляции информации на тему культуры; делается краткий обзор исследований реакции потребителя медиа на освещение темы культурного наследия; уделено внимание особенностям языкового оформления материалов, композиционным характеристикам; акцентируется внимание на необходимости изучения реакции аудитории, представлены оригинальные результаты, а также попытка разработать оптимальную модель эффективного диалога автора и читателя/зрителя. Отмечается, что исследования медиатекстов и вопросов их восприятия проводилось на кафедре теории журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета в рамках научного направления кафедры и магистерской программы «Журналистика и культура общества».

Ключевые слова: культурное наследие, медиатекст, коммуникативные стратегии, медиа-исследование, тренировочный мониторинг.

Немало исследователей и журналистов-практиков указывают на уменьшение интереса и внимания к теме культуры, культурного наследия. Телеведущий, писатель Александр Архангельский в одном из интервью говорил о том, что подобные телепередачи на канале «Культура» смотрит не более восьми процентов телезрителей.

Вместе с тем появляется много новых форм трансляции культурных ценностей (журналы, телепередачи, блоги), что говорит о востребованности информации данной сферы. Культура и культурные ценности в нашем обществе тоже «ищут» себе совместимые ниши, переходя в другие формы.

Анализ литературы и источников показал: работ на тему культуры и ее освещения в СМИ много, а вот деятельность региональных организаций остается малоизученной специалистами и журналистами-практиками. Малоизученной остается и восприятие материалов на тему культуры аудиторией, которая тяготеет к данной тематике

* ГРИШАНИНА Анастасия Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории журналистики и массовых коммуникаций Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия. Электронная почта: a.grishanina@spbu.ru.

либо смотрит телепередачи, что называется, «по зову души». В некоторых редакциях тему культурного наследия откровенно называют «немодной», неприбыльной. При составлении программы исследования и его проведении автор опирался на труды Т. Д. Зырянова [2], Г. В. Кузнецова [3], В. Ф. Познина [5], Г. С. Прожико [6], А. Г. Соколова [7].

Само понятие «культурное наследие» не имеет однозначного толкования в словарно-справочной литературе. Необходимо отметить, что оно закреплено в нормативных документах [8], важен еще и тот факт, что авторы научных трудов на эту тему «причисляют» зачастую тему культуры исключительно к развлекательным СМИ.

Цель исследования определялась, исходя из запросов журналистов-практиков по поводу необходимости определения современных и востребованных коммуникативных стратегий построения журналистского материала на тему трансляции «культурной тематики». Поставленные задачи сводились к следующим: на основе тренировочного мониторинга выявить те программы, которые аудитория соотносит с понятием «культурное наследие», затем полученные данные использовать для анализа медиатекстов о культурном наследии на предмет используемых в них приемов и средств воздействия; провести качественный и количественный анализ текстов сетевых диалогов читателей/зрителей с авторами (комментарии к телепередачам на страницах данных СМИ в социальных сетях); выявить основные составляющие эффективной модели взаимодействия автор и зритель на тему культурного наследия; сделать попытку создать оптимальную модель построения материала, как основу для эффективного диалога автора и зрителя в документальной программе, освещающей тему культурного наследия.

В начале 2018 г. на кафедре теории журналистики и массовых коммуникаций Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» Санкт-Петербургского государственного университета проведены исследования по проблеме современного понимания взаимодействия «автор — читатель (зритель)» в медиа на тему культуры. Тематика и сфера научной работы определялась в соответствии с направлением магистерской программы «Журналистика и культура общества» и запросами работодателей (СМИ, общественные организации, информационные агентства).

Выявлено, что понятие культурного наследия не однозначно воспринимается аудиторией СМИ. Отчасти это связано с тем,

что сегодня массмедиа-материалы о культуре стремятся объединять традиции и новации, ищут новые способы привлечения и удержания читателя-зрителя. Авторы нуждаются в информации о способах и моделях, востребованных с учетом запросов аудитории. Что современный зритель думает о культурном наследии и вообще о культуре? Подтверждается ли мнение отдельных исследователей, что материалы на тему культуры и культурного наследия, в частности, не являются востребованными у аудитории СМИ? Эти вопросы легли в основу социально-психологического опроса аудитории как участника диалога «автор-зритель» журналистских и рекламно-информационных произведений о культурном наследии.

В последнее время появилось много новых форм трансляции культуры и культурного наследия: телеканал «Спас», интернет-канал «Союз», журналы «Фома», «Континент», «Мусульманка», интернет-журнал «Арзамас», портал «Полка», программы телеканала «Моя планета», телеканал «Пятница» и др. Как аудитория воспринимает новые форматы? Каким образом среда потребления информации влияет на саму аудиторию?

Представление аудитории СМИ о культурном наследии «не всегда совпадает с тем, как данный термин и понятие определяются в нормативных документах, законодательных актах, словарно-справочных источниках. Чтобы создавать эффективные медиатексты, необходимо точно знать, на кого они рассчитаны» [1, с. 154]. Среди самых востребованных приемов и методов медиаисследований на сегодня, по мнению автора, можно назвать наблюдение, мониторинг, тренировочный мониторинг, интент-анализ. Эти методологические приемы пришли в медиа из социологии, психологии, отчасти педагогики и стали популярными, так как не требуют больших затрат, объемных временных промежутков исследования, просты в подсчетах и могут быть показательными в работе с будущими специалистами (студентами).

Прием позволил получить первичные сведения по интересующей проблеме и наметил направления исследования. Респондентам было предложено ответить на вопрос: что такое культурное наследие? По условиям исследования, мы не задавали наводящих вопросов, не ограничивали участников по части выражения и формы написания ответа. Поэтому, при анализе результатов мы руководствовались тем, что выделяли ключевые слова в каждом ответе респондента, которые, на наш взгляд, наиболее точно отражали мне-

ние участника по заданной теме. Итогом стал подсчет количества одинаковых ответов («ключевых» слов).

Результаты исследования представлены в таблице. Варианты, в сумме одинаковых ответов набравшие наименьшие голоса, не указываются.

Таблица 1

**Тренировочный опрос-мониторинг:
«Что такое культурное наследие?»**

Ключевые слова по ответам респондентов	% от общего числа респондентов
Народ, этнос, общество, человек, семья, страна (примерно равное количество назвавших)	49
Культура	48
Передача из поколения в поколение	30
Временные рамки (конкретный период)	28
Ценности	25
История	24–25
Традиции	21
Искусство	20
Архитектура	20
Духовное	20–21
Сохранение	19
Материальное	15
Памятники, скульптуры	14

Как видим, в первую очередь респонденты определили культурное наследие через «человека» и «общность» по различным признакам. Маркерами стали категории «культура», «передача из поколения в поколение», «временные рамки» (исторический контекст).

А вот понятие «ценность», которое ложиться в основу культуры и культурного наследия, по мнению ученых, исследователей, законодателей, у аудитории оказывается лишь на четвертом месте. Это может говорить о проблеме деформации восприятия культурного наследия массовой аудитории (предварительные выводы).

Возможно, автор «порождает» неграмотного и некомпетентного читателя, а читатель своим отсутствием интереса и иногда пони-

мания темы «заставляет» автора нацеливаться на рейтинги, а не на информирование и просвещение аудитории. Поэтому журналисты, освещающих тему культурного наследия, должны с большей внимательностью подходить к созданию материала, выбору способов и методов донесения информации. такая постановка вопроса становится темой для дальнейших исследований медиатекста.

Опираясь на основные черты культуры, понятие «культурное наследие» проанализировано по трем позициям. Исследователи в большинстве своем рассматривают это понятие с историко-филологической точки зрения, поэтому, на наш взгляд, их мнение сходится с мнением теоретиков о значении слова «культура». Так, культурное наследие приобретает признаки, лежащие в основе представлений о культуре по типу: «Ценность — это Солнце, а человек, его деятельность, творчество, личность, общество, религия, мораль, образование, этика — вращающиеся вокруг него планеты».

Аудитория придерживается тех же взглядов, что теоретики и законодатели, однако ключевая идея о роли ценности в формировании культурного наследия, не входит в список распространённых ответов респондентов. В век глобализации, смены культурных и традиционных парадигм такая реакция кажется вполне очевидной. К этому добавляется неизменная размытость границ в семантике. Исследуемое нами понятие каждый человек понимает по-своему.

В связи с этим важной становится задача журналиста по реализации в СМИ темы культурного наследия. От того, как он построит свой материал, то есть о того, какое драматургическое решение выберет, зависит усвоение, осознание и интерес аудитории к этой теме.

Мнение аудитории о произведениях и их авторах составлено из данных тренировочного мониторинга (мониторинг здесь понимается как деятельность по сбору и обработке данных, которые могут быть использованы для последующего анализа с целью улучшения процесса принятия производственных и управленческих решений; тренировочным он называется потому, что критерии отбора вопросов не четко структурированы, могут быть «предисловием» к другим или параллельным исследованиям).

Использование подобного метода в случае отбора контента и эмпирического материала позволяет сделать вывод о предпочтениях аудитории, ее потребностях, что способствует чистоте эксперимента.

Респондентами являлись студенты и слушатели подготовительных курсов, их друзья, родственники, соавторы по профессиональной деятельности, группы общения в социальных сетях, а также работники театральной и кино-сферы, которые выступали в качестве ньюсмейкеров. Иными словами, репрезентативность выборки на первом этапе исследования, который описывается в данной статье не была соблюдена в полной мере. Одним из важных факторов отбора респондентов стала мотивация (интерес) к теме культуры и к самим исследованиям.

Был задан вопрос: какие материалы (СМИ) отражают тему культурного наследия? Ответы давались произвольно, они представлены по степени убывания в процентном отношении ко всем опрошенным:

Таблица 2

Отражение темы культурного наследия в материалах СМИ

Новости культуры на основных телеканалах	20
«Арзамас» (без уточнения типа СМИ)	18
«Орел и решка»	16,5
Портал «Полка»	10
«Непутевые заметки»	7
Нешнл Географик на youtube.com	7
Нешнл Географик на ТВ	6
Журнал «Вокруг света»	6
Канал «Культура»	4
Телеканал «Моя планета»	4
Исторические телефильмы и сериалы	2
Журнал «Континент»	1,5

Исследование показало: некоторые позиции в ответах не являются программами о культурном наследии в понимании специалистов, однако зрители причисляют их к таковым.

Выявлены мировоззренческие сложности в процессах взаимодействия аудитории и авторов. Человек стремительно отходит от пассивного потребления культурной информации, он не просто созерцает культурные ценности, но и активно пользуется ими. Одновременно в общественной жизни россиян происходит преобразование

национального сознания, предпринимаются попытки духовно-эстетического созидания.

Чтобы узнать, что думает зритель о медиатекстах на тему культурного наследия, мы обратились к обратной связи аудитории в Интернете. Количество просмотров, комментарии, знаки внимания в социальных сетях, количество лайков и дизлайков, или же их отсутствие свидетельствуют о том, какое влияние оказал журналистский материал.

Проведен контент-анализ и содержательный анализ комментариев в Сети, а также интент-анализ текстов-откликов аудитории, которая является одновременно потребителем медиапродукции и пользователем страниц социальных сетей. Анализ содержания комментариев к видео выявил те интенции (намерения), которые демонстрировали телезрители, когда давали различными способами обратную связь на просмотры. Их можно свести к следующим: желание выйти на контакт, ожидание реакции других пользователей Сети (вопросительная форма высказывания, в том числе риторические вопросы, обращения, виды троллинга), провоцирование; желание самоидентификации (высказывания о себе, оценка, эмоциональная оценка, демонстрация собственных ценностей, отождествление себя с конкретной группой людей); информирование с целью просвещения собеседников либо уточнения позиции автора; проявление деструктивного поведения (обесценивание личности оппонента путем употребления слов с осуждающей семантикой, сниженная и временами лексика, в том числе обценная, тактика упреков и обвинений); мнение о качестве материала, пожелания авторам (демонстрация своего отношения, чувств); невербальная демонстрация своего мнения за счет смайликов и иных знаков, отсутствие комментариев.

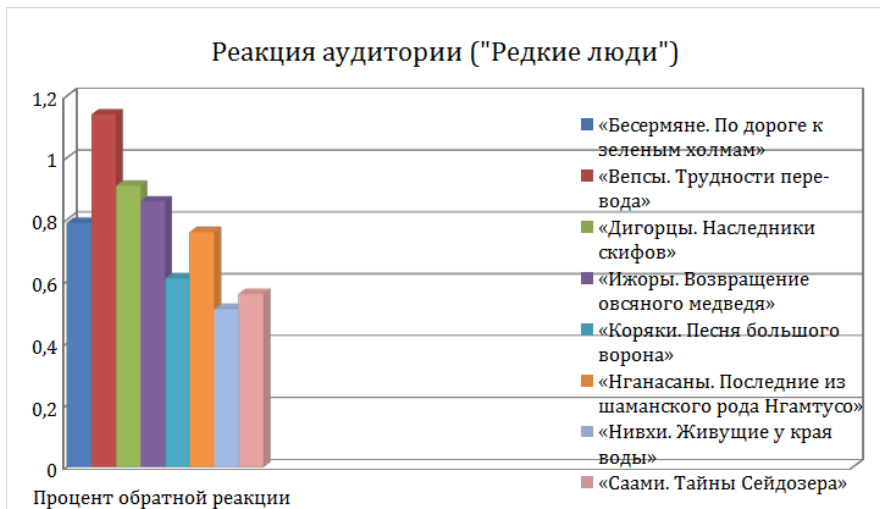
Выявлено, что многие средства массовой информации шагнули на более высокий уровень освещения темы сохранения культурного наследия, публикации обогатились оригинальными текстовыми находками, фотографиями, графикой и рисунками. В том числе и поэтому, на наш взгляд, складывается СМИ-потребителей. Медиа сфера, «будучи неотъемлемой частью культуры, относится к числу непосредственных репрезентантов культурного сознания» [4, с. 262]. Современные формы трансляции ценностей определяют предметные приоритеты в изучении природы и сущностных характеристик человеческой субъективности. Парадокс об «исчезновении» человека означает

исчезновение лишь прежних, традиционных представлений о человеке. Вновь поднимается вопрос о духовной составляющей личности человека в свете ее новых трансформаций. В человеке генетически заложено стремление к подлинному знанию (он переживает мироздание как объективную реальность), и в нем есть явное требование познания истины, этим объясняется интерес читателей к внутреннему миру человека исторического, традициям, ценностям.

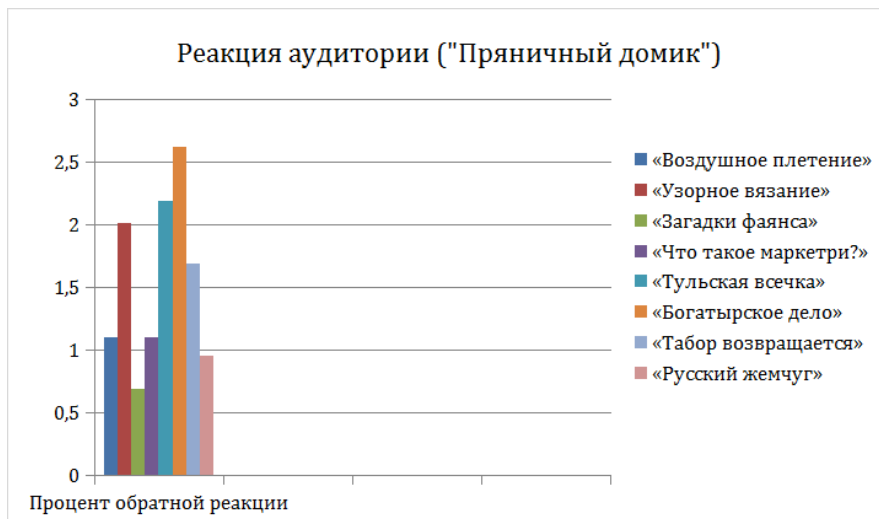
С практической точки зрения полученный нами путем исследований материал для осмысления, позволит журналистам понять, как эффективно выстроить материал о культурном наследии, понять, какие приемы воздействия на аудиторию сегодня актуальны, какие выразительные средства использовать. Таким образом, результаты исследований могут быть внедрены в повседневную практику авторов.

Примененная методика исследования позволила установить, каково число зрителей после просмотра видеосюжета в Интернете либо по телевизору совершили определенное действие по отношению к общему количеству просмотров. Для этого были сложены представленные в таблице значения трех активных категорий, результат умножился на 100% и разделился на общее количество просмотров. Таким образом, мы получили тот процент аудитории, на который программа оказала большее воздействие. Зрителям после просмотра захотелось каким-либо образом высказать свое мнение — положительное или отрицательное.

По отношению к общему количеству просмотров, наиболее активными оказались зрители выпуска «Богатырское дело» (2, 69%), а выпуск «Загадки фаянса» оказал наименьшее влияние на аудиторию. Анализ содержания комментариев к видео выявил те интенции (намерения), которые демонстрировали телезрители, когда давали обратную связь на просмотры.

Таким образом, отметим, что произведения о культурном наследии требуют от создателей соблюдения достоверности, информативности, принципов историзма либо показа человека с точки зрения исторического контекста, популяризации тематики, связанной с культурным наследием. Документальная фиксация в статьях, телепередачах, кинодокументалистике проходит сквозь призму отношения автора к событиям, явлениям, среде обитания, региону, о котором говорит автор.

Использованная литература:

1. Гришанина А. Н. Вопросы методики и методологии исследования медиатекстов о сохранении культурного наследия // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты: матер. X междунар. науч. конфер. (24–25 ноября 2017 г., г. Чита). Чита: Забайкальский гос. ун-т, 2017. С. 154–156.
2. Зырянова Т. Д. В начале было Слово. Иркутск: Изд-во Иркутского гос. ун-та, 2004.
3. Кузнецов Г. В. Так работают журналисты ТВ. М.: Изд-во МГУ, 2004.

4. Культурное сознание медиаполиса // Современный российский медиаполис / под ред. С. Г. Корконосенко. СПб.: С.-Петербургский гос. ун-т, 2012. С. 262–293.

5. Познин В. Ф. Изобразительное и звуковое решение экранного произведения. — СПб.: Изд-во С.-Петербургского гос. ун-та, 2015.

6. Прожико Г. С. Концепция реальности в экранном документе. М.: Всероссийский гос. ин-т кинематографии, 2004.

7. Соколов А. Г. Монтаж: телевидение, кино, видео. М.: Дворников, 2003.

8. Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2002/06/29/pamjatniki-dok.html>. (дата обращения 12.10.2018).

Anastasiya N. GRISHANINA

Cand. Sci. (Journalism), Assoc. Prof.,

Department of Theory of Journalism and Mass Communications,

Higher School of Journalism and Mass Communications,

St. Petersburg State University

St.-Petersburg, Russia

a.grishanina@spbu.ru

New Communication Strategies for Broadcasting the Preservation of the Cultural Heritage

Translation of cultural heritage today acquires new features compared with the “classical” understanding. The article substantiates the need to search for and study new communication strategies for media broadcasting on the topic of culture; provides a brief overview of the research of the consumer’s reaction to media coverage of cultural heritage; pays attention to the peculiarities of language design of materials, compositional characteristics; focuses on the need to study the audience’s reaction, presents the original results, as well as an attempt to develop an optimal model of effective dialogue between the author and the reader/viewer. It is noted that the research of media texts and issues of their perception was carried out at the Department of theory of journalism and mass communications of St. Petersburg state University within the scientific direction of the Department and the master’s program “Journalism and culture of society”.

Keywords: cultural heritage, mediatext, communication strategies, media research, training monitoring.

Вовлечение молодежи в волонтерские проекты по охране объектов культурного наследия в контексте приоритетов государственной молодежной политики

В статье рассматривается понятие «культурное добровольчество (волонтерство)» и его вклад в сохранении и продвижении культурного наследия, популяризации культурной сферы среди молодежи, развитии всеобщей ответственности за сохранение культурного достояния и сохранении «исторической памяти». Автор анализируется концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. в части развития социальных институтов и социальной политики в том числе, содействие развитию практики благотворительной деятельности граждан и организаций, а также распространению добровольческой деятельности (волонтерства). В работе приведены успешные практики вовлечение молодежи в волонтерские проекты по охране объектов культурного наследия федерального и регионального уровня. В заключении сделаны выводы о стратегии развития культурного добровольчества (волонтерства) в ближайшем будущем.

Ключевые слова: культурное наследие, культурное волонтерство, объекты культурного наследия, государственная молодежная политика, концепция, стратегия, проект, волонтерское движение, добровольчество.

Создание условий для успешной социализации и эффективной самореализации молодежи, развитие ее потенциала и использование его в интересах инновационного развития страны — является целью государственной молодежной политики.

Одной из задач государственной молодежной политики является гражданское образование и патриотическое воспитание молодежи, содействие формированию правовых, культурных и нравственных ценностей среди молодежи [3, с. 8]. В свою очередь задачу позволяет решить:

- развитие добровольческой (волонтерской) деятельности молодежи, создание условий для деятельности молодежных общественных объединений и некоммерческих организаций;
- стимулирование интереса молодежи к историческому и культурному наследию России и деятельности по реставрации исторических памятников.

* МОВСИСЯН Марина Мхитаровна, директор Центра привлечения волонтеров Кубанского государственного технологического университета, Краснодар, Россия. Электронная почта: m10movsisyan@gmail.com.

Объявленный в России Годом добровольца, 2018 год дает возможность объединить усилия и расширить возможность участия добровольцев в деятельности по сохранению удивительного культурного наследия страны. Волонтерская деятельность в сфере культуры и искусства представляет собой реализуемую посредством активного личного участия волонтера добровольную помощь в поддержке культурных проектов и мероприятий, направленных на приобщение населения к лучшим мировым образцам искусства. Культурное волонтерство — это добровольческая деятельность в проектах культурной направленности: в музеях, библиотеках, театрах [1, с. 255].

Кроме того, основные задачи культурного волонтерства состоят в сохранении и продвижении культурного достояния, формировании культурной идентичности, популяризации культурной сферы среди молодежи, развитии всеобщей ответственности за сохранение культурного достояния, сохранении «исторической памяти» [2, с. 101].

В настоящее время насчитывается более 160 тысяч объектов культурного наследия. 84 тысячи — памятники федерального значения, причём лишь каждый пятый из них находится в удовлетворительном состоянии. В ближайшем будущем перспектив государственного финансирования (полного восстановления) и экономического потенциала для передачи их частным владельцам не имеется. Именно для такой работы государство и общественные организации решили привлечь волонтеров. Добровольчество — альтернативный формат сохранения культурного наследия и вовлечения населения в историю своей страны. Участие в культурных проектах — это не только весомый вклад в сохранение архитектурного облика страны, но и возможность прикоснуться руками к истории страны и помочь сохранению памяти и культуры России.

Стать реставратором по зову сердца может любой желающий, решивший присоединиться к волонтерскому движению Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК).

На протяжении многих лет эта организация привлекает добровольцев, неравнодушных к культурному наследию своего региона. Благодаря усилиям волонтеров ВООПИК уже восстановлены тысячи памятников архитектуры по всей стране. Специальной подготовки от членов движения не требуется, так как при организации существует бесплатная школа волонтеров, где всех желающих обучают необходимым навыкам и знакомят с тонкостями реставраторского дела.

Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры активно сотрудничает с иностранными добровольческими движениями, организуя обмен волонтерами. В 2017 г. российские волонтеры получили возможность поехать во Францию, в то время как их французские коллеги приехали на работу в Москву [4].

Одним из самых ярких примеров такой работы является восстановление дома Палибина (памятника архитектуры начала XIX в. на улице Бурденко) и Донского монастыря в Москве, одной из древнейших православных обителей России.

Культурное волонтерство может проявляться в организации творческих социальных проектов и мероприятий в сфере популяризации культуры и искусства.

Интересный опыт в сфере культурного волонтерства представлен работой Центра привлечения волонтеров ФГБОУ ВО «Кубанский государственный технологический университет». Центр реализует следующие проекты и акции в сфере культуры:

– проект «КультШтрих», который дает возможность студентам реализовать свои творческие способности, выступая на сцене, читая стихотворения. Проект способствует обмену знаниями в области изобразительного искусства и музыки.

– проект «Дружба народов» направлен на объединение студентов разных национальностей. Традиционным элементом каждой встречи проекта является народная игра «Ручеек», как яркое выражение культурного наследия, отражение этноса в целом и истории его развития.

– акция «Я люблю свой город», приуроченная Дню памятников и исторических мест, во время которой был открыт обновленный памятник екатеринодарцам — жертвам Гражданской войны «Согласие и примирение».

По данным исследования Высшей школы экономики 65% россиян считают добровольчество в сфере культуры важным направлением. Эти результаты способствуют созданию стратегии развития волонтерства в сфере культуры. В будущем через волонтерство тема культуры станет близкой каждому гражданину страны, будет развиваться системная поддержка государства: партнерство органов власти и волонтеров через совместные проекты повысит общую эффективность работы; открытые и современные учреждения культуры будут проводить совместные мероприятия с волонтерами.

Использованная литература:

1. Ароянц А. А., Мовсисян М. М. Роль волонтерства в формировании и развитии общества: традиции и современность // Гражданское общество в России: вызовы современности: сб. науч. тр. Ульяновск: Ульяновский гос. технический ун-т, 2016. С. 251–256.

2. Горлова Н. И. Исторические аспекты развития культурного волонтерства в России // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2016. № 3. С. 101–108.

3. Распоряжение Правительства Российской Федерации «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г.» от 17.11.2008 № 1662-р [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/ (дата обращения 28.11.2018).

4. Что такое культурное волонтерство, и как каждый может стать реставратором старинного монастыря [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. 2018. 11 янв. URL: <https://www.kuban.kp.ru/daily/26780/3813925/> (дата обращения 28.11.2018).

Marina M. MOVSISYAN

Director, Center for Attracting Volunteers,
Kuban State Technological University,
Krasnodar, Russia
m10movsisyangmail.com

Involving Youth in Volunteer Projects for the Protection of Cultural Heritage Objects in the Context of Priorities of the State Youth Policy

The article discusses the concept of «cultural volunteering» and its contribution to the preservation and promotion of cultural heritage, popularization of the cultural sphere among young people, the development of universal responsibility for the preservation of cultural heritage and the preservation of «historical memory». The author analyzes the concept of long-term socio-economic development of the Russian for the period up to 2020 in terms of the development of social institutions and social policies, including the promotion of the development of the practice of charitable activities of citizens and organizations, as well as the spread of volunteering. The paper presents successful practices of involving young people in volunteer projects for the protection of cultural and cultural heritage sites at the federal and regional levels. In conclusion,

conclusions are drawn about the strategy for the development of cultural volunteering in the near future.

Keywords: *cultural heritage, cultural volunteering, cultural heritage objects, state youth policy, concept, strategy, project, volunteer movement, volunteering.*

Т. Н. Суминова*

Арт-менеджмент как механизм реализации государственной политики в сфере культуры и искусства

В статье раскрывается сущность и специфика арт-менеджмента как феномена и концепта гуманитарного знания, социокультурного хаосмоса и бизнес-реальности. Автор утверждает, что арт-менеджмент — это философия и культура управления в сфере искусства как квинтэссенции сферы культуры, механизм реализации государственной культурной политики. Это подтверждается деятельностью арт-менеджера (антрепренер, арт-дилер, импресарио, коллекционер, куратор, продюсер, промоутер и т. д.) — посредника и экономического агента сферы искусства, управляющего сознанием реципиентов посредством воплощения творческой идеи в проектной форме. Арт-менеджер — это организатор бизнес-деятельности в сфере искусства/арт-индустрии/арт-бизнесе. Сегодня арт-менеджер трансформируется в продюсера как в сфере искусства, так и этой сферы, который при помощи различных технологий арт-менеджмента (организационно-управленческих, в том числе психологических; художественно-творческих; финансово-экономических; нормативно-правовых; маркетинговых) генерирует смыслы, «образы мира», арт-пространство, формирует вкус/спрос потребителей информации символической продукции, пространство арт-рынка.

Ключевые слова: арт-менеджмент, арт-менеджер, продюсер, сфера искусства, арт-индустрия, арт-бизнес, технологии арт-менеджмента, проектная деятельность, государственная политика в сфере культуры и искусства.

В России в условиях интенсивно набирающей обороты рыночной экономики, а также в контексте государственной культурной и национальной политики, достаточно существенным видится осоз-

* СУМИНОВА Татьяна Николаевна, доктор философских наук, профессор кафедры менеджмента и технологий социально-культурной деятельности Московского государственного института культуры, Москва, Россия. Электронная почта: tsuminova@yandex.ru.

вание значимости менеджмента и предпринимательства во всех сферах жизнедеятельности, но особенно в сфере культуры и искусства, поскольку четкая, эффективная и конкурентоспособная энергия интеллектуального ресурса/капитала менеджеров, предпринимателей, бизнесменов способствует развитию названной сферы человеческой активности, пребывающей в современной эпохе перемен.

Актуальным является и общественный интерес к различным проблемам гуманитарного знания, а также рефлексии профессионального образования, связанного, в частности, с менеджментом и предпринимательством в сфере культуры и ее сердцевине — сфере искусства. Это детерминирует развитие научных школ, деятельности профильных вузов, их выход на качественно новый уровень преподавания и подготовки студентов с учетом как современных технологий обучения, так и потребностей/запросов рынка и находящихся в таковом организаций/структур/фирм/институций к соответствующим специалистам, знания, умения и навыки которых важны для осуществления конкретных задач и решения возникающих проблем.

Значимость рассматриваемых вопросов детерминируется и тем, что современная рыночная экономика как российская, так и мировая (в нашем случае — в сфере культуры и искусства) требует рефлексии гуманитарного знания, а также адекватной реальности подготовки и развития интеллектуального ресурса/капитала — высококвалифицированных, высоко духовных управленцев, администраторов, организаторов бизнес-деятельности, экономических агентов — арт-менеджеров, чья профессиональная активность ориентирована на создание качественного арт-продукта как предложения на спрос потребителя, что способствует генерации и/или возрождению светлого начала, то есть духовной чистоты, в реципиенте/покупателе.

Кроме того, рассмотрение феномена «арт-менеджмент» является важным и для уточнения контента учебной дисциплины с данным названием. В этой связи подчеркнем, что, например, Т. Н. Суминова является автором монографии [14], учебника [15, ч. 1], курса лекций [16], учебных пособий [19], статей, лекций (например, на Московском культурном форуме — 2017; профессорском лектори ЦБС САО Москвы, 2017 г.), образовательного проекта «Разработка контента профиля «Арт-менеджмент» по направлению подготовки 51.03.03. «Социально-культурная деятельность» на кафедре менеджмента социально-культурной деятельности Московского государственного

института культуры» и преподает эту учебную дисциплину в данном вузе.

Итак, «препарируя» «арт-менеджмент», который является феноменом современного гуманитарного знания, социокультурного хаосмоса и бизнес-реальности, подчеркнем, что главенствующим в данном словосочетании является его первая составляющая — «арт». Именно она детерминирует основную смысловую нагрузку данного синтетического понятия и способствует не латентной, а явной «ориентации» как сегодняшних, так и будущих специалистов соответствующей сферы деятельности в социуме.

В соответствии с вышеизложенным «арт» логично понимать:

1) в широком смысле как художественное творчество в целом со всем спектром вариативных видов искусства, пространственные (графика (искусство рисунка и печатная графика), живопись, скульптура, архитектура, дизайн, декоративно-прикладное искусство, фотоискусство), временные (литература (художественная), музыка), пространственно-временные (танец, театр, цирк, кино-, видео-, теле-, радиоискусства, компьютерные искусства (компьютерная графика, интерактивный компьютерный перформанс, компьютерная музыка, компьютерная анимация));

2) квинтэссенция художественной культуры;

3) в узком смысле — изобразительное искусство.

Подчеркнем, что понятие «арт»/ «искусство» нами рассматривается прежде всего в широком смысле (т.е. как художественное творчество в целом), а также как квинтэссенция сферы культуры.

Сфера искусства — это особая сфера — артосфера, которая есть «космическая проекция художественно-творческой деятельности (или художественной культуры)» (Ю. Борев) и, имея пластичный характер, представляет своего рода «мостик» от социосферы (космической проекции деятельности людей, создающей как оппозицию «человек–природа», так и рукотворную «вторую природу», а также историческое движение человечества) к когитосфере (космической проекции концептуально-мыслительной деятельности человека и ее продуктов, полю духовности, охватывающему собой Землю и околоземное пространство и взаимодействующему со всеми другими сферами).

Артосфера наряду с указанными (социо- и когито-), а также с гео- и биосферами, образует ноосферу — целостную сферу разума [18]. При этом все они либо стремятся к гармоничному взаимо-

действию между собой, либо уже находятся в подобном состоянии. Но именно в артосфере, или ее качественно-количественном состоянии/характеристике в условиях рыночной/свободной экономики — арт-индустрии, представители различных творческих и нетворческих специальностей генерируют и фиксируют многочисленные и вариативные тексты, документы, культурные формы, информационные ресурсы, артефакты, или арт-продукты, арт-проекты и т.д. как результаты интеллектуальной деятельности, объекты авторского права и смежных прав. Понятно, что в каждом виде искусства имеются определенные технологии креации/продакшна текстов произведений, обладающие определенной спецификой. Это определяет возникновение тех или иных арт-продуктов и проблем, связанных с их восприятием, исполнением, интерпретацией, продвижением на рынок и т.д.

Отметим, что Текст сферы искусства/артосферы как целостный спектр информационных ресурсов имеет определенную морфологическую «лестницу»: 1) собственно художественная, в том числе подготовительная информация, или авантекст, или генетическое досье, или метатекст, или контекст; 2) биографическая информация; 3) искусствоведческая информация; 4) информационно-вспомогательные материалы (на традиционном, нетрадиционном, в том числе электронном, носителях) [17]. Очередными содержательными «пластами» информационных ресурсов сферы искусства/артосферы, которые, безусловно, напрямую связаны с созданием того или иного текста художественного произведения, или арт-продукта, но не являются художественной ценностью, выступают: нормативно-правовая, финансово-экономическая и организационно-управленческая документация.

Арт-менеджмент как феномен и концепт современного информационного, постпостиндустриального социума, представляет собой многогранный кристалл, генерирующий полизначное восприятие и, вследствие этого, множественность понимания, трактовок контента.

Напомним, что определение любого концепта (в данном случае — арт-менеджмента) значимым является определенный контекст, в котором таковой рассматривается.

Так, в контексте исполнительских видов искусства — театр, музыка, танец, цирк, радио, телевидение, кинематограф и т.д. (т.е. то, что связано со сценой, с эстрадой, с ареной/шоу-бизнес, или российский музыкальный бизнес), арт-менеджмент логично воспринимать и по-

нимать как артистический менеджмент, т.е. управление артистами — деятелями сцены/арены. Поэтому не случайно, например, известный российский музыкальный продюсер, доктор искусствоведения, профессор Международной академии наук и искусств И.И. Пригожин в книге «Политика — вершина шоу-бизнеса» предлагает следующее определение менеджмента шоу-бизнеса: «область знания, помогающая осуществить функцию руководства процессом создания художественных ценностей (материальных и духовных) и продвижения на рынок культурных услуг результатов творческой деятельности авторов, режиссеров, исполнителей и т.д., работающих в шоу-бизнесе» [9, с. 56–57]. При этом в качестве главных задач здесь именно артистического менеджмента выступают: «поиск талантливых исполнителей-артистов, организация их творческой деятельности: подбор репертуара, поиск инвестора, создание сценического имиджа, планирование карьеры» [9, с. 81].

В учебнике В. М. и В. В. Чижиковых «Теория и практика социокультурного менеджмента» [22, с. 271–273] арт-менеджмент также трактуется в качестве артистического менеджмента, но связанного с созданием и продвижением не конкретной персоны/ «звезды», а определенного проекта в исполнительских видах искусства (музыка, театр, цирк, танец, кино).

Однако для полноценного, подлинного восприятия и понимания специфики деятельности арт-менеджера как управленца, «ограничение» трактовки арт-менеджмента лишь исполнительскими видами искусства, либо процессами управления артистами (в узком, обозначенном ранее, понимании этого слова), либо лишь сферой шоу-бизнеса как российским музыкальным бизнесом/индустрией, на наш взгляд, на сегодня в эпоху постпостиндустриального социума, неолиберализма, является недостаточным.

Подобное «видение» понятия «арт-менеджмент» представляет собой лишь одну из его составляющих/ «граней» и не позволяет создать целостную «картину» данного феномена как такового. Поэтому в процессе рефлексии и подготовки специалистов-управленцев социально-культурной деятельности, сферы культуры, или конкретнее — сферы искусства как ее квинтэссенции, логично исходить из более широкой трактовки концепта «арт-менеджмент».

Проведенный нами анализ этимологий концептов «арт»+«менеджмент» позволяет утверждать, что арт-менеджмент — это искус-

ство (т.е. высокая степень умения и мастерства) управлять искусством (в узком понимании этого слова, то есть изобразительным искусством, либо пространственными видами искусства), либо в широком понимании — сферой искусства — артосферой/арт-индустрией/арт-бизнесом — со всем разнообразием/ спектром ее видов.

Арт-менеджмент — это философия управления сферой искусства; философия и культура управления в сфере искусства; система управления в сфере искусства/арт-индустрии/арт-бизнеса, способствующая осуществлению художественно-творческой, финансово-экономической, нормативно-правовой и иных составляющих деятельности организации/структуры/фирмы /институции в отрасли.

Кроме того, арт-менеджмент — это наука, входящая в спектр прикладных наук. Ближе всего она находится к экономической практике, «обогащая» ее научными концепциями, подходами, методами. На развитие управленческой мысли оказывают влияние многие науки, например, психология личности, социальная психология, психофизиология, эргономика, теория принятия решений, и т.д. В этой связи собственно менеджмент есть «управленческая мысль», объединяющая науку, опыт, «ноу-хау» плюс особое искусство управления.

Арт-менеджмент — это отраслевой менеджмент, который зиждется на достижениях ряда наук (философия, искусствознание, психология, социология, маркетинг, экономическая теория, семиотика, информатиология и т.д.), позволяющих осуществлять эффективное управление в сфере искусства/арт-индустрии/арт-бизнесе.

Американский ученый, экономист, публицист, педагог и один из самых влиятельных теоретиков/гуру менеджмента XX столетия Питер Фердинанд Друкер (1909–2005) высказал уже ставшей классической фразу: «именно менеджмент создает экономическое и социальное развитие. Оно есть его результат» (Курсив наш. — авт.). Действительно, где профессионально используется менеджмент, начинается стремительное развитие, например, в современном галерейном деле/арт-бизнесе в России.

В контексте рассматриваемой темы значимым является тот факт, что именно возникновение Международной ассоциации менеджмента культуры и искусств (АИМАС) в конце 1990-х гг. способствовало официальному провозглашению в мировом сообществе появления арт-менеджмента, или, подчеркнем, как мы утверждаем, менеджмента в сфере искусства, как нового междисциплинарного направления.

При этом результаты пятой конференции (г. Хельсинки), проведенной названной ассоциацией, могут выступать и выступили в качестве знака/символа/ «момента истины» того, что арт-менеджмент уже в тот исторический период заявил о своей независимости от такой сферы, как экономика культуры, то есть приобрел самостоятельность как профессиональная деятельность управленцев в сфере искусства.

Издание с конца 1998 г. первого международного журнала, посвященного арт-менеджменту (IJAM) еще больше «узаконило» арт-менеджмент с практической (управленческой) и научной позиций, внесло существенный вклад в развитие данного направления, и стало еще одним стимулом для развития собственно арт-менеджмента [6].

Арт-менеджмент — это особая субкультура, представители которой имеют собственный «образ мира», стиль, манеру поведения, присущие лишь их восприятию ценности, следующие лишь их нормам и законам бытия, ведения дел/бизнеса/управления, что и позволяет им осуществлять профессиональную деятельность на качественном уровне.

Ключевой задачей арт-менеджмента, как и собственно менеджмента, была, есть и будет необходимость обеспечить совместную работу людей через единые цели и общие ценности, сформировав для этого наиболее подходящую структуру организации и создав «такие условия для обучения и повышения квалификации работников, которые позволят им эффективно выполнять свои обязанности и своевременно реагировать на изменения производственной среды» [2, с. 20].

Кроме того, значимый момент арт-менеджмента заключается в том, чтобы информация, знания, опыт, инновации трансформировались в производительную силу. Именно это позволит обеспечить бытие и успех любой организационной структуры сфере искусства/арт-индустрии (например, галереи, музея, библиотеки как просветительского и информационного центра, театра, киноконцертного зала, продюсерского центра, PR-агентства и проч.) на арт-рынке, интегрированном в глокальное (синтез глобального и локального) арт-пространство.

Арт-менеджмент как удивительно яркий феномен, концепт современного гуманитарного знания и социокультурной бизнес-реальности есть целостная совокупность гармоничного синтеза и использования различных принципов, подходов и моделей управления для решения разного уровня креативных и бизнес-задач, приводящих

к успеху (получение наибольшей прибыли при наименьших затратах) в сфере искусства/арт-индустрии/арт-бизнеса.

Подчеркнем, что сущность концепта арт-менеджмента [11], [12], [13] связана с осуществлением процессов управления не только в изобразительных видах искусства, но и во всех иных (временных и пространственно-временных) видах искусства.

Вот почему в качестве разновидностей арт-менеджмента выступает:

- менеджмент изобразительного искусства;
- менеджмент кинематографического искусства;
- менеджмент музыкального искусства;
- менеджмент театрального искусства;
- менеджмент телевизионного искусства;
- менеджмент циркового искусства и т.д.

Современную сферу искусства/арт-индустрию/арт-бизнес как коммуникативную, в том числе информационную [21], систему можно представить в виде многогранника с вершинами-элементами: текст/арт-проект/арт-продукт — автор/художник/мастер — арт-менеджер — реципиент/зритель/покупатель информации.

Основными субъектами рыночной, свободной экономики сферы культуры и искусства являются: государство; производители/создатели («свободные художники» как физические лица, осуществляющие индивидуальную трудовую деятельность без образования юридического лица; институционально-оформленные структуры: организации (юридические лица)); художественная критика; потребители (индивидуальные и организованные); посредники (инфраструктура — взаимосвязанный комплекс организаций, направлений деятельности и механизмов, обеспечивающий взаимодействие участников деятельности в сфере культуры и искусства, например, продюсерские центры, мастерские, театральные агентства, биржи/ярмарки, специализированные магазины, кассы и д.)).

Организации сферы искусства/арт-индустрии/арт-бизнеса вступают в экономические отношения с потребителями; учредителями (уполномоченные органы государственной власти и местного самоуправления, юридические и физические лица); властными структурами (за исключением учредителей — уполномоченных органов государственной власти и местного самоуправления): налоговые инспекции, комитеты по имуществу, земельные комитеты, органы

казначейства и пр.); спонсорами и благотворителями; другими организациями [3].

Таким образом, коммуникативное пространство сферы искусства/арт-индустрии/арт-бизнеса как рыночную и экономическую систему представляют такие элементы, как текст произведения, художник, институции (прагматически заинтересованные — ярмарки, аукционы, галереи и т.д.) и прагматически незаинтересованные — биеннале, музеи, критика и т.п.), экспертное сообщество профессионалов (критики, биографы, кураторы и т.д.), власть [4], публика (любители, ценители, коллекционеры), посредники (арт-менеджеры, бизнесмены, коллекционеры, представители средств массовой информации и т.д.).

Одним из важнейших, ключевых, системообразующих элементов коммуникативного пространства сферы искусства/арт-индустрии/арт-бизнеса, без которой функционирование таковой в современных рыночных условиях затруднительно, является арт-менеджер — посредник, субъект деятельности и культурной практики, экономический агент отрасли [20]. Данное понятие подразумевает собственно управленцев и предпринимателей в сфере искусства как сердцевине сферы культуры — агенты, антрепренеры, арт-дилеры, арт-менеджеры, импресарио, коллекционеры, кураторы, продюсеры, промоутеры, и т.д., т.е. «коммерсантов от искусства», осуществляющих работу по генерации арт-проектов, открытию новых имен, продвижению их на арт-рынок, формированию сегментов арт-индустрии, вкусов, предпочтений, потребностей, культуры и нравственности представителей сообщества.

Деятельности арт-менеджера присуща определенная специфика, зависящая как от вида искусства, в котором он осуществляет профессиональную активность, так и от реализуемых им процессов. Все это находит проявление в названии тех должностей или профессий, в рамках которых арт-менеджер работает или в которых трудятся его коллеги, т.е. его окружение.

В современных условиях свободной экономики арт-менеджер — это бизнес-помощник художника/артиста, работающего в контексте современного арт-рынка и его разновидностях и которому важно создавать тексты произведений/арт-продукты как результаты проектной деятельности не только для самоактуализации, но и для реализации/продажи идей/смыслов.

В подтверждение актуальности и значимости профессии арт-менеджера, например, менеджера в сфере театра как разновидности такого, приведем мнение директора Большого театра кукол Санкт-Петербурга Александра Аркадьевича Калинина: «В наше время грамотные, активные и опытные театральные менеджеры — это те «сподвижники», без которых подлинный успех театрального дела попросту немислим. Ведь именно менеджеры в театре «делают» посещаемость, «подпитывают» театр деньгами, ищут новые способы привлечения зрителя. Они — рыцари репертуара, они в ответе за качество и культуру проведения спектакля. У наших уважаемых «творцов» об этом очень мало знаний» [5] (Курсив наш. — Т.С.).

Современная рыночная «система координат» позволяет нам утверждать, что арт-менеджеры — это организаторы бизнес-деятельности в сфере искусства/арт-индустрии/арт-бизнесе, предприниматели в условиях творческих/креативных индустрий, продюсеры как в этой сфере, так и этой сферы, которые при помощи различных технологий арт-менеджмента (организационно-управленческих, в том числе психологических [19]; художественно-творческих [17]; финансово-экономических; нормативно-правовых; маркетинговых) осуществляют генерацию арт-пространства, идей, смыслов, «образов мира», формируют вкус/спрос потребителей символической продукции, пространство арт-рынка в целом, а также заставляют публику/аудиторию/реципиентов захотеть купить билет, посетить то или иное арт-мероприятие, и т.д.

Профессиональная активность арт-менеджеров способствуют решению различных проблем, что существенно влияет как на развитие собственно сферы искусства, так и на отраслевую экономику, нуждающуюся в эффективных управленцах для реализации государственной политики в сфере культуры и искусства.

Вот почему арт-менеджерам необходимо разбираться не только в видах искусства, но и в специфике технологических процессов/алгоритмов создания/продакшна многочисленных культурных форм, документов, проектов, информационных объектов отрасли.

Ведь без знания сущности сферы искусства и ее информационной (и не только!) составляющей затруднителен квалифицированный подход к пониманию собственно творческого/креативного/инновативного пути автора/художника/творца, реализующего идею и воплощающую ее в конкретном материале, т.е. самоменеджмента художни-

ка, а также дальнейшему процессу «продвижения» текста произведения как арт-проекта/арт-продукта на арт-рынок.

Кроме нормативно-правовых и финансово-экономических технологий арт-менеджмента, управленец в этой сфере должен знать и понимать специфику творческого процесса, уметь включиться в таковой, не нарушая этических и эстетических законов, которые являются ключевыми в сфере культуры и искусства/арт-индустрии, а также грамотно и тактично взаимодействовать с представителями творческих профессий.

В основе управления деятельностью учреждений сферы культуры и искусства в большинстве случаев находится проектный подход. В качестве философии проектно-ориентированной организации в сфере культуры и искусства выступает управление проектами/менеджмент проектов/проектный менеджмент, оказывающий существенное влияние на трансформацию деятельности собственно структуры/организации/институции, и являющий собой гармоничную деятельность управленцев/менеджеров по разработке и реализации государственной политики, постановке и осуществлению целей и задач в проектной форме.

Управление проектами, в том числе в сфере культуры и искусства, а также менеджмент в целом, представляет собой новую для России управленческую культуру рыночного типа, пришедшую из развитых, а точнее, капиталистических стран, с началом существенных экономических, политических, и социокультурных трансформаций во всех сферах деятельности.

Проект в сфере культуры и искусства — это пространственно-временной континуум (однократная, а не циклическая деятельность с ограниченностью во времени и пространстве), временной организационной структурой, временной командой), являющийся уникальным и неповторимым (чем выше уровень уникальности проекта, тем выше уровень неопределенности и сложнее процессы планирования и управления таковым), направленный на достижение конкретной цели/целей в конкретной отрасли.

Проект в сфере культуры и искусства — это бизнес-проект, предприятие, в которое инвестируются денежные средства с целью получения прибыли и/или прироста капитала, а также для воплощения творческой идеи и привнесения нового смысла в сознание реципиентов/публики/аудитории.

Проект, осуществляемый в сфере искусства как квинтэссенция сферы культуры,— это арт-проект, который представляет собой результат синтеза различных технологий арт-менеджмента: организационно-управленческих, психологических, нормативно-правовых, финансово-экономических (спонсоринг, фандрейзинг, меценатство), художественно-творческих, маркетинговых (реклама, PR) и т.д., что позволяет формировать единое коммуникативное пространство/арт-индустрию с различными представителями данной сферы деятельности.

Арт-проектирование — это синтетический и гармоничный процесс поиска/генерации идеи, привлечение различных видов ресурсов (человеческих, маркетинговых, интеллектуальных и проч.) и воплощение таковой в уникальной и определенной организационно-правовой, экономической, маркетинговой и художественной форме, т.е. в форме проекта (выставка, аудиовизуальное произведение, спектакль, и т.д.). Это детерминирует восприятие арт-проектирования в качестве синонима продюсирования.

Подчеркнем, что в основе продюсирования той или иной арт-идеи находится высоко рисковая и, естественно, авантюрная деятельность. При этом продюсера как арт-менеджера, задачей которого является не столько обман публики, сколько реализация идеи арт-проекта, можно воспринимать как игрока, экстремала, авантюриста, но понимающего и осознающего сущность бизнеса как такового и рыночных технологий.

Арт-проект как результат арт-менеджмента и его технологий является инструментом реализации государственной политики в сфере культуры и искусства, формой организации арт-пространства/арт-индустрии и современным механизмом управления в данной сфере деятельности, способствуя осуществлению государственно-частного партнерства, привлечению различных ресурсов и генерации новых идей/смыслов/символов, развития предпринимательства в отрасли, развития экономики таковой.

Напомним, что собственно политика, в том числе государственная политика в сфере культуры и искусства, или культурная политика, и сегодня «есть самое концентрированное выражение экономики» (В. И. Ленин), оказывающая существенное воздействие на экономическую и иные составляющие развития социума и цивилизации в целом.

Государственная политика в сфере культуры и искусства — это научно обоснованная, гармоничная совокупность принципов, норм, правил, которой должно руководствоваться государство, ставящее главной целью сохранение, развитие и распространение ценностей сферы культуры и искусства, а также совершенствование его управленческой деятельности (менеджмента) в сфере искусства/арт-индустрии/арт-бизнесе.

В «Основах государственной культурной политики» [8] (утв. Указом Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808) зафиксирована важная идея о том, что сегодня именно культура воспринимается в качестве национального приоритета и признана важнейшим ресурсом роста качества жизни и гармонизации общественных отношений, гарантом сохранения единого культурного пространства и территориальной целостности Российской Федерации [10] и обеспечивающей ей лидирующее положение в мире.

В этой связи ключевыми целями государственной политики в сфере культуры и искусства, которая сегодня признается в качестве неотъемлемой части стратегии национальной безопасности [8], являются формирование гармонично развитой личности и укрепление единства российского общества посредством приоритетного культурного и гуманитарного развития, а также укрепление гражданской идентичности, создание условий для воспитания граждан, сохранение исторического и культурного наследия и его использование для воспитания и образования, передача от поколения к поколению традиционных для российской цивилизации ценностей и норм, традиций, обычаев и образцов поведения, создание условий для реализации каждым человеком его творческого потенциала, обеспечение доступа граждан к знаниям, информации, культурным ценностям и благам.

Необходимо посредством различных технологий максимально приобщать людей к культуре и искусству, повышать гражданское самосознание, развивать способности людей к активному участию в процессах социокультурного развития, к разнообразным формам творческой активности. Это подчеркивает тот факт, что государственная политика в сфере культуры и искусства есть одновременно и комплекс мер, предпринимаемых государством в деле регулирования различного рода процессов (творческих, управленческих, экономических, правовых), происходящих в отрасли.

С позиций системного подхода государственная политика в сфере культуры и искусства становится также инструментом реализации стратегических целей государства в этой «системе координат», а с экономических — способом реализации функций искусства как сердцевины национального культурного достояния/капитала страны.

Именно государство генерирует определенную модель взаимоотношений со сферой культуры и искусства, детерминирует ее ключевые позиции и приоритеты, предлагает варианты их воплощения/реализации, становясь при этом своего рода гарантом культурной политики. Таковая, по сути являясь «детисцем» государственной власти, в каждой стране различна, что обусловлено различными политическими, социокультурными, экономическими и иными условиями.

Но, как правило, для государственной политики в сфере культуры и искусства традиционно характерны три составляющие: концептуальная (философско-содержательный, ценностный аспект, позволяющий определять стратегию и тактику), экономическая (обеспечивающая финансирование отрасли) и законодательная/правовая (регламентирующая организационно-творческую деятельность). При этом две последних становятся ключевыми механизмами реализации государственной политики в сфере культуры и искусства.

Безусловным является тот момент, что в качестве доминирующей составляющей для государственной политики в сфере культуры и искусства в любой социокультурной ситуации и в различных странах выступает духовная составляющая личности и социума. Государственную политику в сфере культуры и искусства демократического государства образно можно представить в виде некоего «кентавра», имеющего и предполагающего, с одной стороны, свободу духа как неотъемлемое условие и фактор развития, а с другой — собственно политику, непосредственно связанную с такими главенствующими ее элементами, как власть, деньги, влияние/авторитет/репутация.

Напомним, что концепт «политика» (греч. *politika* — государственные или общественные дела, от *polis* — государство) определяется как «1) деятельность органов государственной власти и государственного управления, обусловленная общественным строем и экономической структурой страны, а также деятельность общественных классов, партий и партийных организаций, общественных группировок, определяемая их интересами и целями; 2) проблемы и явления общественной, государственной жизни; 3) образ действий, направ-

ленных на достижение конкретной цели, определяющих отношения с людьми» [1, С. 473].

Но, нередко, государственную политику в сфере культуры и искусства современной России можно представить в виде «самого редкостного зверя... африканских лесов» Тянитолкая русского советского поэта, публициста, литературного критика, переводчика и литературоведа, детского писателя, журналиста К.И. Чуковского (1882–1969), поскольку политические и иные действия государства «тянут» ее в одну сторону, а «жизнь» сферы искусства/арт-индустрии/арт-бизнеса, которая благодаря ее элитарной и массовой составляющих поливекторна, «тянет» в другую сторону (и чаще всего к Высокому, и к Прекрасному!). Напомним, что у Тянитолкая «две головы: одна спереди, другая сзади. Когда ему хочется спать, то сначала спит одна голова, а потом другая. Сразу же весь он не спит никогда. Одна голова спит, другая глядит по сторонам, чтобы не подкрался охотник. Вот почему ни одному охотнику не удавалось поймать тянитолкая, вот почему ни в одном цирке, ни в зоологическом парке этого зверя нет» [23, с. 79].

Бесспорна значимость и важность государственной политики в сфере культуры и искусства, которая обладает большой степенью самостоятельности и оказывает сильнейшее влияние на экономику и иные сферы деятельности. Не случайно и название книги музыкального продюсера И.И. Пригожина — «Политика — вершина шоу-бизнеса» [9], что лишний раз позволяет утверждать приоритет политических «игр» над творчеством. Ведь сегодня очевиден не только (нередко в первую очередь) политический, но и экономический, финансовый окрас, например, международного конкурса «Евровидение».

Важно понимать, что государственная политика в сфере культуры и искусства является частью как внутренней, так и внешней политики любого государства, в котором существуют и взаимодействуют различные народы, нации, исповедующие различные религии, что, безусловно, находит воплощение в текстах произведений как результатах проектной деятельности учреждений/институций сферы искусства/арт-индустрии/арт-бизнеса и отражается на специфике контекстного компонента собственно политики государства в отрасли.

При этом напомним и о существующей «Концепции государственной национальной политики Российской Федерации» [7], которая учитывает необходимость обеспечения единства и целостности

страны в новых исторических условиях развития российской государственности, налаживания всестороннего сотрудничества всех населяющих ее народов, развития национальных языков и культур. Одним из основных принципов государственной национальной политики России является содействие развитию национальных культур и языков народов страны.

В контексте реализации государственной национальной политики перед российским государством и социумом, безусловно, находятся значимые и актуальные задачи, в частности, в духовной сфере это, например, формирование и распространение идей духовного единства, дружбы народов, межнационального согласия, культивирование чувства российского патриотизма; распространение знаний об истории и культуре народов, населяющих Российскую Федерацию; сохранение исторического наследия и дальнейшее развитие национальной самобытности и традиций взаимодействия славянских, тюркских, кавказских, финно-угорских, монгольских и других народов России в рамках евразийского национально-культурного пространства, создание в обществе атмосферы уважения к их культурным ценностям [7].

Эти задачи государственной национальной политики наитеснейшим образом связаны с реализацией государственной политики в сфере культуры, поскольку образуют существенный сегмент на пересечении объектов и субъектов управления.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что государственная политика в сфере культуры и искусства представляет собой одну из важнейших составляющих всего цивилизованного мира. Это подтверждается и тем, что в университетах Европы (и в некоторых российских) актуальна такая учебная дисциплина, как «Культурная политика и планирование в культуре». В связи с этим, нам представляется, что в учебных планах вузов культуры и искусств логично присутствует учебная дисциплина «Основы государственной культурной политики Российской Федерации», хотя некоторым содержательным аспектам таковой уделяется внимание в учебных курсах специальных дисциплин (что подтверждают и детерминируют специфика отрасли и понимание актуальности данного научного направления, в том числе и прежде всего в государстве с рыночной экономикой).

Государственная политика в сфере культуры и искусства детерминирована состоянием и динамикой развития как арт-менеджмента, так и конкретного вида художественно-творческой деятельности.

Таким образом, мы утверждаем, что в условиях свободной экономики именно арт-менеджмент выступает в качестве механизма реализации государственной политики в сфере культуры и искусства, способствующий воплощению различного рода идей/смыслов/текстов через проектную деятельность институций отрасли и формированию арт-пространства.

Использованная литература:

1. Большая экономическая энциклопедия. М.: Эксмо, 2007.
2. Друкер Питер Ф. Энциклопедия менеджмента. М.: И. Д. Вильямс, 2006.
3. Игнатьева Е. Л. Экономика культуры: учеб. пособие. М.: Изд-во «ГИТИС», 2009.
4. Карцева Е. А. Российский арт-рынок от истоков до наших дней [Электронный ресурс] // Портал о искусстве и культуре ArtandYou. URL: http://artandyou.ru/category/art/post/rossiskiy_art_rynok_ot_istokov_do_nashih_dney. (дата обращения 04.02.2015).
5. Кингисепп М., Зарецкая Ж. Престиж театральных менеджеров поднимет премия [Электронный ресурс] // Фонтанка.Ру. URL: <http://www.fontanka.ru/2011/04/24/016>. (дата обращения 04.12.2018).
6. Колбер Ф., Эввар И. Арт-менеджмент — наука третьего тысячелетия [Электронный ресурс] // Арт-менеджер. 2002. № 3. С. 3–10.
7. Концепция государственной национальной политики Российской Федерации: утв. Указом Президента Российской Федерации от 15.06.1996 № 909 URL: <http://www.russia.edu.ru/information/legal/law/up/909/2051> (дата обращения 27.09.2018).
8. Основы государственной культурной политики (утв. Указом Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808) URL: <http://mkrf.ru/upload/mkrf/mkdocs2016/OSNOVI-PRINT.NEW.indd.pdf> (дата обращения 24.11.2016).
9. Пригожин И. И. Политика — вершина шоу-бизнеса. М.: Алкигамма, 2001.
10. Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 г. URL: <http://government.ru/media/files/AsA9RAyYVAJnoBuKgH0qEJA9IхP7f2xm.pdf> (дата обращения 24.11.2016).
11. Суминова Т. Н. Арт-менеджмент как социокультурный концепт // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 3. С. 117–123.

12. Суминова Т. Н. Арт-менеджмент: к определению понятия // Культура и образование. 2013. № 1. С. 100–108.

13. Суминова Т. Н. Арт-менеджмент: некоторые аспекты подготовки специалистов в контексте развития информационного общества [Электронный ресурс] // EVA 2007: 10-я юбилейная междунар. конф. (3–6 дек. 2007 г., г. Москва). URL: http://conf.cpic.ru/eva2007/rus/reports/report_1251.html. (дата обращения 24.11.2018).

14. Суминова Т. Н. Арт-менеджмент: реализация государственной политики в сфере культуры и искусства. М.: Академический Проект, 2017.

15. Суминова Т. Н. Арт-менеджмент: учебник. М.: Московский гос. ин-т культуры, 2016.

16. Суминова Т. Н. Артосфера: сущность и специфика: курс лекций по дисциплине «Арт-менеджмент». М.: Московский гос. ин-т культуры, 2016.

17. Суминова Т. Н. Информационные ресурсы художественной культуры (артосферы). М.: Академический Проект, 2006.

18. Суминова Т. Н. Ноосфера: поиски гармонии. М.: Академический Проект, 2005.

19. Суминова Т. Н. Психологические технологии арт-менеджмента: учеб. пособие для студентов. М.: Московский гос. ин-т культуры, 2014.

20. Суминова Т. Н. Формирование арт-менеджера как конкурентоспособной и эффективной личности — веление времени и задача вузов культуры и искусств // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 2. С. 175–180.

21. Суминова Т. Н. Художественная культура как информационная система (мировоззренческие и теоретико-методологические основания). М.: Академический Проект, 2006.

22. Чижиков В. М., Чижиков В. В. Теория и практика социокультурного менеджмента: учебник. М.: Московский гос. ун-т культуры и искусств, 2008.

23. Чуковский К. Доктор Айболит (По Гью Лофтингу). М.: Детская литература, 1969.

Tatyana N. SUMINOVA

Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Prof.,
Department of Management of Social and Cultural Activities
Moscow State Institute of Culture, Moscow, Russia
tsuminova@yandex.ru

Art Management as a Mechanism of Realization of State Policy in the Sphere of Culture and Art

The article reveals the essence and specificity of art management as a phenomenon and concept of humanitarian knowledge, socio-cultural chaosmos and business reality. Author argues that art management is a philosophy and culture of management in the sphere of art as the quintessence of the sphere of culture, a mechanism for the implementation of state cultural policy. This is confirmed by the activities of the art Manager (entrepreneur, art dealer, impresario, collector, curator, producer, promoter, etc.) — intermediary and economic agent of the art sphere, managing the consciousness of recipients through the implementation of creative ideas in the project form. Art Manager is an organizer of business activities in the sphere of art/art industry/art business. Today, the art Manager is transformed into a producer both in the sphere of art and in this sphere, which with the help of various technologies of art management (organizational and managerial, including psychological; artistic and creative; financial and economic; regulatory and legal; marketing) generates meanings, “images of the world”, art space, forms the taste/demand of consumers of information of symbolic products, the space of the art market.

Keywords: *art management, art Manager, producer, sphere of art, art industry, art business, technologies of art management, project activity, state policy in the sphere of culture and art.*

РАЗДЕЛ 2

Потенциал культурного наследия в контексте брендинга территорий Юга России

*И. А. Аполлонов**

Бренд в контексте историко-культурной традиции региона

Рассматривается проблема соотношения подлинности и симулякра в формировании регионального бренда. Прежде всего, бренд опирается на внутреннее содержание традиции, мобилизует потенциал её культурных паттернов и тем, самым, участвует в идеалопроизводстве, творческом развитии традиции и соответствующей идентичности её носителей. Но, вместе с тем, бренд направлен, прежде всего, на внешнего потребителя, стремится стать органической частью глобального общества массового потребления и, тем самым, формирует квази-традиционную идентичность своих носителей.

Ключевые слова: бренд; глобализация; глокализация; этнический парадокс современности; историко-культурные традиции; традиционная идентичность; квази-традиционная идентичность; подлинность и симулякр.

* АПОЛЛОНОВ Иван Александрович, доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии Кубанского государственного технологического университета, Краснодар, Россия. Электронная почта: oblige@yandex.ru

Происходящие в современном мире интеграционные процессы, получившие название «глобализация», принимают системный характер, так или иначе, проникают практически во все сферы жизни всё большего числа людей. Соответственно, происходят изменения и в социокультурных традициях и этнокультурной идентичности жителей различных регионов, охваченных глобализацией. Причём подобные изменения противонаправленны. С одной стороны, как идеологи глобализации, так и её противники указывают на разрушительные для местных традиций процессы унификации, распространение форм массовой культуры и жизненных стандартов западного мира, что получило название «вестернизация». В частности, П. Бергер отмечает, что формирующаяся глобальная культура по преимуществу западная, по своему происхождению американская, и именно она распространяется во всем остальном мире, причём как на уровне элит, так и среди широких масс [1]. В данном контексте происходит «взламывание» локальных культур и их сущностное перерождение, поскольку массовая культура глобализации оказалась сильнее культурных ядер национальной идентичности, которые в условиях глобализации сохранились преимущественно как культуры фольклорные [5, с. 20]. По сути, национальные культуры превращаются в «институты-пустышки», которые сохраняют свои названия, но всё их содержание переносится на уровень символической презентации, тогда как содержание реальное фундировано привнесёнными западом формами массовой культуры [4, с. 35].

Однако, с другой стороны, в современном мире растёт роль и влияние локального, регионального и этнического компонента, от интереса людей к своим историческим и культурным корням, возрождения традиций, до специфических форм экономической деятельности в отдельных регионах или землячествах и диаспорах мигрантов и даже борьбы за собственную автономию и особые политические права.

Сочетание обозначенных выше тенденций получило название «этнический парадокс современности» (Ю.В. Бромлей, Т.Г. Стефаненко, Н.М. Лебедева и др.) или же предложенный Р. Робертсоном термин «глокализация», подчёркивающий, что глобальные процессы взаимосвязаны, прежде всего, с локальными изменениями [14]. Соответственно, глобализацию нельзя сводить лишь к линейным про-

цессам вестернализма, последовательному разрушению и вытеснению национальных и региональных традиций посттрадиционными формами массовой культуры западных стран. Ведь историко-культурная традиция — это не только воспроизводство прежних форм общественного мироустройства. В ней также заключены и механизмы творческого развития этих форм применительно к тем или иным вызовам современности. Подобные механизмы связаны с ценностными основаниями культуры как сферы деятельности по производству идеалов [10]. Тем самым, традиционная культура предстаёт экзегезой, направленной на поиск идеалов благой жизни и развитие тех человеческих достоинств, которые способствуют достижению этих идеалов и имманентны им, поскольку благая жизнь — это достойная жизнь, жизнь подлинная, по-настоящему.

Поэтому ценностный конфликт, определяющий противоречивость процессов глокализации и этнического парадокса современности связан не столько с попыткой охранять местные традиции от распространения форм западной культуры (того, что Э. Гидденс называет фундаментализмом [4, с. 20]), сколько с устремлённостью к подлинности форм социальной жизни и преодолению мнимости этих форм, как навязывающихся извне, так и отживших, принадлежащих прошлому. Именно такая устремлённость и определяет жизнеспособность традиции, её способность адаптироваться и эволюционировать в сложившихся исторических условиях. Глобализация, в данном контексте, несёт не только риски для локальных традиций, но и новые возможности для их развития.

Одним из инструментов, обеспечивающих интеграцию регионов и этно-территориальных образований в глобальный мир, является формирование различных территориальных брендов и бренда территории как таковой для её продвижения в глобальном мире. Данный инструмент имеет экономическое происхождение, где он связан с торговой маркой и знаком собственника. В данном контексте бренд представляет собой определённый знак, обозначающий соответствующие товары и услуги, а также выделяющий и выгодно отличающий их от товаров и услуг конкурирующих производителей [6, с. 19]. В бренде символически представлена неосязаемая сумма свойств какого-либо продукта: его название, упаковка, стоимость, его история и репутация. Он сочетает в себе производимое на потребителей впечатление и их опыт в использовании бренда [9]. Поэтому бренд не только ука-

зывает на товар и отличает его от конкурирующих товаров. Прежде всего, бренд является символическим носителем соответствующего имиджа, привлекательности и позитивной презентации товара, добавляющей стоимость к его рыночной цене. Тем самым, бренд составляет символический и социальный капитал производителя товара.

Символическая природа бренда предполагает соединение в нём идейного содержания и конкретной, наглядной образности, причём соединение до неразличимости, образующей органическую целостность символа [7, с. 48]. Поэтому символ в отличие от знака, внешним образом указывающего на обозначаемую реальность, вбирает эту реальность в себя, участвует в символизируемой реальности [12, с. 197]. Тем самым, в символе абстрактность идеи обретает реальное, живое бытование, а материальные вещи и процессы — свою осмысленность. Таким образом, бренд как символическая репрезентация соответствующих товаров и услуг является носителем определённой идеологии, в которой выявляются и конкретным стилевым образом реализуются ценности человеческой жизни и общезития.

Но, вместе с тем, бренд представляет собой целенаправленно сконструированное восприятие образа товара, содержание которого составляет такая эфемерная материя как впечатление, эмоция, имидж, что предполагает его искусственный, умышленный характер. Поэтому выраженная в нём стилистика может стать самостоятельной ценностью, превращая бренд, по сути, в симулякр: означаемое, отсылающее не к реальным свойствам товара, к другим означаемым виртуального мира символического потребления. Тем самым, бренд амбивалентен: его идеологии, с одной стороны, осваивают горизонт человеческих ценностей, а, с другой стороны, коммерциализация и, как следствие, консюмеризация этих ценностей способствует трансформации их в псевдоценности-симулякры.

Особую опасность подобная амбивалентность представляет в региональных брендах. Ведь сущностной особенностью брендинга территории является то, что наряду с сугубо экономическими вопросами, связанными с привлечением туристов, инвесторов, трудовых мигрантов и, в целом, усиление позиций на макрорегиональном уровне, оно должно решать ещё и важную социальную задачу, связанную с самоидентификацией жителей, определять отношение человека к самому себе посредством идентификации его с местом проживания

[11, с. 70], а также сплачиванию региональной общности в единое целое [2, с. 124].

В региональном бренде символически представлены значимые аспекты «своей» территории, представляющие своеобразный отпечаток образов, ценностей, установок, стереотипов, присущих данному региону [2, с. 124]. И в контексте самоидентификации бренд территории связан с естественным для человека чувством гордости, в котором представлена субъективная значимость идентичности, которая генетически связана с местом локализации своего жизненного мира. Поэтому основанием территориального бренда является демонстрация уникальных особенностей региона. В нём могут быть представлены природные красоты и исторические памятники, а также достижения народа в самых разнообразных областях: промышленном производстве, сельскохозяйственной продукции, деловой активности, образовательных, научных и культурных центрах, историко-культурных традициях и народной кухне, музеях, театрах и художественных ценностях, спортивных достижениях, разного рода достопримечательностях, то есть всё то, что может успешно представлять регион на мировом рынке [8, с. 3]. Такие достижения призваны создавать привлекательный образ региона, подчеркнуть его индивидуальность.

В идентификационном аспекте подобное брендингирование достижений представляет собой форму означивания ценностных доминант региона, выражение его индивидуальности и уникальности. Тем самым, территориальное брендингирование выступает определённого рода экзегезой, направленной на формирование ценностно-смыслового содержания региональной идентичности человека.

В герменевтике регионального брендингирования можно выделить два противоположных, но внутренне связанных процесса, которые можно обозначить как «рас-познание» и «у-знание». Рас-познание представляет собой репрезентацию, представление региона, которое становится его представительством, символическим замещением. Бренд здесь выступает в виде знака, который стремится к простоте и схематизму эмблемы или слогана. Рас-познание направлено, прежде всего, вовне и ориентировано на внешнего наблюдателя. Репрезентация региона здесь предстаёт самопрезентацией: «Это мы!»; «Мы такие!»; «Зато мы делаем ракеты, перекрывает Енисей и даже в области балета мы впереди планеты всей!» (Ю. Визбор). В пределе этот вектор брендингирования ведёт к кичу, в котором бедность и вульгаризация

реального содержания массового коммерческого продукта компенсируется обилием и броскостью атрибутивных коннотаций с элитарным образцом, подлинным объектом регионального брендинга, который, в данном контексте превращается в симулякр. Соответственно, идентичность приобретает квази-традиционные черты, ориентированные на внешнего наблюдателя, тогда как для самих носителей идентичности подобная традиционность может восприниматься как нечто чуждое и непонятное, как игровая, карнавальная симуляция [13, с. 26].

Другой герменевтический вектор бренда-идентификатора, обозначенный нами как *у-знание*, обращен, так сказать, на себя, вовнутрь, вглубь традиции, к ценностным основаниям своего региона как особого историко-культурного мира. Такое *у-знание* содержит в себе имплицитный вопрос: «Кто есть я как воплощение *мы*?» и побуждает к личностному соответствию подобным ценностям. В данном контексте процесс брендинга направлен на поиск лучшего, главного, того, что выражает, воплощает «*мы*» региона, его природную, историко-культурную и социально-экономическую самобытность. Тем самым брендинг мобилизует творческий потенциал региона. Но ключевую роль в этом процессе играет содержательная подлинность регионального бренда, его настоящая, живая реальность, а не искусственно созданная симуляция этой реальности. Проблема подлинности связана с обращением к традиции как порождающей модели современности, и бренд направлен на *узнание*, постижение настоящего, как некой истины бытия, в настоящем, как тем, что есть на данный момент. И представленное в бренде *узнание* — это не просто воспроизводство знаковых особенностей региона на уровне их символической презентации, но, прежде всего, репрезентация этих особенностей в свете того неизбывного, существенного в них, что уже не распадается на видимую данность отдельных случайных обстоятельств [3, с. 237]. В таком *узнании* приоткрывается подлинное существо содержания бренда, который, в свою очередь, сам участвует в творческом развитии соответствующего аспекта традиции.

Вместе с тем, брендинг того, что для жителей региона представляет особую идентификационную значимость, своего рода святыню, несёт в себе имманентный ценностный конфликт. Ведь подобная святыня, как религиозная, так и светская, связанная с историей или культурой, по своей сути, противоположна коммерциализации,

поскольку выступает ценностью-в-себе, ценностью-целью, но никак не средством финансово-экономического успеха. Ярким примером подобного конфликта является болезненная реакция верующих на посещение их храмов любопытными туристами. На наш взгляд, подход к решению данной проблемы следует искать в афористическом замечании А. С. Пушкина: «Не продаётся вдохновенье, но можно рукопись продать». В данном контексте именно у-знание в бренде территории, ориентированное на подлинность его содержания, определяет жизненность региональной идентичности. И наоборот, культивирование содержательной подлинности бренда: истинность веры, если речь идёт о брендировании религии; подлинность творчества, когда речь заходит о брендировании искусства и культуры; правда прошлого, если сама история, историческая традиция становится брендом, является залогом успешной репутации этого бренда, его коммерческой составляющей.

Проиллюстрировать данный вывод можно шутивным предложением одной из организаторов конференции включить в итоговую резолюцию фразу «Хабиб — чемпион!». Хабиб Нурмагомедов после своей яркой победы стал одним из символов дагестанского спорта и, шире, дагестанского характера, своеобразным брендом этой республики. Но обратной стороной подлинности этой победы стало существенное увеличение продажи кавказских папах как символических атрибутов этого спортсмена.

Таким образом, брендирование региона именно как живого организма глобального мира, а не экзотичного бутика глобального супермаркета, сочетает в себе пафос подлинности и карнавал символических презентаций.

Использованная литература:

1. Бергер П. Культурная динамика глобализации. Многоликая глобализация. М.: Аспект Пресс, 2004.
2. Воробьев В. П., Голубицкая О. Л., Еремина Е. В. Роль региональных брендов в формировании региональной идентичности и имиджа территории // Власть. 2014. № 11. С. 122–127.
3. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991.
4. Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004.
5. Картунов С. В. Становление национальной идентичности: Какая Россия нужна миру? М.: Аспект Пресс, 2009.

6. Котлер Ф. Маркетинг от А до Я: 80 концепций, которые должен знать каждый менеджер. М.: Альпина Паблишерз, 2010.

7. Лосев А. Ф. Диалектика мифа // Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат, 1991. С. 21–186.

8. Макарова Д. Д. Брендинг территории как фактор продвижения туристской дестинации (на примере Подольского муниципального района) // Туризм: право и экономика. 2015. № 1. С. 3–9.

9. Огилви Д. Огилви о рекламе. М.: Эксмо, 2006.

10. Пивоваров Д. В. Культура и религия: сакрализация базовых идеалов. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2013.

11. Романова В. С. Модели формирования и практика конструирования бренда территории в российских регионах // Государственное и муниципальное управление в XXI в.: теория, методология, практика. 2016. № 21. С. 70–76.

12. Спирова Э. М. Философско-антропологическое содержание символа. М.: Канон+, Реабилитация, 2011.

13. Шандыбин С. А. Постмодернистская антропология и сфера применимости ее культурной модели // Этнографическое обозрение. 1998. № 1. С. 14–27.

14. Robertson R. Glocalization: Time-Space and Homogeniety-Heterogeniety // Global Modernities. L.: Sage Publications, 1997.

Ivan A. APOLLONOV

Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Prof.,
Department of History and Philosophy
Kuban State Technological University,
Krasnodar, Russia
obligo@yandex.ru

**Brand in the Context of Historical
and Cultural Traditions of the Region**

The problem of correlation between authenticity and simulacrum in the formation of a regional brand is considered. First of all, the brand relies on the internal content of the tradition, mobilizes the potential of its cultural patterns and thus participates in the ideal production, creative development of the tradition and the corresponding identity of its bearers. But at the same time, the brand is aimed primarily at the external consumer, seeks to become an organic part of the global society of mass consumption and thus forms a quasi-traditional identity of its carriers.

Keywords: brand; globalization; glocalization; ethnic paradox of modernity; historical and cultural traditions; traditional identity; quasi-traditional identity; authenticity and simulacrum.

А. Н. Коваленко^{*}, М. Ю. Русаков^{}**

Елизаветовское городище как историко-культурный бренд Ростовской области^{*}**

В современных условиях туризм стал важной составной частью в процессе формирования положительного имиджа и культурной коммуникации среди субъектов Российской Федерации. Создание историко-культурных брендов регионов Северного Кавказа на данный момент является одной из наиболее актуальных задач. В Ростовской области таким брендом может стать Елизаветовское городище, которому принадлежит особая роль в списке памятников истории и культуры Ростовской области. Елизаветовское городище, которое является комплексным памятником, включает в себя крупнейшее на территории России скифское поселение V–IV в. до н.э. и две греческие колонии. В настоящее время Елизаветовское городище является единственным скифским урбанистическим центром такого масштаба, сохранившимся на территории России после распада СССР. На наш взгляд, развитие историко-культурного бренда Елизаветовского городища, вместе с организацией археологического, историко-ландшафтного заповедника, непременно увеличит приток туристов в Ростовскую область.

^{*} КОВАЛЕНКО Александр Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и истории древнего мира, заведующий учебным музеем археологии Института истории и международных отношений Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, Российская Федерация. Электронная почта: alex_arx1977@mail.ru.

^{**} РУСАКОВ Михаил Юрьевич, младший научный сотрудник лаборатории археологии отдела гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация. Электронная почта: rusakov@ssc-ras.ru

^{***} Работа выполнена при поддержке программы фундаментальных научных исследований государственных академий наук на 2013–2020 гг. базовой темы НИР Южного научного центра РАН «Изучение межкультурных взаимодействий населения Нижнего Дона с древнейших времен до нового времени» в рамках государственного задания на 2019 г. (00–18–09, № госрегистрации 01201354248).

Ключевые слова: туризм, бренд, Ростовская область, Елизаветовское городище, Скифия, греческая колонизация, археологический заповедник.

Формирование историко-культурных брендов регионов Северного Кавказа на данный момент является одной из наиболее актуальных задач, направленных на решение ряда этнокультурных, хозяйственных и информационно-воспитательных проблем [6, с. 5].

Как отмечает Н. А. Лёвочкина, основой развития региональных культурных брендов являются краеведческие информационные ресурсы, которые заключают в себе огромный потенциал для развития территории и представляют собой: научные достижения, произведения художественного творчества, традиции, обычаи, обряды и др., способствуя производству новых культурных ресурсов, обеспечивая устойчивость и продвижение региона в мировом сообществе [7]. Культурный бренд может строиться на основе концепции определенного историко-культурного памятника, который может претендовать на повсеместную известность в своем регионе, стране, мире. В Ростовской области таким брендом может стать Елизаветовское городище, которому принадлежит особая роль в списке памятников истории и культуры Ростовской области.

Объект культурного наследия Федерального значения «Елизаветовское городище VI–II вв. до н.э.» был принят на государственную охрану в качестве памятника Федерального (общероссийского) значения 30 августа 1960 г. Постановлением Совета Министров РСФСР за № 1327.

Елизаветовское городище, где уже несколько десятков лет ежегодно проходят археологическую практику студенты-историки, расположено на территории островной части дельты Дона, в 13 км от г. Ростов-на-Дону. Расположение Елизаветовского городища на стыке крупнейших этнических массивов — греков и местного варварского населения, а также на пересечении важнейших транспортных коммуникаций способствовало превращению его в крупнейший в регионе центр международной торговли скифо-античного времени [2, с. 80]. Это был также очень крупный административный и производственный центр, выполнявший, помимо этого, и функцию убежища, поскольку был окружен двумя мощными линиями оборонительных сооружений. По своему значению Елизаветовское городище по праву считается «южной столицей» Великой Скифии, и две с поло-

виной тысячи лет назад этот город выполнял ту же функцию основного регионального центра, которую в нынешней России выполняет на Юге город Ростов-на-Дону — столица Южного федерального округа [4, с. 58–59]. Елизаветовское городище, которое является комплексным памятником, включает в себя крупнейшее на территории России скифское поселение V–IV в. до н.э. и две греческие колонии. Первая из них возникла в структуре скифского городища во второй половине IV в. до н.э. и просуществовала до конца IV в. до н.э., а вторая колония была выведена Боспорским царством на территорию акрополя Елизаветовского городища на рубеже IV–III вв. до н.э. и функционировала до конца первой трети III в. до н.э. [3, с. 209].

В настоящее время Елизаветовское городище является единственным скифским урбанистическим центром такого масштаба, сохранившимся на территории России после распада СССР. Городище площадью более 50 га опоясано двумя линиями оборонительных сооружений, а в центре его находится «акрополь» площадью 12 га.

С востока, юга и запада Елизаветовское городище окружено обширным курганным могильником, протянувшимся более чем на 7 км. Нужно отметить, что, несмотря на более чем столетнюю историю раскопок могильника, на его территории до сих пор сохранились крупные курганы, в которых погребены представители скифской элиты.

После прекращения функционирования скифского городища в конце IV в. до н.э., на его месте была основана греческая колония, открытая Южно-Донской экспедицией в 1982 г. Она является одним из наиболее поздно открытых античных памятников на территории Северного Причерноморья. Характер застройки и техника домостроительства этой колонии характерны для урбанизированного центра. Город имел четкую планировку улиц, а в его структуре выявлены строения общественного назначения. Последними работами установлено, что лишь после гибели этой колонии функции основного административного и экономического центра Нижнедонского региона переходят к Танаису [5, с. 316].

Научное археологическое изучение Елизаветовского городища было начато еще в 1853 г. и этот памятник имеет широкую известность не только в России, но и далеко за ее пределами [1, с. 25]. В 2009 г. со стороны научных центров Франции было высказано предложение о внесении данного памятника в список объектов всемирного наследия ЮНЕСКО. Материалы, полученные в ходе исследования

Елизаветовского городища и его могильника, являются украшением экспозиций музеев Ростовской области, а также музеев Москвы и Государственного Эрмитажа. Только один «Пятибратний» курган дал большое количество ценных находок, из которых более 1700 предметов из драгоценных металлов уникальны по своей художественной ценности.

В разные годы работами на памятнике руководили выдающиеся отечественные исследователи. Особо следует выделить одного из основателей советской школы археологии А. А. Миллера, в экспедициях которого воспитана блестящая плеяда специалистов, в том числе два директора Государственного Эрмитажа академики М. И. Артамонов и Б. Б. Пиотровский. Именно в экспедициях ИИМК на Елизаветовском городище в разные годы были подготовлены многие донские специалисты-археологи. В настоящее время работы по исследованию Елизаветовского историко-культурного комплекса проводятся Южно-Донской экспедицией, которую возглавляет профессор В. П. Копылов. Результатам изучения Елизаветовского городища посвящено множество научных работ, однако каждый год раскопок на Елизаветовском городище и могильнике обогащает науку новыми, часто уникальными, артефактами, которые показывают все многообразие процесса взаимодействия различных по уровню развития культур в регионе.

Руководителями Южно-Донской экспедиции в Правительство Ростовской области было внесено предложение о создании в дельте Дона археологического историко-ландшафтного заповедника, который и должен стать материальным составляющим бренда. Предполагается, что в результате реализации проекта будет создан Историко-археологический комплекс дельты Дона, включающий в себя научно-исследовательский, учебно-образовательный и музейный центр, с экспозицией, отражающей этапы истории, археологии и культуры народов, проживавших в древности в устьевой области реки Дон. В состав комплекса предполагается включить музеефицированные древние строительные остатки скифского городища и Большой греческой колонии, предусмотрев создание в перспективе музея историко-археологических реконструкций под открытым небом. Все эти элементы планируется разработать с применением современных методов музейного проектирования, базирующихся на активно-позна-

вательных началах и рассчитанных на максимальное эмоциональное воздействие на студентов и посетителей.

Помимо музейной работы комплекс должен стать базой научной и культурно-просветительской деятельности. Здесь предполагается проводить различные школы, семинары и научные конференции, познавательные фестивали и праздники (древних ремесел и т.п.), практикумы для старших школьников, студентов, магистрантов и аспирантов. Создаваемый комплекс должен способствовать более продуктивному проведению полевой археологической практики студентов. Помимо этого, Комплекс должен стать полигоном для отработки новых подходов и методов в области педагогики, археологии (в том числе экспериментальной), социально-культурного проектирования и др.

Основой Историко-археологического комплекса должно стать многопрофильное здание, совмещающее функции музея, культурно-просветительского и научно-образовательного центра, а также базы археологической экспедиции. При грамотном подходе к рекламе и продвижению этого начинания оно может стать заметным явлением в культурной жизни не только Нижнего Дона и всего постсоветского пространства, но и дальнего зарубежья.

Развитие историко-культурного бренда Елизаветовского городища, вместе с организацией археологического, историко-ландшафтного заповедника с экспериментальными поселениями, усилит восприятие древности на фоне современного пейзажа дельты Дона и непременно увеличит приток туристов в Ростовскую область. Создание таких археологических, историко-ландшафтных заповедников с экспериментальными поселениями в Европе (поселение позднего палеолита в Польдере Флево в Голландии, кельтское поселение в Батсер-Хале и др.) хорошо себя зарекомендовали и дают прекрасные результаты.

Использованная литература:

1. Копылов В.П. История изучения Елизаветовского могильника на Дону в дореволюционный период // Дон и Северный Кавказ в древности и средние века. Ростов н/Д: Ростовский гос. ун-т, 1990. С. 25–35.
2. Копылов В.П. Роль урбанистических центров Нижнедонского культурно-исторического района в транзитной торговле Востока и Запада (первая половина VI-первая половина III вв. до н.э.) // Историко-культурное наследие Великого шелкового пути и продвижение туристических дестинаций на Се-

верном Кавказе: матер. междунар. науч.-практ. конфер. (28–29 сентября 2015 г., г. Ставрополь). Ставрополь: Изд-во Северо-Кавказского федерального ун-та, 2016. С. 80–86.

3. Копылов В. П., Коваленко А. Н. О динамике греко-варварских взаимоотношений в Нижнедонском культурно-историческом районе в скифо-античный период и времени появления греков в составе населения Елизаветовского городища // Древнее Причерноморье. Вып. IX. Одесса: Фридман А. С., 2011. С. 207–214

4. Копылов В. П., Коваленко А. Н. Образ устья Танаиса, как территориального центра Скифии, в представлении античных авторов // Скифия: образ и историко-культурное наследие: матер. конфер. (26–28 октября 2015 г., г. Москва). М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2015. С. 55–61.

5. Копылов В. П. Коваленко А. Н., Русаков М. Ю. Поселенческие структуры скифо-античного времени на Дону и определения восточной границы Скифии // Границы и пограничье в южнорусской истории: матер. всерос. науч. конфер. (7–9 ноября 2016 г., г. Ростов-на-Дону). Ростов н/Д: Изд-во Южного федерального ун-та, 2014. С. 315–328.

6. Культура и пространство: историко-культурные бренды и образы территорий, регионов и мест / под ред. В. К. Мальковой, акад. В. А. Тишкова. Ростов н/Д: Изд-во Южного научного центра РАН, 2012.

7. Лёвочкина Н. А. Региональные культурные бренды как тренд развития территорий [Электронный ресурс] // Zprávy Vedecké Ideje — 2012. Praha, 2012. S. 57–62. URL http://www.rusnauka.com/30_NNM_2012/Economics/13_119277.doc.htm (дата обращения 31.10.2018).

Aleksandr N. KOVALENKO

Cand. Sci. (Archeology), Assoc. Prof.,
Department of Archaeology and History of the Ancient World,
Institute of History and International Relations,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia
alex_arx1977@mail.ru

Mikhail Yu. RUSAKOV

Junior Researcher, Archaeological Laboratory,
Department of Humanitarian Studies,
Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences,
Rostov-on-Don, Russia
rusakov@ssc-ras.ru

Elizavetovskoe Settlement as a Cultural and Historical Brand of the Rostov Oblast

Nowadays tourism is one of the necessary conditions for the development of the positive image and cultural communication between the regions of the Russian Federation. Creation of cultural and historical brands in the Northern Caucasus regions is a promising task at present. Speaking of Rostov Oblast, Elizavetovskoe settlement, being a distinguished historical site, is worth becoming a regional brand. Elizavetovskoe settlement is a complex site consisting of a Scythian settlement (existed in the 5-th — 4-th BC) and two Greek colonies. Elizavetovskoe settlement is the largest Scythian urban center in the post Soviet Russia. We suppose that promotion of the cultural and historical brand of Elizavetovskoe settlement together with organization of archaeological, historical and landscape preserve will inevitably increase number of tourists coming to the Rostov Oblast.

Keywords: *tourism, brand, Rostov Oblast, Elizavetovskoe settlement, Scythia, Greek colonization, archaeological preserve.*

Ю. А. Прокопенко*

Звериный стиль в декоративно-прикладном искусстве носителей культуры склеповых захоронений Центрального Предкавказья III — I вв. до н.э. как историко-культурный бренд

Статья посвящена семантическому и хронологическому анализу зооморфных изображений, декорирующих различные предметы, обнаруженные в процессе изучения гробниц склеповых могильников конца IV — I в. до н.э. Всего в настоящее время выявлено 19 предметов, оформленных в зверином стиле. Они представляют собой элементы декорирования разных видов вооружения, детали конской упряжи, украшения и амулеты. В числе зооморфных изображений фиксируются образы птиц (13), в 5-ти случаях их сопровождают элементы образов ланей и лошадей; в одном случае они дополнены деталями изображения хищника. В числе хтонических живот-

* ПРОКОПЕНКО Юрий Анатольевич, доктор исторических наук, профессор кафедры культурологии и искусств Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь, Россия. Электронная почта: z_proko_15@mail.ru.

ных, характерных для декоративно-прикладного искусства носителей культуры склеповых захоронений, следует отметить образы змеи и хищников (пантеры и волки). Сохранение в III в. до н. э. устоявшихся форм предметов, характерных для скифской культуры и обязательное их декорирование (например, предметы конской упряжи), связано с их использованием в качестве амулетов. При этом, наблюдается ренессанс в привлечении в качестве их оформления традиционных центральнопредкавказских художественных образов (ушастый длинноногий зверь с хвостом птицы; хищник с резко оттянутой вниз челюстью; сидящая птица). Деградация изображений объясняется схематизацией и упрощением образов (отказ от важных деталей или их рудиментарное изображение; превращение птичьих головок в змеевидные отростки; редуцированный подход к выстраиванию композиции и др.), видимо, под влиянием затухания традиций собственно скифского искусства, а также, в связи с массовым использованием железных изделий, выполняемых техникойковки, препятствующей развитию разнообразия декоров.

Ключевые слова: Центральное Предкавказье, звериный стиль, декоративно-прикладное искусство, склепы, зооморфные изображения, скифы, образ, сюжет, композиция, птицы, хищники, копытные, змеи.

К настоящему времени накоплен значительный материал, касающийся культуры строителей склеповых захоронений III — I вв. до н. э., локализованных, в основном, на территории Ставропольской возвышенности и района Кавминвод (и прилегающих районах): выявлено около 40 могильников и отдельных склепов; дан анализ этнического состава и социальной организации данного общества; исследованы особенности строительной традиции, керамики, украшений, видов вооружения и конской упряжи; рассмотрены особенности погребальной обрядности; намечены основные векторы культурных и экономических связей (см: [11, с. 38–40] [12, с. 296] [13, с. 313–317] [15, с. 218–220] [17, с. 350–355] [18; с.172–178] [19, с. 150] [21, с. 168–169]).

Также, в контексте изучения традиций декоративно-прикладного искусства позднекобанского населения был отмечен ряд образов зооморфных изображений, выявленных в процессе исследования материалов из гробниц склеповых могильников (см: [16, с. 38] [20, с. 170–171]).

Однако, исследований, посвященных, именно, особенностям звериного стиля носителей культуры склеповых захоронений к настоящему времени не существует. Таким образом, накопленный материал, касающийся образцов изобразительного искусства носителей культуры склеповых захоронений позволяет нам восполнить этот пробел.

Всего в настоящее время в процессе изучения гробниц выявлено 19 предметов, оформленных в зверином стиле. Они представляют собой элементы декорирования разных видов вооружения, детали конской упряжи, украшения и амулеты.

Значительную часть выявленных образцов звериного стиля составляют птицевидные изображения — 13 экз. В 5-ти случаях их сопровождают элементы образов копытных (ланей и лошадей); в одном случае они дополнены деталями изображения хищника.

В склепе Кабан-гора (окрестности Кисловодска) найден железный колчаный крюк, спинка которого была оформлена в виде очертания птицы в положении со сложенными крыльями. Четко прослеживаются: тонкая длинная шея, завершающаяся загнутой птичьей головкой с клювом; округлое туловище, переходящее в вытянутый хвост подтреугольной формы (см.: [19, с. 233] [20, рис. 108,3]). Близкое по сюжету изображение — конский налобник (наносник?) обнаружено при исследовании грабительских отвалов вокруг склепа № 2 могильника № 2 Волчий ручей. В данном случае туловище птицы развернуто не в горизонтальной плоскости как в первом случае, а в вертикальной — в профиль, видимо, для удобства расположения отверстия для подвешивания. Также, отличается оформление птичьей головки, завершающейся клювом. Она представляет собой не крюк, как в первом случае, а петлю. Хвостовая часть (в положении в фас), ее правая сторона, декорирована косыми насечками, напоминающими оперение [20, с. 485, рис. 86Б,4]. Еще один аналогичный налобник выявлен в районе склепового могильника Гремучка II (южные окрестности г. Ставрополя). Он отличается подромбической хвостовой частью и спиралевидно загнутым клювом [20, рис. 90Д, В2].

В числе предметов конской упряжи следует отметить 2 экземпляра Г-образных железных псалиев (рис. 2,2,3). Их верхняя — загнутая часть оформлена в виде стилизованных головок ушастых зверей (ланей?). Шейная часть головок украшена нарезным спиралевидным орнаментом. Нижние части псалий заканчиваются раскованными уплощенными лопастями подтреугольной формы (хвост птицы?). Лопастни по краям имеют отверстия. В отверстия были вставлены привески, сделанные из железной проволоки в 9 оборотов, накрученной на сердечник. Об этом можно судить по сохранившейся одной привеске, подвешенной к лопасти одного из псалиев. Предметы являются

детальями уникальной железной узды, обнаруженной рядом с подкурганым склепом «Каменная могила» [22, рис. 2, 1, 2].

Данный сюжет скорее всего является производным от синтеза образов, характерных для местной кобанской культуры и скифского «звериного стиля». Например, для кобанского искусства IX–VI вв. до н.э. характерны бронзовые привески-амулеты в виде бронзовых литых ушастых птичек с вытянутыми носами и веерообразной хвостовой частью (мог. Терезе, гробница I; мог. Индустрия, погр. 7/14, мог. № 2 Татарского городища и др.) (см.: [5, с. 168, табл. XII, 19, 21] [7] [21, рис. 9–11]). В единичных случаях они встречены в захоронениях раннесарматского времени (мог. Нижний Джулат, погр. 40), в том числе в склеповых комплексах (склеп Кобан-гора) [1, рис. 29, 54]. В последнем случае в целом сохранен традиционный сюжет — сидящая птица с распущенным веерообразно хвостом. Однако, наблюдается упрощение элементов образа. В этом варианте шейная часть плавно завершается клювом, отсутствуют уши. Не смотря на это, следует отметить, что в данный период в местной изобразительной традиции образ птичьей головки со зверовидными ушами остается быть востребованным.

В III — начале II до н.э. в гробницах кроме литых птичек появляются полые бронзовые фигурки. В частности, такая бронзовая птичка (фрагментирована) с выделенными зверовидными ушами обнаружена в гробнице, раскопанной А. П. Глушковым в 1965 г. на ул. Орджоникидзе (г. Ставрополь) [17, с. 94–95, рис. 2, 18]. Это изображение отличается особенностями оформления ушей и хвоста. Уши напоминают собачьи — стоят вертикально, слегка наклонены вперед. Крылья показаны в сложенном виде.

Скорее всего, трансформация отмеченного образа кобанских ушастых птичек с вытянутыми носами и веерообразной хвостовой частью (удлинение носовой части и укрупнение ушей) является основой для появления таких изображений как отмеченные выше железные псалии с головками ланей и подтреугольной противоположной частью в виде птичьего хвоста из ритуального комплекса у склепа Каменная Могила. Данный сюжет повторяет бронзовый налобник в виде головки лани из Бельтинского клада (территория Чечни) (см.: [2, с. 86] [20, с. 169, рис. 188, А, 1–3].

Зооморфные превращения отмеченных псалиев из склепа Каменная Могила свидетельствуют о том, что в III в. до н.э. в зверином

стиле Центрального Предкавказья образы кобанского искусства заменяют традиционные скифские.

Прослеживается эволюция изменения сюжетной линии в конечном итоге приведшая к такому изображению. Композиционное решение изделия явно заимствовано из прикубанского варианта скифского звериного стиля V — IV вв. до н.э. (оформление одного конца псаля в виде протомы хищника, противоположного — в форме ажурной вертикальной пластины — мог. Уляп, кург. 2). Однако, прикубанская схема в Центральном Предкавказье была адаптирована под местные вкусы. Самое значительное изменение наблюдается в оформлении хвостовой части псаля. Вертикальная плоскость первоначально сохраняется, но вместо загнутого в петлю хвоста хищника представлен распущенный хвост птицы. В частности, таким образом оформлен бронзовый псалий IV в. до н.э. с протомой ушастого зверя с гривой, обнаруженный в окрестностях г. Кисловодска. Верхний конец псаля оформлен в виде протомы ушастого драконоподобного зверя (при этом Г-образный абрис шеи с головой соединен с центральной частью псаля передними конечностями в форме овала), противоположный является стилизованным изображением птичьего хвоста, выполненным в вертикальной плоскости [16, с. 39–40, рис. 3, А, 1]. Следует отметить, что хотя композиционное соединение передних конечностей и морды животного характерно для прикубанского варианта скифского звериного стиля V — IV вв. до н.э. (Семибратние курганы, кург. 4; Уляп, кург. 2), все-таки, подобный вариант, использованный в кисловодском изображении, более близок кобанским изображениям скачущей лошади типа «Верхняя Рутха» [4, рис. 35, 52].

Таким образом, выстраивается цепочка образов — пантера с загнутым в петлю хвостом в вертикальной плоскости (Уляп, кург. 5) [27, с. 98, рис. 25, кат. № 31], — ушастый зверь с гривой и птичьим хвостом в вертикальной плоскости (находка в окрестностях Кисловодска), — ушастый зверь с гривой с птичьим хвостом в горизонтальной плоскости (склеп Каменная Могила). Образ железного псаля из Каменной Могилы более схематичный, чем кисловодский (частично это связано с особенностями обработки железа). Вместо гривы — винтовая нарезка в области шеи, хвост представлен в варианте, более привычном для кобанского искусства — в горизонтальной плоскости.

Соединение в одной композиции образов копытных (ланей) и птиц, видимо, связано с их общей принадлежностью к верхней зоне мироздания.

Упрощенный вариант сочетания подобных элементов зафиксирован в трактовке 4-х железных псалиев, найденных при исследовании южной полы курганообразной обкладки вокруг гробницы № 1 могильника Татарского городища № 2 (южные окрестности г. Ставрополя). В данном случае форма псалиев напоминает профильное изображение птицы с длинным заостренным клювом. Восьмерковидное расширение в центре предметов является головой птицы. Противоположный расширенный конец псалиев завершается упрощенной трактовкой конского копыта.

Особо следует отметить найденный в единственном числе на Северном Кавказе меч (длина — 54 см), перекрестие которого трактовано как сильно стилизованные головы двух хищных птиц, орлов или грифонов, со спиралевидным клювом (обнаружен в грабительских отвалах рядом с гробницей на северо-западном подножии западной вершины горы Верблюд — окрестности г. Пятигорска).

Перекрестие по контуру занимает промежуточное положение между почковидной и сердцевидной формой. Оно орнаментировано желобками, создающими двойное изображение головы грифона. На вершине брусковидной формы [24, с. 29].

Близкий по оформлению перекрестия является короткий меч из д. Винновка Самарской области [3, рис. 2, 1]. В данном случае каждая сторона перекрестия оформлена в виде пары голов хищных птиц, повернутых в противоположные стороны. Здесь также как у меча, найденного на г. Верблюд, выделены два овальных глаза, восковицы, орнаментированные продольными бороздками. Сближает оба меча в форме навершия — прямоугольный брусок (форма характерна для мечей западной части скифского мира — Северное Причерноморье, Северный Кавказ, Прикамье, а также встречается у савроматов Поволжья и Приуралья). В районе Самарская Лука — Стерлитамак — Оренбург обнаружено еще несколько экземпляров (не менее 4-х) мечей с аналогично оформленным перекрестием. Р. Б. Исмагилов и В. А. Скарбовенко отмеченные мечи датировали концом VI — первой половиной V в до н.э. (хотя все они найдены вне комплексов), считая их изделием местных савроматских мастеров. Следует отметить, что эти мечи от-

личаются более короткими клинками и чеканным (либо рельефным) орнаментом на рукояти [3, с. 81].

Аналогичный меч, перекрестие которого трактовано как стилизованные головы двух хищных птиц со спиралевидным клювом (но одним большим глазом в центре, который принадлежит обоим головам), происходящий из Каневского уезда Киевской губернии, А. И. Мелюкова осторожно отнесла к V в. до н.э., считая клинок продукцией местных мастеров, но под влиянием сибирских акинаков [9, с. 53].

Более близок к кавминводскому (аналогичный по трактовке перекрестия) меч (отличается навершием в виде сомкнутого кольца) обнаружен на территории лесостепного Подонья (Тынково). А. П. Медведев, опубликовавший данный меч, включил эту находку в сводную таблицу клинков конца V — IV в. до н.э. [8, с. 102].

Единственный в своем роде меч, найденный на северо-западном подножии западной вершины горы Верблюды, с зооморфным перекрестием явно не связан с местной изобразительной традицией. Его появление в ритуальных приношениях конца IV — III в. до н.э. вокруг гробницы, видимо, свидетельствует о связях носителей культуры склеповых сооружений с населением района Подонья или о миграционных процессах, затронувших данный регион в III в. до н.э.

Еще один случай использования сюжета, связанного с птицами, зафиксирован в декорировании загнутой лопасти Г-образного железного псаля в форме головы хищника с оттянутой вниз нижней челюстью, найденного в районе склепового могильника Бучинка II. В данном случае наблюдается деградация образа птицы: вырезанный упрощенный контурный показ вытянутого подтрапециевидного туловища, видимо, в положении со сложенными крыльями, которое переходит в тонкую длинную шею, плавно завершающуюся загнутым приостренным отростком (клювом?). В центральной части лопасти псаля он составляет геральдическую композицию, касаясь петлей отростка с аналогично загнутой головкой второй птицы (?). В целом эти изображения использованы для профильной трактовки челюстей хищника (волка?).

В числе хтонических животных, характерных для декоративно-прикладного искусства носителей культуры склеповых захоронений, следует отметить образы змеи и хищников.

В частности, в гробницах выявлено 4 бронзовых браслета с концами в виде змеиных головок (склеп у п. Быкогорка — 2 экз.; гробница, раскопанная А. П. Глушковым в 1965 г. на ул. Орджоникидзе — г. Ставрополь — 2 экз.) [22, 9, рис. 4, 3, 7; 17, 94, 99, рис. 2, 37, 41]. В двух случаях поверхность концов заужена, в двух имеет ромбические очертания. У трех экземпляров концы орнаментированы гравированными насечками поперечными и под углом, составляя зооморфный облик. У одного браслета конец декорирован симметрично расположенными по краям прута гравированными овалами, изображающими уши змеи.

Такие украшения являются обычной находкой в памятниках кобанской культуры западного варианта VII — IV вв. до н.э. [5, табл. XVII, 2–6]. Видимо, традиция использования браслетов с концами в виде головок змеи сохраняется в повседневной жизни строителей склепов в последние века до н.э. Популярность образа змеи объясняется ее значением в связи с лечебной практикой. По осетинским представлениям, змеи вели постоянную борьбу за волшебные «бусины», способные излечить любого больного и даже вернуть к жизни мертвого. Змеиными бусинами в Нартовском эпосе осетин Сослан оживляет мертвую девушку [26, с. 34–35]. Этот эпизод сопоставим со свидетельством Плиния об изготовлении скифами лекарств из проглоченного змеей камешка, который добывался из рассеченной между ушами головы змеи, или всей головы пресмыкающегося [28, с. 192].

Образы хищников менее характерны для изобразительной традиции носителей культуры склеповых сооружений Центрального Предкавказья, чем сюжеты с птицами и копытными — 3 экз.

Следует отметить образ явно заимствованный из кобанских зооморфных изображений. Это фигуры хищников с широко раскрытой пастью, с оттянутой вниз нижней челюстью. Такие изображения часты на бронзовых топорах (Фаскау; Кобанский могильник и др.), а также на других предметах, например, на геральдической пластине из Кобани [25, рис. 3], навершиях мечей из погребения 19 могильника Гастон Уота [10, рис. 1, 4, 5] и др.

К числу предметов, оформленных подобным образом, происходящих из материалов гробниц относятся голова фигурки льва из слоновой кости из Султановского склепа на горе Брык [19, рис. 88, 12] и выше отмеченная загнутая лопасть железного Г-образного псаля из могильника Бучинка.

Фигурка льва из Султановского склепа представляет собой объемное изображение хищника. Судя по положению согнутых конечностей лев показан в положении готовящегося к прыжку. Хвост обвивает бедренную часть задних конечностей. Нижняя челюсть резко отогнута вниз (часть верхней утеряна).

Как уже было отмечено, загнутая уплощенная часть псаля из района склепового могильника Бучинка представляет собой контурное изображение головы хищника (волка?) с отогнутой вниз нижней челюстью. Волчий контур головы образован посредством обрезания пластины, имевшей первоначально подпрямоугольную форму. В результате часть лопасти, соединяющаяся с восьмерковидным утолщением — голова хищника, получила подромбическую форму. Посредством секторальных вырезов с трех сторон оконечности загнутой лопасти оформлен профиль челюстей волка. Внутренне пространство пластины орнаментировано. В резной — штриховой манере показан округлый глаз. Верхняя и нижняя челюсти оформлены двумя птичьими головками.

Оформление челюстей хищников, а также нижней части головы копытных животных в виде птичьих (грифоньих) головок — прием, характерный для скифского звериного стиля IV в. до н.э. Северного Кавказа и Северного Причерноморья (окрестности г. Кисловодска; мог. Нартан-II, кург. 1; ст. Кужорская; Солоха) [14, с. 98, № 31]. Судя по упрощенной схеме изображений псалий, скорее всего, датируется III в. до н.э.

Особо следует отметить образ хищника № 3. Это железное навершие кинжала, выполненное техникойковки в форме пантеры, припавшей к земле, обнаруженное при исследовании южной оконечности курганной каменной насыпи вокруг склепа «Каменная могила».

Челюсть пантеры (?) слегка приоткрыта. Частично сохранились клыки. Верхняя часть морды покатая с закруглением на месте ноздрей. По абрису челюстей и передней части морды прослеживается лотосовидный завиток. Сегментовидные глаза сверху и по затылочной части морды обрамлены рельефными полукруглыми ушами. От головы в противоположную сторону отходит остролистный отросток (грива?), слегка загнутый кверху. Он декорирован тремя нарезными параллельными, направленными к выступающему углу гривы (?) насечками, которые разделены вертикальными выемками на 5–6 рельефных прямоугольников. Туловище декорировано косы-

ми насечками, видимо имитирующими ребра животного. Бедренные части сверху показаны округлыми рельефными валиками, декорированными с профильной стороны спиралевидными завитками. Задняя конечность, соединенная с углом сгиба передней оконтуривают подтреугольную выемку между туловищем и конечностями. Посредством косых вырезов выделены пальцы лап пантеры. Лапы опираются на постамент подпрямоугольной формы.

При внимательном рассмотрении изобразительных особенностей трактовки образа данного хищника наблюдается целый ряд деталей сближающих находку из склепа «Каменная могила» с подобными изображениями на концах золотых гривен из знаменитого Казинского клада первой половины III в. до н.э. (юго-восточнее г. Ставрополя): слегка приоткрытая пасть, округлое ухо, поза припавшего к земле хищника, грива, показанная в форме отростка, направленного от головы в противоположную сторону, косые насечки на туловище, декорирование бедер спиралевидными завитками и др. (рис. 3, А, 2, 3). Е. Ф. Королькова обратила внимание на сходство ставропольских находок с изображениями из памятников Южного Приуралья и Южной Сибири (1-й Филипповский курган; Уландрык I, кург. 12; Уландрык II, кург. 7; Уландрык IV, кург. 2; 2-й Пазырыкский кург.). На этом основании исследователь связывает распространение в Предкавказье золотых украшений с концами, оформленными в зверином стиле, с притоком на Северный Кавказ новых групп кочевого населения с востока. По мысли автора, носителями этих импульсов были кочевники Южного Приуралья и Южной Сибири [6, с. 107, 110, рис. 5]. Скорее всего, кроме отмеченной пантеры из склепа «Каменная могила» в контексте контактирования с инородной племенной группой (сирматы (?), исидоны?), возможно, пришедшей в Предкавказье из района низовьев Дона (в Подонье — из Южного Приуралья), следует рассматривать и упомянутую выше находку при исследовании склепа на горе Верблюд меча с перекрестьем в виде двух головок грифона.

Таким образом, в развитии зооморфных изображений в декоративно-прикладном искусстве носителей культуры склеповых захоронений конца IV — I в. до н.э. прослеживаются четыре основных тенденции:

1) Отказ от центральнопредкавказских и прикубанских традиций скифского звериного стиля, сопровождающийся, с одной сторо-

ны, деградацией ранее излюбленных образов, а с другой — заменой их сюжетами, характерными для кобанского искусства;

2) Хотя сохраняющиеся (или импульсные?) связи с другими регионами (Подонье и др.) направляют в Центральное Предкавказье незначительный поток готовых сформированных зооморфных образов (перекрестие мечей в виде геральдического изображения головок хищных птиц или грифонов; припавший к земле хищник с гривой и др.), видимо, их использование было кратковременным и не привело к созданию подобных местных сюжетных линий (исключением следует считать образ припавшей к земле пантеры с приоткрытой пастью, в определенной мере использованный в композиции шествующих зверей, декорирующей концы местных браслетов II — I вв. до н.э.);

3) Сохранение устоявшихся форм предметов, характерных для скифской культуры и обязательное их декорирование (например, предметы конской упряжи), видимо, связанное с усилением их апотропеических функций. При этом, наблюдается ренессанс в привлечении в качестве их оформления традиционных кобанских образов (ушастый длинноносый зверь с хвостом птицы; хищник с резко оттянутой вниз челюстью; сидящая птица);

4) Деградация изображений объясняется схематизацией и упрощением образов (отказ от важных деталей или их рудиментарное изображение; превращение птичьих головок в змеевидные отростки; редуцированный подход к выстраиванию композиции и др.), видимо, под влиянием затухания традиций собственно скифского искусства, а также, в связи с массовым использованием железных изделий, выполняемых техникойковки, препятствующей развитию разнообразия декоров.

Использованная литература:

1. Абрамова М. П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. — IV в. н.э.). М.: Наука, 1993.

2. Виноградов В. Б. Клад второго бельтинского могильника // Краткие сообщения Академии наук СССР. Ранний железный век. М.: Наука, 1986. Вып. 186. С. 84–87.

3. Исмагилов Р. Б., Скарбовенко В. А. Новые находки савроматского оружия в междуречье Волги и Урала // Средневожская археологическая экспедиция. Межвузовский сборник. Куйбышев: Изд-во Куйбышевского государственного университета, 1977. С. 77–92.

4. Козенкова В. И. Исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М.: Пущинский научный центр РАН, 1996.

5. Козенкова В. И. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант. Свод археологических источников России. Вып. В. 2–5. М.: Ин-т фундаментальных проблем биологии РАН, 1998. 165 с.

6. Королькова Е. Ф. Кубанский звериный и его восточные аналогии // Археологический сборник. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2001. Вып. 35. С. 91–112.

7. Кудрявцев А. А., Прокопенко Ю. А., Черкасов В. Н. Итоги изучения кургана № 2 могильника № 2 Татарского городища // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: VI «Минаевские чтения» по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа: тез. докл. межрегион. науч. конфер. (24–26 апреля 2003 г., г. Ставрополь). Ставрополь: Изд-во Ставропольского гос. ун-та, 2003. С. 18–32.

8. Медведев А. П. Ранний железный век Лесостепного Подонья. Археология и этно-культурная история I тыс. до н.э. М.: Наука, 1999.

9. Мелюкова А. И. Вооружение скифов. Свод археологических источников СССР. Вып. Д. 1–4. М.: Наука, 1964.

10. Мошинский А. П. Кобанский воин-всадник // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: VI «Минаевские чтения» по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа: тез. докл. межрегион. науч. конфер. (24–26 апреля 2003 г., г. Ставрополь). Ставрополь: Изд-во Ставропольского гос. ун-та, 2003. С. 40–44.

11. Прокопенко Ю. А. Налобные, нащечные и нагрудные пластины конского убора из памятников Северного Кавказа V — начала II вв. до н.э. и их аналоги в комплексах Северного Причерноморья // Проблемы истории археологии Украины: матер. V междунар. науч. конфер., посвященной 350-летию Харькова и 200-летию Харьковского национального университета имени В. П. Каразина (4–6 ноября 2004 г., г. Харьков). Харьков: Изд-во Харьковского национального ун-та, 2004. С. 38–40.

12. Прокопенко Ю. А. Типы вооружения из гробниц склеповых могильников Центрального Предкавказья второй половины I тыс. до н.э. // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий (Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа): тез. докл. Владикавказ: Северо-Осетинский ин-т гуманитарных и социальных исследований, 2008. С. 296–299.

13. Прокопенко Ю. А. Особенности предметов конской упряжи из гробниц склеповых могильников Центрального Предкавказья второй по-

ловины IV — начала II в. до н.э. // Пятая Кубанская археологическая конференция: матер. конфер. Краснодар: ГУЗ МИАЦ, 2009. С. 313–317.

14. Прокопенко Ю. А. Новые находки скифского звериного стиля из памятников Центрального Предкавказья V–IV вв. до н.э. // Из истории культуры народов Северного Кавказа: сб. науч. ст. Ставрополь: Апрель, 2009. Вып. 1. С. 7–33.

15. Прокопенко Ю. А. К вопросу о конструктивных особенностях гробниц склеповых могильников Центрального Предкавказья кон. IV — I в. до н.э. // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретация. XXVII Крупновские чтения: матер. междунар. науч. конфер. (23–28 апреля 2012 г., г. Махачкала). Махачкала: Изд. дом Мавраев, 2012. С. 218–220.

16. Прокопенко Ю. А. К вопросу о характерных особенностях центральнопредкавказского варианта звериного стиля в III — I вв. до н.э. // Из истории культуры народов Северного Кавказа: сб. науч. ст. Ставрополь: Графа, 2012. Вып. 4. С. 38–52.

17. Прокопенко Ю. А. Материалы гробницы, раскопанной А. П. Глушковым в 1965 г. на ул. Орджоникидзе (г. Ставрополь) // Историко-археологический альманах. Армавир; Краснодар; М.: Ин-т археологии РАН, 2013. Вып. 12. С. 90–104.

18. Прокопенко Ю. А. Об особенностях керамического комплекса склеповых захоронений кон. IV — III в. до н.э. Центрального Предкавказья // Седьмые Прозрителевские чтения: сб. матер. межрегион. науч.-практ. конфер. (22–23 ноября 2012 г., г. Ставрополь). Ставрополь: Ставролит, 2013. С. 172–178.

19. Прокопенко Ю. А. Скифы, сарматы и племена кобанской культуры во второй половине I тыс. до н.э. Т. I. Ставрополь: Изд-во Северо-Кавказского федерального ун-та, 2014.

20. Прокопенко Ю. А. Скифы, сарматы и племена кобанской культуры во второй половине I тыс. до н.э. Монография. Т. II. Ставрополь: Изд-во Северо-Кавказского федерального ун-та, 2014.

21. Прокопенко Ю. А. Социальная организация носителей культуры склеповых захоронений кон. IV — I в. до н.э. по материалам могильников Ставропольской возвышенности и района Кавминвод // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения: матер. междунар. науч. конфер. (18–21 апреля 2016 г., г. Грозный). Грозный: Чеченский гос. ун-т, 2016. С. 168–170.

22. Прокопенко Ю. А., Рудницкий Р. Р. Железная конская узда позднескифского времени из кургана «Каменная могила» близ Железноводска // Из истории народов Северного Кавказа: сб. науч. ст. Ставрополь: Изд-во Ставропольского гос. ун-та, 2001. Вып. 4. С. 6–12.

23. Прокопенко Ю. А., Рудницкий Р. Р., Фоменко В. А. Склеповые сооружения эпохи раннего железного века района Кавминвод // Из истории народов Северного Кавказа: сб. науч. ст. Ставрополь: Изд-во Ставропольского гос. ун-та, 2000. Вып. 3. С. 7–31.

24. Рудницкий Р. Р., Фоменко В. А. Археологические памятники у г. Верблюды. Пятигорск: Спецпечать, 2005.

25. Скаков А. Ю. Орнаментированные топоры могильника Фаскау в Северной Осетии // Древности Северного Кавказа. М.: Наука, 1999. С. 273–278.

26. Туаллагов А. А. Об одном редком типе орнаментации средневековых аланских зеркал // Из истории культуры народов Северного Кавказа: сб. науч. ст. Ставрополь: Графа, 2010. Вып. 2. С. 33–37.

27. Шедевры древнего искусства Кубани. Каталог выставки. М.: Внешторгиздат, 1987. 188 с.

28. Яценко С. А. О сармато-аланском сюжете росписи в пантикапейском «склепе Анфестерия» // Вестник древней истории. 1995. № 3. С. 188–194.

Yuri A. PROKOPENKO

Dr. Sci. (Archeology), Prof.,

Department of Cultural and Arts,
North Caucasian Federal University
Stavropol, Russia

z_proko_15@mail.ru

Animal Style in Arts and Crafts Media Culture Burial Vaults in the Central Ante of the 3rd — the 1st century BC

The article is devoted to semantic and chronological analysis of zoomorphic images, decorating various objects found in the study of tombs burial crypt end of the IV — the I century. BC. Total currently identified 19 objects decorated in animal style. They represent the elements of the decoration of different types of weapons, parts of harness, ornaments and amulets. Among the zoomorphic images are recorded images of birds (13), in 5 cases, they are accompanied by elements of the deer and horses images; in one case the parts are supplemented predator image. Among the chthonic animals, it should be noted images snakes and predators (wolves and panthers), typical of decorative art media culture burial vaults. Saving in the III BC established forms of subjects, characteristic of the Scythian culture and binding their decoration (for

example, items of harness), associated with their use as amulets. At the same time, there has been a renaissance in attracting as their registration Central Caucasian traditional artistic images (big-eared long-nosed beast with a bird's tail, a predator with a sharply drawn down jaw, sitting bird). The degradation of the image is due to schematization and simplification of images (the rejection of important details or rudimentary image, turning the birds head in a serpentine processes; reduced approach to building the composition, etc.). Apparently under the influence of damping iraditions actually Scythian art, as well as in connection with the massive use of iron products, carried out by forging technology, which prevents the development of a variety of decors.

Keywords: *Central Caucasus, animal style, decorative arts and crafts, crypts, the zoomorphic images, scythians, form, plot, composition, birds, predators, hoof, snakes.*

Е. И. Иноземцева*,
Д. С. Кидирниязов**

Нижнее Притеречье как историко-культурный бренд межэтнической и межконфессиональной толерантности под «сберегающим крылом России» во второй половине XVI–XVIII веке

В статье показан комплекс российских городов-крепостей нижнего Притеречья, где в XVI–XVIII вв. был сосредоточен удивительный конгломерат не только русского, казачьего, автохтонного северокавказского населения, но и сопредельных народов Закавказья, представителей торговых кругов Персии, Индии, Европы, в контексте покровительственной кавказской политики Российского государства как историко-культурный бренд межэтнической и межконфессиональной толерантности.

* ИНОЗЕМЦЕВА Елена Ивановна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела древней и средневековой истории Дагестана Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, Махачкала, Россия. Электронная почта: inozemceva47@mail.ru

** КИДИРНИЯЗОВ Даниял Сайдахмедович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела древней и средневековой истории Дагестана Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской Академии наук, заслуженный деятель науки республик Дагестан и Карачаево-Черкессия, Махачкала, Россия. Электронная почта: daniyal2006@rambler.ru

Авторы делают вывод, о том что являясь важнейшим звеном в осуществлении кавказской политики России, города сыграли особую роль в экономическом и культурном развитии автохтонных народов края.

Ключевые слова: Нижнее Притеречье, Терский город (крепость), крепость Святого Креста, Кизляр. Персия, Индия, терские казаки, тезики, армяне.

Одним из своеобразных районов южной окраины Российского государства в изучаемый период истории была территория нижнего Притеречья. Здесь последовательно, в зависимости от складывавшейся политической ситуации под берегающим крылом Российского государства возникали, расцветали и приходили в упадок основанные русскими города-крепости. Значительный отпечаток на социальный облик этого комплекса укрепленных городов накладывали специфические геополитические условия края.

В 1588 г. в дельте р. Терек была построена русская крепость Терки (Терский город, Тюменский город). Из Терков и через него в разных направлениях шли торговые пути из Русского государства в Закавказье, Персию, Индию, Среднюю Азию. Здесь параллельно проходили два торговых пути, сходящиеся в Астрахани: водный — по Каспийскому морю и сухопутный — степью вдоль западного побережья моря. Торговля по этим путям шла многие столетия, но постоянный и интенсивный характер она приобрела с момента основания Терского города [6].

Города нижнего Притеречья были не только связующим звеном между Русским государством, странами Закавказья, Ближнего Востока и Кавказа в целом, но и торговыми центрами для Дагестана, Кабарды, Чечни, являясь притягательной силой для народов их населяющих. Так в 1631 г. терские воеводы свидетельствовали московскому царю, что в Терский город приезжают с товарами «черкасы, кумычане мичкизяне» [12, с. 128].

В 30-е-40-е гг. XVII в. в Терском городе пользовалась известностью узденская окоченская (ауховцы) фамилия Алеевых. Торговой предприимчивостью отличались братья Бикиши и Черкес.

Крупными торговцами были князья Черкасские, жившие в Терском городе. Особого размаха торговые обороты феодалы этой владельческой фамилии достигли к середине XVII в. И не случайно между терскими воеводами и кабардинскими князьями Черкасскими завязалась тяжба, закончившаяся тем, что в 1678 г. Каспулат Черкасский

вместо денежного и хлебного жалования получил от Московского правительства право сбора таможенных сборов в Терской крепости «до самой смерти» Каспулата Муцаловича, причем предписывалось чтобы горским приезжим торговым людям «не было обид и утеснения» [12, с. 140, 365].

История городов нижнего Пригеречья неразрывно связана с миграционными процессами, которые и привели к формированию в них различных этноконфессиональных групп. Полиэтничность была основным структурообразующим фактором в них. Их культурная среда представляла собой своеобразный симбиоз, в основе чего лежали слияние и взаимодействие традиций, носителями которых были разные этнические, конфессиональные социальные группы горожан. Здесь ярко наблюдался феномен глубоких интеграционных процессов.

Позитивный процесс все нарастающего взаимообусловленного и взаимовыгодного экономического, политического и культурного интегрирования народов Северо-Восточного Кавказа и Русского государства через Терский городок под «сберегающим крылом» Москвы получил импульс своего дальнейшего развития в связи с кавказской политикой Петра I в регионе и строительством крепости Святого Креста. В предельно короткий срок, подхватив эстафету Терского города, крепость Святого Креста, став военно-административным центром России в регионе, в то же время выполняла важнейшую экономико-культурную миссию ее кавказской политики [16, с. 137].

Возникая первоначально как военные крепости на южных границах российских владений, города нижнего Пригеречья со временем превращались в развитые позднесредневековые города. Их пограничное месторасположение оказывало влияние на характер населения, большинство которого составляли северокавказцы, селившиеся в «слободах великих» под стенами русских крепостей: в Черкасской, Окоцкой, Новокрещенской, Татарской. В Терском городе, в частности, постоянно или временно жили представители восточных и западных стран — армяне, грузины, индусы, тезики, поляки, немцы и т.д. (см.: [6] [2]). Что касается терских тезиков, то в исторической литературе существуют различные суждения по поводу их происхождения. Актах кавказской археографической комиссии тезики определены как «поколение древних персов», которые издавна «вышли из персидских

провинций». Дореволюционный исследователь Н. И. Костомаров считал тезиков поданными турецкого султана из «Азиатской Турции». По мнению Е. Н. Кушевой это «восточные купцы из Ирана, Закавказья и Дербента, обосновавшиеся в Терском городе надолго со своими семьями» [8, с. 49–50].

Русские города нижнего Притеречья во второй половине XVI–XVIII вв., представляли собой также и полиэтничный и поликонфессиональный конгломерат представителей торговых кругов различных государств и владений: Русского государства, Персии, Индии и др., объединенных общими экономическими интересами и потребностями, многообразными формами сотрудничества. Важным обстоятельством бытования такой межэтнической и межконфессиональной толерантности являлась торговля. В ходе своего исторического развития они превращались в крупные торгово-экономические центры, важнейшие узлы крупномасштабной транзитной торговли России со странами Кавказа и Закавказья и центры региональной торговли, а также центры культуры и духовности для сопредельных кавказских народов. В этих городах на протяжении столетий складывалось и уживалось удивительное сообщество «племен и народов», взаимодействуя и взаимообогащая друг друга. Особую роль в этом процессе играла торговля, являясь не только одной из прибыльных сфер хозяйственной деятельности, но и формой образа жизни и культуры людей. Реализуя их естественные потребности в обмене товарами, торговля была мощным фактором созидания, ибо стимулировала развитие ремесел, науки, искусства. Торговля выступала (что очень важно) как фактор мира, ибо нуждалась в политической стабильности, безопасности торговых путей. Вместе с тем торговля была фактором культуры диалога, культуры межцивилизационного общения, уважения обычаев и веры партнеров.

Иноземные купцы в основном занимались посреднической торговлей между народами Северо-Восточного Кавказа, Ираном и Россией, а через Россию — с Европой. Важная роль в осуществлении крупномасштабного товарооборота по этой международной коммерческой артерии отводилась предприимчивому армянскому купечеству, обладавшему богатым коммерческим опытом и традициями.

Особый интерес и значимость являют собой взаимообусловленные культурно-адаптивные процессы между терским казачеством

и автохтонным населением низовий Терека, которые неизбежно сопровождались и этническим взаимодействием, и взаимовоздействием [11, с. 71–82].

Казачество вообще — исторически сложившаяся общность граждан России, имеющая самобытные традиции, определенную территорию проживания, относительно стабильные особенности культуры, психики, самосознания, хозяйственный уклад, особенности воинской службы и взаимоотношений с государством. Терское казачество, представленное терскими низовыми и гребенскими казаками — феноменальное социальное явление отечественной истории, один из субъектов сложного и многомерного процесса складывания северокавказской историко-культурной общности [10, с. 13–19].

С самого своего возникновения терское казачество было полиэтничным, включавшим в себя представителей различных автохтонных народов. Длительное проживание на Кавказе, специфические условия жизни, естественно, оказали свое влияние на его этногенез. Казачество на Тереке складывалось не только из беглых русских, искавших вольную жизнь на Кавказе, но и представителей самих горских народов: дагестанцев, чеченцев, ингушей, кабардинцев. В результате многолетнего мирного соседства с автохтонными народами среди замужних было много женщин местного происхождения, особенно чеченок, ногаек, кабардинок. До сих пор в казачьих станицах сохранилось немало людей, далекие предки которых вышли из местных народов [3]. Случалось, что от беспросветной жизни отчаявшись, в одиночку и целыми семьями бежали из горских владений чагары (крепостные. — Авт.), «желая избыть холопство», или «прогневавшись на хозяина», в российские городки или казачьи поселения по Тереку и, приняв крещение становились Марьями и Иванами [9, с. 142]. Таким образом горский «родственный след» на Тереке и сегодня весьма заметен. Нельзя не согласиться с таким обобщающим заключением В. Г. Белинского, что казаки стали «новыми и удалыми сынами Кавказа, без которых не полна и не определена его физиономия» [3, с. 62–63].

Следует подчеркнуть, что история формирования терского казачества низовий Терека — яркий и поучительный пример слияния в одно целое групп различных народов, их культурных традиций, богатая школа интернационального общения. Передавая хозяйствен-

но-культурные традиции, умение и навыки русского и украинского крестьянства местным народам, казаки сами многому у них научились (традиции домостроительства, убранства дома, одежда, пища, музыка, танцы, вооружение, элементы семейного воспитания и т.д.). Роднясь с горцами, терцы приобрели особый антропологический тип, весьма близкий к кавказскому, характер, темперамент привычки (см.: [4, с. 91–106] [13, с. 404–405]).

Процесс развития взаимообусловленного культурно-адаптивного взаимодействия терского казачества с автохтонным населением нижнего Притеречья через комплекс основанных Российским государством городов являлся важным ресурсом межэтнической толерантности в регионе, синтеза различных культур, формирования единого Северокавказского мира.

В силу различных политических обстоятельств, Россия в 1735 г. уступила прикаспийские «провинции» шахскому Ирану. Южные границы России отодвинулись за Терек. Крепость Святого Креста была упразднена. У небольшого поселения на Тереке у Кизлярского перевоза и была заложена Кизлярская крепость, будущая «Русская столица на Кавказе». Постепенно Кизляр становится важнейшим экономическим центром для народов всего Северо-Восточного Кавказа, зоной их повышенного интереса где они осуществляли экономические и культурные контакты как между собой, так и с Россией [4].

Массовое переселение армян в Западное Прикаспие в XVIII в. стало частью официальной российской политики в XVIII в., основы которой были заложены Петром I, предполагавшего выгоды, связанные с деятельностью армянских предпринимателей. По его указам представителям армянских торговых кругов были предоставлены значительные привилегии, что должно было «персидский торг умножить и армян, как возможно, приласкать и облегчить, в чем пристойно, дабы тем подать им охоту для их большего приезда» [14, с. 353].

Во время Каспийского марша Петра I стало расти и крепнуть и русско-армянское военное содружество. Еще в 1723 г. на русской службе появилась конная армянская команда из 50 человек, служивших сначала «на своем коште» под командованием Петра Сергеева (Петросади Саргиса Гиланенца) [15, с. 76–77]. Образование армянского эскадрона происходило на фоне борьбы армянского народа против господства Персии и Турции в 20-х гг. XVIII в. Эскадрон был обра-

зован в июне 1723 г. путем слияния отдельных мелких групп, оказавших помощь в деле продвижения и укрепления русских войск в Гиляне — Мазандеране [15, с. 141]. Год спустя на русской службе оказались и грузины-«милитинцы». Численность армянской и грузинской частей не была постоянной. В состав армянского эскадрона вливались другие армянские отряды.

После сдачи Гиляна по Рештскому договору 1732 г. часть из них служить перестала, но многие ушли вместе с русской армией за Куру и продолжали службу в ее рядах.

Гянджинский русско-иранский договор 10 марта 1735 г., предусматривавший вывод императорских войск за реку Терек и возвращение Ирану прикаспийских провинций (территория нынешних Азербайджана и Дагестана), резко изменил положение военных чинов, составлявших армянский эскадрон, в связи с требованием Надир-шаха возвратить в его государство состоявших на русской службе грузин и армян. Многие армяне просили российские власти не возвращать их Ирану. Такая просьба была удовлетворена. При выходе императорской армии за Терек они получили «отпуск, хлеб и жалованье». Многие военнослужащие армянского эскадрона вместе с российскими войсками выехали оттуда в Россию, в частности в Кизляр.

Деятельное население возникшей с тех времен «Притерской Армении» оказало и оказывает огромное влияние на социально-экономическое и культурное развитие Кизлярщины в частности, Притеречья — в целом [1, с. 121].

В 1735 г., когда крепость Святой Крест была упразднена, жители ее Грузинской слободы были переселены в Кизляр, туда же перевели и Грузинский эскадрон, находившийся в составе российской армии. Российская администрация края все делала для того, чтобы «... им потребные земли дать и в полезное состояние привести» [4, с. 157].

Черкесский квартал или «Черкес-аул» Кизляра был населен кабардинцами, переведенными сюда из крепости Святой Крест, у стен которой были поселены 300 кабардинских семей, подданных Эльмуры Черкасского.

Большая часть кабардинцев продолжала служить России в составе кабардинской конницы, входившей в состав Кизлярского гарнизона. Начальствовал над ними как в военном, так и в гражданском отношении генерал-майор Эльмурза Бекович-Черкасский [5, с. 67]. Глав-

ная задача воинской команды Э. Черкасского состояла в том, чтобы встречать и провожать послов, выполнять дипломатические миссии, но основным их делом была военная служба. Русские местные власти высоко ценили воинские качества кабардинцев: «оные люди добрые и к войне храбры» [5, с. 65].

В 1737 г. во время русско-турецкой войны полковник князь Эльмурза Бекович-Черкасский во главе Кизлярского казачьего войска трижды ходил в походы против крымских татар. Оставил после себя восемь сыновей, пятеро из которых избрали военную службу в Кизляре. Четвертый сын, приняв православие, в 1790 г. в чине полковника стал командовать, как и его отец, Терско-Кизлярским войском.

Следует подчеркнуть, что территория нижнего Притеречья, будучи издревле контактной, интегральной зоной для народов Северо-Восточного Кавказа, и сегодня отличается исключительной этнической мозаичностью, этнолингвистической и этноконфессиональной пестротой. Данное обстоятельство как нельзя нагляднее представлено в одном из старейших ныне существующих российских городов на Северном Кавказе — Кизляре, представляющем своеобразную модель стабильного, долговременного межэтнического взаимодействия.

Как констатируют известные ученые северо-западного Кавказа и с этим нельзя не согласиться: «Формировавшиеся северокавказские города постепенно становились форпостами и центрами межэтнического взаимодействия, своеобразными этнокультурными котлами, в которых скапливались представители многих автохтонных народов» [7, с. 16].

Именно через эти хозяйственные центры ретранслировались имперско-русские социально-культурные смыслы жизнедеятельности, примеры успешного и созидательного жизнестроения, в какой-то степени — образцы той перспективы, которую несла за собой имперская колонизация. Именно здесь часть горцев приобретала опыт взаимодействия с инокультурными субъектами в условиях, которые выходили за рамки их традиционности [7, с. 17].

Резюмируя все вышесказанное, следует подчеркнуть, что история российских городов-крепостей нижнего Притеречья являет собой очень важный пласт этноурбанистических центров, которые дают своего рода срез динамики развития региона в целом, аккумулируя

важнейшие изменения, происходившие на протяжении XVI–XVIII вв. в контексте исторической интеграции народов Северо-Восточного Кавказа в российскую историческую систему.

Являясь важнейшим звеном в осуществлении кавказской политики России, эти города сыграли особую роль в экономическом и культурном развитии автохтонных народов края. Представляя собой весьма сложные социально-экономические организмы, сложившиеся в специфических геополитических условиях, они являли собой своеобразные полиэтничные конгломераты различных народов Северного Кавказа, Закавказья, Индии, Средней Азии, России и даже Европы, объединенных общими интересами и потребностями, многообразными формами сотрудничества и добрососедства в контексте покровительственной политики Российского государства.

Следует особо подчеркнуть, что в общем русле экономической интеграции народов Северо-Восточного Кавказа с Россией через указанные выше российские города в XVI–XVIII в. происходил важный процесс дальнейшего развития веками складывавшихся взаимовыгодных и взаимообусловленных экономических, политических и культурных связей сопредельных народов региона между собой.

Использованная литература:

1. Аганесова Д. В., Суздальцева И. А. Армянские общины Дагестана в XVIII–XIX вв. Махачкала: Народы Дагестана, 2007.
2. Васильев Д. С. Очерки истории низовьев Терека (Досоветский период). Махачкала: Дагкнигоиздат, 1986.
3. Великая Н. Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Ростов-на-Дону: Невыномыская городская типография, 2001.
4. Гарунова Н. Н. Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII — первой половине XIX в.: Махачкала, 2007.
5. Гарунова Н. Н., Чекулаев-Братчиков Н. Д. Российская императорская армия на Кавказе в XVIII веке: история Кизлярского гарнизона (1735–1800 гг.) Махачкала: Дагестанский гос. ун-т, 2011.
6. Гриценко Н. П. Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края. V — середина XIX века. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского гос. ун-та, 1984.
7. Дударев С. Л., Клычников Ю. Ю. Города как пространство социокультурной адаптации населения Северного Кавказа в процессе осуществле-

ния российского модернизационного проекта. Пятигорск: Пятигорский гос. лингвистический ун-т, 2014.

8. Иноземцева Е. И. Дагестан и Россия в XVIII — первой половине XIX в.: проблемы торгово-экономических взаимоотношений. Махачкала: Ин-т истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, 2001.

9. Иноземцева Е. И. Институт рабства в феодальном Дагестане. Очерки истории. Махачкала: Ин-т истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, 2014.

10. Иноземцева Е. И. Казачество России в контексте крупномасштабной внешнеполитической акции Низового корпуса императорских войск в юго-западном Прикаспии (1722–1735 гг.) // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2016. № 2. С. 13–19.

11. Иноземцева Е. И., Кидирниязов Д. С. Культурное и хозяйственное-экономическое наследие терского казачества как ресурс межэтнической толерантности на Северо-Восточном Кавказе // Фольклор в семейной и общественной жизни нижнетерского казачества: матер. регион. науч. конфер. Махачкала: Радуга, 2017.

12. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.: документы и материалы: В 2-х т. Т. I.: XVI–XVII вв. М.: Изд-во АН СССР, 1957.

13. Кидирниязов Д. С. Взаимоотношения народов Дагестана и Северного Кавказа в XVIII — середине XIX в.: политические, торгово-экономические и этнокультурные аспекты. Махачкала: Алеф, 2016.

14. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. VIII. М.: Из-во социально-экономической лит-ры, 1962.

15. Чекулаев Н. Д. Армянские эскадроны в составе русских войск 1723–1724 гг. // Военно-исторический журнал. 2008. № 12. С. 76–77.

16. Чекулаев-Братчиков Н. Д. Низовой корпус на Кавказе: история гарнизона крепости Святого Креста (1722–1735 гг.). Махачкала: Ин-т истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, 2011.

Elena I. INOZEMTSEVA

Cand. Sci. (National History), Senior Researcher,
Department of Ancient and Medieval History of Dagestan
Institute of History, Archaeology and Ethnography,
Daghestan Scientific Center, Russian Academy of Science,
Makhachkala, Russia
inozemceva47@mail.ru

Daniyal S. KIDIRNIYAZOV

Dr. Sci. (National History), Prof.,

Leading Researcher, Department of Ancient and Medieval
History of Dagestan Institute of History, Archeology and Ethnography,
Dagestan Scientific Center, Russian Academy of Sciences,
Makhachkala, Russia
daniyal 2006@rambler.ru

**The Lower Priterech'ye as a Historical and Cultural Brand
of Interethnic and Interfaith Tolerance Under the «Russia Saving Wing»
in the Second Half of the 16-th-18-th Centuries**

The article shows the complex of Russian fortress cities of the lower Priterech'ye, where in the 16-th — 18-th centuries. An amazing conglomerate was concentrated not only of the Russian, Cossack, autochthonous North Caucasian population, but also of the neighboring peoples of Transcaucasia, representatives of the trade circles of Persia, India, Europe, in the context of the patronizing Caucasian policy of the Russian state as a historical and cultural brand of interethnic and interfaith tolerance. The authors conclude that, being the most important link in the implementation of the Caucasian policy of Russia, the cities played a special role in the economic and cultural development of the autochthonous peoples of the region.

Keywords: Lower Priterech'ye, Tersky city, Holy Cross fortress, Kizlyar, Persia, India, Terek Cossacks, teziks, Armenians, Georgians.

Н. В. Юрченко*

**Джигитовка, как культурный
бренд Северного Кавказа: особенности возрождения,
сохранения и перспективы развития**

Джигитовка — боевое искусство народов Великой Степи и Северного Кавказа. Кроме военной техники включает в себя «красование» юноши перед девушкой, вхо-

* ЮРЧЕНКО Наталия Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Московского авиационного института (национального исследовательского университета), Москва, Россия. Электронная почта: welesenta@yandex.ru.

дит в свадебные обряды. На Западе, как специфическая черта Российской культуры начала восприниматься с русско-турецких войн XVIII в. После эмиграции казаков в начале XX в. в США появляется подражание джигитовке — трюкрайдинг. Как военная дисциплина джигитовка сейчас востребована в зонах локальных конфликтов, в пограничной службе, в конной полиции. Как спорт, развивается с 2005 г., в 2016 г. создана Международная федерация джигитовки, проводятся Чемпионаты Мира, в 2017 г. официально признана спортом. Развитие джигитовки, как культурного бренда нуждается в создании фольклорных коллективов, проведении фестивалей, конкурсов, где джигитовка будет представлена во всем своем этническом многообразии. Это также будет способствовать объединению народов Северного Кавказа.

Ключевые слова: джигитовка, Северный Кавказ, традиционная культура, культурный бренд, объединение народов Кавказа.

Джигитовка, как бренд России и, в частности, Северного Кавказа, стала восприниматься начиная с XVIII в. и реформ князя Потемкина. Наполеону приписывают фразу: «Дайте мне 20 000 казаков, и я завоюю полмира». Конец XIX и, особенно, начало XX в. вывели джигитовку на международный уровень, как один из самых ярких Российских брендов, наряду с медведем и балалайкой. Главная причина этому — эмиграция казаков в годы гражданской войны и необходимость зарабатывать на жизнь тем, что они умеют [8].

После Первой мировой войны людям очень хотелось праздника. Джигитовка в Европе, а затем и в Америке становится очень популярной. Трюковые фильмы в Голливуде снимаются с привлечением казаков-эмигрантов в качестве дублеров главных героев [1]. На основе казачьей джигитовки в США возникает новый вид конного искусства — трюкрайдинг (трюковая верховая езда). Упражнения трюкрайдинга только внешне напоминают казачью джигитовку, не имея практического применения. По мере своего понимания увиденного, американские фермеры на традиционных ярмарках пытались повторить казачьи трюки на ковбойских седлах, не предназначенных для боевых приемов. В результате появилось «трюковое седло» — гибрид ковбойского седла с вольтижировочным с большим количеством петель и ручек [9].

Спрос на шоу в Европе после Первой мировой войны не только принес популярность джигитовке в этот период, но и породил интерес к конному трюкачеству вообще. Но, выполнение конных трюков в цирковых жанрах и в трюкрайдинге в корне отличаются от элементов казачьей джигитовки, хотя лихостью и риском, и где-то видом они близки.

Однако джигитовка — это исконно российское искусство, и наша задача сохранять его в чистоте, развивать и пропагандировать. В этом направлении достаточно много сделано. С 2005 г. энтузиастами по возрождению джигитовки были собраны по фото и видео документам, а также по уставам российской и советской кавалерии много упражнений и приемов владения оружием. Опираясь на материалы, уставы и методики по обучению казаков в XIX–XX вв. были реконструированы упражнения джигитовки и техники их исполнения (см. подроб.: [3, 4]).

В 2017 г. джигитовка была официально признана спортом министерством спорта Российской Федерации. Правда для этого Федерации конно-спортивной джигитовки пришлось добавить к себе еще и тентпеггинг — воинская дисциплина, соревнования по которой проходят во всем мире, но в основном на Арабском Востоке.

В 2016 г. Россия и Казахстан создали Международную Федерацию Конно-Спортивной Джигитовки. В нее пожелали вступить и другие страны, где практикуется джигитовка. С 2016 г. в России проводится Чемпионат Мира по джигитовке. Страны-участницы — это в первую очередь бывшие республики СССР, и те страны, в которые эмигрировали казаки после революции 1917 года [5, 6].

Став спортом, джигитовка начала решать важные, но несколько иные задачи. Теперь речь идет не о возрождении и сохранении культурных традиций, а о массовом распространении джигитовки как спорта. Как любая спортивная дисциплина джигитовка имеет свои правила, набор упражнений и методики их исполнения.

Для развития спорта — это обязательное условие, иначе нельзя оценить качество исполнения упражнений. Но такая стандартизация недопустима для сохранения и развития джигитовки, как феномена Российской культуры. Огромное количество приемов и упражнений, известных на сегодняшний день остались за пределами спортивной джигитовки. Эти упражнения демонстрируются в цирке, на показательных выступлениях, на различных конных праздниках.

Джигитовка представляет собой настолько многогранное явление, что в ней можно выделить несколько направлений. Как спорт джигитовка проявила себя и продолжает развиваться. Как боевое искусство джигитовка также остается востребованной на пограничной службе и в конной полиции.

В области культуры у джигитовки судьба оказалась более сложной. С середины XX в., когда была расформирована кавалерия и казаки как род войск стали не нужны советскому государству, джигитовка стала восприниматься только как часть культуры народов Северного Кавказа: осетин, дагестанцев, чеченцев и т.д. И развивалась только в цирке и в кино. В цирке был сделан упор на акробатические элементы, в кино был также спрос на работу с оружием [2].

Сегодня, рассматривая джигитовку, как культурное явление, как бренд всего Северного Кавказа необходимо фиксировать, сохранять и развивать все элементы джигитовки. При этом указывая на национальные особенности того или иного элемента. Не случайно в казачьей джигитовке есть «уральская вертушка», «терская вертушка». Чем больше разных элементов мы сохраним, тем ярче засверкает своими гранями джигитовка.

Джигитовка, как верно заметил сын одного из казаков-эмигрантов Пьер Пахомов — это танец с лошадью. Поэтому кроме спорта, цирковых представлений, боевой техники джигитовка может и должна развиваться в области искусства. Приобретать, как и спорт, массовый характер, особенно на Северном Кавказе. Благодаря возрождению джигитовки как спорта, она вернулась в казачьи станицы, многие казачьи игры, фестивали, шеремии уже проводятся не первый год и стали традиционными, что, к сожалению, нельзя сказать о Северном Кавказе.

Прошло уже три чемпионата мира по джигитовке и 12 ЧР, к сожалению, кавказские команды не были там представлены. Исключение составляет Кубанское казачье войско, за которое выступают кубанцы-москвичи Владимир Дружинин и Алексей Яковенко. Еще один москвич-осетин Владислав Кудзаев, ученик Мухтарбека Кантемирова участвует в чемпионатах России и мира как судья и тренер спортсменов.

Ближайшей «кузницей кадров» для Северного Кавказа стала «Школа генерала Бакланова» в Суровикино Волгоградской области. Ее основатель и руководитель Александр Щеглов принимает детей и взрослых для обучения джигитовке. Дети в школе живут и обучаются бесплатно. Здесь джигитовка обрела свое второе рождение как часть культурного наследия России, она не только сохраняется, она живет, обрывает все новыми и новыми трюками. Школа генерала Бакланова давно стала законодательницей мод на показательных вы-

ступлениях, которыми всегда завершаются спортивные соревнования по джигитовке.

Первый опыт возрождения джигитовки на Северном Кавказе в области туризма был сделан в 2016 г. в туристическом комплексе Каньон Кавказские Минеральные Воды. Туда в качестве инструктора был приглашен Николай Замятин, воспитанник школы генерала Бакланова. Следом за Каньоном другой туркомплекс Алан-Шахар начал готовить несколько инструкторов по джигитовке. Они уже обучались у Николая Замятина и в подмосковном Лыткарино у вице-президента Федерации конно-спортивной джигитовки Сергея Владимировича Калинина.

Малокарачаевском районе Карачаево-Черкессии в конном клубе Ас-Алан пробуют возродить искусство джигитовки. Тренируется группа джигитов под руководством Степана Щеглова.

Джигитовку необходимо изучать как искусство в контексте культуры, каждого из Кавказских народов. Кружки, состязания, фестивали. При этом будет происходить объединение народов Кавказа на основе общего и различного в искусстве джигитовки.

Всеми возможными способами необходимо возрождать национальную джигитовку в республиках Северного Кавказа. На начальном этапе необходимо обеспечить подготовку тренеров по спортивной джигитовке, поскольку этот пласт национальной джигитовки уже хорошо изучен и активно используется. Ближайший к региону центр по подготовке джигитов — это «Школа генерала Бакланова» под руководством Александра Щеглова в поселке Суrowикино Волгоградской области. Нужно создавать конно-спортивные секции на базе существующих конюшен или, при необходимости, организовывать новые. Используя опыт Волгоградского отделения Федерации Конно-спортивной джигитовки и тентпеггинга или других аналогичных организаций, нужно проводить соревнования по джигитовке на муниципальном, областном и региональном уровне среди детей и любителей, и для профессионалов. Особенно в традиционных коневодческих районах.

Использованная литература:

1. Джигитовка казаков по Белу Свету / сост., науч. ред., предисл. и коммент. П. Н. Стрелянова (Калабухова) М. Центрполиграф, 2006.

2. Рогалев Г. Т., Рого О. О. Вольтижировка и джигитовка. М.: Физкультура и спорт, 1971.
3. Юрченко Н. В. Возрождение казачьей джигитовки в современной России (2005–2016). Проведение ЧМ по джигитовке — первого в истории человечества // Коневодство и конный спорт. 2016. № 5. С. 30–32.
4. Юрченко Н. В. Десять лет соревнованиям по спортивной джигитовке в России: перспективы развития в практике занятий конноспортивной секции // Вестник Учебно-методического объединения по образованию в области природообустройства и водопользования. 2014. № 6. С. 299–319.
5. Юрченко Н. В. Казаки-джигиты кубанского казачьего войска и их конные выступления в эмиграции во Франции в 1925–1926 гг. (по мемуарам Ф. И. Елисеева и Г. А. Солодухина) // Кубанские исторические чтения: матер. III всерос. науч.-практ. конфер. с междунар. участием (20 июня 2012 г., г. Краснодар). Краснодар: Краснодарского центра науч.-тех. инф., 2012. С. 218–223.
6. Юрченко Н. В. Создание международной федерации по конноспортивной джигитовке и эволюция правил по конноспортивной джигитовке в XXI в. // Современные исследования социальных проблем. 2016. № 2–3. С. 97–106.
7. Юрченко Н. В., Большакова М. В. Перспективы чемпионата мира по конноспортивной джигитовке // Вестник Учебно-методического объединения по образованию в области природообустройства и водопользования. 2016. № 9. С. 85–90.
8. Юрченко Н. В., Юрченко И. Ю. Из истории конного спорта в России: европейская вольтижировка и казачья джигитовка в годы правления Екатерины II (1762–1796) // Коневодство и конный спорт. 2017. № 2. С. 36–38.
9. Dean, Frank E. *Complete Book of Trick and Fancy Riding*, Las Vegas: Wild West Arts Club, 1997.

Natalya V. YURCHENKO

Cand. Sci. (National History), Assoc. Prof.,
Department of History, Moscow Aviation Institute
(National Research University) «MAI», Moscow, Russia
welesenta@yandex.ru

**Dzhigitovka (Fancy Riding) as a Cultural Brand
of the North Caucasus: Features of Revival, Preservation
and Prospect of Development**

A Dzhigitovka — martial art of the people of the Great Steppe and the North Caucasus. Except military equipment includes “grandstanding” young men before the girl, enters wedding ceremonies. In the West, as the peculiar feature of the Russian culture began to be perceived with the Russian-Turkish wars of the 18th century. After emigration of Cossacks at the beginning of the XX century in the USA imitation a Dzhigitovka — a tryukrayding appears. As the military discipline a fancy Dzhigitovka is demanded in zones of the local conflicts, in the border service, in mounted police now. As the sport, develops since 2005, in 2016 the International Federation of the Dzhigitovka is created, the World Cups are held, in 2017 it is officially recognized as sport. Development of a Dzhigitovka as cultural brand needs creation of folklore collectives, holding festivals, competitions where the Dzhigitovka will be presented in all the ethnic variety. It will also promote association of the people of the North Caucasus.

Keywords: *Dzhigitovka, North Caucasus, traditional culture, cultural brand, association of the people of the Caucasus.*

Е. М. Багаева*

История предпринимательства как источник стратегии брендирования города

В статье рассматривается вопрос о роли брендинговой стратегии в поддержании статуса города и его продвижении как туристического направления. Формирование промышленного и архитектурного облика Краснодара во многом связано с деятельностью выдающихся кубанских предпринимателей, в частности братьев Аведовых. Разработка новых экскурсионных маршрутов, создание музейных экспозиций, установление мемориальных досок и табличек — все это должно сохранить память о тех людях, которые заложили основу экономического процветания столицы Кубани.

Ключевые слова: бренд, брендинговая стратегия, предприниматели, маслобойное производство, памятники архитектуры, южный город.

История многих российских городов тесно связана с промышленной и меценатской деятельностью известных отечественных предпринимателей и их потомков. Москва у многих местных жителей

* БАГАЕВА Елена Михайловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры обществоведческих дисциплин и регионоведения Института развития образования Краснодарского края, Краснодар, Россия. Электронная почта: briz1999@mail.ru.

и туристов ассоциируется, прежде всего, со знаменитой Третьяковской галереей, расположившейся в бывшей усадьбе купца П. М. Третьякова в Лаврушинском переулке. Братья Третьяковы подарили нам не только уникальную коллекцию русского национального искусства, но памятники архитектуры, являющиеся сегодня объектами культурного наследия: дом-усадьба в Лаврушинском переулке, Доходный дом на углу улиц Кузнечный мост и Рождественки, где сегодня расположен Банк Москвы и т.д. Одной из главных достопримечательностей Ярославля является здание его государственного университета, который по праву считается преемником знаменитого Демидовского лицея. В 1995 г. высшему заведению было присвоено имя его основателя Павла Григорьевича Демидова, а в память о нем в 2005 г. по инициативе Музея истории города Ярославля был восстановлен знаменитый Демидовский столп. Второй Демидовский столп находится в Барнауле и посвящен основателю горнозаводской промышленности на Урале и в Сибири Акинфию Никитичу Демидову, деду Павла Григорьевича. Барельеф с портретом Акинфия Никитича, который когда-то украшал обелиск, сегодня хранится в Алтайском государственном краеведческом музее как образец художественного литья.

Краснодарский край является одним из самых популярных субъектов Российской Федерации не только для многочисленных туристов, но и инвесторов. Удачное географическое расположение, благоприятные природно-климатические условия, аграрная направленность региона — все это изначально создало благоприятные условия для его хозяйственного освоения и развития.

В связи с этим особая ответственность возлагается на Краснодар как центр уникальной истории и культуры Кубани. Важную роль в поддержании статуса любого города и играет грамотно разработанная брендинговая стратегия, которая направлена на его продвижение как туристического направления, как места, привлекательного для инвестиций и как площадки для реализации талантов. В ее основе лежит совокупность эмоций, ассоциаций, представлений и исторически сложившихся образов города, существовавших в разное время.

Сегодня в это трудно поверить, но когда-то это был малозаселенный и слабоизученный край. Отмена крепостного права, завершение Кавказской войны, относительно высокая по сравнению с другими губерниями России заработная плата сельских рабочих, сравнительно низкие цены на землю и ее аренду — все это усиливало поток

переселенцев и пришлых рабочих из центральных губерний Российской империи в Кубанскую область. Иногородние и иностранные подданные проникали сюда в качестве ремесленников, торговцев, наконец, простых чернорабочих в области земледелия, скотоводства и рыболовства. Попав сюда, они постепенно оседали здесь и перевозили своих родственников. Увеличению численности гражданского населения также способствовала государственная политика, проводимая местной администрацией: Положение 1862 г. «О заселении казаками и другими переселенцам предгорий западной части Северного Кавказа» и указ 1868 г. «О дозволении русским подданным невоинского сословия селиться и приобретать собственность в казачьих землях» [3, л. 72]. Главную массу переселенцев составили крестьяне Воронежской, Курской, Орловской, Полтавской и Харьковской губерний, затем мещане и отставные солдаты. Именно с притоком переселенцев начинается хозяйственное освоение Кубанской области, что содействовало становлению торгово-промышленной деятельности в регионе.

Экономическому развитию столицы Кубанской области способствовало утверждение в 1867 г. Положения «О заселении и управлении г. Екатеринодара» (1 мая) [4] и «Правил для заселения и управления города Екатеринодара Кубанского казачьего войска» (7–8 июня) [2, л. 1–9]. Согласно этим двум документам Екатеринодар преобразовывался из военного, казачьего города в гражданский: здесь разрешалось селиться всем желающим не только из самой Кубани, но и из других регионов Российской империи. Это означало, что он получал общее для всех российских городов устройство, в связи с чем, упразднилось станичное управление. Все казаки, имевшие здесь дома и другое недвижимое имущество и пожелавшие остаться, исключались из «воинского сословия» и переводились в сословие мещан: должны были нести все установленные законом городские и земские повинности. Остальным же предоставлялось право переселиться (с 1 января 1868 г.) в другие станицы (с двухлетней льготой от строевой службы и земских повинностей) [2, л. 1–9].

Учитывая сельскохозяйственную направленность региона, широкое распространение здесь получило маслобойное производство. Значительный вклад в развитие данной отрасли промышленности внесли армянские предприниматели Иван Авакович и Степан Авакович Аведовы. Не боявшиеся риска и новизны братья, в то время являвшиеся персидско-подданными, переехали в Армавир и впослед-

ствии получили широкую известность в качестве крупнейших предпринимателей Кубани.

Первые крупные маслобойные предприятия, которые можно отнести к фабрично-заводской стадии развития производства, в Кубанской области появились в начале 90-х гг. XIX в. Так, в 1892 в селении Армавир Лабинского отдела Я. В. Попов открыл первый в Кубанской области крупный паровой маслобойный завод, на котором производилось до 500–600 пудов масла в сутки. Через два года это промышленное заведение, располагавшееся у самого полотна Владикавказской железной дороги, приобрели братья-компаньоны Аведовы, которые провели значительную реконструкцию ряда цехов, доведя производительность до четырех тыс. пудов в сутки. Его удачное расположение существенно упрощало подвоз сырья и отгрузку готовой продукции [7, с. 2604–2634].

Объединив свои доходы, в 1893 г. братья Аведовы открыли торговый дом «Аведовы С. и И.» с основным капиталом 1 млн. руб. [1, с. 39]. В 1899 г. эта фирма открыла в Екатеринодаре крупный маслобойный завод, который находился на городском выгоне, а контора — на улице Гимназической, 43. По величине и размерам производства он стал чуть ли не первым в России. Завод работал на 18 гидравлических прессах и перерабатывал ежедневно до 25 тыс. пудов маслосемян. В его собственности находились испытательная станция по обращению жидких растительных масел в твердое состояние и плантации, на которых выращивался подсолнечник и другие культуры. Кроме того, это предприятие занималось производством деревянной посуды «для собственной надобности». В 1911 г. здесь было выпущено 650 тыс. пуд. подсолнечного масла, 1,3 млн. пуд макухи, 3,5 тыс. штук деревянной посуды и полубочек на общую сумму 3 млн. руб. На производстве работали 439 человек. Маслобойное заведение было оборудовано четырьмя паровыми двигателями в 580 лошадиных сил [1, с. 39].

В начале XX в. Иван Аведов окончательно переезжает в Екатеринодар, а его брат Степан — в Ростов на Дону, однако главная контора их фирмы еще несколько лет находилась в Армавире. В Екатеринодаре армянские предприниматели построили не только маслобойный завод, но и трехэтажный особняк на углу улиц Красная и Гимназическая (ул. Гимназическая, 61), где расположилась их контора. Здание, построенное примерно в 1900–1908 гг., дошло до наших дней в хоро-

шем состоянии и является объектом культурного наследия. К сожалению, нет точных сведений о его архитекторе.

27 июня 1905 г. на заседании Комитета министров Российской империи, проходившем под председательством С. Ю. Витте, рассматривался вопрос об учреждении «Акционерного общества маслобойных заводов братьев И. А. и С. А. Аведовых». Изучив его устав, члены Комитета министров постановили разрешить учреждение этого промышленного объединения, основной капитал которого равнялся 1,2 млн. руб. [6, с. 117–117об.]

В 1913 г. известные в маслобойной отрасли кубанские предприниматели создали «Акционерное общество маслобойных и химических заводов Юга России» (Саломас), основной капитал которого составил 5 млн. рублей, «разделенных на 50.000 акций, по 100 рублей каждая» [5, л. 109–121]. Очень скоро «Саломас» монополизировал производство таких важнейших продуктов, как нитроглицерин, поташ, салолин, саломас. К началу Первой мировой войны этот синдикат превратился в крупнейшего поставщика растительных масел не только на местном рынке, но и в масштабах всей страны. В правление этого объединения входили и братья Аведовы: им принадлежало 390 акций (И. А. Аведову — 200 акций, а С. А. Аведову — 190 акций) [5, л. 109–121].

Однако в 1915 г. из-за разногласий, возникших с администрацией общества, Иван Авакович Аведов выходит из «Саломаса» и строит новый большой салолиновый завод в Армавире, оборудованный по последнему слову техники и рассчитанный на выработку по 5 тыс. пудов растительного сала в сутки. Тогда же И. А. Аведов расширил свой бизнес и купил два маслобойных завода в станице Лабинской и в Армавире, а также арендовал еще четыре предприятия в станицах Кубанской области. На тот момент капитал Аведовых оценивался примерно в 2 млн. рублей, и они входили в число крупнейших предпринимателей региона.

Помимо промышленного производства Аведовы большое внимание уделяли благотворительности, выделяя крупные денежные средства на развитие религиозных, образовательных и профессиональных учреждений Кубанской области.

Однако революционные события 1917 г. коренным образом изменили судьбу братьев Аведовых. И. А. Аведов эмигрировал во Францию, где он, используя свой уникальный предпринимательский та-

лант, смог открыть там небольшое собственное дело — таксопарк, что для того времени было весьма рискованным решением.

До революции масло под маркой братьев Аведовых традиционно считалось в России эталоном качества. Братья-компаньоны активно использовали последние достижения технического прогресса на каждом этапе развития технологий производства и очистки подсолнечного масла: их предприятие было оснащено самым передовым оборудованием.

В 1922 г. знаменитый завод братьев Аведовых в Кубанской столице, построенный ими еще в 1899 г. на городском выгоне, был национализирован и переименован в «Маслозавод № 1 им Ленина» (ныне улица Тихорецкая, 5). Через 13 лет на месте сгоревшего предприятия был возведен маслоэкстракционный комбинат, выпускавший в год до 20 тысяч тонн маргарина, хозяйственного мыла, глицерина, майонеза, саломаса и лецитина, его препараты использовались в фармацевтической промышленности. Позже предприятие было переименовано в Масложиркомбинат имени В. В. Куйбышева. В 2001 г. МЖК Краснодарский вошел в состав российской сельскохозяйственной и продовольственной компании «Русагро», основанной в 1995 г., в связи с чем он начал выпуск новой вида продукции — масла бутилированного, спреда, майонезов и кондитерских жиров.

В 2006 г. из-за «перегретости рынка» «Русагро» стала выходить из масложирового бизнеса и продавать свои основные масляные активы, в частности, МЖК Краснодарский агропромышленной группе «Юг Руси», основанной еще в 1992 г.

Таким образом, сегодня дело выдающихся кубанских предпринимателей Аведовых живет и успешно развивается. В свое время братья-компаньоны, не побоявшись конкуренции и риска, переехали на Кубань и организовали здесь бизнес, который со временем успешно расширили. Постепенно их авторитет и влияние в предпринимательской среде настолько возросли, что их фамилия превратилась в бренд, который способствовал формированию промышленного облика города Екатеринодара и гарантировал производство высококачественной масложировой продукции. Неслучайно, в наши дни подсолнечное и оливковое масло, выпускаемое МЖК «Краснодарский» носит название «Аведовъ», которое вызывает целый комплекс представлений и ассоциаций об уникальной истории Кубани и, в частности, ее столицы.

Сегодня очень важно сохранить то наследие, которое оставили нам И. А. и С. А. Аведовы. С этой целью необходимо не только поддерживать в хорошем состоянии здания, которые они оставили потомкам, но и украсить их мемориальными именными табличками и досками, чтобы жители и гости Краснодара, таким образом, знакомились с его богатой историей и культурой. Здесь можно использовать опыт Ставропольского края, в частности, Пятигорска. В старинной усадьбе, в которой сегодня размещается курортная поликлиника «Виктория», висит мемориальная доска, рассказывающая, что раньше здесь жил купец I гильдии, известный пятигорский меценат Алексей Петрович Найтаки (1805–1881 гг.) («один из первопоселенцев г. Пятигорска, арендатор гостиниц и ресторации г. Пятигорска, г. Кисловодска и г. Ставрополя»). Мемориальная доска также украшает одну из главных достопримечательностей Пятигорска — знаменитую «Кофейню», расположенную в парке «Цветник» (здание «с палубой», как называют ее местные жители), основателем которой являлся кондитер, купец I гильдии А. А. Гукасов.

Памятную табличку следует повесить и на здании МЖК «Краснодарский», как напоминание о том, какой вклад внесли И. А. и С. А. Аведовы в развитие местной промышленности. Повышению интереса к деятельности армянских предпринимателей также могут способствовать специально разработанные экскурсионные маршруты по объектам культурного наследия в кубанской столице не только для детей, но и взрослых.

Помимо этого, при МЖК «Краснодарский» следует открыть музейную экспозицию, которая познакомит посетителей с историей этого предприятия, в частности, с деятельностью его основателей, родоначальников крупного маслособойного производства на Кубани братьев Аведовых.

Все вышесказанное должно поспособствовать тому, чтобы Краснодар в общественном сознании ассоциировался еще и с Аведовыми, как людьми, заложившими основу экономического процветания города.

Использованная литература:

1. Весь Кавказ. Промышленность, торговля и сельское хозяйство Северного Кавказа и Закавказья / сост. и изд. М. С. Шапсович. Баку, 1914.
2. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2981.

3. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 252. Оп. 2. Д. 2113.
4. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 42. СПб., 1871. Ст. 44504.
5. Российский государственный исторический архив. Ф. 23. Оп. 12. Д. 1772.
6. Российский государственный исторический архив. Ф. 1263. Оп. 2. Д. 5768.
7. Фабрично-заводские предприятия Российской империи / сост. Л. К. Езиоранский. СПб.: Т-во «Справочник», 1909.

Yelena M. BAGAYEVA

Cand. Sci. (National History), Assoc. Prof.,
Department of Social Studies and Regional Studies, Institute
for the Development of Education of the Krasnodar Region,
Krasnodar, Russia
briz1999@mail.ru

**The History of Entrepreneurship
as a Source of the City Branding Strategy**

The article is devoted the role of branding strategy in maintaining the status of the city and its promotion as a tourist destination. The formation of the industrial and architectural appearance of Krasnodar is largely connected with the activities of prominent Kuban entrepreneurs, in particular, the Avedov brothers. The development of new excursion routes, the creation of museum exhibits, the installation of memorial plaques and tablets — all this should preserve the memory of those people who laid the foundation for the economic prosperity of the capital of the Kuban.

Keywords: brand, branding strategy, entrepreneurs, oil industry, architectural monuments, southern city.

Бренд города-героя Волгограда: от моносмысловой значимости к полисемантике**

В статье рассматриваются особенности формирования бренда Волгограда и возможности смыслового расширения брендинга городов и поселений региона. Бренд города-героя Волгограда сформировался под воздействием на общественное сознание исторической победы над фашистами в битве на Волге. События Великой Отечественной войны, отраженные в мемориальном комплексе на Мамаевом кургане, художественной панораме «Сталинградская битва», в памятниках героям войны стали узнаваемым во всем мире брендом. Однако 400-летняя история региона позволяет наполнять исторический бренд новыми смыслами, отражающими богатство истории и культуры Волгоградской области. В настоящее время изучение объектов культурного наследия разных веков позволяет расширить социокультурное пространство региона, сформировать бренды различных городов и поселений, сделав их тем самым более интересными для новых поколений волгоградцев, для туристов и путешественников. Потенциал культурного наследия способствует формированию исторической памяти и преемственности поколений.

Ключевые слова: бренд, смысл, культурное наследие, историческая память, ценность, традиция, преемственность.

Бренд региона нельзя просто создать — так же, как нельзя создать национальную идею. Бренд основывается на ассоциации с какими-либо значимыми событиями, явлениями, артефактами. В первооснове — достижения региона, которые определяют его своеобразие, отличие от других регионов. Как правило, эти достижения выдержали испытание временем, исторически укоренены в социуме.

Интерес к прошлому определяется и генетической, и исторической памятью человека. Это подмечал еще В. О. Ключевский, который писал: «Почему люди так любят изучать свое прошлое, свою историю? Вероятно, потому же, почему человек, споткнувшись с разбега, любит, поднявшись, оглянуться на место своего падения» [3, с. 390]. Что

* СГИБНЕВА Ольга Ивановна, доктор философских наук, профессор кафедры социологии Волгоградского государственного университета, Волгоград, Россия. Электронная почта: olga.sgibneva@volsu.ru.

** Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Администрации Волгоградской области в рамках научно-исследовательского проекта № 18-411-340011.

видят, оглядываясь на прошлое, наши современники? И какие культурные ценности современное общество может передать будущему как символ того социокультурного пространства, в котором живет человек?

История Волгограда (1589–1925 — Царицын, 1925–1961 — Сталинград, с 1961 г. — Волгоград) сложилась так, что несколько поколений его жителей уже привыкли отсчитывать историю своего города с трагически-победных событий Сталинградской битвы, сделавших город, совсем недавно еще — уездный город Саратовской губернии, знаменитым на весь мир. Практически стертый с лица земли в 1942–1943 гг., после войны он формировал свой облик заново, и естественно, что военные события стали точкой отсчета новой жизни. Становление современного города — лучшего, чем прежний — и увековечивание памяти тех, кто проливал здесь кровь, не подпустив врага к Волге, определили идеологию возрождения разрушенного Сталинграда. Бережное сохранение мемориальных мест, связанных с подвигом защитников Волжской твердыни, создание памятников в их честь стало ведущей идеей градостроительства и неотъемлемой частью повседневной жизни жителей города и области. Эти исторические объекты формировали культурное пространство населенных пунктов, по которым прокатилась своим испепеляющим огнем война, определяя базовые социальные ценности, формируя ментальность людей.

Такое внимание к военной истории сыграло сложную и противоречивую роль в жизни региона. Подобное случается, когда абсолютизируется какая-то сторона действительности. А значит, создаются условия для мифологизации массового исторического сознания. Создается впечатление, что вся история Сталинграда — Волгограда связана с рубежным событием Великой Отечественной войны. Безусловно, для увековечивания памяти героев Сталинградской битвы сделано много, и это достойный труд выдающихся художников, архитекторов, строителей. Величественная композиция Мамаева кургана, созданная под руководством Е. В. Вучетича, обладает огромной притягательной силой и мощным эмоциональным воздействием, побывать здесь стремится огромное число людей. Интересный и современный музей Сталинградской битвы, художественная панорама сражения, памятные места, связанные с подвигом участников Сталинградской битвы — Дом Павлова, мельница Гергардта, остров Людникова, Солдатское поле, командный пункт Родимцева и др. — являются важными

объектами историко-культурной и туристической инфраструктуры города. Таким образом, бренд Сталинграда, его имидж определила грандиозная военная победа, значимость которого была оценена всем мировым сообществом.

Но история города не исчерпывается военной историей XX в. Междуречье Волги и Дона — одна из уникальных областей России в геополитическом и этнокультурном плане. С глубокой древности, благодаря Волге, Дону и удобным степным пространствам, она являлась перекрестком торговых путей как между севером и югом, так и востоком и западом. Крайнее положение этих территорий и их малая населенность на протяжении нескольких веков привлекали сюда переселенческие потоки, различные по национальному составу и вероисповедной принадлежности.

В VIII в. христианство, ислам и иудаизм становятся традиционными вероисповеданиями Хазарского каганата — первого крупного государства на территории Нижней Волги и Северного Кавказа. Со второй половины XIII до середины XVI в. в регионе преобладало население, исповедующее ислам, который был государственной религией Золотой Орды, Ногайской Орды и Астраханского ханства. Однако уже в 1261 г. в столице Золотой Орды Сарая основывается православная епископия. В епархию вошли территории вверх от Сарая по Волге и Дону. В середине XVI в. междуречье Волги и Дона вошло в состав Российского государства. В этот период усиливается роль особой этнокультурной группы региона — казачества, во многом определившей социально-политическую и экономическую ситуацию в крае. Раскол православной церкви в XVII в. привел к тому, что сюда, на окраинные земли, бежали от преследования властей старообрядцы. С XVIII в., после указов Екатерины II, на Нижней Волге образуются поселения переселенцев-протестантов из Европы. Таким образом, в междуречье Волги и Дона получили распространение все крупные религии — христианство, ислам, буддизм, иудаизм, которые оказывали сильнее влияние на политическую, социально-экономическую ситуацию в регионе на протяжении столетий; религиозное и культурное многообразие исторически становится отличительной чертой региона [2, с. 3–6]. Однако эти особенности длительного исторического развития, сохранившиеся объекты культурного наследия лишь пунктирно отражены в социокультурном пространстве города-героя. В настоящее время именно они являются мощным потенциалом развития региона,

способного показать всему миру не только величие военных побед, но и богатое наследие, созданное трудом многих поколений.

Бренд мирного Волгограда и Волгоградской области еще предстоит создавать, опираясь на культурно-историческое наследие региона, на те ценности, которые дороги волгоградцам и находят отклик в сердцах людей разных поколений.

Сегодня для городов региона, местных поселений особое значение имеет детальная проработка проектов их развития с учетом социокультурного фактора. При разработке таких программ основой является глубокий анализ всех параметров социокультурной базы, творческих, музейных, туристско-рекреационных функций, производственных и инфраструктурных возможностей. Такой анализ позволяет разработать сбалансированные программы развития, учитывающие и социальные потребности жителей, и возможности экономического роста, и ценности традиционной культуры, обеспечивая их доступность для людей. А брендинг становится выражением общей идеи развития, опирающейся на достижения исторического прошлого.

Сегодня такого рода проекты разрабатываются и в Волгоградской области. Нельзя пока назвать их полностью успешными, работа рассчитана на долговременную перспективу, но задан верный вектор развития — это показывает общественный интерес к новым идеям и проектам, способствующим как культурному, так и экономическому развитию территорий. И здесь важен еще один аспект: активизация социума, привлечение жителей, общественных, национально-культурных и религиозных организаций, своеобразный баланс «движения сверху» и «движения снизу».

Одним из успешных проектов стало создание на юге Волгограда историко-этнографического и архитектурного музея-заповедника «Старая Сарепта». Это уникальный архитектурный ансамбль, самый большой сохранившийся до наших дней архитектурный комплекс, построенный колонистами-гернгутерами, включающий в себя 26 зданий, 23 из которых памятники архитектуры XVIII–XIX вв., долгое время находившиеся в руинированном состоянии [6, с. 5–11].

История его создания начинается 14 сентября 1765 г., когда посланники Братского союза из г. Гернгута во главе со старостой Даниэлем Фиком основали по приглашению российской императрицы Екатерины II в 28 верстах южнее Царицына на реке Сарпа колонию Са-

репта, ставшую одним из экономических, духовных, научных и культурных центров Юга России в XVIII — XIX вв. В Сарепте появились первый в Нижнем Поволжье водопровод, лифт, музей, общественная библиотека, детский сад и многое другое. Здесь был построен первый в России горчично-маслобойный завод, на ткацкой фабрике изготавлилась ткань, названная сарпинкой. На высочайшем уровне в Сарепте были и научные знания. Ученые-колонисты достигли крупных успехов в области медицины, химии, физики, технологии промышленных производств, выведении новых сортов культурных растений [4, с. 140–142]

В 1989 г. на базе сохранившегося историко-архитектурного комплекса началось создание музея-заповедника «Старая Сарепта», который постепенно становится важным культурным, туристическим, научно-исследовательским центром Волгограда. Но чтобы достигнуть этого, необходимо полное восстановление комплекса, а реставрационные работы пока продвигаются медленно. Восстановлена кирха, которая, оставаясь частью музея-заповедника, используется на условиях аренды лютеранской общиной города. В кирхе установлен орган, здесь проводятся концерты органной музыки. При поддержке общества Кельн-Волгоград* создана самая большая в регионе Немецкая библиотека, восстановлены дом колониста, аптека, торговые помещения и сарептские подвальные кладовые, создан музей истории Сарепты, ресторан сарептской кухни, возрождено производство сарептских пряников. На модернизированных площадях горчично-маслобойного завода осуществляется производство горчичного масла, под названием «Сарепта» уже ставшего важным составляющим бренда музея-заповедника и Волгограда. Музей активно внедряет интерактивные проекты, исторические квесты, мастер-классы, здесь проводятся международные конференции и фестивали, праздники национальных культур, литературные чтения, музыкальные вечера. Здесь действуют центры русской, украинской, белорусской, калмыцкой, татарской, немецкой культур, развиваются национальные промыслы.

7 февраля 2018 г. в соответствии с соглашением о сотрудничестве Федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный музей истории религии» — ГМИР (г. Санкт-Петер-

* Город Кёльн (ФРГ, Земля Северный Рейн-Вестфалия) — побратим Волгограда (Россия) с 1988 г.

бург) и Государственного бюджетного учреждения культуры «Историко-этнографический и архитектурный музей-заповедник «Старая Сарепта» (г. Волгоград) состоялось торжественное открытие первого виртуального представительства Государственного музея истории религии в Южном Федеральном округе. Музей истории религии — единственный в России и один из немногих музеев в мире, экспозиции которого рассказывают о религиозных представлениях человечества со времени их возникновения в глубокой древности до наших дней. Виртуальное представительство Музея в «Старой Сарепте» представляет собой мультимедийный информационно-образовательный ресурс, позволяющий волгоградцам и гостям города познакомиться с экспонатами из коллекции петербургского музея, посвященными трём мировым религиям — христианству, исламу и буддизму. Посетители смогут совершить виртуальный тур по соответствующему разделу постоянной экспозиции Музея истории религии, познакомиться с материалами по истории той или иной конфессии из научно-исторического архива и фототеки ГМИР.

В музее сложился интересный творческий коллектив, который успешно выстраивает отношения с учебными заведениями, различными организациями и учреждениями Волгограда, коммерческими структурами, туристическими агентствами. В перспективе Старая Сарепта может стать крупным музейным комплексом, но для этого предстоит выполнить еще большой объем реставрационных работ, чтобы сформировать целостное архитектурное и природное пространство заповедника.

Особые возможности для развития социокультурного пространства города дает создание в 2000 г. в уникальном месте — в долине рек Волга и Ахтуба (последняя — единственная река, которая вытекает из Волги и впадает в Волгу) природного парка-заповедника «Волго-Ахтубинская пойма». Ценность этого места составляют водно-болотные угодья и ключевые орнитологические территории международного значения (места гнездования и отдыха птиц, красивые заливные луга, озеро лотосов, места обитания реликтовых папоротников, редкое сочетание водно-болотных угод

ий с галерейными дубравами). Здесь же, на территории парка и его буферной зоны находятся уникальные объекты культурного наследия многочисленных народов на историческом перекрестке

цивилизаций — археологические, этнографические, исторические памятники.

На сегодняшний день туристическая и культурная деятельность здесь только вступает в фазу интенсивного развития. Уже сформированы экологические маршруты для водного и пешего туризма, создана биостанция, разработаны сезонные маршруты по уникальным местам заповедника, налажено взаимодействие с кафедрами экологии, биологии, географии, ботаники, почвоведения вузов Волгограда. Здесь ведут исследовательскую работу ученые, студенты и школьники, работают школьные отряды «зеленых патрулей», приезжают на пленэр художники. Но возможностей у парка несравненно больше и рациональное, но бережное их использование может стать важным элементом познания истории и природы родного края, организации культурного досуга городского населения, привлечения экотуристических потоков.

Большую работу по расширению культурных практик проделали за последние годы малые города региона. Закрепил свой авторитет как одного из центров патриотического воспитания г. Камышин, который в 2018 г. отметил своё 350-летие. В 2016 г. исполнилось 100 лет со дня рождения Героя Советского Союза, легендарного летчика, героя повести Б.Н. Полевого «Повесть о настоящем человеке» А.П. Маресьева. Этот год был объявлен в Волгоградской области годом Алексея Маресьева, а центром юбилейных торжеств стал город Камышин, родина героя. Подготовка и проведение памятных мероприятий стало делом всего города, всех его жителей. К юбилею в центре города открыт Центр патриотического воспитания имени А.П. Маресьева, где разместился музей легендарного земляка, картинная галерея, конференц-залы и аудитории для кружковой и клубной работы с молодежью. Возложение цветов к памятнику легендарного летчика-истребителя, военный парад, авиационный праздник над Волгой, концерты, встречи с ветеранами, действующими летчиками, продолжающими традиции поколения Маресьева, спортивные состязания, мото- и велопробеги — в праздничных мероприятиях приняли участие практически все жители города и эти майские дни 2016 г. навсегда останутся в их памяти. Но главное — это наследие праздника, который стал вехой на пути расширения воспитательной работы с молодежью на примере выдающихся земляков.

А в конце августа все камышане и гости города, которых с каждым годом все больше, становятся участниками еще одного праздника — в городе начинается Арбузный фестиваль. В 2018 г. фестиваль проводился в 11-й раз и был посвящен 350-летию юбилею города. Еще в 2014 г. Федеральная служба по интеллектуальной собственности зарегистрировала бренд, который позволяет городу Камышину Волгоградской области официально называться Арбузной столицей России. 25 декабря 2014 г. в госреестр внесен товарный знак, состоящий из словосочетания «Камышин — арбузная столица России» и изображения арбуза с разрезом, сделанным в форме сердца. Правообладателем товарного знака стала администрация города Камышина.

В соответствии с международным классификатором товаров и услуг товарный знак «Камышин — арбузная столица России» может быть применен для маркировки различных видов сувенирной продукции, ювелирных изделий, канцелярских принадлежностей, домашней и кухонной утвари, спортивных товаров. Кроме того, под данным брендом можно будет проводить культурно-просветительские мероприятия, оказывать социальные услуги и организовывать работу баз отдыха, кафе и гостиниц. Компаниям, желающим разместить «арбузный» логотип на своей продукции, теперь нужно будет заключить лицензионный договор с администрацией города Камышина.

Основную идею арбузного фестиваля помогла сформулировать камышинская легенда, связанная с реальным историческим событием, произошедшем в 1722 г., когда флотилия Петра Великого, следуя в Персидский военный поход, побывала в Камышине (в то время — Дмитриевске). Сойдя на берег, государь принял из рук воеводы угощение — сладкий арбуз. отведав сочной мякоти, Петр I восторженно воскликнул — «Зело отменный плод!», а спустя некоторое время повелел изготовить на монетном дворе медный арбуз и установить его на шпилье городской управы Дмитриевска.

Теперь Петр I — постоянный участник театрализованного представления и главный дегустатор арбузного фестиваля. На праздник он прибывает с Екатериной I и со своей свитой.

В 2007 г. прошел первый арбузный фестиваль, организованный Группой компаний «Бизнес-системы» в бухте реки Камышинки. Тогда фестиваль собрал около тысячи камышан и гостей города. С 2008 г. основным организатором Арбузного фестиваля становится Админи-

страция города Камышина и праздник приобретает общегородское значение. С этого года и по сей день маршрут «Арбузного парада» — театрализованного шествия, в котором принимают участие предприятия и организации города, учебные заведения, учреждения культуры, спорта и все желающие, проходит по центральным улицам города. Праздничные колонны создают незабываемую красочную картину и поражают своим разнообразием.

Участники и гости праздника могут угоститься арбузами, приобрести сувенир на память. Их ждет множество мероприятий, конкурсов и спортивных состязаний. Одно из них — «Арбузное дефиле». Демонстрация костюмов проходит на главной сцене фестиваля. За самые креативные костюмы участники дефиле получают ценные призы и подарки.

С 2010 г. камышане осваивают новый вид искусства — карвинг. Мастер-классы, выставки и конкурсы художественной резьбы по бахчевым плодам стали неотъемлемой частью программы арбузного фестиваля. Фестиваль проходит на нескольких площадках города — их число за эти годы увеличилось до 10. Здесь выступают известные художественные коллективы России, проводятся соревнования и конкурсы, выставки цветов и плодов, праздничные гуляния.

Но главные герои Арбузного фестиваля все же бахчеводы. Конкурс «Арбуз-экспо» неизменно впечатляет присутствующих размерами выращенных сахарных гигантов. Самый большой за всю историю праздника арбуз весом 27,550 кг был представлен на V фестивале в 2012 г. Но важен не только размер, но и вкус конкурсантов, который оценивает строгое жюри

С 2013 г. на фестивале начала работать молодежная площадка — «АРТ-бузная корка». Это флешмобы, мастер-классы, квесты, невероятные трюки мастеров велотриала, выступления вокальных и танцевальных групп. В 2014 году в городском парке впервые появилась выставка бахчевых пугал. Конкурс «Бахчевой страж» — новая возможность для творчества дошкольных образовательных учреждений.

В 2017 г. гостям праздника представлен новый конкурс — «Летающие корки». Для его организации изготовлен специальный пирс с рампой, с которого в реку Камышинка «слетают» тематические летающие аппараты. Участники сами их сконструируют, делают костюмы и придумывают эффектные трюки.

За последнее десятилетие Арбузный фестиваль стал общим праздником всех горожан, в подготовке к нему в течение года занято всё население, всем находится дело по интересу, по творческим возможностям. Новые доминанты социокультурной жизни способствуют развитию инфраструктуры города, появлению новых мест отдыха, благоустроенных парков и скверов, спортивных городков и велодорожек. В городе с каждым годом увеличивается поток туристов из разных регионов страны. На очереди — новый причал для круизных теплоходов, которые пока, к сожалению, проходя по Волге, не останавливаются в Камышине.

В настоящее время и органы власти, и общественность все острее осознают связь культурного и экономического развития территорий, рассматривают объекты культурного наследия как важный фактор инвестиционной привлекательности региона, условие его гармоничного развития. Значительным потенциалом развития многих территорий региона обладают казачьи поселения — тем не менее в Волгограде до сих пор нет музея казачьей культуры, ни одного ресторана казачьей кухни, сегодня эти вопросы пока в стадии обсуждения [5]; основанный в 1734 г. волжскими казаками как сторожевая крепость, г. Дубовка Волгоградской области сохранил уникальные каменные строения XVII–XIX вв., значительная часть которых нуждается в реставрации — а близость Дубовки к областному центру могла бы способствовать ее развитию как исторического города и объекта туристических маршрутов [9, с. 115–116]. Археологами Волгограда открыты уникальные памятники древней истории региона, народов, проживавших на его территории со времен среднего палеолита [1]. Найденные в результате раскопок памятников сарматской культуры IV–III вв. до н.э. золотые и серебряные изделия стали основой создания Золотой кладовой Волгоградского краеведческого музея, открытия которой с нетерпением ждут все, кто интересуется древней историей родного края. Культурный потенциал велик и он еще ждет реализации в современных культурных, просветительских и воспитательных практиках.

Рассматривая культуру как универсальную характеристику динамики общества, глубинную основу человеческих интеракций, систему «правил игры» или «социальных конвенций» коллективного существования и взаимодействия людей [7, 154], важно использовать ее возможности активно влиять на улучшение социально-экономи-

ческой ситуации в регионе, на развитие социокультурного пространства городов и поселений. Смысловое расширение бренда Волгограда, городов и поселений Волгоградской области является важным составляющим развития региона, условием творческого участия населения в сохранении и трансляции культурного наследия, привлечения туристических потоков в новые интересные места, расширения географии историко-культурных и природных достопримечательностей России. Не случайно в Основах государственной культурной политики [8] поставлена задача утверждения в общественном сознании ценности исторического и культурного опыта как необходимого условия индивидуального и общественного развития. Полисемантика брендинга является важным показателем богатства и ценности этого опыта, укрепляет историческую память и преемственные связи поколений.

Использованная литература:

1. Археологическое наследие Волгоградской области / под ред. А. С. Скрипкина. Волгоград: Издатель, 2013.
2. Государство и религиозные организации Нижней Волги и Дона в XX в.: сб. док. и матер.: каталог культовых зданий / сост. О. Ю. Редькина, Т. А. Савина; под ред. М. М. Загорулько. Волгоград: Издатель, 2002.
3. Ключевский В. О. Сочинения: В 9-ти т. Т. IX. М.: Мысль, 1990.
4. Медведев В. Н. Традиционное хозяйство колонии Сарепта // Вопросы краеведения. Вып. 13 / редколл.: И. О. Тюменцев и др. Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2012. — С. 140–145.
5. Общественные отношения в условиях становления гражданского общества: матер. всероссийской науч.-практ. конф. (9–10 ноября 2010 г., г. Волгоград) / редколл.: О. В. Иншаков, О. И. Сгибнева и др. Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2010.
6. Попов П. П. Слово о Старой Сарепте. Волгоград: Комитет по печати Волгоградского облисполкома, 1994.
7. Флиер А. Я. Культура как смысл истории // Общественные науки и современность. 1999. № 6. С. 15–159.
8. Указ Президента Российской Федерации от 24.12.2014 № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172706 (дата обращения 28.09.2018).
9. Энциклопедия Волгоградской области. Волгоград: Издатель, 2007.

Olga I. SGIBNEVA

Dr. Sci. (Scientific Atheism, Religion), Prof.,
Sociology Department, Volgograd State University,
Volgograd, Russia
olga.sgibneva@volsu.ru

**Brand the City-Hero of Volgograd:
from the Monosemantic Importance to Polysemantics**

In the article features of formation of the brand of Volgograd and an opportunity of semantic expansion to brand cities and settlements of region are considered. Brand of the city-hero of Volgograd it was generated under influence on public consciousness of a historical victory above fascists in fight on Volga. The events of Great Domestic war reflected in a memorial complex on Мамаевом a barrow, an art panorama «Battle to Stalingrad», in monuments of the heroes of war of steel of popular brand. However the 400-years history of region allows filling historical brand with the new senses reflecting riches of a history and culture of the Volgograd area. Now studying of objects of a cultural heritage of different centuries allows expanding social and cultural space of region to generate brands various cities and settlements, having made them thus more interesting to new generations of inhabitants of Volgograd, for tourists and travelers. The potential of a cultural heritage promotes formation of historical memory and continuity of generations.

Keywords: brand, sense, a cultural heritage, historical memory, value, tradition, continuity.

Б. П. Борисов*

**«Культурный брендинг» — условие присвоения
региональной и мировой культуры личностью истори-
ческой эпохи постмодерн**

Глобализация не является единственно процессом экономической и политической истории человечества. Не менее, чем экономику, глобализация охватывает сферу культуры. В глобализации трансформируются основания существования личности

* БОРИСОВ Борис Петрович, доктор философских наук, профессор кафедры философии и общественных дисциплин Краснодарского государственного института культуры, Краснодар, Россия. Электронная почта: borisb50@mail.ru.

в региональной и мировой культуре. Человечество социально атомизируется. Слабеют связи между индивидуумом и социальным родом. Падает эффективность формирующих сознание личности идеологических, политических, этнических, религиозных, моральных и иных внешних воздействий. Способ освоения личностью культуры человечества кардинально трансформируется. Планетарная культура становится ключом к пониманию региональной культуры. Успешному освоению региональной-планетарной культуры помогает «культурный брендинг». Благодаря «брендингу», культура превращается в своеобразное «художественное произведение», в котором «единичное-уникальное» сворачивается до уровня «типологического». И, затем уже, по мере разворачивания «типологического» в присвоении культуры, «культурный брендинг» возвращает понимание регионального как «особенного».

Ключевые слова: атомизация, глобализация, культура, культурный брендинг, личность, региональная культура, постмодерн, типизация.

Постмодерн — историческая эпоха, фундаментальной чертой которой, на общечеловеческом мировоззренческом уровне, является потеря чувства желаемого исторического будущего, потеря потому, что будущее оказывается известным и более уже не стимулирующим себя из источника всемирно-исторического идеала. Время понятности — куда мы идем и кто нами правит; время заката всемирной истории человечества, экономической и политической глобализации, социальной маргинализации и, одновременно, наивысшего подъема индивидуально-личностного самосознания, стремления личности «объять необъятное», духовно присвоить все богатство истории человечества и его культуры (см.: [1], [3]).

Одной из показательных черт эпохи постмодерна является массовая (планетарного масштаба) миграция этно-социально-атомизированного населения, решившего, опираясь на сознание прежде всего индивидуально-личностного уровня, покинуть места традиционно компактного проживания и отправиться в эмиграцию в поисках лучшей доли. В итоге названных процессов, территории, до сих пор отличавшиеся гармоническим соответствием духовной культуры населения и ее материализаций (в частности, в памятниках архитектуры), наполняясь иноплеменниками, быстро и все ускоряющимися темпами теряют такую гармонию. Глядя на проблему со стороны эмигрантов, становящихся постепенно главным элементом региональной популяции, заметим, что современный человек, в качестве территории обитания, все чаще и чаще имеет чуждую его этническим и религиозным духовным корням материализованную среду. Он вынужден

искусственно вживаться в эту среду, намеренно превращать ее из изначально чуждой — в свою собственную.

Понятно, что новая культура — новые впечатления. Процесс этот расширяет сознание личности, но, с другой стороны, он ломает ее этно-культурную однородность, ломает на уровне фундамента психики, нередко порождая, в виде ответной психологической реакции, переживание собственного существования в этно-социальном смысле, как абсурдного, лишённого опоры на традиционное сознание и устойчивые морально-нравственные стереотипы, эклектического. Особенно остро это проявляется в том случае, когда приходящее в территории новое население характеризуется иной религиозностью, обеспеченными религией этно-культурными формами сознания и бытовыми традициями, нежели то, которое жило на этих территориях ранее и в размывающемся варианте, может быть, продолжает жить и сейчас.

Таким образом, рассматривая ситуацию постмодерна в общем виде, констатируем, что принципом новой культурности глобализирующегося человечества все более и более становятся эклектика и абсурд. Культура теряет былое, обеспеченное утрачиваемой родовой однородностью человечества единство, обретает мозаичную форму. И это — не открытие научной теории, но простая констатация эмпирически сложившегося положения.

Адекватно принять новую ситуацию, хотя бы частично преодолевая абсурд эклектики, оторвавшаяся от исторических корней личность, в таких условиях (когда общество быстро теряет власть над душами своих граждан) способна только изнутри самой себя, только снимая односторонность принадлежности к особенному социальному роду, поднимаясь от узости представлений этно-национальной-религиозной культуры к представлениям общечеловеческого уровня и, в итоге, становясь способной переживать себя «человеком мира». «Человек мира», здесь, отчасти «анархически-добровольно», отчасти, — «принужденно чуждой ему социальной системой», обнаруживает себя новой формой консолидации обретающего маргинальную атомизацию человечества.

Вместе с тем, подъем к духовности уровня «человека мира» таит в себе ловушку. Суть ее, — в неизбежно происходящей на стороне отдельной личности этно-культурной маргинализации, духовном выхолащивании определенности принадлежавшей личности изначально особенной культурности, своеобразном этническом «обесчелове-

чении человека», потери им в самом себе социального качества. Как следствие, поднимаясь к «гражданину мира», личность обнаруживает затрудненность, а то и неспособность сохранять традиционные для культурной идентичности исторического прошлого (и, нередко, ее собственного социокультурного недавнего прошлого) формы социального коллективизма, принадлежность к особенной социокультурной общности. Вместе с потерей «житейской обыденной односторонности», территориальной, этнической, профессиональной узости сознания, на уровне социально атомизирующейся личности обнаруживает свое окончательное разрушение и стихия коллективизма, последним прибежищем для которого становится только сфера «досуга», то, что на языке обыденности сегодня иногда называется «вино-шашлычным братством».

Распад особенной этнокультурности личности неотрывен от точно такого же (хотя и происходящего с противоположной стороны) распада «особенного» на уровне родовых социальных субъектов.

Деструкция социальных форм единства в популяции населения, не менее фундаментально касается также и уровня социальной организации, родовых субъектов этнокультурной жизни. Сказанное обнаруживает себя, в частности, в том, что вместе с глобализацией разрушается традиционная связь между родовым и индивидуально-человеческим основаниями социальности. Возникает ситуация, в которой истеблишмент остается как бы «без человека», точнее говоря, перестает выражать специфическую этническую, этнокультурную сторону социума.

Особенным образом сказанное находит подтверждение в том, что случайно возникающая этнически мозаичная популяция (сегодня это уже открыто заметно на примере популяции мегаполисов), отныне, как правило, группируется уже не по объективным основаниям принадлежности к определенной этно-национальной общности, с характерными для нее идеологическими детерминантами, но прежде всего по субъективно-личным (нередко остаточного-этнокультурным) основаниям и поэтому «с трудом видит» в территориальных органах общественного управления нечто большее, нежели «обеспечивающее трудовую занятость и порядок», «полицейское» и «административное» начала. Государство в таких условиях вынуждено трансформируется и «гуманистического» в «чисто административное», становится «правовым-полицейским».

Названное положение вполне адекватно специфике глобализации не только в некоторых особенных регионах, но в планетарном масштабе, в целом. Увы, деградация истеблишмента до уровня органов общественного управления-самоуправления, «духовно этно-культурно пустого администрирования», не несущего в себе никакой иной смысловой нагрузки, кроме собственно «осуществления управления», имеет повсеместный характер. Общество, постепенно теряя этническую, религиозную смысловую жизненную опору в существовании личности, превращается в инструмент чисто организационно-управленческого уровня, оставляет личность, духовно, один-на-один с самой собою. Итог этого процесса, понятно, — атомизация социальных отношений, сопровождающаяся замиранием (смысловым опустошением) ранее фундаментально значимых для личности стихийно-коллективистских понятий и представлений (таких, например, как «религиозная мораль», «гражданские обязательства», «патриотизм» и т.п.). Обнаруживает себя острое противоречие между этно-социальным, материализованным в памятниках истории и культуры, прошлым человечества и его настоящим. Для человека эпохи постмодерн, свернутое в памятниках культуры содержание духовности очевидно, но, увы, уже не актуально, представляет главный интерес в актуализирующих ее реконструкциях. Материализованные свидетельства былой духовной определенности, как итог, здесь фактически переходят из статуса «живых носителей духовности» — в «знак-указатель» таковой, обретают преимущественную фактическую функцию «ориентатора на определенное содержание» в сфере культуры.

Атомизированная личность, теряющая крепость своей встроенности в отношения естественно возникающего социального коллективизма, тем не менее, пока процесс не дошел до своего логического конца, не выпадает из целого человеческой культуры. По крайней мере, движение распада здесь, как правило, не имеет катастрофической формы проявления. Эмпирически, же, сей процесс обнаруживает себя своеобразной «демократизацией» в сфере присвоения личностью мировой культуры; так, как будто бы опосредствования, которые исторически ранее существенно затрудняли личности возвышение к уровню овладения богатством культуры всемирно-исторического человечества, теперь, будучи деструктурирующимися, снимаются и освобождают путь к непосредственности постижения целого.

Таким образом, хотя родовое социальное основание и обнаруживает в условиях глобализации свою фундаментальную этно-культурную деструкцию, обнаруживает вырождение до уровня «простого механизма управления», способного осуществляться даже не людьми*, сказанное не означает такой же потери этно-культурного качества на стороне отдельного человеческого индивидуума, способности социально атомизировавшихся личностей к объединению в псевдо-этнические образования, такие, например, как «клубы по интересам», «досуговые содружества» и проч.. Новое культурное самосознание, возникающее в сих условиях, адекватное феномену «гражданин мира», в тенденции, не может уже базироваться на этнически тенденциозной духовной основе, одновременно, не имея естественной опоры и в иной «общечеловеческой культуре», кроме как «культура потребления».

Преодоление возникающего «люфта», разрыва между универсализмом «культуры простого потребления» и реальным богатством обретающей уже «музейный характер» духовной культуры былого человечества, в условиях глобализовавшегося человечества, опустошенного в своем исторически былом этно-культурном богатстве, оказывается возможным только посредством образовательного расширения индивидуального сознания, возникающего в результате специальных усилий присвоения личностью богатства культуры истории человечества.

Такое освоение прямо противоположно естественному, в самой жизни осуществляющемуся, постижению смысло-содержания памятников истории и культуры. В условиях подвергшегося отрицанию этнокультурного основания, объективацией духовности которого были соответствующие материальные артефакты, постижение названной исходной духовности происходит посредством, прежде всего, реконструкции последней. Человек осваивает историю и культуру глобального человечества, здесь, прежде всего благодаря освобожденной от идеологических иллюзий индивидуально-личностной способности лично пережить эту культуру и интуитивно (в собственном сознании) реконструировать ее, переживаемые как существенные, связи.

*

Система социального управления уже сегодня испытывает серьезные воздействия со стороны информационных технологий, автоматизации управленческого процесса.

При таком освоении, когда «знак» (опосредованно его кажущейся независимой субъективацией) «открывает свое значение», существенным становится не просто наличие артефакта культуры, но, прежде всего, — его позиционирования воспринимающей и переживающей сей артефакт личности. В названных условиях поднимается значимость «репрезентации предмета» по модели искусства, не использующего «общие понятия», но опирающегося на «типологические образы»*. И, уже осваивая такие наиболее показательные образцы, постепенно расширяя сознание к способности увидеть свидетельства соответствующей цивилизации и культуры, достигая такого уровня, когда богатство мировой культуры, выстроенное посредством ее постижения из мозаики в стройное целое, обнаруживается уже рядом, у себя «дома», выстраивается в виде «всемирно-исторического бытия человечества» в индивидуально-личном сознании. В каком-то смысле слова, человек эпохи постмодерн становится «туристом», который погружаясь в «море информации», доступным ему путем, опираясь на типологическое культуры, выраженное в ее «культурных брендах», сам выстраивает свое сознание. Личность утверждает себя потребителем впечатлений. И это, существенно, есть основание ее социализации, производного от социализации коллективизма.

Современный нам человек-личность уже не удовлетворяется лишь теми мифологическими образами всеобщего бытия, которые выстраивало первобытное мифологическое сознание; он не удовлетворяется идеологией уровня «наш мир — наилучший», характерной для этно-религиозного сознания исторической эпохи «цивилизации». Личность постиндустриального общества нуждается в духовном универсализме, который невозможно обрести в простом обыденном опыте жизнедеятельности, можно только присвоить посредством «потребления знаний и впечатлений».

Но, чтобы духовно присвоить «все», понятно, хотя бы часть из последнего должна обеспечиваться, в тенденции, претендующей на универсализм практики личного самоопределения. Чтобы духовно «достроить остальное», нечто, — хотя бы часть, — необходимо «лично

* Образ человечества, существовавшего во времена рабства, например, в этом случае наиболее показательно (может быть) позиционируется памятниками античных Рима и Греции. Образ «абсолютной монархии» — культурой Франции XVII столетия; образ социализма — СССР 30-х гг. XX в.

прощупать», «лично увидеть», «лично пережить». Отсюда и «туристический импульс» в культуре постмодерна.

В движении сознания, тяготеющего к обнаружению «показательных артефактов», обеспечивающих возможность не просто «открытия культурных смыслов», но позиционирования территорий, как являющихся находящимися на них свидетельствами истории и культуры человечества, заключается существо «культурного брендинга» [2]. «Культурный брендинг», под данным углом зрения, есть — специальная деятельность, обеспечивающая перевод находящихся на некоторой территории свидетельств истории и культуры в форму, способную стать основанием для вживания постмодернистски озабоченного пытливого ума в их содержание и превращение в содержание формирующейся таким образом картины мира.

По своей природе, «культурный брендинг» — действительное явление позиционирования культуры, адекватное эпохе постмодерна. Его собственно экономическая составляющая, а именно — стимулирование отрасли туризма, — здесь не является главным, поскольку суть «брендинга», — обеспечение способности личности ощутить себя подлинным «гражданином мира», приобщиться — через региональное к планетарному — ко всемирной истории человечества, превращая последнюю (прежде всего, посредством вживания в культуру) в часть собственного личного духовного мира.

Атомизировавшееся в итоге глобализации человечество не потеряло переживания своей причастности к регионально-всемирной истории. Оно, как никогда исторически ранее, нуждается в скреплении своей расколотости, в формировании духовного единства.

Простое социальное существование личности, оказавшейся в условиях впавшего в маргинальность человечества, не обеспечивает формирование на стороне последней развитой до общечеловеческого уровня духовности, но лишь культуры «on-line сообществ» и «шашлычного братства». Требуется особая забота, специальное образование, направленные на усвоение индивидуумом специфической многогранности мировой общечеловеческой культуры. Причем (и для самосознания личности это имеет принципиальное значение), — в том виде, в котором последняя является «совокупностью исторических артефактов», которую организует не «кто-то внешний», а сама личность (т.е. без идеологически-тенденциозного разделения на «правильные» и «неправильные», «ценные-значимые» и «незначи-

тельные» события). Средством практически достигаемого таким образом познания, существенно является «образовательный туризм», организационной опорой которого становится «культурный бренд».

...«Культурный бренд» есть особый знак идентичности территории, показывающий ее культурную специфику, особенное в масштабе общего мировой культуры. Бренд — «товарный знак», указывающий на значимые для потребителя «туристического познаательно-значимого продукта» смысловые характеристики последнего.

В системе показателей идентичности, «бренд», безусловно, показывает наиболее формальный, поверхностный ее уровень. Это — «витрина». Вместе с тем, в ситуации отсутствия твердых мифологических опор сознания постмодернистски-мозаично организованной культуры, «культурный бренд» — это действительный путеводитель по территории планетарного мира, обеспечивающий перевод ее из качества «социально-культурно неопределенного», — в состояние определенности.

Хотя «бренд» сам по себе содержание выявляет абстрактно и ограничено, в определенных условиях, напоминающих художественный образ в произведении искусства, повторимся, он способен превращаться в выразитель полного содержания предмета. Особенно важна в данной связи ситуация, в которой «бренд» становится реальным заместителем того живого содержания, которое должно опосредовано этим брендом выражаться, обнаруживает себя тогда, когда объект, на который указывает «культурный бренд» переходит из состояния «жизни» в «пост-жизнь», оказывается предметом уже не актуальной, а исторической реальности. Духовная жизнь, опосредованная «культурным брендингом», это и есть реальная форма вхождения в качество «гражданина мира» для личности исторической эпохи постмодерн.

Использованная литература:

1. Борисов Б. П. Постмодернизм. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2015.
2. Старцева А. С. Феномен «культурного бренда» в процессе создания имиджа российских регионов // Вестник МГУКИ. 2014. № 4. С. 195–200.
3. Этюды в духе постмодерн: сб. ст. / под науч. редакцией Б. П. Борисова и И. В. Кочубея. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2016.

Boris P. BORISOV

Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Prof.,
Department of Philosophy and Social Sciences,
Krasnodar State Institute of Culture,
Krasnodar, Russia
borisb50@mail.ru

**“Cultural Branding” — a Condition
for Assignment of Regional and World Culture by the Identity
of a Historical Era a Postmodern**

Globalization isn't only process of economic and political history of mankind. Not less, than economy, globalization covers the sphere of culture. The bases of existence of the personality in regional and world culture are transformed by globalizations. The mankind got to social atomization. Communications between an individual and a social body weaken. Got fall the efficiency of the ideological and political, ethnic, religious, moral and other external influences forming consciousness on the side of personality. The way to knowledge of culture of mankind for personality got cardinal transforming. Planetary culture becomes a key to understanding of regional culture. Successful development of regional-planetary culture is helped by “cultural branding”. Thanks to “branding”, culture turns into peculiar “work of art” in which “unique” has got transformation into “typological”. And then, in process of deployment “typological” in understanding of culture, “cultural branding” take returning the understanding for regional in culture like “special”.

Keywords: Atomization, globalization, culture, cultural branding, personality, regional culture, postmodern, typological.

Территориальный брендинг: в поисках стратегии развития**

Статья посвящена вопросам формирования стратегии брендинга территорий как относительно нового направления современной российской региональной политики. Рассматриваются имиджевый, маркетинговый, культурный и природный подходы к брендированию территорий. Ставится под вопрос целесообразность принципа конкурентности между регионами и городами, а также представление о месте как о специфическом товаре. Показано, почему политика территориального брендинга терпит неудачи. Это происходит из-за недифференцированности представления о территории, объединяющей собой имиджевые, экономические, культурные, природные ресурсы, из-за неоправданных попыток распространить маркетинговые и имиджевые технологии на сферы культуры, истории, населения и природы. Статья написана с опорой на научные работы ведущих зарубежных и отечественных специалистов.

Ключевые слова: культурный бренд, брендинг места, бренд нации, маркетинг места, брендирование территории, конкурентная идентичность, инвестиции, привлекательность, туризм, культура, С. Анхольт.

Смена определяющих развитие общества парадигм и технологий совершенно естественна. Именно это и позволяет социуму двигаться вперед, освобождая его от старых, уже плохо работающих подходов. Одним из них является феномен брендирования территорий. В настоящее время он претендует на статус новой парадигмы организации культурной и социально-экономической жизни. По словам родоначальника этого направления Саймона Анхольта, именно он в 1996 г. впервые заявил идею «бренда нации» [13, р. 6]. В 2002 г. он ввел термин «брендинг места». С его легкой руки, стало развиваться целое научное направление, которое, однако, до сих пор не может определиться с понятием брендинга и бренда территории (города, на-

* ГУЦАЛОВ Александр Анатольевич, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева, Краснодар, Россия. Электронный адрес: Gutsalov_Alex@mail.ru.

** Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Южного филиала ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева» по теме 3.2 «Научно-методическое обоснование этнокультурного брендирования территорий».

ции, страны, региона и т.д.). В 2013 г. Анхольт написал: «Я также должен признать, что, несмотря на изучение этой темы в течение многих лет, я совсем не уверен, что даже знаю, что такое “брендинг”» [13, р. 6]. Ему вторит и российский исследователь И. С. Важенина: «В литературе по имиджологии, культурологии и, наконец, маркетингу до сих пор нет единого мнения по определению сущности бренда вообще» [2, с. 19]. Более того, как отмечает Анхольт, «были случаи, когда после серьезной работы по национальному брендингу результаты оказывались скорее отрицательными и проигрышно несопоставимыми с теми, которые получались при отсутствии такой работы в других странах» [4, с. 90].

В то же время этот подход привлек к себе большое внимание ученых. Проекты брендинга территорий получают однозначную поддержку со стороны российского государства, поскольку на современном этапе они оказались весьма созвучными происходящим изменениям в общественном сознании и государственном управлении. Брендинг территорий сегодня принимается большинством специалистов как одна из новых форм региональной государственной политики в области экономики, культуры и туризма.

Поскольку термины «бренд» и «брендинг» пришли из сферы экономики, то вполне естественно, что вместе с ними в качестве определяющих в сферу территориального брендинга вошли и все маркетинговые подходы. Ряд экспертов склонен считать брендинг любых территориальных образований именно реализацией маркетинговой стратегии (Г. Л. Тульчинский, С. М. Федюнина, Г. Г. Паничкина, И. С. Важенина и др.). Хотя при таком подходе не совсем ясно, в чем заключается отличие маркетинга территорий (ставшего известным после выхода в 1993 г. известной книги Ф. Котлера, Д. Хайдера и И. Рейна [5]) от брендинга территорий, если последний выступает способом реализации маркетинговой стратегии. И. С. Важенина пишет о необходимости «основательного маркетингового анализа категории “бренд территории”» [2, с. 19], о брендинге как о «вершине маркетинга территории» [2, с. 22].

Другой линии в определении брендинга территории придерживаются сторонники имиджевого подхода. Здесь специалисты либо ставят на одну плоскость имиджевые и брендинговые стратегии территории, стремясь при различении все же максимально сблизить их (О. Ф. Русакова, В. М. Русаков) [см. 9], либо вовсе отождествить их

(С. Ахольт, М. А. Штанько), либо представить бренд как составную часть имиджевой стратегии региона (В. К. Малькова, В. А. Тишков, О. Н. Чиркова, Г. И. Макарова). О. Н. Чиркова определяет бренд территории в виде «сознательно конструируемого позитивного отличительного образа», в то время как территориальный имидж, по ее мнению, является комплексом общих, эмоционально окрашенных, отличительных социокультурных характеристик региона, определяющих его восприятие собственным населением или внешними акторами» [12, с. 93]. Г. И. Макарова пишет: «...Мы будем придерживаться широкой трактовки регионального брендинга — как процесса формирования позитивного имиджа территории» [7, с. 342]

Ограниченность маркетингового подхода к брендингу территорий заключается в принципиальной недифференцированности внутренней структуры территориальных образований по основным направлениям деятельности (экономика, культура, природа). Они представлены подобно обычному коммерческому продукту, хотя и с некоторой своей спецификой. Города, собственно, и позиционируются в качестве своеобразного товара. Но город — не товар, это сложное внутренне дифференцированное образование. Маркетинг территорий как раз и нивелирует это, стремясь упростить ситуацию до предела. Именно на этой основе родились идеи «конкурентных преимуществ» (С. Анхольт, Ф. Котлер, К. Асплунд, Д. Хайдер, И. Рейн, Р. Флорида) [5, с. 11.], представления о бренде территории как о «важнейшем способе реализации конкурентных преимуществ территории» [2, с. 22]. С моей точки зрения, ситуация выглядит прямо противоположным образом: маркетинг является всего лишь частью общего брендинга территорий.

Следует различать и принципиально разные понятия имиджа и бренда. В этой связи И. С. Важенина приводит в своей статье «О сущности бренда территории» интересную таблицу с довольно подробным различением понятий имиджа и бренда на основе разных критериев: степени отражения сущностных качеств территории, основ, характера, времени формирования, объективности/субъективности, рациональности/иррациональности, степени достоверности, связи с преобразованиями территории, времени и полноты утраты (негативизации), возможности применения количественных измерений, необходимости институционализации, связи с репутацией [2, с. 21]. Однако, по ее мнению, «бренд складывается на базе ярко выражен-

ного позитивного, продвинутого имиджа территории, в основе которого лежат уникальные возможности удовлетворения тех или иных запросов ее потребителей...» [2, с. 21]. Мы рассматриваем имиджевую составляющую частью общей работы по брендированию территорий, не оспаривая при этом и относительную самостоятельность первой. А. С. Старцева принципиально и справедливо разводит тесно связанные понятия культурного бренда и имиджа территории [10, с. 197].

Разночтения в формулировках бренда территории непосредственно вытекают из того, что любая территория не является неким подобием однотипного товара, а суть сложное образование, включающее в себя не только экономику, но и культуру, природу, население, историю, различные и всегда подверженные изменению образы места. Каждая из этих составляющих имеет свои определения образа, имиджа, бренда, сведение которых друг ко другу в попытке создать некое универсальное понятие бренда, как раз и приводит к сумятице и внутренней неудовлетворенности.

Считаем совершенно бесперспективными любые попытки свети к маркетинговым или имиджевым технологиям брендинг как территории в целом, так и культуры, населения с его особенностями, истории и природы в отдельности. В результате переноса подходов, характерных для сферы товарной экономики, на другие сферы искажается сама их суть, возникают серьезные противоречия и риски. Я выступаю за более дифференцированное понимание смысла территории. Культура и история имеют свое понимание бренда, брендинга, которые, по самой своей сути, никак не могут полагать принцип конкурентности в качестве своего основания. На месте конкуренции здесь должен быть принцип взаимодополнения, взаимообогащения, новых взаимосвязей, углубляющих единство и гармонию. Иначе мы саму культуру превратим в средство конкурентных раздоров и большей индивидуации вместо того, чтобы сделать ее основой для формирования гармоничного единого культурного пространства. Следует отказаться от принципа конкуренции в сфере культуры как противоречащей ее объединяющему духу. Именно по этой причине брендинг территорий в принципе не может сводиться к концепции конкурентных преимуществ. Культура и общая история как раз и призваны сгладить конкурентность, имеющую место в сфере экономики регионов.

«Включение регионов России во взаимную конкуренцию», о которой пишет Г. И. Макарова [7, с. 340], представляет открытую опас-

ность для культурного брендинга территорий. К чему мы придем, если феномены казачества на Кубани и на Дону, феномены буддизма в Калмыкии и ислама в северокавказских республиках начнут соревноваться друг с другом, а дацан, мечеть и православный храм начнут бороться за своего клиента. Тезис конкурентных преимуществ, выдвинутый Анхольтом и поддержанный подавляющим большинством ученых, считаю ошибочным и тормозящим развитие культуры. Брендинг в такой парадигме станет оковами для культуры и создаст условия для антикультурных настроений и декультурации населения.

По этой же причине терпят неудачи выстроить брендование территории на основе характерных для продвижения товаров и услуг разного рода общих логотипов и слоганов. Брендинг территорий, учитывающий только экономические интересы, не способен привести ни одну страну к единому пространству успешного развития. Думаю, именно в этом и заключались неудачи брендинга стран, о которых писал Анхольт. Пора это осознать, чтобы перестать направлять финансовые, временные, человеческие ресурсы на заранее проигрышные направления работы.

Если и предлагать определения бренда территории, то только наиболее общие. Например, С. М. Федюнина, Г. Г. Паничкина предлагают такое определение: «Под брендом территории понимается совокупность общечеловеческих ценностей и уникальности, с помощью которых формируется своеобразие и оригинальные потребительские характеристики», получившие широкую известность и общественное признание [11, с. 94].

В брендинге территорий нужно исходить не из их самодостаточности, а из факта их связанности в едином культурном, экономическом, природном пространстве всей страны. Для успеха регионального брендинга территории, как это не покажется странным, нужно превзойти ограниченность регионализма и исходить из целостности культурного пространства, и не только страны, но и ее ближайшего международного окружения. Брендование территории — это не часть маркетинговой или имиджевой стратегии развития региона именно потому, что территория — это всегда нечто большее, нежели инвестиции, экономика, имиджевые выгоды. Основная проблема (можно сказать, ошибка) современной теории и практики брендинга территорий — непонимание сложной и неоднозначной структуры функционирования территориальных образований, в которых

экономический маркетинг (способствующий развитию экономики), имидж (занятый формированием позитивного и аттрактивного образа) не являются доминирующими. Чаще всего, их развитие — скорее, следствие, нежели основа для развития территорий. Инвестиционная привлекательность региона, безусловно, связана с уровнем развития производственной, социальной инфраструктур, но они представляют собой весьма ограниченные ресурсы.

Недооцененной, фундаментальной основой привлекательности, в том числе и инвестиционной, выступает именно историко-культурное и природное наследие. «Историко-культурное наследие позволяет осознать единство культурного пространства страны, увидеть особенности бытования культур народов Российской Федерации» [3, с. 18]. Оно «в современных условиях стало не только средством передачи потомкам материального и духовного богатства наших предков, что само по себе играет важную роль в формировании условий и средств человеческого общения и сохранения исторической памяти», а «стало важнейшим условием единства национально-культурного пространства как регионов, так и страны в целом» [8, с. 24].

Имеет большое значение и характер отношения к наследию со стороны местного населения. Чем выше уровень оценки со стороны местных жителей своего культурного и исторического достояния, тем выше возможности развития туристического сектора, с которым связаны и сопровождающие его разнообразные экономические перспективы для дальнейшего удовлетворения потребностей туристов. Пока культурные, природные, исторические бренды территории не будут как таковые приняты местным населением, до тех пор не будет успешного их продвижения на общей историко-культурной и природной площадке страны. Яркий пример тому научный и рационализаторский гений четы Кирлиан в Краснодаре, который, найдя признание во многих регионах России и других странах, никак не может пробить стену равнодушия со стороны местного населения.

Особенность положения культурной и природной сфер в структуре брендинга таково, что не маркетинг, не имидж, не разнообразные выгоды как таковые должны являться самоцелью. Главной и определяющей целью этого процесса является, как ни просто это звучит, человек, его внутренние запросы, сложные, в том числе и мировоззренческие, вопросы, смыслы, интересы, одним словом, его творческое полноценное развитие как человеческого существа, а в более общем

плане, всего общества. Как только это будет осознано, все прямолинейные и довольно грубые подходы (ради инвестиций и имиджевых предпочтений) естественным образом отойдут в сторону и станут не целью, а дополняющим и помогающим следствием умело проводящейся политики культурного, природного брендинга территории. Сферы экономики с доминирующим маркетинговым подходом, с одной стороны, имиджевые реалии, с другой, сфера культуры, с третьей, и природа, с четвертой, должны быть осознаны как имеющие свои собственные цели, задачи и механизмы продвижения.

Подходы к развитию и умелому представлению с помощью разнообразных технологий должны варьироваться в зависимости от своего предмета. Недооценка этого разнообразия, вне всякого сомнения, приведет к неоправданным и неэффективным финансовым, временным и человеческим тратам. Т. А. Атаева пишет: «Каждый десятый город России так или иначе уже предпринимал попытки разработки собственного бренда, однако в большинстве случаев проекты обернулись провалом» [1, с. 79].

Я исхожу из принципиального отличия сферы культуры и отчасти природы в практике брендинга от сфер экономики и имиджа. Но это вовсе не означает, что имиджевые и маркетинговые подходы не должны иметь место в культурном, этнокультурном и природном брендинге. Игнорировать эти подходы было бы другой неприемлемой крайностью и так же привело бы к неэффективности региональной политики. Поэтому маркетинговый и имиджевый подходы являются хоть и существенным, и необходимым, но все же только дополнением к основному культурному (историко-культурному, этнокультурному) и природному брендингу территорий (осуществляемом отдельно от экономического маркетинга и брендинга и параллельно с ними).

Таким образом, выделяется четыре базисных подхода в брендинге территорий — экономический, имиджевый, культурный, природный. Каждый из них взаимодополняет друг друга, акцентируя свои цели на определенные области: в сфере экономики — это экономика, производственно-технические мощности и потенциальные технологические перспективы; в сфере имиджа — это формирование положительного образа и репутации места; в сфере культуры — это творческий, духовный потенциал развития человека и человеческого общества; в сфере природы — это сама природа, ее сохранность и бе-

режное использование, создание оптимальных условий для гармоничного взаимопользования ее с человеком.

Все эти подходы взаимосвязаны, взаимно поддерживают друг друга, но в то же время сохраняют каждый свою особую специфику. Как только мы игнорируем ее, мы терпим неудачи в общем брендинге территорий. Вот почему я категорически не разделяю попытки свести региональный брендинг к имиджевой стратегии, к маркетингу, к инвестиционным предпочтениям, повышению туристической привлекательности. Эти подходы не дадут ожидаемых результатов от любого вложения средств в развитие территорий. Они, скорее, выхолостят сам смысл культуры и природы, превратив их в товар для продажи. Цинизм такого подхода ярко выражен Анхольтом: «...Маркетологи всегда знали: обладания истиной недостаточно. Истина должна быть продана» [14, р. 214].

Сами по себе ресурсы экономического маркетинга ограничены промышленными и коммерческими возможностями. Но эти ресурсы многократно увеличиваются при умелом культурном и природном брендинге, который автоматически потребует создание необходимой инфраструктуры, повысит имидж и туристическую привлекательность мест. Начинать нужно с местного населения, создавая все условия для повышения самооценки, оценки всего культурного достояния, которым они владеют и среди которого живут. Если местное население не имеет отношение к наследию, не знает его, не делает его составной частью своей повседневной жизни, то все вложения в брендинг, направленный на привлечение туристов извне, даст очень слабую отдачу. В этом отношении я солидарен с позицией Т. А. Атаевой, выделяющей среди основных проблем современного брендинга «неучитывание интересов населения, проживающего на данной территории» [1, с. 79].

Как только мы осознаем человека и его развитие как основополагающую цель культуры, ее брендинг станет новой формой успешного осуществления региональной культурной политики. Но если все цели и задачи культурного брендинга мы станем подчинять экономическим и имиджевым выгодам, мы не добьемся даже малейшего успеха и продвижения на этом пути. Думаю, недостаточное понимание этого сложного процесса, превращение городов, культуры и самого человека в самый заурядный товар, о чем пишется во многих статьях

по брендингу территорий, начиная с Анхольта, и стало причиной многих сбоев в этой работе.

О.Н. Чиркова пишет: «Региональный брендинг представляет собой самопрезентацию территории другим регионам, странам или иным социальным акторам» [12, с. 88]. В сфере культуры и истории, а также природы такое определение в некоторой степени лишено смысла именно по причине того, что регионы одной страны гораздо более связаны друг с другом, нежели отличаются друг от друга. Поэтому целью регионального брендинга, по моему убеждению, должна стать презентация не столько отличного, сколько объединяющего общего.

Многие авторы думают, что если что-то есть непохожее в другом регионе, то это однозначно станет аттрактивным образом для других регионов. Сама по себе непохожесть не является главным в понятии бренда, как считают некоторые авторы (А. Шестопалов, Т. Гердт). Люди, скорее, ищут схожее, общее в отличном, нежели сугубо отличающееся при отсутствии объединяющего начала. Такое резкое отличие будет больше отталкивать, нежели привлекать. Если бы многочисленные туристы не находили удовлетворение своих внутренних запросов в туристических поездках в другие регионы, то они бы не продолжали бы приезжать в определенные места вновь и вновь. Привлекательность мест паломничества (православные святые места, исламские святыни, артефакты т.н. языческого прошлого) не иссякает даже после многочисленных их посещений, хотя они стали уже известными и в некоторой степени привычными.

Многие авторы строят свои исследования на проведении социологических опросов, выявляющих некие брендовые достопримечательности, вызывающие наибольшее внимание со стороны местных жителей. Однако сами по себе культурные объекты не являются брендами, они лишь имеют брендовый потенциал. Его раскрытие и есть задача культурного брендинга. В чем же он заключается? Культура должна стать пространством, в котором прошлое оживает в настоящем, это пространство наследования культурных символов, глубоких смыслов и значений, вдохновляющих мотивов. Поле этого пространства — сознание людей — индивидуального, группового и общественного.

Нужно отказаться от стратегии брендинга объектов, достопримечательностей как таковых. Она не дает и не даст ожидаемых результатов. Брендировать нужно именно раскрытое, смысловое, жи-

вое и всякий раз оживающее, творчески вдохновляющее пространство между объектом культуры (относящего нас к своим прошлым живым культурным творцам) и ныне живущим населением.

Вот почему все понимания брендинга как стратегии рекламы культурного достояния своего региона перед другими регионами и странами объективно и субъективно проигрышны. Культурное брендинг — это не рекламная кампания, а процесс поиска таких культурных объектов, которые в данных исторических, социально-политических условиях с наибольшей силой становятся вдохновляющими примерами, раскрывающими глубокие жизненные смыслы, помогающие ныне живущим в их духовном, нравственном, культурном возрастании. Таким образом, культурное брендинг — это процесс выявления, усиления и умелой популяризации наиболее успешных в данное время пространств наследования ныне живущими людьми смыслов и значений определенных объектов культуры, истории и отчасти природы. Пока такая связь не будет выявлена, ни один человек не поймет, зачем ему ехать в другой город, другой регион, чтобы посмотреть там какой-то храм, какой-то музей, какие-то горы или памятники архитектуры и градостроительства, если аналогичные объекты есть на месте его проживания.

Думаю, что именно в этом заключается необычайный успех туристического направления в таких странах, как Индия, Непал, Перу, Мексика, Египет, Израиль, в таких регионах России, как Волгоградская область (место необычайного героизма во время Великой отечественной войны), Калмыкия (самая западная территория буддистской культуры), Краснодарский край (место дольменной культуры, памятников античности, черноморского и азовского побережий), Санкт-Петербурга (место высокого культурного уровня населения с большим количеством памятников культуры и искусства), Иркутской области (место экологически чистого Байкала), Крыма (место древней культуры и гостеприимного морского побережья) и т.д.

Определяющая тенденция к единству культур вовсе не отменяет их отличительное разнообразие. «При рассмотрении региональных особенностей этнических культур следует отметить, что в России поддерживается культурная специализация различных территорий, которая является результатом и продолжением процессов культурного строительства, разворачивавшихся на протяжении жизни нескольких поколений (традиции местного населения, объекты культурного

наследия и памятные места) или энергичной событийной культурной жизни (фестивали, события, возрождённые традиции)» [6, с. 43]. Подлинное единство возможно не при унификации, а при многообразии. Здесь главное — соблюсти баланс между подчеркиванием регионального своеобразия и устойчивой тенденцией к общему единению.

Калмыкия выбрала, на мой взгляд, верную стратегию — брендинг тибетского буддизма (с локальными особенностями). Это самая западная территория устойчивых буддистских традиций (со времени заселения ойратами, предками нынешних калмыков, территории нынешней Калмыкии в первой половине XVIII в. и официального признания в 1741 г. буддизма одной из традиционных религий России). Уже на этой базовой основе появляются и активно продвигаются и другие этнокультурные бренды, такие как калмыцкий чай, традиционные юрты, дацаны, ступы, этнокультурные фестивали и праздники. Сам буддизм является пространством оживления духовно-нравственных и религиозных смыслов и значений в жизни ныне живущего человека и выступает здесь так называемым зонтичным брендом. Но в то же время буддистские традиции Калмыкии являются прекрасным дополнением общей культуры буддизма в мире, а также привлекательным образом для межрегионального и международного сотрудничества. Поэтому брендинг буддистских традиций Калмыкии не может осуществляться вне брендинга тибетского буддизма и буддизма вообще в мире. Эта комплементарность не отменяет, а наоборот подчеркивает местное своеобразие. Поэтому и единство, общее, к чему в процессе брендинга территорий следует преимущественно стремиться, не отменяет и особенности. Брендинг — это процесс достижения единства в многообразии. И в этом заключено его коренное отличие от брендинга в сфере экономики.

Таким образом, брендинг территории заключает в себе разные технологии брендинга. Поэтому так сложно, если это вообще возможно, дать общее определение брендинга территорий.

Использованная литература:

1. Атаева Т. А. Проблематика территориального брендинга // Экономические науки. 2015. № 7. С. 78–80.
2. Важенина И. С. О сущности бренда территории // Экономика региона. 2011. № 3. С. 19–23.

3. Горлова И. И., Бычкова О. И., Костина Н. А. Разработка и реализация инвестиционных региональных этнокультурных проектов на базе объектов историко-культурного наследия [Электронный ресурс] // Наследие веков. 2015. № 4. С. 17–24. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/12/2015_4_Gorlova_Bychkova_Kostina.pdf (дата обращения: 14.09.2018).

4. Гуцалов А. А. Культурный бренд и брендинг территории // Культурное наследие России. 2018. № 3. С. 84–91.

5. Котлер Ф., Асплунд К., Хайдер Д., Рейн И. Маркетинг мест. Привлечение инвестиций, предприятий, жителей и туристов в города, коммуны, регионы и страны Европы. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2005.

6. Крюков А. В. Культурное наследие: проблемы освоения и использования в контексте современной государственной культурной политики [Электронный ресурс] // Наследие веков. 2015. № 4. С. 38–46. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2017/09/2017_3_Kryukov.pdf (дата обращения: 18.08.2018).

7. Макарова Г. И. Образ Татарстана и стратегии его брендинга в представлениях и оценках населения региона // Регионоведение. 2018. Т. 26. № 2. С. 338–357.

8. Науменко В. Е. Региональные программы сохранения историко-культурного наследия Юга России: учет особенностей [Электронный ресурс] // Наследие веков. 2015. № 4. С. 24–33. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/12/2015_4_Naumenko.pdf (дата обращения: 01.09.2018).

9. Русакова О. Ф., Русаков В. М. PR-дискурс: теоретико-методологический анализ. [Электронный ресурс] Екатеринбург: Уральское отд-е РАН, 2008. URL: http://www.madipi.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=27%3Apr-&catid=59%3Apr-&Itemid=10&limitstart=12/. Дата обращения 03.10.2018).

10. Старцева А. С. Феномен «культурного бренда» в процессе создания имиджа российских регионов // Вестник МГУКИ. 2014. № 4. С. 195–200.

11. Федюнина С. М., Паничкина Г. Г. Стратегия брендинга в политике региона (на примере Саратовской области) // Вестник Поволжского института управления. 2017. Т. 17. № 1. С. 91–97.

12. Чиркова О. Н. Влияние имиджевой политики и этнокультурного брендинга региона на формирование и развитие региональной идентичности // Регионоведение. 2016. № 3. С. 88–95.

13. Anholt S. Beyond the Nation Brand: The Role of Image and Identity in International Relations, *The Journal of Public Diplomacy*, 2013, vol. 2. is. 1, pp. 6–12. URL: <https://surface.syr.edu/exchange/vol2/iss1/> (дата обращения: 03.10.2018).

14. Anholt S. Branding Places and Nations // Brands and Branding. London: Profile Books Ltd, 2003.

Alexander A. GUTSALOV

Cand. Sci. (The History of Philosophy),
Senior Researcher, Department
of the Heritage Studies and Expert
Activities, Southern Branch,
Russian Research Institute of the Cultural
and Natural Heritage, Krasnodar, Russia
gutsalov_alex@mail.ru

Territorial Branding: in Search of the Strategy

The article is devoted to the formation of territory branding strategy as a relatively new direction of modern Russian regional policy. Image, marketing and cultural approaches to branding of territories are considered. The expediency of the principle of competitiveness between regions and cities, as well as the idea of the place as a specific product is questioned. It is shown why the policy of territorial branding fails. This is due to the undifferentiated idea of the territory, which combines economic, cultural, natural resources, due to unjustified attempts to extend marketing and image technologies to the spheres of culture, history, population and nature. The article is based on the scientific work of foreign and domestic experts.

Keywords: Cultural brand, place branding, brand of nation, place marketing, territory branding, competitive identity, investment, attractiveness, tourism, culture, Simon Anholt.

РАЗДЕЛ 3

Усадьба как локальный культурный ландшафт

*Г. Н. Керцева (Вольная)**

Архитектурный комплекс в селе Галиат как пример североосетинских усадеб в условиях горного ландшафта

В горной зоне Северной Осетии известны традиционные жилые усадьбы «ганахи», входящие в комплекс «галуанов», включающие в себя комплекс сторожевых и жилых башен, хозяйственные и ремесленные постройки. В селении Галиат сохранилось несколько таких усадеб, построенных в XIII — XVIII вв.: сторожевая башня, ганах и усадьба Цараевых-Кодоевых, усадьба Езеевых, Балаовых, Годизовых и Гасиновых, усадьбы восточного, северного и центрального кварталов. Исторические условия XIII — XVIII в. приводили к необходимости строительства укрепленных усадеб. Горный ландшафт подразумевает строительство усадьбы вертикальной планировки, многоуровневость строений при минимуме площади фундамента. Горные усадьбы являлись семейными и отражали социальные отношения, сложившиеся в эпоху развитого средневековья и начала нового времени. В условиях традиционного хозяйства горной

* КЕРЦЕВА (Вольная) Галина Николаевна, кандидат исторических наук, доцент, консультант отдела контроля и учета объектов культурного наследия Комитета по охране объектов культурного наследия Республики Северная-Алания, Владикавказ, Россия. Электронная почта: iia555@yandex.ru.

зоны усадьбы включали в себя все необходимые постройки и в тоже время их стены защищали от нападения извне.

Ключевые слова: Северная Осетия, Дигория, горная усадьба, ганах, вертикальная многоуровневая планировка.

Формирование поселений в горной Осетии более чётко прослеживается после монгольского завоевания и оттеснения алан-осетин с равнинной полосы в горы Центрального Кавказа. Вследствие процесса миграции осетин, продолжавшегося до XVIII в., в горах возникло огромное количество родовых поселений, характерных только для осетин горных районов. В результате естественного прироста населения на ограниченной площади здесь длительное время сохранялась большая плотность населения. XIII — XVIII в. в истории народов Северного Кавказа — это время коренной перестройки этнической карты региона: нашествие монголов, экспансия Тимура, агрессивные устремления правителей Ирана, Турции и Крымского ханства, набеги феодалов Дагестана, ногайских орд, адыгов, освоивших равнинные районы Центрального Предкавказья и установивших жесткий контроль над выходами из горных ущелий, межплеменная рознь и внутренние смуты, порожденные конфликтами противоборствующих феодальных группировок. В таких условиях возникла острейшая необходимость в создании сооружений, предназначенных главным образом для защиты жизни и имущества, как отдельных семей, так и целых обществ» (см.: [8, с. 17–20,87] [9, с. 227–237]). Расположение скота в нижней части башен и наличие припасов играло важную роль во время осады.

Большое значение имело для горных селений наличие водного источника: реки, ручья, родника. В. Ф. Миллер в «Предании об осаде Галиаты Сахом», записанного им во время путешествия по Осетии, рассказывает о том, чтобы принудить Галиат сдаться удалось лишь после того как Сах отвёл воду из водопровода. В. Ф. Миллер пишет, что следы водопровода видны до сих пор [11, с. 325]. Поэтому осетинские селения располагались по одной или двум сторонам от водного источника.

Горные селения в силу ряда исторических обстоятельств и особенностей рельефа отличались скученной застройкой, развернутой в вертикальном плане, и характерным местоположением где-нибудь на крутом склоне горы, на вершине хребта или холма-останца и т.п.

«Деревни издали похожи на орлиные гнезда, — писал В. Ф. Миллер в 1880-х гг. — ... не удивительно, что 20 дворов помещаются иногда на участке в 100 квадратных сажений, но жителю долины нельзя не подивиться тому, что такой участок... на котором взгромождаются дома из каменных плит почти без цемента, занимает часто обрывистую вершину высокой скалы, откуда нервному человеку даже страшно взглянуть вниз». Немецкий путешественник Кох, побывавший в середине XIX в. в Осетии, отмечал, что «Осетия принадлежит к самым перенаселённым районам Кавказского перевейка». По его подсчётам, на площади около 50 кв. миль проживало 40 тыс. человек, т.е. на 1 кв. милью приходилось 800 душ [8, с. 233].

В то же время горный ландшафт подразумевает строительство усадьбы на склоне и многоуровневость строений при минимуме площади фундамента. Жилые и сторожевые башни и могильники часто располагались на склонах. «Удобные земли» в горах, как правило, использовались под террасное земледелие. Над строениями села всегда доминировали боевые или жилые башни. На высотах удобных для наблюдения, сооружались сторожевые башни: с них дозорные передавали сигнал тревоги односельчанам. В горах практиковалась вертикальная застройка с целью экономии земли [7, с. 152] [16, с. 268].

В русском языке «**усадьба**» происходит от «садить», «сажать» и в архитектуре представляет собой отдельное поселение, комплекс жилых, хозяйственных, парковых и иных построек, а также, как правило, усадебный парк, составляющих единое целое со всеми строениями, садом и огородом [21, с. 467]. В осетинском языке для понятия усадьба есть термин «**галуан**» (замок). Однако функционально и несколько отличается от усадеб, расположенных на плоскости. Во-первых, он включает в себя комплекс оборонительных и жилых башен, хозяйственные и ремесленные постройки соединённые или обнесённые стенами, являлся одновременно жилым и фортификационным сооружением, что отражает условия существования усадьбы в условиях отражения нападений. Во-вторых, для галуанов, расположенных в горах характерна вертикальная планировка. Появление галуанов относится к средневековому периоду (см.: [13, с.143–144] [8, с. 246]).

В горной зоне Северной Осетии известны традиционные жилые дома – **ганахи**, входящие в комплекс галуанов. Ганах — это прямоугольное в плане 2–3-х этажное строение с окнами и бойницами различной конфигурации с прямоугольным основанием стены, су-

жавшимся кверху и заканчивавшейся плоской крышей. Ганах огораживался высокой каменной стеной. Часто к ганаху пристраивалась башня и подобный полубоевой комплекс получал название «галуан». Ганах выполнял двойную функцию, был полубоевой и полужилой башней, это наиболее древний вид башенных сооружений в Северной Осетии. Галуаны и ганахи имели обычно фамильную принадлежность. Всё имущество семьи хранилось на первом этаже, второй отводился под жильё, третий служил для обороны, а также для приёма гостей [14, с. 246].

Также в состав галуанов иногда входили боевые башни — «**маэ-сыг**», которые имели широкое распространение в Осетии. Строились они в 3–5 этажей, четырехугольной, слегка суженной кверху формы (см.: [19, с. 353–356] [8, с. 246]).

Североосетинские усадьбы XIV–XIX вв. в условиях горного ландшафта наиболее хорошо сохранились в Ирафском районе, в частности в с. Галиат.

В условиях традиционного хозяйства горной зоны усадьбы включали в себя все необходимые постройки и в тоже время их стены защищали от нападения извне. В с. Галиат сохранилось несколько таких усадеб-ганахов, построенных в XVII–XIX вв.: сторожевая башня, ганах и усадьба Цараевых-Кодоевых, усадьбы Езеевых, Балаовых, Годизовых, Гасиновых, усадьбы восточного, северного и центрального квартала.

Селение Галиат — это одно из древнейших селений в Северной Осетии, расположено в юго-восточной части Ирафского района, по обоим берегам речки Комидон в Дигорском ущелье, на пересечении перевальных путей в Грузию и Кабардино-Балкарию.

Находится в высокогорной местности 2025 м над уровнем моря. Это одно из древнейших селений в Северной Осетии. С. Галиат известно могильниками кобанской и аланской культур, средневековой архитектурой. Вокруг селения, на отрогах хребта, расположены несколько культовых комплексов. В начале 20 века здесь находилось 100 дворов. Сейчас проживает лишь 2 человека (см.: [17, с. 286, рис. 217, табл. СХІХ] [19, с.149]).

Село Галиат считалось богатым поселением. Здесь были сосредоточены крупные ремесленные мастерские, развита была торговля скотом. Галиатские бычки и барашки славились далеко за пределами

Осетии. В настоящее время с. Галиат представляет собой средневековый архитектурный комплекс.

Упоминания об историко-архитектурных памятниках с. Галиат встречаются в работах многих дореволюционных, советских и постсоветских авторов — В.Б. Пфафа, В.Ф. Миллера, П.С. Уваровой, А.А. Миллера, Г.А. Кокиева, Е.И. Крупнова, В.Х. Тменова. «Чем-то мрачным, средневековым веет от этих древних башен и домов, в которых коротает свой век потомство на местах, где каждый камень, каждая гробница говорит о предках» (см.: [10, с. 79–80] [12, с.353] [20, с.149]).

Одной из ранних усадеб является **усадьба Балаовых II** (XIV–XIX вв.), являющаяся типичной усадьбой горной Дигории. Она расположена на юго-восточной окраине с. Галиат в нижней части восточного квартала, на правом берегу р. Комидон. Территория усадьбы вытянута вдоль главной подъездной дороги к селу со стороны с. Камунта и имеет ориентацию север-юг. Она состоит из жилого дома, башни, хозяйственных построек, загонов и огородов. Загоны и стойла для скота расположены в двух уровнях, отделённых друг от друга хорошо выложенными подпорными стенами, при этом кладка стен загонов, примыкающих к постройкам, значительно выше по своему качеству. Эти загоны сообщаются с закрытыми помещениями хлевов. На усадьбе имеются ещё два загон с более примитивными оградами. Уровни усадьбы сообщаются между собой лестницами с хорошо выложенными широкими ступенями. Подходы со стороны моста через речку мощены широкими плитами. Она обособлена от других сооружений села.

В территорию усадьбы входит четырехэтажный Г-образный в плане главный дом, второй дом, поставленный к северу и соединенный с главным домом открытой лестницей, загонами для скота. Хозяйственные постройки размещались к югу от дома. Усадьба Балаовых представляет собой очень интересный комплекс, являющийся в настоящее время уникальным даже для самых удалённых районов горной Дигории [1]. Фамилия Балаовых разрасталась, и поэтому возникла необходимость в возникновении, ещё одной усадьбы-галуана.

Усадьба Балаовых I (XIX в.) расположена на северо-западной окраине с. Галиат, на склоне горы у главной улицы селения. Она состоит из четырёхэтажного дома, загон для скота и огородов. Участ-

ки загонов и огородов находятся на разных уровнях, отделённых друг от друга подпорными стенами, хорошо выложенными из камня.

С юго-запада к усадьбе примыкает жилой комплекс соседней усадьбы. К дому с улицы ведёт три подхода: один находится со стороны загона для скота в первый этаж, второй ведёт во второй и третий этажи и представляет собой длинную каменную лестницу, примыкающую к юго-восточной стене дома, третий представляет собой дорогу в виде пандуса, подводящую к верхнему этажу с северо-запада.

Усадьба представляет собой четырёхэтажное строение четырёхугольное в плане, сложено из разноразмерных камней на известковом растворе. Фасад выходит на запад. На фасадной стене расположены 3 ряда прямоугольных окон в верхнем ряду — пять окон, в следующем ниже — три окна и в нижнем, расположенном на уровне второго этажа — одно прямоугольное, размерами как на верхних этажах и одно — меньших размеров. На первом этаже фасада имеется входная дверь, рядом с ней небольшая пристройка, сложенная из камней на известковом растворе.

Дом окружён с трёх сторон разно уровневными участками загонов для скота и огородов. Участки отделены друг от друга хорошо сложенными из камня подпорными стенами. С юга к зданию усадьбы примыкает внутренний двор, окружённый каменной оградой. Вход во двор устроен в западной стене ограды. Из внутреннего двора лестница ведёт во второй и третий этажи здания. Вход на первый ярус устроен в западной стене (со стороны улицы). Слева от входа — хозяйственная пристройка в один этаж с односкатной крышей. Слегка наклонные стены выложены из обработанного камня на известковом растворе [2].

«Усадьба Гасиновых» (XIV–XIX вв.) расположена в центральной части с. Галиат на правом берегу ручья, впадающего в р. Камидон. Усадьба состоит из древнего дома-ганаха с пристройками, большого двора, вымощенного каменными плитами, находящихся на востоке двора развалин (остались только стены) большого дома, загонов для овец и огородов, находящихся у дороги и ручья. Двор окружен высокой каменной стеной, тщательно выложенной из обработанных камней на известковом растворе. Со стороны улицы во двор ведут массивные деревянные ворота и калитка. Усадьба образует собой целый замкнутый квартал в центре с. Галиат [3].

Наиболее древняя часть здания — ганах — сложен из грубо обработанных камней и шифера на известковом растворе, снаружи был обмазан известью. К ганаху с юга и востока примыкают пристройки более позднего происхождения. Первый этаж ганаха использовался для скота, на втором этаже центрального объема хранилось сено, третий этаж целиком использовался под жилье. На третьем этаже сохранилась резная консоль, поддерживающая балки. Пристройки сложены без раствора. Балки перекрытий пристроек значительно тоньше и хуже обработаны [4].

«Усадьба Годизовых» (XIV–XIX вв.) расположена в западной части села, на мысу, образованном изгибом р. Комидон, на левом берегу этой реки, на скале над ручьем Мидраудон. Жилой дом прямоугольный в плане, двухэтажный. Здание сложено из камня и шифера на известковом растворе. С запада к нему примыкают неправильной формы помещения и загон для скота. Первый этаж здания используется также для скота и сена, второй жилой. Планировка второго этажа в настоящее время переделана.

Усадьба расположена в западной части села, на мысу, образованном изгибом р. Комидон, на левом берегу этой реки, на скале над ручьем Мидраудон, на южной окраине села Галиат. Жилой дом прямоугольный в плане, двухэтажный. Здание сложено из камня и шифера на известковом растворе. С запада к нему примыкают неправильной формы помещения и загон для скота. Первый этаж здания используется также для скота и сена, второй жилой. Планировка второго этажа в настоящее время переделана.

Башни могли строить с использованием извести, либо без нее. Если башня строилась не на извести, то для плотности промежутки между камнями заполнялись землей. Пристройки могли строить на сухую кладку [5].

Усадьба Цараевых-Кодоевых (XIV–XIX вв.) представлена сторожевой башней и ганахом. Усадьба расположена на северной окраине с. Галиат. Башня находится в восточной части усадьбы, ганах в северо-западной, вокруг них расположены постройки усадьбы. Ганах находится в 24 м. к северо-западу от башни и представляет собой прямоугольное в плане сооружение, от которого сохранилось 10–15 рядов кладки. Башню и ганах соединяют руинированные стены построек бывшей усадьбы, принадлежащей представителям одной фамилии. Башня Цараевых стала называться башней Кодоевых после того, как

все Цараевы умерли от болезни и тогда башню заняли Кодоевы [16, с. 205–206].

Усадьба Езеевых (XIV–XIX вв.) расположена в южной части села Галиат, на левом берегу р. Комидон, на небольшом мысу, образованном изгибом реки. Напротив усадьбы расположен мост через реку и начинается дорога вверх (на запад) к святылищу и вдоль склона (на юг) — к с. Камунта и церкви с. Галиат. Усадьба состоит из жилого дома, хозяйственных построек, загонов и огородов. Загоны и стойла для скота расположены в двух уровнях, отделенных друг от друга хорошо выложенными каменными подпорными стенками. При этом кладка стен загонов, примыкающих к постройке значительно выше по своему качеству. Эти загоны сообщаются с закрытыми помещениями хлебов. Кроме них на усадьбе имеется два других загона, окруженных более примитивными оградами. Уровни сообщаются между собой лестницами с хорошо выложенными широкими ступенями.

Характерной особенностью усадьбы Езеевых является ее обособленность от других сооружений села. Усадьба с башней является хорошо сохранившимся примером характерной для сел горной Дигории застройки. Башня, являясь доминантой, фиксирует южную окраину села. Подходы к усадьбе со стороны моста через речку вымощены широкими плитами [16, с. 206].

«**Замок (галуан) Битуевых**» (XIV–XIX вв.) расположен в центре села, на мысу, вертикально обрывающимся к р. Комидон и являющимся водораздельной оконечностью западного склона горы, расположенной к востоку от села. Основан предположительно в XIV веке, одним из первых среди застройки села, по-видимому, одновременно с башней Гадзаовых, стоящей на том же водоразделе, выше по рельефу. Эти два сооружения перекрывали ущелье реки Комидон. Постройки комплекса: четыре башни и высокие крепостные стены, как бы вырастают из вертикальной скалы, причем местами переход природной основы в искусственную стену практически не отличим. Это самое яркое по своей архитектуре сооружение Галиата и, возможно, самое древнее по времени постройки. Башня Битуевых была ими самими построена. Битуевы принадлежали к роду Баделиата и после того, как Битуевы все выселились на плоскость, то дом и башню заняли Загаловы [18].

Судя по усадьбам с. Галиат, галуаны, как правило, включали дом-ганах с пристройками, большой двор, вымощенный каменными плитами, загоны для скота, огороды, бывают огорожены высокой каменной стеной на известковом растворе. Основу усадьбы составляют прямоугольные двух-трёхэтажные дома, сложенные из отёсанного камня, стены прорезаны четырёхугольными входными и оконными проёмами. Укрепленная усадьба является сложным в плане многоуровневым комплексом различных по функции и времени возведения сооружений, расположенном на участке с перепадом рельефа в среднем 7–8,50 м.

Усадьба и двор в горных селениях расположенных на крутом склоне или вершине горы и имевших особенно плотную застройку были крайне незначительными по размеру, располагались на разных уровнях — так называемая вертикальная планировка. Число хозяйственных и надворных построек в горных усадьбах было весьма ограничено и редко превышало одно-два помещения. Эти постройки занимали в доме первый этаж, выступая за плоскость фасада. Плоская крыша хозяйственной постройки использовалась для разного рода домашних работ.

Из башенных сооружений наиболее ранним является ганах — строение, предназначенное и для жилья, и для обороны. Со временем оборонительные функции ганаха были целиком перенесены на башни и строительство жилых помещений подобного типа пошло на упрощение (без бойниц и машикулей), уменьшение этажности. Дверной проем ганаха располагался на первом этаже, а сообщение между этажами осуществлялось через лазы, проделанные в межэтажных перекрытиях. Оборона осуществлялась через бойницы, устроенные обычно в стенах верхних этажей. Со временем оборонительные функции ганаха были целиком перенесены на башни и строительство жилых помещений подобного типа пошло на упрощение (без бойниц и машикулей), уменьшение этажности. Старые ганахи со временем разваливались или перестраивались.

Жилые помещения, обычно группировавшиеся вокруг боевой башни, не были соединены с башней внутренними ходами, т.к. враг легче и скорее мог завладеть менее защищенными жилыми помещениями, а наличие внутренних сообщений могло облегчить его задачу и затруднить оборону. Этажи башни сообщались через квадратные отверстия и приставные деревянные лестницы. Эти отверстия дела-

лись обязательно в углу потолка, служившего одновременно полом для следующего этажа. Преимущественно его (пол) делали из дерева. Очень редко попадаются башни, имеющие сводчатые каменные потолки. Некоторые башни, кроме основных этажей, имели еще и глубокие подвалы, высеченные в горном массиве, или сложенные из огромных камней, одновременно служащих фундаментом. Эти каменные подвалы, вероятно, предназначались для рабов и пленников, которых содержали здесь до выкупа родственниками или до продажи куда-нибудь на сторону.

Искусство фортификационных сооружений северокавказских горцев, связанное с практикой жилищного строительства, воплотило в себе все лучшие достижения народного зодчества. Оно представлено множеством оборонительных памятников, сосредоточенных в Северной Осетии. Часть из них была возведена еще в средневековье, но местные жители на протяжении столетий следили за их состоянием, время от времени подновляя и продолжая использовать в военных целях. Другая часть упомянутых сооружений появилась, на месте более древних, не сохранившихся до наших дней памятников, уже в послемонгольский период и связана с историей конкретных народов и различных социальных групп населения. Осетины, как и их соседи, продумали четкую систему защиты от нападений не только внешних врагов, но и своих соплеменников, поощрявших к набегам феодальной верхушкой, нуждой, личной удаley. Первый этаж башни предназначался для скота, второй и третий отводились под жилой отсек, четвертый этаж представлял собой оборонительный отсек (см: [15, с. 83–85] [6, с.10, 13–15]).

Усадьбы с. Галиат включены в единый государственный реестр объектов культурного наследия в качестве объектов культурного наследия федерального значения в составе объекта культурного наследия федерального значения «Архитектурный комплекс селения (хъау) Галиат». Установлены территории выявленных объектов культурного наследия и границы их охраны.

Использованная литература:

1. Архив Комитета по охране и использованию объектов культурного наследия РСО-Алания. Дело № 557. Паспорт. Усадьба Балаовых II. XIV–XIX вв.

2. Архив Комитета по охране и использованию объектов культурного наследия РСО-Алания. Дело № 556. Паспорт. Усадьба Балаовых I. XIX в.
3. Архив Комитета по охране и использованию объектов культурного наследия РСО-Алания. Дело № 554. Паспорт. Усадьба Гасиновых. XIV–XIX вв.
4. Архив Комитета по охране и использованию объектов культурного наследия РСО-Алания. Дело № 553. Паспорт. Дом Гасиновых. XIV–XIX вв.
5. Архив Комитета по охране и использованию объектов культурного наследия РСО-Алания. Дело № 555. Паспорт. Дом Годизовых. XIV–XX вв.
6. Гольдштейн А. Ф. Средневековое зодчество Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. М.: Наука, 1975.
7. Калоев Б. А. Осетины. Историко-этнографическое исследование. М.: Наука, 1971.
8. Калоев Б. А. Осетины: историко-этнографическое исследование. М.: Наука, 2009.
9. Марковин В. И. Некоторые особенности осетинской башенной архитектуры // Кавказский этнографический сборник. Вып. VI. М.: Б. и., 1976. С. 227–237.
10. Миллер В. В горах Осетии // Русская мысль. 1881. Кн. IX. С. 55–105.
11. Миллер В. Ф. В горах Осетии. Владикавказ: Изд.-полиграф. предприятие им. В. А. Гассиева, 2007.
12. Пфаф В. Б. Материалы для древней истории осетин // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. IV. Тифлис: Тип. Главного управления Наместника Кавказского, 1870. С. 1–28.
13. Тменов В. Х. Галуан // Осетинская этнографическая энциклопедия. Владикавказ: Проект-Пресс, 2013. С. 143–144.
14. Тменов В. Х. Гæнах // Осетинская этнографическая энциклопедия. Владикавказ: Проект-Пресс, 2013. С. 149–150.
15. Тменов В. Х. Зодчество средневековой Осетии. Владикавказ: РИПП им. В. А. Гассиева, 1996.
16. Тменов В. Х. Средневековые историко-архитектурные памятники Северной Осетии. Орджоникидзе: ИР, 1984.
17. Уварова П. С. Материалы по археологии Северного Кавказа. VIII. М.: Товарищество тип. И. А. Мамонтова, 1900.
18. Усадьба Битуевых [Электронный ресурс] // Российские маршруты. URL: <http://russianroutes.ru/m/usadba-bituevykh/> (дата обращения 29.10.2018).
19. Чибиров Л. А. Мæсыг/ Мæсуг // Осетинская этнографическая энциклопедия. Владикавказ: Проект-Пресс, 2013. С. 353–356.
20. Чибиров Л. А., Тменов В. Х. Галиат // Осетинская этнографическая энциклопедия. Владикавказ: Проект-Пресс, 2013. С. 149.
21. Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Усадьба // Краткий этимологический словарь русского языка. М.: Просвещение, 1971. С. 467.

Galina N. KERTSEVA

Cand. Sci. (Archaeology), Assoc. Prof.,
Department for Control and Accounting
of the Objects of Cultural Heritage,
Committee for Safeguarding of Cultural Heritage
of the Republic of North Ossetia-Alania,
Vladikavkaz, Russia
gal.volnaya@yandex.ru

**Architectural Complex in the Village of Galiat
as an Example of North Ossetian Estates in Conditions
Mountain Landscape**

In the mountainous zone of North Ossetia, the traditional “ganakhs” manor houses are known, which are part of the “Galuan” complex, which includes a complex of watch and residential towers, household and craft buildings. In the village of Galiat, several such estates, built in the 13-th-18-th centuries, have survived: a watchtower, Ghans and the estate of the Tsaraev-Kodoyevs, the estate of the Ezeyevs, Balaovs, Godizovs and Gasinovs, estates of the eastern, northern and central quarters. Historical conditions of the 13-th-18-th centuries led to the need for the construction of fortified estates. The mountain landscape implies the construction of a manor of vertical layout, multi-level structures with a minimum of footing. Mountain estates were familial and reflected social relations that developed in the era of the developed Middle Ages and the beginning of the new time. In the conditions of the traditional economy of the mountain zone, the estates included all the necessary buildings and at the same time, their walls were protected from attack from the outside.

Keywords: North Ossetia, Digoria, mountain estate, Ghanais, multi-level vertical layout.

А. В. Гончаров*

Объекты культурного наследия — усадьбы, расположенные на территории Краснодарского края: история принятия на государственную охрану, современное состояние и проблемы сохранения

Статья посвящена вопросам современного состояния расположенных на территории Краснодарского края усадеб, имеющих статус памятников истории и культуры, истории их принятия на государственную охрану, мероприятиям, осуществляемым органами государственной власти в целях их государственной охраны, а также предложены меры для их сохранения и приспособления для современного использования. Усадьбы, являющиеся объектами археологического наследия, значительное количество которых также имеется на территории Краснодарского края, в данной статье не рассматриваются.

Ключевые слова: усадьба, объекты культурного наследия, памятники истории и культуры, реестр, Краснодарский край.

Согласно данным государственного учета на территории Краснодарского края расположено 32 усадьбы, имеющих статус объектов культурного наследия. Большинство усадеб отнесены к виду объектов культурного наследия «ансамбль», в их состав входят более 69 памятников.

На территории Абинского района расположено 6 усадеб. «Усадьба помещицы *Ольги Поповой*», х. Ольгинский, ул. Кубанская, 8, объект культурного наследия регионального значения, принят на государственную охрану Законом Краснодарского края от 17.08.2000 № 313-КЗ «О перечне объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, расположенных на территории Краснодарского края» (далее — Закон № 313-КЗ) [11]. Здание существенно видоизменено, интерьеры не сохранились, требует проведения ремонтно-реставрационных работ [7]. В настоящее время в здании находится «Абинский комплексный центр социального обслуживания населения «Источник».

* ГОНЧАРОВ Алексей Владимирович, ведущий консультант отдела правового сопровождения, государственного надзора и учета объектов культурного наследия Управления государственной охраны объектов культурного наследия Краснодарского края, Краснодар, Россия. Электронная почта: 2307080@mail.ru

Также на территории района расположено еще 5 усадеб, имеющих статус выявленных объектов культурного наследия, принятых на государственную охрану распоряжением комитета по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края от 21.05.1996 № 11–1–р [2]:

– городская усадьба, 1900-е гг., г. Абинск, ул. Вокзальная, 1, рекомендована к исключению из перечня выявленных объектов культурного наследия;

– усадьба крестьянская казачья, х. Ольгинский, ул. Октябрьская, 7;

– Усадьба крестьянская казачья, 1913 г., ст-ца Мингрельская, ул. Энгельса, 61;

– Усадьба крестьянская казачья, 1910 г., ст-ца Мингрельская, ул. Советская, рекомендована к исключению из перечня выявленных объектов культурного наследия;

– Усадьба крестьянская казачья, 1910-е гг., ст-ца Федоровская, центр.

В Армавире на углу ул. Жукова, 177–179 и ул. Дзержинского, 12 расположен выявленный объект культурного наследия «Ансамбль городской усадьбы: дом жилой, флигель, ограда кованная с воротами и калиткой на кирпичном цоколе», принятый на государственную охрану распоряжением комитета по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края от 10.10.1995 [1]. В настоящее время здание используется городской больницей.

На территории хутора Джанхот в Геленджике расположены 2 усадьбы, имеющие статус объектов культурного наследия.

«Усадьба семьи В. Г. Короленко — русского писателя гуманиста», 1901–1912 гг., в состав которой входят: «Дом жилой, особняк», 1901 г.; «Флигель со смотровой площадкой», 1909–1912 гг. Данная усадьба является объектом культурного наследия регионального значения, принятым на государственную охрану решением Краснодарского краевого Совета депутатов трудящихся от 29.01.1975 № 63 «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в Краснодарском крае» [3, с. 618].

Илларион Галактионович Короленко — брат выдающегося писателя Владимира Галактионовича Короленко, приобрел земельный участок в Джанхоте в 1899 г. по совету Федора Андреевича Щербины, уже

имевшего там дачу. На площади 100 десятин новые хозяева посадили фруктовый сад, обширный виноградник, а в 1901–1902 гг. на склоне горы построили двухэтажный каменный дом с верандами, балконами и мансардой.

Фактически в строительстве усадьбы и ее благоустройстве участвовали оба брата: Илларион Галактионович Короленко — инспектор страхового общества, в, двухэтажное, из местного камня-песчаника «дикаря», толщиной 82–85 см, кладка на известковом растворе (1901). Кровля двухскатная черепичная (старинная французская черепица, город Марсель), с организованным водостоком. Вдоль центрального фасада две деревянные веранды на уровне второго этажа, с резной балюстрадой. Веранды соединены деревянной галереей. Над карнизом центрального фасада — каменный аттик с цифрой 1901. Чердачные межэтажные перекрытия деревянные (двойные дубовые балки). Потолки и стены комнат (высота стен 320 см) оштукатуренные, беленые известью. Оконные рамы одинарные и двойные, подоконники бетонные, на первом этаже ставни. Полы дощатые, крашенные. На втором этаже печка голландская, топка со стороны коридора, обогревательные щитки в двух комнатах. Во всех внутренних несущих стенах при постройке предусмотрены дымоходы, используемые для временных обогревательных печей. На первом этаже размещались гостевые комнаты, кухня и помещения, которые предназначались для виноделия и винного подвала. На втором этаже — кабинет и гостиная, столовая, комнаты для отдыха родственников семьи Короленко, мастерская И. Г. Короленко и туалетная с умывальником.

С 1902 г. каждое лето в доме И. Г. Короленко отдыхали братья и сестры Короленко со своими семьями и прислугой, приезжали друзья. Владимир Галактионович Короленко гостил в доме брата в летние и осенние месяцы 1902, 1904, 1908, 1912, 1915 (дважды) гг., сочетая отдых с литературной и общественной деятельностью. Многие его творческие планы завершались в Джанхоте. Здесь он работал над рассказами, очерками, рецензиями, воспоминаниями и публицистическими статьями.

До 1908 г. дом И. Г. Короленко не был приспособлен для жизни в нем круглый год. И. Г. Короленко часто болел и, мечтая бросить службу и поселиться в усадьбе, постоянно ее строил. С 1908 по 1912 г. по эскизам и советам брата Владимира Галактионова были сооружены каменный флигель с верхней смотровой площадкой, каменный водо-

ем для дождевой воды, каменная подпорная стенка для укрепления грунта и отвода ливневых потоков, установлены кованые ограждения на лестницах, посажены декоративные кустарники, разбиты цветочные клумбы.

В 1912 г. И. Г. Короленко переехал с семьей в Джанхот на постоянное жительство и продолжал благоустройство усадьбы: по сложному залесенному рельефу продолжил прогулочные аллеи, пригодные и для проезда, оборудовал видовые площадки и площадки для отдыха, как основу будущего приусадебного парка. Ниже центральной усадьбы, у подножия горы, были сооружены деревянные хозяйственные строения (конюшня, сеновал, хлев, сарай и прочие).

В 1915 г. Илларион Галактионович неожиданно умер. Владимир Галактионович похоронил брата на территории усадьбы на одной из видовых площадок, в 70 метрах от дома и взял опеку над его семьей.

После Революции 1917 года семья И. Г. Короленко (вдова Нина Григорьевна и сыновья Вадим и Георгий) подвергались притеснениям со стороны местных властей: земельный участок был реквизирован, имущество экспроприровано*, хозяева были выселены из дома, а в нем разместилась детская колония беспризорных [10, л. 139, 148]. В конце 1930 г. И. Г. Короленко с сыновьями была вынуждена уехать из Джанхота.

Бывшая усадьба И. Г. Короленко многие годы сдавалась местными властями разным организациям в качестве базы отдыха. Ремонт зданий не производился, постройки ветшали, деревянные конструкции разрушались, были полностью разрушены и снесены деревянные строения, как в самой усадьбе, так и на хоздворе.

В 1950-х гг. литературная общественность страны, центральная и местная пресса, энтузиасты-краеведы Геленджикского историко-краеведческого музея подняли вопрос о создании в доме И. Г. Короленко литературного музея писателя. В 1957 г. на здании усадьбы была установлена мемориальная доска. В 1963 г. Геленджикский горисполком расторг договор с последним арендатором усадьбы и 21 мая 1964 г. был открыт филиал Геленджикского музея — литературный

* В 1922 г. вдова И. Г. Короленко, обращалась в Исполком Кубано-Черноморского областного Совета с просьбой предоставить ей в пользование земельный участок 6 десятин (из реквизированных 100 десятин) для огорода и сада и получила отказ [10, л. 148].

музей В. Г. Короленко (комнаты первого этажа основного здания) и размещена начальная школа № 11 хутора Джанхот (комнаты второго этажа основного здания). Решением геленджикского горисполкома от 11.06.1965 № 1227 здания усадьбы переданы на баланс историко-краеведческому музею. В них развернуты литературно-мемориальные экспозиции.

Земельный участок, отведенный музею, составляет 0,79 гектара (0,66% от площади участка 120 га, принадлежащего И. Г. Короленко). На территории музея сохранились остатки бывшего плодового сада, часть Джанхотской рощи сосны пицундской, составлявшей усадебный парк с системой аллей, троп и видовых площадок, на одной из которых похоронен И. Г. Короленко, кедр ливанский «Красавец», по легенде, посаженный братом писателя. Роща площадью 950 га и кедр на основании решения Краснодарского крайисполкома от 14.09.1983 № 488 являются ботаническими памятниками природы [4].

Там же, на территории х. Джанхот, по ул. Черноморской, 1 и 2, находятся выявленный объект культурного наследия *«Усадьба Федора Андреевича Щербины (1849–1936), кубанского историка и публициста: дом жилой; флигель с мезонином; винодельня с вино-подвалом; сохранившаяся часть усадебного парка»*, принятый на государственную охрану распоряжением комитета по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края от 21.05.1996 № 11–1-р.

На территории х. Тельман Гулькевичского района по ул. Репина, 9 находится *«Усадьба помещицы Натальи Петрик: дом жилой»*.

На территории Ейского района находятся:

– *«Крестьянская усадьба»*, 1910-е гг., ст-ца Должанская, ул. Пролетарская, 35, объект культурного наследия регионального значения, принят на государственную охрану Законом № 313-КЗ.

– *«Усадьба помещика Ляха»*, 1910-е гг., ст-ца Должанская, ул. Чапаева, 9, объект культурного наследия регионального значения, принят на государственную охрану Законом № 313-КЗ. Здание принадлежало консорциуму «Агрофирма Должанская», в нем располагался пионерский лагерь «Чайка». В 1997 г. здание было передано в муниципальную собственность Ейского района, принято на баланс администрацией Должанского сельского округа и передано в безвозмездное арендное пользование в Новороссийский пограничный отряд в/ч 2156 сроком на 5 лет. 23 декабря 2008 г. произошел пожар, в результате

которого зданию нанесен значительный ущерб. Все деревянные конструкции здания, включая полы, перекрытия, оконные заполнения, выгорели полностью. Согласно техническому заключению, вероятной причиной пожара стала неисправность электропроводки [8].

– «Крестьянская усадьба», начало XX в., ст-ца Должанская, ул. Чапаева, 57, объект культурного наследия регионального значения, принят на государственную охрану Законом № 313-КЗ.

– «Ансамбль усадьбы мельника И. И. Семки: дом жилой; хозяйственная постройка», 1909 г.с. Воронцовка, ул. Мира, 48, объект культурного наследия регионального значения, принят на государственную охрану Законом № 313-КЗ.

– «Крестьянская усадьба казака Победенного», ст-ца Ясенская, ул. Красная, 28, выявленный объект культурного наследия, принят на государственную охрану распоряжением комитета по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края от 29 мая 1997 г. № 4-р.

Одиннадцать усадеб находится на территории Краснодара.

– «*Усадьба купца В. К. Рубежанского*», 1900–1908 гг., ул. Коммунаров, 8, лит. А, А1, с пристройками, объект культурного наследия регионального значения, принят на государственную охрану решением исполнительного комитета Краснодарского краевого Совета народных депутатов от 23.12.1987 № 615 «О дополнении списка памятников истории и культуры Краснодарского края» (далее — Решение № 615). Здание является ярким образцом купеческого особняка в стиле «псевдобарокко». В плане имеет близкую к квадрату композицию с анфиладной планировкой помещений. Фасад богато декорирован лепным растительным орнаментом и оконными наличниками в виде пилястр композитного ордера. В настоящее время в здании размещается Торгово-промышленная палата Краснодарского края, часть помещений используется под жилье [5].

– «*Усадьба землемера И. Н. Воробьева: дом жилой; ворота*», 1900–1908 гг., угол ул. Октябрьской, 133 и ул. им. Максима Горького, 78, лит. А, объект культурного наследия регионального значения, принят на государственную охрану Решением № 615 [6].

– «Ансамбль хлебопекарни: дом жилой хозяина пекарни; дом жилой с хозяйственными помещениями на 1-м этаже; здание конторы; здание пекарни», 1911 г., угол ул. Коммунаров, 85 и ул. им. Чапаева, 93, объект культурного наследия регионального значения, принят на го-

сударственную охрану Законом № 313-КЗ. Согласно уточненным данным — «**Ансамбль городской усадьбы мещанина Сергея Федоровича Усань**: дом жилой, здание с жилыми и хозяйственными помещениями, здание с жилыми и хозяйственными помещениями, здание с жилыми и хозяйственными помещениями». Ансамбль датируется началом XX в. Это необычный и редкий синтез жилого дома и инфраструктуры постоянного двора на территории одного участка. На оформлении строений ансамбля отразились модные на рубеже XIX–XX вв. веяния эклектики и модерна. Хозяин, помимо традиционных для Екатеринодара построек провинциальной кирпичной архитектуры (жилой дом, складские помещения), был не чужд и современных тенденций в строительстве: грамотное и компактное расположение зданий, их функциональное назначение решало проблему стесненности в условиях городской застройки. Жилой дом хозяина разместился по красной линии улицы Кирпичной (ныне Чапаева).

Это небольшой, одноэтажный, кирпичный оштукатуренный прямоугольный объем дома, раскрепованный по углам и центру мощными пилястрами с висячими лопатками. Асимметричность фасаду диктует расположение световых осей — если справа от главного входа два проема, то слева уже три. Окна обрамлены плоскими наличниками с тягой над перемычкой. Подоконные части декорированы развитой тягой с дентикулами. Также дентикулами декорирован и развитый венчающий карниз, разорванный пилястрами главного входа. Главный вход поддерживается двумя пилястрами, завершающимися парапетом с овальным окном и полуциркульным карнизом, характерным для модерна. Справа разместились широкие въездные ворота со столбами, идентичными пилястрам самого дома и перекрытые прямой перемычкой. Исторические створки ворот не сохранились. Следом, по красной линии явно поздняя пристройка, лишенная декора, а затем и само здание постоянного двора. Это монументальное здание на пересечении улиц Борзиковской (Коммунаров) и Кирпичной (Чапаева), с элементами модерна, гармонично завершает ансамбль, создавая единую композицию застройки. Высокое, одноэтажное здание, со скошенным углом, сложное в плане, по вертикали раскреповано мощными, рустованными, пилястрами, возвышающимся высоко над венчающим карнизом парапетом. Парапетные окна — вытянутые овалы и круглое угловое обрамлены наличниками. Со стороны ул. Коммунаров окно парапета шестигранное, обрамленное в кольцо налич-

ника, над окном дата постройки здания. Дворовые постройки имеют простой кирпичный декор, характерный для большинства зданий Екатеринодара. К зданию с жилыми помещениями пристроена широкая галерея с кованым ограждением и стальной лестницей. За период эксплуатации ансамбль неоднократно подвергался реконструкции, перестройкам, что привело к частичному искажению облика. До недавнего времени использовался как хлебозавод. В настоящее время помещения сдаются в аренду под различные цели. Пример ансамбля начала XX в., как синтез постоянного двора и жилого дома. Архитектурную ценность представляют первоначальное объемно-пространственное решение ансамбля в подлинных материалах, фасадах, организации пространства [9].

– **«Усадьба купца В. С. Сокольского: дом жилой; ограда»**, 1900–1902 гг. угол ул. Рашпилевской, 18 и ул. Комсомольской, 41, лит. Д, Д1, объект культурного наследия регионального значения, принят на государственную охрану Решением № 615.

– **«Усадьба Ф. М. Акулова: дом жилой; ограда»**, 1894 г., архитектор В. А. Филиппов, ул. Мира, 82, лит. А, а, объект культурного наследия регионального значения, принят на государственную охрану Решением № 615.

– **«Усадьба И. П. Богарсукова: дом жилой; ограда»**, 1900–1910 гг., ул. Октябрьская, 39, лит. А, А1, А2, с пристройками, объект культурного наследия регионального значения, принят на государственную охрану Решением № 615.

– **«Усадьба: дом жилой; дом жилой»**, 1906–1910 гг., угол ул. Октябрьской, 147 и ул. Пашковской, 48, лит. А, Б, с пристройками, объект культурного наследия регионального значения, принят на государственную охрану Решением № 615.

– **«Усадьба: жилой дом; ворота»**, 1905 г. ул. им. Орджоникидзе, 75, лит. А, а, объект культурного наследия регионального значения, принят на государственную охрану Решением № 615.

– **«Усадьба: дом жилой; ограда»**, 1903 г., ул. им. Митрофана Седина, 8, лит. А, объект культурного наследия регионального значения, принят на государственную охрану Решением № 615.

– **«Усадьба городская А. М. Еськова: дом жилой, особняк; дом жилой для прислуги»**, конец XIX в., ул. им. Митрофана Седина, 41, объект культурного наследия регионального значения, принят на государственную охрану Законом № 313-КЗ.

В Лабинске расположены «Усадьба городская Рассветаевых: дом жилой; дом жилой», начало XX в., ул. Советская, 17, лит. А; ул. К. Маркса, 158, лит. А, а также «Усадьба городская братьев Захаровых: дом жилой; дом жилой», начало XX в., ул. Красная, 100, на территории маслозавода, объекты культурного наследия регионального значения, принятые на государственную охрану Законом № 313-КЗ.

В 3,5 км к северо-востоку от поселка Мостовского находится «Усадьба помещика Нестерова (10 зданий)», объект культурного наследия регионального значения, принят на государственную охрану Законом № 313-КЗ.

На территории Новокубанского района находятся 3 усадьбы, имеющих статус выявленных объектов культурного наследия на основании распоряжения комитета по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края от 29.05.1997 № 4-р:

– «Усадьба помещика Николенко П. Ф.: дом жилой, конюшни, водонапорная башня», 1907 г. пос. Восход, Конезавод «Восход»;

– «Усадьба помещика Щербака З. Ф.: конюшни, дом экономки, дом для прислуги, дом жилой, погреба, общежитие для рабочих, производственное здание», КУБНИИТИМ, ул. Строителей, 32, ул. Ленинградская, 24, ул. Ленинградская, 25, ул. Ленинградская, 22, ул. Кирьянова, ул. Кирьянова, 15;

– «Усадьба помещика Омеляненко Н. Я.: дом жилой помещика», п. Большевик.

В Новороссийске по ул. Энгельса, 69, лит. А, В находится объект культурного наследия регионального значения «Городская усадьба присяжного поверенного М. Г. Зильберминца, 1903 г., архитектор Н. Н. Карлинский», принятый на государственную охрану Законом № 313-КЗ. Усадеб, полностью соответствующих смыслу данного определения, то есть комплексов жилых, хозяйственных и парковых построек, составляющих единое целое, на Кубани сохранилось совсем немного.

Как правило, это связано с тем, что ценность с точки зрения архитектуры представляют основные жилые строения, а вспомогательные ими не обладают.

Принятие на государственную охрану объектов культурного наследия предполагает возложение обременений на собственников и пользователей памятников, и в случае отсутствия историко-куль-

турной ценности объекта, нецелесообразно с экономической и практической точки зрения.

Сохранение усадеб как комплексов строений возможно при условии их использования в качестве музейных объектов, например, как дом-музей В. Г. Короленко, либо при их использовании общественными организациями, например, дом помещика Щербака используется религиозной организацией.

Экономическая целесообразность является основной проблемой в вопросах приспособления объектов культурного наследия для современного использования. Стоимость реставрационных работ значительно выше стоимости работ строительных, старые здания не соответствуют современным строительным нормам, у инвесторов всегда есть желание увеличить площади используемых помещений, а в случае, когда памятники находятся в периферийных районах, экономический интерес в их использовании отсутствует в принципе.

В целях повышения инвестиционной привлекательности памятников принят приказ администрации Краснодарского края от 25 июля 2018 г. № 222-КН «Об утверждении Порядка установления льготной арендной платы и ее размеров в отношении объектов культурного наследия, находящихся в государственной собственности Краснодарского края» [13]. Данный приказ предусматривает передачу объектов культурного наследия, находящихся в неудовлетворительном состоянии, в аренду на срок от 7 до 49 лет путем проведения аукциона с начальной ценой 1 рубль в год за 1 объект культурного наследия. При этом арендатор обязан в течение 2 лет с момента заключения договора разработать научно-проектную документацию по сохранению объекта культурного наследия и в течение 7 лет выполнить ремонтно-реставрационные работы.

Использованная литература:

1. Архив управления государственной охраны объектов культурного наследия администрации Краснодарского края. Распоряжение комитета по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края от 10.10.1995 № 14-р.
2. Архив управления государственной охраны объектов культурного наследия администрации Краснодарского края. Распоряжение комитета по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края от 21.05.1996 № 11-1-р.

3. Архив управления государственной охраны объектов культурного наследия администрации Краснодарского края. Решение Краснодарского краевого Совета депутатов трудящихся «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в Краснодарском крае» от 29.01.1975 № 63.

4. Архив управления государственной охраны объектов культурного наследия администрации Краснодарского края. Учетное дело 935. Карачевцев В. Ф. Историческая справка. Усадьба семьи В. Г. Короленко — русского писателя гуманиста.

5. Архив управления государственной охраны объектов культурного наследия администрации Краснодарского края. Учетное дело 4483.

6. Архив управления государственной охраны объектов культурного наследия администрации Краснодарского края. Учетное дело 4543.

7. Архив управления государственной охраны объектов культурного наследия администрации Краснодарского края. Учетное дело 8633.

8. Архив управления государственной охраны объектов культурного наследия администрации Краснодарского края. Учетное дело 8750.

9. Архив управления государственной охраны объектов культурного наследия администрации Краснодарского края. Учетное дело 8934.

10. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 1826.

11. Закон Краснодарского края «О перечне объектов культурного наследия, расположенных на территории Краснодарского края» от 17.08.2000 № 313-КЗ [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации «Кодекс». URL: <http://docs.cntd.ru/document/460173279> (дата обращения 10.10.2018).

12. Осичева М. М. Геленджику с любовью. Записки архитектора-краеведа. Туапсе: Б. и, 2008.

13. Приказ администрации Краснодарского края «Об утверждении Порядка установления льготной арендной платы и ее размеров в отношении объектов культурного наследия, находящихся в государственной собственности Краснодарского края» от 25.06.2018 № 222-КН [Электронный ресурс] // Официальный сайт администрации Краснодарского края URL: https://admkrain.krasnodar.ru/content/1291/?name=&text=&type=0&date_from=&date_to=&doc_num=222-%D0%9A%D0%9D&date_pub_from=&date_pub_to=&filter=%D0%98%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%82%D1%8C (дата обращения 10.10.18).

Alexey V. GONCHAROV

Leading Consultant, Department of Legal Support,
State Supervision and Accounting of Cultural Heritage Objects,

Office of State Protection of Cultural Heritage Objects,
Administration of the Krasnodar Region,
Krasnodar, Russia
2307080@mail.ru

Objects of Cultural Heritage — the Estates Located in the Territory of Krasnodar Region: History of Acceptance on State Protection, a Modern Condition and Problems of Preservation

The article is devoted to the issues of the current state of the estates located in the Krasnodar region, which have the status of historical and cultural monuments, the history of their adoption for state protection, the activities carried out by public authorities for the purpose of their state protection, as well as measures for their preservation and adaptation for modern use. Estates that are objects of archaeological heritage, a significant number of which is also available in the Krasnodar territory, are not considered in this article.

Keywords: *estate, objects of cultural heritage, monuments of history and culture, the register, Krasnodar region.*

Б. Б.-А. Абдулвахабова*

Культурно–пространственная среда усадыбы терско-гребенского казачества: материальные и нематериальные характеристики

Среди казачества России сегодня выделяются несколько отдельных этнорегиональных групп. Наиболее интересным, значимым, на наш взгляд, является культурное наследие казаков, волей судьбы оказавшихся на исторической территории Чечни. Формирование терско-гребенского казачества происходило в постоянном взаимодействии с местным населением. В процессе этого взаимодействия складывалась уникальная культура двух народов, в которой переплелись местные и славянские традиции. В данной статье рассматривается казачья усадьба, как локальный культурный ландшафт, которая связана не только с географическими условиями данного

* АБДУЛВАХАБОВА Бирлант Борз-Алиевна, кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории народов Чечни Чеченского государственного университета, Грозный, Россия. Электронная почта: birlant@list.ru

региона, но и особенностями хозяйственного освоения территории, этнокультурными традициями, характером и направлением миграций, общественными, семейными, конфессиональными и другими формами повседневности казачества. События конца XX в. на территории Чеченской Республики обострили межнациональные отношения, привели к резким изменениям в расселении этнических групп, к оттоку русскоязычного населения из казачьих станиц Чечни и возникновению противоречий на этой основе. Чтобы впредь избежать подобные негативные процессы в республике, помочь возродить былые казачьи общины, необходимо изучать и учитывать многовековые этнокультурные взаимоотношения между коренным населением края и казачеством и использовать прогрессивный опыт этих взаимоотношений.

Ключевые слова: Терско-гребенское казачество, станица, казачья усадьба, материальная и духовная культура, повседневность, этнокультурные традиции.

Формирование терско-гребенского казачества на территории Чечни происходило в постоянном взаимодействии с местным населением. В процессе этого взаимодействия складывалась уникальная культура двух народов, в которой переплелись местные и славянские традиции, о чем свидетельствуют материальные и нематериальные характеристики казачьей усадьбы, которые были связаны не только с географическими условиями данного региона, но и особенностями хозяйственного освоения территории, этнокультурными традициями, характером и направлением миграций, общественными, семейными, конфессиональными и другими формами повседневности казачества.

Об актуальности данной темы в отечественной историографии свидетельствует неослабевающий интерес исследователей к истории казачества вообще, терско-гребенского, в частности. В особенности к ее материальной и духовной составляющей. Культурно–пространственная среда усадьбы терско-гребенского казачества частично затрагивается в исследованиях Н. П. Гриценко, Л. Б. Заседателевой, Н. Н. Великой и ряда других (см.: [3] [5] [6]).

Н. П. Гриценко отмечал, что «...поселившись у Терского хребта, казаки по имени своих атаманов Курдюкова, Гладкова и Щадрина, построили укрепленные городки: Червленый (Ураз-кала, 1567), Щадринск (1569), позже Курдюковский, Гладковский и Новогладковский (позже — Гребенская станица) [4, с. 128]. В начале XVIII в. — это уже казачьи станицы.

Л. Н. Толстой писал: «Очень, очень давно предки их, старoverы, бежали из России и поселились за Терекom, между чеченцами на Гребне, первом хребте лесистых гор Большой Чечни. Живя между чеченцами, казаки перероднились с ними и усвоили себе обычаи, образ жизни

и нравы горцев, но удержали и там во всей прежней чистоте русский язык и старую веру» [12, с. 144].

Особенности возникновения и развития казачьей усадьбы тесно связано с освоением новых земель, с процессом колонизации Северного Кавказа.

Планировка гребенских казачьих станиц до окончания военных действий на Кавказе, была обусловлена их военной жизнью. Но уже в середине XIX в. внешний облик казачьих станиц на Терекке начинает меняться.

Станицы терско-гребенского казачества в XIX в. имели четкую планировку: широкие улицы с пересекающимися под прямым углом переулками. В центре станицы центральная площадь с молитвенным домом и колокольней, торговые лавки, хлебными магазинами (с запасами станичного зерна). За станицей — сенокосы, выгон для скота, пахотные земли. К примеру, станица Червленая в начале XIX в. имела правильную планировку, и каждый усадебный участок равнялся 426 кв.м. [9, с. 109]. Но, в связи с расслоением казачества в середине XIX в. размеры усадеб стали меняться: чем богаче и влиятельнее был казак, тем больше у него был приусадебный участок. К примеру, в станице Старогладовской, усадьба богатого казака Сехина со всеми хозяйственными постройками, занимал целый квартал [9, с. 109].

Усадьба терско-гребенского казака — «двор», как его называли сами казаки, представлял собой открытое пространство (огороженное изгородью) с жилыми и хозяйственными строениями. Размеры усадьбы (двора) постоянно менялись. Это было связано с увеличением или же уменьшением общего плана (пая), т.е. земли. При освоении дальнейшем края станичные правления выдавали сначала неограниченные планы (было много незанятых земель), а когда стал увеличиваться поток переселенцев, планы стали уменьшаться. По размерам двора можно было судить и о зажиточности казака. Двор закрывался изгородью, иногда встречались и деревянные заборы. Дома стояли за забором, внутри двора. Ориентация дома совпадал с традицией, который бытовал на Северном Кавказе у местных народов. Лицевой фасад выходил на южную сторону.

Жилые дома (срубы, турлучный, саманные дома) казаки строили с использованием местных строительных материалов: леса, глины, перемешанной с соломой, и камыша.

Для гребенских казаков характерен был рубленый дом, в котором больше всего сохранялись славянские традиции строительства. «Сами станицы коренных гребенцов резко отличаются от других казачьих станиц... избы бревенчатые, срубные, часто дубовые и с острою высокою крышей, а кровля «коньком», окна «косчатые» и украшенные резьбой», отмечали современники [8, с. 232].

Планировка деревянных домов имела два варианта: первый — одна комната и сени, второй — когда сени располагались между горницей и избой. Богатые казаки имели дома второго варианта. Почти у всех казаков, за исключением самых бедных, обязательной постройкой на дворе был второй саманный или турлучный дом, отапливаемый русской печью.

Крыши жилищ казаков покрывались камышом, соломой, у зажиточных — из черепицы, редко встречалась и железное покрытие. У хозяйственных построек они смазывались полностью или частично глиной. Видимо из-за сильных ветров, кровле дома придавали четырехскатную форму, которая была более обтекаемой и устойчивой.

Срубные дома возводились на деревянном или каменном фундаменте. Дом опоясывался террасой с одной или двух сторон. Для хранения мелкого инвентаря и старых вещей в домах делали подполья. Л. Б. Заседателева отмечает, что «...планировка домов была различной, однако доминировали продолговатые в плане постройки, состоящие из одного или двух жилых помещений, разделенных сенями. Кроме того, встречались «круглые» донские дома, состоявшие из нескольких комнат» [7, с. 20]. «Круглые» дома, «курени» на Тереке, как отмечают исследователи, это влияние строительных традиций донских казаков.

В интерьере казачьей избы сказывалось влияние культуры местного населения. «Первая комната напоминает скорее чеченскую, нежели жилище русского казака: на стенах развешены кинжалы, шашки и разное другое оружие кавказского горца; на полу стоят пестрые сундуки, а на них разложены перины, ковры и коврики азиатского образца и изделия» [5, с. 149].

Вторая комната гребенца — дань традиционным русским обычаям. В этой комнате была большая русская печь, выскобленные дубовые лавки и стол, дощатые полы и потолки, словом, вся обстановка комнаты вплоть до большой резной солонки на столе — все из России» [8, с. 234].

«Сакля, стоявшая рядом с русской избой,— полное олицетворение кавказского горца. В сакле, где казак жил зимой и летом вместе со своей семьей, «большинство членов ее здесь и сидят-то по-чеченски, поджавши под себя ноги; образов никаких не видно, и из мебели в ходу чеченская треногая скамеечка, нежели стул и русская скамья» — отмечал другой автор [8, с. 234].

Усадьба терско-гребенских казаков была представлена, как отмечалось выше, помимо жилых, целым комплексом хозяйственных построек: «избушка» или «хатка», построенная из турлука, выполнявшая роль кухни, турлучная или саманная клеть для хранения бочек с «чихирем» — виноградное вино и всевозможными соленьями, заготовленными на зиму, амбары, которые использовались для хранения зерна (в зажиточных усадьбах их было несколько), хлев, погреб, курник, бани и т.д.

Важное место в казачьей усадьбе занимал открытый сарай — «лапас», имевший глухую заднюю стену и односкатную камышовую крышу, опирающуюся на столбы. Его строили обычно на задней линии двора. Летом в нем содержался крупный рогатый скот. Помимо открытого сарая, в усадьбе казака имелся и еще один — закрытый, турлучный, в котором хранились сельскохозяйственные орудия — плуг, арба и т.д. В комплекс усадебных построек входил также «саж» — помещение для содержания свиней и помещение для кур — «курник», сплетенный из ивовых или таловых прутьев. Обязательной принадлежностью казачьего двора была летняя печь.

Казачья усадьба тесно была связана с важнейшими сторонами их жизнедеятельности: рождением, сватовством, свадьбой, смертью, поминками и т.д.

В связи с этим, помимо причисленных материальных характеристик казачьей усадьбы, немаловажное значение для ее анализа имеет и нематериальные характеристики: обычаи, традиции, знания, навыки строительства и многое другое, передаваемое из поколения в поколение, формируя чувство самобытности и преемственности культурного ландшафта терско-гребенского казачества.

Для строительства жилища, казаки использовали граб, клен, осину, сосну, но чаще всего дуб. Естественно, при выборе строительного материала, практические соображения играли главную роль, однако, как у местного населения, так и казаков, дуб пользовался особым почитанием. И в современный период старожилы станиц украшали

на троицу ветками дубов калитки и входные двери. Исследователи отмечают, что при строительстве турлучного дома станичники отдавали со своих дворов строящимся по несколько срубленных стволов акации [6, с. 375]. Надо отметить, у некоторых народов, в частности восточных славян, на деревья, растущих на территории усадьбы, был наложен строжайший запрет [2, с. 52]. Очевидно, снятие у казаков этого запрета было связано с нехваткой строевого леса.

Большое значение имело и выбор места для возведения жилья. При закладке дома у терско-гребенских казаков существовали свои особые приметы и обычаи: на предназначенное для постройки место на ночь сыпали зерно, если на утро зерно было на месте, считалось, что место для постройки хорошее и все «пойдет в руку». Счастливым для постройки жилища считалось и то место, где на отдых располагался крупный рогатый скот. Скот, как для казаков, так и для чеченцев, являлся символом плодородия, производительных сил, его образ олицетворялся с домом, хозяйством. Чтобы в доме не было сырости, под матку, основную несущую перекладину в хате, подкладывали шерсть черного барашка. При закладке жилья казаки старались обязательно отслужить молебен. Приглашали священника, который читал молитву и окроплял место святой водой.

При строительстве жилищ существовал обычай взаимопомощи: «белхи» — у чеченцев; у казаков — «помочи». Казачьи помочи — когда родственники, соседи заготовливали лес, кто имел подводы — перевозил его, другие замешивали глину, обмазывали ею каркас дома. На помочи собиралось много молодежи, работа сопровождалась песнями, шутками, весельем. А хозяин угощал станичников, принимавших участие в строительстве дома [6, с. 275–276]. Как совместный труд и трапеза, эти традиции, очевидно, призваны были укрепить родственные, соседские взаимоотношения, праздничный настрой. Известный специалист по истории и культуре терско-гребенского казачества Великая Н. Н. отмечает, что в этнографии широко известна роль шума, смеха как жизненных начал, отпугивающих злые силы, сопровождающих и даже вызывающих жизнь. И поэтому в данном случае в традициях «белхи» и «помочи», можно выделить социальную и религиозно-магическую стороны [2, с. 64].

Важное значение придавалось сооружению первого венца, подъему магицы — бревна, которое служило основой для потолка. Под него клали деньги, кусок шерсти из тулупа, чтобы «дом был богатым

и теплым». Поднимали матицу почетные гости, которые повязывали руку платком или поперек плеча полотенцем. После чего обязательно следовало угощение [6, с. 395].

Крыша казачьего дома обычно завершалась коньком, окна украшались резьбой. В прошлом эти солярные знаки, символы играли роль оберегов, защитников от нечистой силы у многих народов, в том числе и у чеченцев. Считалось, что нечистая сила могла проникнуть внутрь дома только через входные двери и окна, а «солнечная» символика должна была воспрепятствовать этому. Казаки также «от порчи» ставили кресты на дверях. При входе в дом обязательно молились, совершая крестное знамение [2, с. 68].

Переход в новое жилище также сопровождался многочисленными обрядами. Казаки перед новосельем в доме на ночь оставляли кошку или петуха (иногда кошку и петуха вместе). Такая традиция связана со славянским поверьем: кто первым войдет в новый дом, тот в течение года умрет. Таким образом, необжитый дом представлялся еще «нечистым», таящим в себе разные опасности. По мнению некоторых исследователей, указанные живые существа в данном случае выступали ритуальными двойниками человека [1, с. 104–105].

Однако надо отметить и то, что такой выбор животных не был случайным. Кошки, по славянским воззрениям, связаны с нечистой силой, а петух, наоборот, считался вестником света, прогоняющим своим криком всякую нечисть [13, с. 54–55].

В новый дом старались войти до восхода солнца. Заранее вносили квашню с тестом, чтобы «богато жить». Затем входил священник с иконами, хозяин с лаптем («домовой»), хозяйка с хлебом — солью. Священник освящал дом святой водой, совершал молебен, кроме того, по углам дома ставили четыре стакана пшеницы, внутрь которых помещали и зажигали свечи. Первый, кто входил, бросал в угол серебряную монету. Предметы, которые сразу вносили в дом (тесто, пшеничное зерно, хлеб), издавна символизировали богатство, изобилие. Затем в красный «святой» угол закапывали букетик цветов, чтоб «хата цвела» [10, с. 115].

Новоселье у казаков сопровождалось обильной трапезой, призванной упрочить взаимоотношения семьи с родственниками и соседями. Обязательны были и дары. Так, отец выделял сыну скот (корову, овец), птицу, в зависимости от состояния.

Отношение к родительскому дому раньше у казаков было чрезвычайно уважительным. Сноху сначала приводили в родительский дом, а затем глава семьи решал вопрос об отделении молодых и строительстве нового дома.

Следует отметить, что не только дом в целом, но и отдельные ее части и элементы внутреннего пространства несли собой определенные семантические функции. У терско-гребенского казачества печь, где разводился огонь, играл большую роль в магических и религиозных обрядах. К примеру, угольки из печи использовали «от сглаза». А подпечник считался метом пребывания «домового».

Многочисленные обряды связаны у казаков с углами жилища. С одной стороны, они являлись основой жилого пространства, а с другой стороны — они могли служить прибежищем темных сил, и поэтому требовали повышенного внимания.

Священным считался также красный угол хаты (справа от входа), где помещались образа, лампада. Под ними устанавливали стол, покрытый белой скатертью, на которой хранили книги религиозного содержания. Таким образом, эта часть дома по своей семантике приравнивалась к алтарной части храма и как бы повторяла его.

В красный угол ставили невесту, перед тем, как вести ее к жениху. Головой под образа помещали и покойника.

По мнению некоторых исследователей, христианские образа в красном углу заменили прежнюю языческую божницу, в которой некогда важное место занимал идол домового [10, с. 498]. По поверьям казаков, домовый имелся в каждом доме и являлся его покровителем. При переселении обязательно перевозили и домового. На Тереке сложились особые обряды перевозки домового. Ему предлагали сесть в запряженную парой волов телегу, затем ее вывозили со двора и предлагали домовому дальше идти пешком, так как волы выбились из сил. Переход домового в новое жилище приурочивали в ночь под день Ивана Постного (29 августа). Придя в свой старый дом, хозяин одевался в одежду наизнанку, шел в хлев, трижды читал молитву «Богородице, Дево, радуйся», вынимал из старых ясель кол и говорил: «Мой домовый, пойдем со мной домой». Затем приносил и втыкал кол в новые ясли, переодевался и зажигал в доме новую свечу [11, с. 62].

Казаки верили, что домовый может предвещать счастливые и несчастливые события.

Таким образом, анализ культурно-пространственной среды жилища, усадьбы в целом, терско-гребенского казачества, материальные и нематериальные их характеристики, свидетельствуют, что влияние местных традиций в материальных характеристиках больше (внешний вид жилья, строительный материал, техника строительства и т.д. Однако, «идеология жилища», нематериальные характеристики остались в основном восточнославянскими. Заимствования в материальной сфере не вызвали соответствующих изменений в элементах духовной культуры — основном показателе национального своеобразия народа.

Надо отметить, что в процессе этого взаимодействия складывалась уникальная культура. Казачья усадьба, как локальный культурный ландшафт, связана не только с географическими условиями данного региона, но и особенностями хозяйственного освоения территории, этнокультурными традициями, характером и направлением миграций, общественными, семейными, конфессиональными и другими формами повседневности казачества.

К сожалению, события конца XX в. на территории Чеченской Республики обострили межнациональные отношения, привели к резким изменениям в расселении этнических групп, к оттоку русскоязычного населения из казачьих станиц, в том числе и терско-гребенских. Эти события, усугубляемые процессами модернизации и глобализации в современный период, многие формы материальной и нематериальной культуры терско-гребенских казаков оказались обреченными на забвение и утраты, исчезновения. Постепенно в обществе исчезает необходимая для существования этих культурных характеристик установка на сохранение. Поэтому необходимо не только изучать их, но и наметить пути их сохранения в естественной среде бытования.

И что еще очень важно, учитывать многовековые этнокультурные взаимоотношения между коренным населением края и казачеством и использовать прогрессивный опыт этих взаимоотношений в выстраивании межнациональной политики на Северном Кавказе на современном этапе.

Использованная литература:

1. Байбурун А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, 1983.
2. Великая Н. Н., Даутова Р. А., Хасиев С.-М. А. Представления и обряды вайнахов и казаков, связанные с жилищем (конец XIX — начало XX в.)

// Археология и традиционная этнография народов Чечено-Ингушетии. Грозный: Б. и., 1992. С. 61–76.

3. Великая Н. Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Ростов н/Д: Б. и., 2001.

4. Гриценко Н. П. География расположения казачьих станиц по рекам Тереку и Сунже в XVI — середине XIX в. // Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом. Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1984. С. 128.

5. Гриценко Н. П. Быт и нравы кавказских горцев и терских казаков. Их взаимное влияние друг на друга // Археолого-этнографический сборник. Т. III. Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1969. С. 146–160.

6. Заседателева Л. Б. Терские казаки (середина XVI — начало XX в.). Историко-этнографические очерки. М.: Изд-во МГУ, 1974.

7. Заседателева Л. Б., Мунчаева Т. Г. Развитие типов поселений и жилищ русского и украинского населения притеречных районов Северного Кавказа (с середины XVI по начало XX в.) // Поселения и жилища народов Чечено-Ингушетии. Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1984. С. 7–23.

8. Маркграф О., Линтарев Н. Статистические монографии по исследованию станичного быта Терского казачьего войска. Владикавказ: Тип. Терского обл. правления, 1881.

9. Радченко И. К. Поселения и жилища гребенских казаков // Поселения и жилища народов Чечено-Ингушетии. Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1984. С. 106–113.

10. Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М.: Наука, 1987.

11. Рогожин Т. Нечто из верований, поверий и обычаев жителей станицы Червленной // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 16. Тифлис: Тип. канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1893. Отд. 1. С. 57–67.

12. Толстой Л. Н. Казаки. Нальчик: Эльбрус, 1978.

13. Токарев С. А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX — начала XX в. М.: ЛИБРОКОМ, 2012.

Birlant B.-A. ABDULVAHABOVA

Cand. Sci. (Archeology), Assoc. Prof.,
Head, Department of the History of the Peoples
of Chechnya, Chechen State University,
Grozny, Russia
birlant@list.ru

Cultural and Spatial Environment of the Estate Terek–Grebensk Cossacks: Tangible and Intangible Characteristics

Among the Cossacks of Russia today are several separate ethnic groups. The most interesting and significant, in our opinion, is the cultural heritage of the Cossacks, who found themselves on the historical territory of Chechnya. The formation of the Terek-Grebensky Cossacks took place in constant interaction with the local population. In the process of this interaction, a unique culture of the two peoples was formed, in which local and Slavic traditions were intertwined. This article considers the Cossack estate as a local cultural landscape, which is associated not only with the geographical conditions of the region, but also features of economic development of the territory, ethno-cultural traditions, the nature and direction of migration, social, family, religious and other forms of everyday life of the Cossacks. The events of the end of the 20-th century in the Chechen Republic aggravated interethnic relations, led to sharp changes in the settlement of ethnic groups, to the outflow of the Russian-speaking population from the Cossack villages of Chechnya and the emergence of contradictions on this basis. In order to avoid such negative processes in the Republic, to help revive the former Cossack communities, it is necessary to study and take into account the centuries-old ethno-cultural relations between the indigenous population of the region and the Cossacks and use the progressive experience of these relations.

Keywords: *Tersk-Grebenskoe Cossacks, village, Cossack manor, material and spiritual culture, everyday life, ethno-cultural traditions.*

Н. Г. Соловьева*

О традиционной усадьбе кубанских казаков Баталпашинского отдела в конце XIX — начале XX века

В статье рассматривается традиционное устройство усадьбы кубанских казаков конца XIX — начала XX вв. в контексте региональной истории — истории Баталпашинского отдела. В традиционную усадьбу казачества входили как постройки жилого

* СОЛОВЬЕВА Наталья Георгиевна, кандидат исторических наук, доцент, заведующая славянским отделом Карачаево-Черкесского ордена «Знак Почета» институт гуманитарных исследований при Правительстве КЧР, Черкесск, Россия. Электронная почта: soloviova_n31@mail.ru.

и хозяйственного назначения, так и сама земля с четко разграниченными хозяйственно-ориентированными участками. Специфические характеристики казачьей усадьбы определялись неоднородностью состава населения. Казаки-переселенцы из разных губерний Российской империи привносили свои элементы в строительство и обустройство казачье усадьбы Баталпашинского отдела. Консерватизм, характерный казачьей усадьбе, был логическим продолжением приобретенных черт традиционализма первоначального субстрата кубанского казачества. При этом вклад отдельно взятой традиционной казачьей усадьбы в формирование общего облика станицы как типичного кубанского казачьего населенного пункта велик. Изучение традиционных усадеб многонациональной России — это приоритетное направление научных исследований, которое способно через призму истории ее народов увидеть перспективу будущего развития.

Ключевые слова: традиционная усадьба, кубанские казаки, Баталпашинский отдел, станица, хата, хозяйственные постройки

Кубанское казачество, в силу особенностей исторического развития России, явилось результатом уникального процесса межкультурной коммуникации. Сначала его возникновения и на протяжении всего последующего периода юг страны был центром взаимодействия, взаимовлияния и взаимопроникновения разных культур. Южно-русские, восточно-украинские и многие другие народы, в том числе и северокавказские, сформировали здесь особую, во многом неповторимую культуру. Выявление специфических черт обустройства традиционной усадьбы кубанских казаков Баталпашинского отдела в конце XIX — начале XX вв. — научная проблема, освещение которой способно приподнять завесу недостаточно изученных вопросов истории и этнографии регионального кубанского казачества, определить его общие тенденции развития в рамках российской истории.

Говоря о традиционной усадьбе, необходимо определиться с ее терминологией. Сегодня усадьбой принято считать отдельное поселение, комплекс жилых, хозяйственных, парковых и иных построек, составляющих единое целое. Само слово усадьба происходит от слов «садить», «сажать» [8]. В древности существовал ряд терминов, производных от этих слов. И. И. Срезневский отмечал следующие значения: вышивать, «садили жемчугом», «сажен яхонтом»; сажать деревья, «дерево сажено», «сад», «садовник» в современном понимании; садиться за стол; завладевать престолом, «брат твой выехал, а ты сидиши в Киве» [6].

Большинство этих понятий имеют оттенок постоянности, прочности, неподвижности. Именно от этого корня произошел термин «усадьба».

В XVI в. и позже усадьбы назывались «усадищами», реже — «усадьми». В. И. Даль в своем словаре отмечал, что «усадище», «усад» — среднерусского происхождения, а «усадьба» — западного, и что оба понятия означают господский двор на селе со всеми строениями, садом и огородом [2]. Первое упоминание в документах «усадища» относится к 1536 г. В разделе вотчины князей Оболенских между родственниками в Бежецком уезде при селе Дгино было зафиксировано усадище [3].

Сегодня принято выделять следующие виды русских усадеб, имеющие ряд особенностей, влияющих на их внешний облик:

- боярские усадьбы XVII в.;
- помещицьи усадьбы XVIII–XIX в.;
- городские усадьбы XVIII–XIX в.;
- крестьянская усадьба [7].

Типы поселений и усадеб русского населения Кубанской области в начале 60-х гг. XIX в. отличались не только своеобразием, но и многообразием видов [5, с. 38]. Так, Н. А. Гангур приводит следующую их градацию:

Слитная застройка — с расположением хозяйственных построек в непосредственной связи с жилым строением (крытый двор). В ряде случаев имела место однорядная застройка, при которой крытый двор пристраивался вплотную к задней стене дома, поставленного перпендикулярно или параллельно улице, при этом вся постройка вытягивалась в одну линию. Однако в чистом виде крытый двор встречался нечасто, существовали переходные типы. Различные варианты расположения хозяйственных строений в связи с жилищем («дом-блок») в первую очередь характерны для усадебного комплекса бывших крестьянских однодворческих селений.

Открытый двор с замкнутой застройкой (южновеликорусский тип). Свообразным вариантом (или подтипом) этого типа двора является так называемый двор-крепость, характерный также для однодворческих селений.

Открытый незамкнутый огороженный двор («свободная» застройка), в котором хозяйственные постройки разбросаны по усадь-

бе, не всегда примыкая друг к другу и к дому, некоторые из них объединялись общим перекрытием (украинский тип).

Полузакрытый двор со слитной (частично) и свободной застройкой (переходный тип) [1, с. 134].

Традиционная усадьба кубанских казаков Баталпашинского отдела во многом соответствовала крестьянской усадьбе конца XIX в. и называлась «курень». Ее специфические черты определялись военизированным образом жизни ее населения, этническим составом и природно-климатическими особенностями месторасположения.

Для поселений казаки выбирали выгодные в стратегическом отношении места: крутые берега рек, возвышенные участки, защищенные оврагами и болотами. Чаще всего казачьи станицы получали свое название от местности, где они находились, в частности по названиям рек: станицы — Зеленчукская, Кардоникская, Усть-Джегутинская и др. Большинство станиц растягивались на несколько километров, тем самым определяя место и границы традиционных казачьих усадеб. Часто они имели вытянутую форму квадрата и отходили от центра станицы в разные стороны. При этом ее окраины имели свои названия, которые определялись профессиональными навыками ее жителей или фамилиями ее первых поселенцев. Это были своеобразные слободы, сохраняющие, как и все население станиц, традиционализм и консерватизм духовной и материальной жизни.

Характер застройки и планировка казачьих поселений, расстояние между ними и многое другое регламентировалось специальными правительственными распоряжениями и местным войсковым начальством. Казакам выделяли определенные участки земли для усадьбы. При этом строго соблюдалась фасадная линия поселения, вводилась улично-квартальная планировка.

Изначально основными типами казачьих поселений были станицы, крепости, форпосты и пикеты (небольшие сторожевые посты). Казачьи поселения имели круговую застройку, которая предназначалась для успешной обороны при неожиданном нападении неприятеля. Усадьбы казаков обносились глухим забором. Ограда в усадьбах кубанских казаков Баталпашинского отдела в конце XIX в. строилась в виде каменных стен на подобию кирпичной кладки из речных валунов или кусков природного известняка. В XIX в. такое ограждение было призвано удовлетворять оборонительные потребности служивого населения юга России. В начале XX в. эта ограда обмазывалась

смесью глины с соломой и кизяком и белилась известью. Забор огорода, примыкающего к хозяйственным постройкам, представлял собой высокий плетень из ивовой лозы обсаженный шиповником или кустарниками терна. Со временем (в начале XX в.) высота забора на протяжении всей казачьей усадьбы понижалась.

Казачий дом — хата, размещался в глубине двора и был повернут к улице глухой стороной. Ворота на ночь плотно закрывались, что не только свидетельствовало о замкнутости казачьего быта, но и о военно-оборонительной необходимости защиты дома. Со временем исчезли укрепления вокруг поселений, произошли значительные изменения в их планировке [4, с. 373]. В частности, фасад дома обратился к улице.

Жилище для казаков являлось не только родовым гнездом, местом, где глава семьи отдыхал от несения военной службы и трудился на благо многодетной семьи, но и крепостью во всех смыслах слова. Самые ранние жилища — землянки, полуземлянки и шалаши соответствовали походному образу жизни казаков. Постоянные жилые постройки конца XIX в. имели характеристики традиционного жилища, откуда переселялись казаки. Строительство и обустройство казачьих усадеб Баталпашинского отдела осуществлялось казаками-переселенцами из Курской, Воронежской, Смоленской и других губерний Российской империи.

Жилище казаков имело локальные специфические черты, что было связано с местными природно-климатическими условиями его строительства и межкультурными заимствованиями некоторых элементов материальной культуры соседних народов. Наиболее ярко это проявилось в постройке дома. В нем принимало участие большинство жителей населенного пункта и кровные родственники будущего хозяина усадьбы. Материалом для строительства служили дерево, камень, глина, камыш и др. У основной массы кубанских казаков Баталпашинского отдела преобладали турлучные (на деревянном каркасе), глинобитные и саманные дома — типичные постройки горцев.

Турлучный дом строился следующим образом. По периметру в землю вкапывались большие и малые столбы — «сохи» и «подсошники», которые переплетались лозой. Это был каркас будущего дома. Затем, при помощи коней, замешивали глину с соломой. Родственники и соседи приступали к первой мазки стен — «пид кулакы»: глину, предварительно смешанную с соломой, забивали кулаками в плетень.

Через неделю делали вторую мазку — «пид пальцы», когда глину вминали и разглаживали пальцами в стену. Для третьей «гладкой» мазки в глину добавляли полову и кизяк.

В усадьбе кубанских казаков Баталпашинского отдела всегда строили два основных жилых помещения — Вэлыку хату (Большую хату) и рядом — Малу хату (Малую хату). Богатые казаки строили деревянную или даже кирпичную Большую хату. Наиболее распространенным типом дома в XIX — начале XX вв. в Кубанском войске были двух- и трехкамерные дома (изба — сени, изба — сени — изба) [4, с. 374]. Цоколь Большой казачьей хаты в Баталпашинском отделе был высоким и доходил до 1,5 м. Он обмазывался глиной с соломой и кизяком. В конце XIX в. цоколь дома белился известью. С середины XX в. его стали красить черной или темно синей краской. С боку цоколя дома, выходящего стороной во двор, казаки делали вход в ледник. Дверь квадратной формы (примерно 1–1,20 м. со всех сторон) была из 3–4 широких, толстых досок диаметром 2–3 см. Материал для нее использовался определенных пород дерева: дуба или сосны. Глубина ледника составляла 2 и более метров. Стены в нем выстилались большими пластинами речных валунов.

Из Вэлыкой хаты выход считался парадным. Его открывали только по особым случаям — свадьбы, проводы казака на службу и т.п. Особенностью Большой хаты баталпашинских казаков было наличие двух входов с двумя дверьми, которые имели определенные отличия. Центральный вход имел двухстворчатую дверь из цельного массива дерева средней толщины — от 1,5 до 2 см. и высотой около 170–175 см. Сверху и снизу две половины двери закрывались на крючок. Верхний крючок крепился к верхней части плинтуса двери и накидывался на металлическую петлю, закрепленную на ее створках. Нижний крючок крепился к деревянному полу и накидывался также на металлическое ушко на нижней части створок двери. Следует отметить, что ушко было округлой формы. Центральная дверь казачьей хаты с внутренней стороны запиралась на засов, который находился посередине и изготовлялся из твердых пород дерева — бука, дуба и др. Снаружи эта дверь запиралась на косую перекидным металлическим засовом («запором»). Он представлял собой металлический кованый плоский прут (рейку) шириной 2–3 см., толщиной 0,3–0,5 мм. На ушко, на которое он накидывался, надевался массивный висячий

замок. Центральную дверь красили в основном в белый, реже в нежно голубой цвет, который готовили посредством колеровки белого цвета.

Вторая дверь была одностворчатой шириной от 75 до 85 см. и высотой около 175 см. Эта дверь служила выходом в хозяйственный двор: на конюшню, коровник и др. Изнутри она закрывалась на крючок, а позднее на шпингалет, и засов, который располагался на круглых петлях. Имея в нижней части отверстие — небольшую прямоугольную щель длиной около 3 см., он перекидывался на ушко, в которое вдевался небольшой «гвоздь» округлой формы с широкой шляпкой. Он представлял собой кованый прут длиной примерно в 10 см. и толщиной до 2 см. Его шляпка была немногим (около 0,5 мм.) большим диаметром, чем сам прут. Снаружи дверь запиралась на средний висячий замок, позже — врезной замок. Красили ее обычно в глубокий синий цвет.

В Большой хате обычно было две комнаты, разделенные большой печью, по своему строению напоминающую русскую печь. Печь топили только в холодное время года. Печь меньших размеров в Малой хате топилась все время, так как постоянно шло приготовление пищи, грелась вода для различных нужд, осуществлялся обогрев смежных помещений. Только в летнюю жару ее не топили. В этот период во дворе строили дворовую «кабыцу». Над ней имелся теневой навес, что спасало от палящего южного солнца. Здесь кипела хозяйственно-бытовая жизнь казачьей семьи. Воду грели не только для купания и парения в теплом углу (предшественнике бани), но и для стирки, для запаривания корма для домашних животных. Дворовая «кабыца» имела большую топку, в которую помещали большие чугуны. Такая топка позволяла топить печь не только дровами, но и хворостом, тростником, кизяком.

Велькая хата являлась чистым строением, где после рабочего дня, после принятия водных процедур, собирались для трапезы, общения и сна все члены большой казачьей семьи. Пол в ней делали из дерева. Малая хата была бытовым помещением, где осуществлялась домашняя работа. Здесь готовили и принимали пищу, пряли и ткали, стирали и шорничали. Пол в Малой хате был глиняный. Периодически он перемазывался или как иногда называли — доливался («долывка»).

В Большой хате находилась сделанная на заказ мебель: шкаф для посуды («горка» или «угольник»), комод для белья, сундуки и т.д. Центральным местом в ней был «Красный угол» («Божница»). Он оформ-

лялся в форме большого киота. На столе-угольнике располагали одну, а чаще несколько икон, которые украшались рушниками.

Следует отметить, что рушники являлись особым украшением интерьера казачьей избы. Наиболее ценные из них (свадебные, подаренные родственниками, а также реликвии) вешали на стены. Их передавали как семейные реликвии из поколения в поколение. Другим украшением казачьей хаты являлись вышитые занавесы, постельное белье, покрывала. На них имелись также кружева и бахромы. Цвет домотканого полотна был естественным, вышивка и кружева преимущественно красного, белого и черного цветов.

Кровать кубанских казаков Баталпашинского отдела застилалась домотканым цветным рядном с поперечными полосками. Сверху на ней располагалось несколько подушек: одна или две больших, остальные поменьше (около 35 шт.). Их укладывали одна на другую, в результате чего получалась пирамида. Рядом с кроватью стоял резной сундук с одеждой. Под окном обычно находилась прялка. Дощатый самодельный стол застилали белой скатертью с красными полосами по краям. На полу лежали домотканые половики.

Обязательным атрибутом декора хаты кубанских казаков Баталпашинского отдела были зеркало и фотографии в деревянных рамках. На стене также вешали оружие (саблю, огнестрельное оружие) и казачью плетку. Интерьер дома богатых казаков украшался также картинами с изображением военных сюжетов, портретами казачьих атаманов и членов царской семьи.

В Малой хате находились: печь, длинные деревянные лавки, стол — «сырно». За печью была комната меньших размеров — «теплый угол», в которой осуществлялись водные процедуры. Теплый угол выступал в роли парной и был помещением без окон. В противоположном углу от печи — под потолком, был сделан продух — вентиляция. В этом помещении были две-три лавки. Одна из них была высокой, почти в пояс взрослого человека. Она предназначалась для пропаривания, мытья другого человека, обертывания и своеобразного массажа. Для удобства эту лавку или приставляли к стене, или выставляли посередине.

В парной часто устанавливалась кадущка (бочка) на 200–300 литров. В ней находился запас холодной воды. Днем в нее носили воду, которую затем использовали для разнообразных хозяйских нужд.

Ее грели в чугунках или в баке, монтируемом в более позднее время в печь.

В теплом углу были в ходу деревянные ведра, называемые «цебарками». В них запаривали и настаивали веники, отвары трав для купания. Применяли также корыто — «ваганы». Изначально его делали из дерева, позднее изготавливали из металла. Пол в «бане» был глиняный с уклоном к наружной стене. Имелось и отверстие для выхода воды наружу. Сверху пол стелился камышовыми циновками, соломой или сеном.

Стеклянные окна традиционного дома казаков Баталпашинского отдела обрамлялись наличниками, которые состояли из 4 деревянных, хорошо обработанных досок, длиной: верхние — от 75 до 95 см., боковые — от 1,20–1,35 см. Их красили в голубой или синий цвет. Наличники чаще всего были резными. На них преобладал растительный цветочный орнамент. Типично было изображение в верхней части наличников птиц, в частности голубей. По центру их горизонтальной части иногда вырезали оленей. Кроме наличников окна хат кубанских казаков Баталпашинского отдела имели ставни. Их роспись имела свои особенности. Основой для нанесения рисунка служил белый или светлых оттенков фон. Роспись производилась яркими красками: зеленым, красным, синим цветом. При этом желтый цвет встречался крайне редко.

В начале XX в. резные наличники стали уступать место обычным покатым наличникам. Роспись ставен стала встречаться реже. Теперь наличники и ставни красили в однотонные цвета, чаще синий или зеленый. В процессе их покраски эти цвета чередовались.

Две хаты — Большая и Малая, находились в обрамлении внутреннего двора, который включал палисадник с обязательным кустом сирени, черемухи и бузины, а также летней кухней под навесом. Кроме переднего (чистого) двора, обычно было несколько задних (хозяйственных) дворов. Хозяйственные постройки (базы, сараи, ледники, навесы, загородки для скота и др.) чаще всего сооружались из местных строительных материалов — деревьев, ивовой лозы, речной гальки и камней.

Таким образом, детальное изучение традиционных усадеб народов России, в том числе и кубанского казачества Баталпашинского отдела, крайне актуально. При этом вклад отдельно взятой традиционной казачьей усадьбы в формирование общего облика станицы как

типичного кубанского казачьего населенного пункта велик. При этом специфика обустройства усадьбы баталпашинских казаков в конце XIX — начале XX вв. определенным образом сказалась на широкой палитре материальной культуры кубанского казачества.

Возрождение традиционных усадеб юга России, создание подобных культурных центров, наглядно показывающих, рассказывающих о духовных ценностях многонациональной страны — вот тот путь, который, наверняка приведет к сплочению нации, ее динамичному развитию.

Использованная литература:

1. Гангур Н. А. Материальная культура Кубанского казачества: В 2-х т. Т. 1: Конец XVIII — середина XIX века. Краснодар: Традиция, 2009.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. Т. 4: Р-Я. М.: Рипол классик, 2006.
3. Крестьянские челобитные XVII в.: из собрания государственного исторического музея / отв. ред. Е. И. Индова. М.: Наука, 1994.
4. Сизенко А. Г. Казачество России. Казачьи войска. Знаменитые атаманы. Уклад жизни. Ростов н/Д: Владис, 2010.
5. Соловьева Н. Г. Русское население Карачаево-Черкесии (вторая половина XIX — первая треть XX вв.). Черкесск: Карачаево-Черкесский ин-т гуманитарных исследований, 2015.
6. Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка: репринтное издание: В 3-х т. Т. 3. Ч. 1: Р-С. М.: Книга, 1989.
7. Усадьба крестьянская // Российский гуманитарный энциклопедический словарь. Т. 3: П-Я. М.: Владос, 2002.
8. Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Усадьба // Краткий этимологический словарь русского языка. М.: Просвещение, 1971. С. 467.

Natalya G. SOLOVIEVA

Cand. Sci. (National History), Assoc. Prof.,
Senior Researcher, Department of Slavic Studies,
Karachay-Cherkess Institute for Humanitarian Research
under the Government of the Karachay-Cherkess Republic,
Cherkessk, Russia
soloviova_n31@mail.ru

About Traditional Manor of the Kuban Cossacks of Batalpashinsky Department in the Late 19-th — Early 20-th Centuries

The article deals with the traditional structure of the estate of the Kuban Cossacks of the late 19-th-early 20-th centuries in the context of regional history — the history of the Batalpashin Department. In a traditional manor house of the Cossacks included the construction of a residential and commercial destination, and the earth itself with a clearly demarcated economic-oriented sites. The specific characteristics of the Cossack estate were determined by the heterogeneity of the population. Cossacks-immigrants from different provinces of the Russian Empire brought their elements in the construction and arrangement of the Cossack manor Batalpashinsky Department. Conservatism, characteristic of the Cossack estate, was a logical continuation of the acquired features of traditionalism of the original substrate of the Kuban Cossacks. At the same time, the contribution of a single traditional Cossack estate to the formation of the General appearance of the village as a typical Kuban Cossack village is great. The study of traditional estates of multinational Russia is a priority area of scientific research, which is able to see the future development through the prism of the history of its peoples.

Keywords: *traditional manor, Kuban Cossacks, Batalpashinsky Department, stanitsa, hut, farm building*

**С. П. Шендрикова^{*},
О. С. Карпова^{**}**

**Архитектурное наследие
академика А. Н. Бекетова на Юге России
(конец XIX — начало XX вв.)**

В статье на основе архивных материалов из личного фонда Бекетовых, которым располагает Центральный государственный научно-технический архив Украины в Харькове, представлены самые яркие проекты из архитектурного наследия известного зодчего Юга России конца XIX — первой половины XX вв. Алексея Николаевича Бекетова, работавшего в таких городах как Харьков, Ростов-на-Дону, Новочеркасск, Екатеринослав и др. Авторами сделан акцент на исследовании крымского творчества архитектора. А. Н. Бекетов часто бывал на полуострове, построенные им здания украшают города Южного берега Крыма. В Алуште сохранилась семейная усадьба Бекетовых, которая сегодня в качестве музея радушно принимает гостей и жителей полуострова. Ссылаясь на опыт преуспевающих стран, архитектор в свое время серьезно задумался над масштабным проектированием курортного строительства в Крыму. Разработав глобальный проект, А. Н. Бекетов сформулировал контуры систему дорожно-транспортного обеспечения полуострова, необходимой для комфортного пребывания здесь зарубежных и отечественных туристов.

Ключевые слова: А. Н. Бекетов, архитектура, зодчество, курортное строительство, Крым, проект, благоустройства, дорожно-транспортная сеть.

Алексей Николаевич Бекетов, известнейший зодчий Юга России конца XIX — первой половины XX вв., один из авторов архитектурного облика современного Харькова. Он, будучи человеком творческим, постоянно ищущим и увлеченным, и теперь напоминает о себе далеко за пределами родного города. Этому немало примеров: Горный институт и Управление Екатерининской железной дороги

¹ ШЕНДРИКОВА Снежана Павловна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории, краеведения и методики преподавания истории Гуманитарно-педагогической академии (филиала) Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского, Ялта, Республика Крым, Россия. Электронная почта: snezhanashendrikova@rambler.ru.

^{**} КАРПОВА Ольга Сергеевна, магистрант кафедры истории, краеведения и методики преподавания истории Гуманитарно-педагогической академии (филиала) Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского, Ялта, Республика Крым, Россия. Электронная почта: karpova@mail.ru.

в Екатеринославе (ныне Днепропетровск, Украина), Судебная палата в Новочеркасске, Народный театр в Симферополе и т.д. [9, л. 6].

А. Н. Бекетов родился в Харькове 3 марта 1862 г. В 1888 г. с золотой медалью он окончил Академию Художеств в Санкт-Петербурге и уже в 1889 г. вернулся в родной город: *«Я стоял возле...дворцов и вспоминал узкие переулки родного города, тесные и грязные, застроенные глиняными хатками улицы, и меня неудержимо потянуло в Харьков, которому захотелось отдать все свои способности»* [3, с. 4–6]. Справедливости ради надо заметить, что архитектор не зря вернулся в город детства. Буквально за период 1890–1910 гг. Харьков из обычного губернского города преобразился в научный, торговый, промышленный и культурный центр юга Российской империи. По этому поводу один из учеников А. Н. Бекетова, архитектор З. Д. Юдкевич точно приметил: *«Бекетов — история нашего города, это в полном смысле эпоха»* [2, с. 5].

А. Н. Бекетов с детства знал и любил Крым. Видимо неслучайно его дипломная работа при выпуске из художественной академии была посвящена крымской тематике: *«Вокзал при приморских купальнях на Чёрном море»* [1, с. 4]. В творчестве мастера прослеживаются архитектурные стили неоренессанса, неоклассицизма, модерна, конструктивизма, а также так называемого новорусского стиля. Архитектурным сооружениям А. Н. Бекетова присуща высокая культура разработки планов, деталей фасадов и интерьеров [4, с. 109].

Несмотря на смену политических режимов, А. Н. Бекетов принимал активное участие в качестве делегата шести съездов русских зодчих в Санкт-Петербурге и Москве. Так, например, в 1920 г. на курортном съезде архитектор выступил с развернутым докладом *«...о крымских лечебных местах с расчётами потребного их расширения на основе статистических данных»* [9, л. 3]. В контексте этого выступления А. Н. Бекетов в первую очередь сделал акцент на том, что как за рубежом, так и в России число курортов с активными природно-лечебными ресурсами в лице минеральных вод, грязей и т.д. не так много. Но и те нужно уметь использовать с максимальной отдачей. Докладчик обратил внимание на опыт Германии и Австрии в этом деле как хозяев, умеющих организовывать оздоровление своих пациентов прежде всего на основе удобств и комфорта пребывания: *«Они хорошо знают, что лечебная сила ваннных курортов главным образом, кроется не в их узко-лечебных свойствах, а в способности дать человеку*

возможность больше телесного и душевного покоя» [6, л. 1]. По статистическим расчетам архитектора ежегодная пропускная способность крымских курортов должна была соответствовать 400.000 человек в сезон [6, л. 2].

На основе этого выступления А. Н. Бекетов обратился к Комиссару народного здравоохранения с «Докладной запиской», датированной 13 декабря 1920 г. [6, л. 3]. В этом документе зодчим был дан подробный анализ курортному потенциалу полуострова. В частности, все крымские курорты, по их лечебным качествам архитектором делились на две основные группы:

- «1) курорты с грязями, ваннами и морским купанием;
- 2) курорты климатолечебные, для туберкулёзных и нервных больных». [6, л. 2].

15 декабря 1920 г. по вопросу перспектив курортного строительства академик обратился к председателю Совнаркома Крыма. Обращение было оформлено на личном бланке архитектора. В документе кроме предложения своих услуг в качестве главного архитектора по предстоящему комплексному курортному проекту на полуострове, А. Н. Бекетов аргументировал довольно экономичную затратную его часть за счет «...налаживания добычи и приготовления на месте естественных строительных материалов, которыми так богат Крым» [7, л. 1]. Кроме этого А. Н. Бекетов выражал готовность своего переезда из Харькова в Крым на постоянное место жительства во имя предстоящего дела.

Анализируя выше сказанное следует подчеркнуть, что реальное решение проблемы по возрождению Крыма зодчий видел, прежде всего, в развертывании на полуострове масштабного курортного строительства. А. Н. Бекетов подсчитал не только статистику возможных отдыхающих за сезон, но и предложил пути решения проблем, касающихся материальных затрат по данному проекту. Архитектор подчеркивал: «...необходимо привлечь частную инициативу и капитал, который, несомненно, пойдет на это, но при одном неременном условии: чтобы была обеспечена доходность, т.е. постоянный приток граждан, нуждающихся в курортном лечении и отдыхе» [5, л. 4 (об.)].

Обеспечение же «постоянного притока» отдыхающих на полуостров А. Н. Бекетов видел возможным в первую очередь за счет организации комфортных и доступных по стоимости путей сооб-

щения и транспортной сети как внутри Крыма, так и при подъезде к нему. Сетую на не благоустроенность и плохое состояние местных дорог, архитектор внимание акцентировал на подъездах к ЮБК: «...бывшее когда-то оборудованным крымское шоссе в настоящее время почти негодно не только для автомобилей, но и для простых конных линеек и мажар» [5, л. 4 (об.)]. Разрешение проблемы «Крымского путеустройства» А.Н. Бекетов видел в обращении к предложенному еще до Японской войны, но по неизвестным причинам забытому проекту инженера Н.Г. Михайловского. Это нам стало известно из письменного обращения А.Н. Бекетова к представителю Всеукраинского акционерного строительного общества в Симферополе Т.В. Рейзману: «Прошу Вас переводя на Ваше имя 10.000 руб. ден[ежный] знак 22 года на расходы по снятию копий с проекта жел[езной] дороги инж[енера] Михайловского и относящихся к нему документов, а также почт[овые] расходы, прошу Вас выслать обозначенный материал в Харьков на имя Академика архитектора А.Н. Бекетова» [8, л. 1].

Здесь следует уточнить, что проект, на который опирался в своих расчетах Алексей Николаевич, предполагал строительство железнодорожного полотна, которое соединило бы центральную часть Крыма с его южным побережьем, то бишь, Симферополь — Алушта. В этом ключе А.Н. Бекетов ходатайствовал перед Т.В. Рейзманом об обеспечении архитектора всеми необходимыми документами от Алуштинской районной администрации:

Озвучив идею о благоустройстве Крыма еще в 1920 г., А.Н. Бекетов продолжал свои хлопоты в течение нескольких лет. В неоднократных докладах на региональном и государственном уровнях архитектор приводил аргументы на счет необходимости строительства железной дороги «Симферополь — Алушта». В контексте этого академик высказывал возможность прокладки от основной магистрали электрической железной дороги по всему побережью Крыма. Кроме этого, в наличии такого сообщения А.Н. Бекетов видел возможность для «товарного движения» на полуострове и вне его, а также транспортное соединение и мобильность южного и западного побережий полуострова, что в будущем не могло не отразиться на развитии региона во всех отраслях его жизни [5, л. 75].

К сожалению многие идеи, предложенные в свое время А.Н. Бекетовым, не нашли отражения в повседневной жизни общества.

Но, справедливости ради, следует сказать, что именно его проекты и теперь являются архитектурной гордостью, достойным наследием отечественного зодчества многих крымских городов и не только.

Использованная литература:

1. Академік архітектури О. М. Бекетов: До 150 річчя від дня народження / В. М. Бабаєв, Т. Д. Рищенко, Т. П. Єлісеєва та ін. Харків: ХНАМГ: Золоті сторінки, 2012.

2. Балишева О. В. Каталог об'єднаних відомостей про документи академіка архітектури О. М. Бекетова у складі фондів держ. архівів, музеїв, закладів України, сімейному архіві Бекетових (1885–1941). Харків: Терра, 2002.

3. Остащенко-Кудрявцева З. Б. Методические рекомендации лектора по теме «А. Н. Бекетов — выдающийся совесткий зодчий». Харьков: Харьковская обл. орг-ция укр. общества охраны памятников истории и культуры, 1987.

4. Православная энциклопедия Харьковщины / авт. идеи и рук. проекта В. В. Петровский; сост., отв. ред. А. Д. Коплин. Харків: Майдан, 2009.

5. Центральный Государственный научно-технический архив Украины. Ф. Р-47. Оп. 2. Д. 20.

6. Центральный Государственный научно-технический архив Украины. Ф. 47. Оп. 1. Д. 274.

7. Центральный Государственный научно-технический архив Украины. Ф. 47. Оп. 1. Д. 275.

8. Центральный Государственный научно-технический архив Украины. Ф. 47. Оп. 1. Д. 276.

9. Центральный Государственный научно-технический архив Украины. Ф. 47. Оп. 1. Д. 433.

Snezhana P. SHENDRIKOVA

Dr. Sci. (National History), Prof.,

Department of History, Local Studies and Methodology of Teaching

History, Humanitarian Pedagogical Academy,

Branch of the Crimean Federal

University, Yalta, Republic of Crimea, Russia

snezhnashendrikova@rambler.ru

Olga S. KARPOVA

Graduate student (History of Russia),
Department of History, Local Studies and Methodology of Teaching
History, Humanitarian Pedagogical Academy,
Branch of the Crimean Federal University,
Yalta, Republic of Crimea, Russia
karpova@mail.ru

**The Architectural Heritage of Academician A. N. Beketov
in the South of Russia (late 19th — early 20th Centuries)**

The article, based on archival materials from the Beketovs personal fund held by the Central State Scientific and Technical Archive of Ukraine in Kharkov, presents the most striking projects from the architectural heritage of the famous architect of the South of Russia in the late 19th and first half of the 20th centuries. Aleksei Nikolaevich Beketov, who worked in such cities as Kharkov, Rostov-on-Don, Novocherkassk, Yekaterinoslav and others. The authors focus on the study of the Crimean creativity of the architect. A. N. Beketov often visited the peninsula, the buildings he built adorn the cities of the southern coast of Crimea. In the Alushta, the Beketov family estate was preserved, which today welcomes guests and residents of the peninsula as a museum. Referring to the experience of prosperous countries, the architect at one time seriously thought about the large-scale design of resort construction in the Crimea. Having developed a global project, A. N. Beketov formulated the contours of the system of road and transport support of the peninsula, necessary for a comfortable stay of foreign and domestic tourists.

Keywords: Aleksei N. Beketov, architecture, architecture, resort construction, Crimea, project, landscaping, road transport network.

Ю. Ю. Клычников*,
Ю. Н. Клычникова (Кононова)**

Наследие А. Ф. Реброва в истории Кавказских Минеральных Вод

Статья посвящена роли и месту А. Ф. Реброва, талантливого управленца, предпринимателя, новатора-хозяйственника, естествоиспытателя в истории Кавказских Минеральных Вод. Авторы воссоздали основные вехи биографии А. Ф. Реброва, выделили основные направления его деятельности, способствовавшие процветанию региона, оценили вклад в благоустройство территорий. Разноплановое наследие А. Ф. Реброва рассматривается как историко-культурный бренд, формирующий образ курортов Пятигорья.

Ключевые слова: Алексей Фёдорович Ребров, Кавказские Минеральные Воды, административная деятельность, агротехнические опыты, овцеводство, благотворительность.

Одним из историко-культурных брендов, формирующих образ курортов Пятигорья, является наследие одного из выдающихся персоналий XIX столетия — незаурядного чиновника, новатора-хозяйственника Алексея Фёдоровича Реброва.

Он родился в Москве 21 февраля (5 марта) 1776 г. в небогатой семье чиновника. Впоследствии Ребровы переехали в Астрахань, где мальчик, выучившийся грамоте у дьяка, с 10-летнего возраста стал трудиться в Астраханском верховном суде и со временем стал квалифицированным канцелярским работником. В 1795 г. ему присвоили чин коллежского регистратора и направили в канцелярию кавказского генерал-губернатора графа Ивана Васильевича Гудовича. Ответственного и исполнительного чиновника ценило руководство. Вместе с генерал-лейтенантом Карлом Фёдоровичем Кноррингом он побывал

* КЛЫЧНИКОВ Юрий Юрьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета, Пятигорск, Россия. Электронная почта: klichnikov@mail.ru.

** КЛЫЧНИКОВА (КОНОНОВА) Юлия Николаевна, аспирант кафедры истории и методики ее преподавания Филиала Кубанского государственного университета в г. Мелополье-на-Кубани, Пятигорск, Россия. Электронная почта: kononova_julia@mail.ru.

в Закавказье и там был удостоен дорогого подарка — перстня от брата грузинского царя [29, с. 11]. Карьерное продвижение было достаточно успешным, и в 1800 г. А. Ф. Ребров становится губернским секретарём, а вскоре и титулярным советником.

По случаю включения Картли-Кахетинского царства в состав Российской империи, причастные к этому событию чиновники были отмечены правительством. 19 сентября 1801 г. Алексей Федорович был пожалован чином коллежского асессора и получил 200 душ крестьян. После получения дворянского титула, его имя включили в родословную книгу Кавказской губернии [21, с. 43].

Государственная служба, видимо, тяготила А. Ф. Реброва, и он решил уйти в отставку, чтобы заняться самостоятельной хозяйственной деятельностью. Впрочем, он периодически привлекался к выполнению различных поручений кавказской администрации, особенно когда нужно было готовить важные финансовые документы, которые не могли доверить другому специалисту. Закончилось тем, что его вновь привлекли на службу и назначили советником Кавказского губернского правления, присвоив ему чин надворного советника. Эта деятельность длилась три года, после чего он вновь вышел в отставку.

В 1812 г. его избирают предводителем дворянства Кавказской губернии и через четыре года награждают орденом Святого Владимира VI степени. Правительство оценило его труды по мобилизации местного дворянства на борьбу против иноземных захватчиков [12, л.1–1 об.]. А. Ф. Реброву тогда удалось собрать значительные средства, которые были пожертвованы в пользу русской армии.

Когда союзные войска заняли Париж, Алексей Федорович организовал 10 мая 1814 г. торжественный обед, где были собраны деньги для нужд раненых русских воинов [12, л.8–8 об.].

Весьма комплиментарно отзывался об А. Ф. Реброве генерал Алексей Петрович Ермолов, который поручал ему ответственные задания, требующие хорошего знания местных реалий.

В письмах к Петру Андреевичу Кикину А. П. Ермолов отзывался о нём как о человеке весьма умном и отмечал, что «конечно, о Кавказской области никто более основательнейших сведений не имеет». И в другом письме характеристика для А. Ф. Реброва была не менее лестной: «Ты найдешь в нем хороший, основательный ум и лучшие о крае сведения. Это живой архив» [26, с. 507]. По представлению ге-

нерала А. Ф. Ребров был награждён орденом Святой Анны II степени, а в 1819 г. стал коллежским советником.

Ему было поручено собирать сведения о местных народах и землях Кавказского края. Это было необходимо для проведения размежевания земель, что должно было упорядочить весьма запутанную ситуацию в сфере землепользования. За проделанную работу он в 1821 г. получил орден Святого Владимира III степени, а в 1822 г. был назначен чиновником по особым поручениям при главнокомандующем на Кавказе.

Ещё одним ответственным заданием для него стала работа, посвящённая проблеме горских ясырей. Российская власть, немало усилий приложившая к искоренению «пленопродавства» на Кавказе, пыталась разобраться в сути этого явления и придавала изучению вопроса большое значение. Подготовленная А. Ф. Ребровым докладная записка была отмечена новым командующим Иваном Федоровичем Паскевичем, который, при всех своих разногласиях с А. П. Ермоловым, не мог не оценить заслуг автора этого труда [1, с. 933–937].

Несмотря на благожелательное к себе отношение со стороны начальства, А. Ф. Ребров решает не оставаться на службе и посвятить себя заботам о собственном хозяйстве. Отпускать такого сотрудника власти не хотели, потому лишь в июне 1830 г. он получил отставку. Ему была назначена пенсия в размере 250 руб. серебром в год. Теперь вся энергия и талант Алексея Федоровича сосредоточились на занятии сельским хозяйством и предпринимательством, где он добился впечатляющих успехов.

Приданое жены Александры Ивановны Ребровой (в девичестве Савельевой) и собственные сбережения стали стартовым капиталом для помещика. Этих средств не хватало для воплощения в жизнь амбициозных замыслов, а потому Ребровы вынуждены были брать деньги взаймы, но своевременно погашали свои обязательства перед кредитором [5, л.2–3 об.].

Своё селение Владимировка Пятигорского округа А. Ф. Ребров использовал для опытов по разведению винограда, огородных культур, для занятий шелководством. О его компетентности свидетельствует тот факт, что к нему не раз обращались за консультациями по различным сельскохозяйственным вопросам. В Государственном архиве Ставропольского края сохранилась его записка о произрастании растения желтинника в Кавказской области, удостоившаяся

тщательного изучения высокопоставленными чиновниками [10]. Инициированное императором рассмотрение вопроса «относительно денежных ссуд помещикам под залог хлеба» также не обошлось без привлечения авторитетного мнения кавказского помещика [15].

Как писал в 1839 г. французский ученый-путешественник Гомер, «проезжая по западным степям Каспия, я нашел одно из прекраснейших поместий на реке Куме — село Владимировку. Тут видна широкая и разумная мысль во всем расположении этого имения» [30, с. 82].

А вот какие впечатления оставила Владимировка у французской путешественницы Адель Оммер де Гель, побывавшей здесь в том же 1840 г.: «Пейзаж, открывшийся нашему взору, был полон самобытной красоты и тем более удивителен для нас, что за долгое время пути мы отвыкли от привлекательного вида плодородной деревни. Напротив, на склоне, элегантно жилище с двумя башенками по бокам и надстроенным бельведером, возвышающимся над деревьями, внезапно напомнило нам Европу, которая как бы вновь появилась перед нашими глазами между Каспийскими пустынями и горами Кавказа, первые вершины которого уже вырисовывались на горизонте. ...Владимировка — одна из самых прелестных усадеб, когда-либо виденных мною в России» [25, с. 252].

На некогда бесплодных землях А. Ф. Ребров приказывает прорыть каналы, возводит мельницы, высаживает лес, а на бывших солончаках разводит сады и виноградники. Чтобы наладить собственное производство элитных сортов вина, он приглашает опытных специалистов-консультантов из Франции. Неудивительно, что продукция А. Ф. Реброва становится известна далеко за пределами края, принося доход своему производителю. Особо ценилось шипучее вино «Ребровское полушампанское», названное в честь Алексея Федоровича. В наше время удалось восстановить технологию производства этого вина, и когда-нибудь, возможно, оно вновь будет доступно для ценителей этого благородного напитка.

Не привыкший ограничиваться только собственными интересами, Алексей Федорович разрабатывает правила для обучения училищу виноделия в Кизляре, стремясь поделиться накопленным опытом со всеми желающими.

К числу «огородных» достижений А. Ф. Реброва относится выведенный им сорт лука. Крупного размера, он по своим вкусовым качествам превосходил все местные сорта. «Ребровский» лук долго хра-

нился и пользовался широким спросом — как на местных рынках, так и в Москве [30, с. 83].

Немало сил приложил деятельный помещик для производства шёлка. Во Владимировке к 1828 г. существовало «шёлкомотательное заведение», производительность которого оценивалась в два-три пуда шёлка ежегодно. Благодаря высокому качеству, оно приносило владельцу доход в 400–450 руб. [27, с. 45] и могло конкурировать «с самыми лучшими шелками Прованса» [25, с. 254].

Департамент государственного хозяйства и публичных зданий ходатайствовал перед начальником Кавказской области о награждении А. Ф. Реброва за его заслуги в распространении шелководства в регионе [7, л.2]. Это предложение власти одобрили и приняли решение «...определить статскому советнику Реброву по двести пятьдесят рублей серебром в год в пенсию» [7, л.44].

Чтобы вывести улучшенную породу шелкопряда, А. Ф. Ребров выписал из Пекина в 1836 г. червей породы Сина и, тщательно отбирая коконы, отличающиеся своей белизной, выкармливая гусениц особой белой шелковицей, добился того, что его коконы стали качественнее китайских. Но на этом деятельный помещик не остановился и для сравнения выписал «семена» этого сорта из Франции, убедившись, что его продукция ни в чём не уступает европейской [9, л.4–4 об.]. Свой товар А. Ф. Ребров с успехом реализовывал в Москве, Нижнем Новгороде, Санкт-Петербурге [9, л.1].

Серьёзной проблемой для занятия шелководством стала нехватка подготовленных рабочих. Чтобы решить её, помещик идёт на создание специальной школы, в которой могли учиться новому для себя делу до 40 слушателей. Подготовленные А. Ф. Ребровым мастера-шелководы были в дальнейшем востребованы далеко за пределами Кавказа. Например, Николай Медведев стал управителем шелкомотательной фабрики в Ташкенте [30, с. 83]. Министр внутренних дел отдал распоряжение прислать в ребровское заведение казенных учеников. Кроме того, стремясь распространить полученный опыт, помещик-энтузиаст приглашал для бесплатного обучения учеников из Императорского Московского общества сельского хозяйства, Общества Южной России.

Об этом с благодарностью писал в своём письме от 2 июня 1835 г. министр внутренних дел Дмитрий Николаевич Блудов который давал высокую оценку предпринятым помещиком усилиям [14, л.2–3].

В свою очередь статский советник не переставал обращать внимание кавказского начальства на необходимость развития шелководства в регионе и предлагал свои услуги в организации специальной школы, где можно было готовить соответствующих специалистов [14, л.1–1 об.].

Посетивший Ставрополь в 1837 г. император Николай I был приглашён на выставку достижений местных предпринимателей. Там ему продемонстрировали шёлковые изделия, изготовленные в заведении А. Ф. Реброва. Государя впечатлило качество этого материала и он отметил, что «мы в этом спорим с французами» [9, л.9 об.].

С этим соглашались и французские специалисты, признавая продукцию А. Ф. Реброва лучшей в Европе. В 1832 г. его избрали членом Императорского Московского общества сельского хозяйства, а весной 1834 г. А. Ф. Реброва награждает Императорское Московское общество испытателей природы. За свой шёлк в июне 1834 г. на сельскохозяйственной выставке он удостоился золотой медали с надписью «За труды» [21, с. 46]. Когда в декабре 1850 г. состоится торжественное собрание Общества, его участники примут решение поместить в зале заседаний портрет Алексея Федоровича как одного из первых шелководов страны.

За что ни брался деятельный помещик, в любом деле он достигал высот и становился примером для подражания.

Видя перспективность развития на Кавказе овцеводства, он немало усилий приложил для того, чтобы вывести регион в этом деле на качественно новый уровень. Долгое время здесь выращивали обычных овец, в основном «трушнянской» породы [16, с. 47]. А. Ф. Ребров решил попробовать завести тонкорунных овец-мериносов, для чего в 1813 г. приобрел несколько племенных «шпанских овец». К 1828 г. в его хозяйстве насчитывалось уже 200 мериносов и такое же число «ублюдков» [19, с. 138]. Оценив его подвижнические труды, Московское общество улучшения овцеводства приняло в 1832 г. А. Ф. Реброва в свои ряды.

Коней арабской породы из его хозяйства охотно приобретали в воинских частях [30, с. 83].

Остается поражаться успехам Алексея Федоровича, если вспомнить, в каких непростых условиях ему приходилось действовать. В любой момент набеги горских «хищников» могли привести к разорению и гибели его хозяйства. Так, «в 1835 г. 60 черкесов, искушенных

соблазном богатой наживы, спустились с гор с намерением разграбить и разорить Владимировку. Напав ночью, как настоящие бандиты, они хотели пленить небольшое население деревни и думали, что не встретят никакого сопротивления. Но Ребров, несмотря на то, что в течение многих лет жил в безопасности, никогда не питал иллюзий насчет своего положения и рано или поздно ждал нападения. ... Рабочие и прислуга взяли за оружие, подняли мосты, оба орудия зарядили картечью, поместье превратилось в настоящую крепость; все это было сделано с такой быстротой, что, когда черкесы появились на берегу реки, защита деревни была организована прекрасно; но это все же не помешало им пересечь Куму вплавь и на лошадях. Ребров во главе своего небольшого отряда неутомимо командовал огнем и отражал атаки осаждающих. Три или четыре атаки были безрезультатными. Все точки настолько хорошо охранялись и все люди настолько храбро исполняли свой долг, что на рассвете черкесы ретировались. Но, разъяренные таким отступлением — без славы и добычи, они предали огню деревню и окрестные места» [25, с. 254–255].

Это был не единственный случай, когда на его владения совершались грабительские нападения. Сохранились сведения, что 14 ноября 1849 г. «партия хищников напала на Красный Бугор (имение, принадлежащее помещику Реброву), но будучи встречены выстрелами, не сделав никакого похищения», должны были спастись бегством [13, л.1].

Отдавая должное А. Ф. Реброву как даровитому чиновнику и энергичному предпринимателю нельзя забывать и о такой стороне его деятельности, как благотворительность. Добиваясь в жизни результатов собственными силами и трудами, не понаслышке зная трудности, с которыми дается человеку хлеб насущный, он считал своим человеческим и христианским долгом поддерживать людей, которые в силу разных обстоятельств нуждались в помощи и покровительстве. В этой связи наглядным примером служит судьба чеченского мальчика Мусы, ставшего жертвой военных коллизий, которыми была столь богата история Кавказа первой половины XIX в. В своем прошении начальнику Кавказской области генералу-лейтенанту А. А. Вельяминову в октябре 1833 г. А. Ф. Ребров поведал, что «при истреблении в 1819 г. войсками российскими непокорной чеченской деревни Амир Аджи юрт, бывшей скопищем чеченских хищников, из числа взятых в плен малолетних детей, отдан мне на пропитание полковником Петровым

один чеченский мальчик по имени Муса, имевший не более пяти лет от роду. Сей мальчик пока приобвык к русскому разговору, оставался в Науре у майорши вдовы Ефросиньи Семеновны Савельевой, а потом от нея прислан ко мне; но свидетельство на него оставаясь у нея, по случаю смерти ея в 1830 г. от холеры, после нея не отыскано. Ныне сей мальчик, достигнув 20 летняго возраста, изъявляет желание принять христианскую веру и быть потом причисленным в одно из обществ русских. По сему имею честь представить его к вашему превосходительству с прошением снабдить свидетельством на его окрещение, без чего духовенство не решается крестить» [8, л.3–3 об.].

В дальнейшем последовало разрешение «пленному чеченскому мальчику Мусе, дозволить, согласно его желанию, принять христианскую веру и причислить его в то из русских обществ, которое он для себя изберет» [8, л.5]. Муса в 1833 г. покинул А. Ф. Реброва и, получив от него необходимое свидетельство, поселился «у казаков в станицах Моздокского полка» [8, л.15].

Но только этим свидетельством благотворительная деятельность статского советника не ограничилась. Он неоднократно помогал средствами неимущим учащимся Георгиевской гимназии [4, л.2–3].

Имя А. Ф. Реброва неразрывно связано с кавказскими курортами Пятигорья. Еще в 1798 г., будучи в окружении генерала-лейтенанта графа Иринарха Ивановича Моркова, юный секретарь побывал на Кислых водах [17, с. 7]. В дальнейшем он внес свою немалую лепту в благоустройство этих мест. А. Ф. Ребров составил правила устройства Кавказских минеральных вод хозяйственным образом. Неподалеку от Горячей горы, близ минеральных источников дальновидный предприниматель возводит дом, который по достоинству оценили многие именитые путешественники, побывавшие на молодом курорте [24, с. 10, 15].

В 1823 г. возводится усадьба близ источника Нарзана, место, где М. Ю. Лермонтов поселил свою княжну Мери [23, с. 4–8]. Среди гостей дома А. Ф. Реброва были зодчий Самуил Иванович Уптон, кавказские наместники Михаил Семёнович Воронцов, Александр Иванович Барятинский. Появляется особняк в самом центре Ставрополя, куда А. Ф. Ребров перевозит свою библиотеку и картины. Переданный в наследство дочери, он был позднее приобретен и использовался Ставропольским губернским дворянским собранием [2, с. 288–291].

Для благоустройства курортов А. Ф. Ребров не жалел саженцев, которые завозил из Владимировки. Знаменитый Кисловодский парк был основан благодаря его стараниям [18, с. 79]. И первый памятник Кисловодска — каменный крест, воздвигнутый на горе Крестовой в 1848 г. в честь 50-летия первого курортного сезона — тоже заслуга Алексея Федоровича [22, с. 54–55].

В 1835 г. он становится членом Кавказского областного статистического отделения и членом-корреспондентом статистического отделения при Министерстве внутренних дел. Тогда же его награждают орденом Святого Станислава 2-й степени со звездой за его заслуги на пользу отечественной промышленности. Кавказское дворянство, ценившее деловые качества Алексея Федоровича, в 1841 г. вновь выбирает его своим предводителем. Чем только ему ни приходилось заниматься все эти годы, начиная от борьбы с саранчой и заканчивая урегулированием споров между помещиками и их крестьянами. В 1850 г. он становится членом Кавказского общества сельского хозяйства, через три года членом Императорского Вольно-экономического общества, Императорского Русского географического общества [11, л. 3 об.-16].

С годами А. Ф. Реброву всё сложнее было воплощать в жизнь свои новые замыслы. Выросли и вышли замуж дочери. В 1847 г. ушла из жизни его супруга, поддерживавшая все начинания неутомного помещика. Вместе с ней они создали крепкое хозяйство, которое теперь переходило к их наследникам. В рапорте Пятигорского уездного суда в Ставропольское губернское правление от 4 сентября 1847 г. говорилось, что «господа: статский советник Алексей Ребров и полковницы: Нимфодора Юрьева и Екатерина Натара при прошении, поданном в сей суд, представляя документы на доставшееся им по наследству, после умершей первого жены, а последних матери, статской советницы Александры Ребровой, имение, состоящее в Пятигорском уезде и находящееся при реке Золке, в даче Екатериновской, заключающееся в удобной и неудобной 1899 десятинах 2200 сажень земли, крестьянах, мукомольной мельницы и фруктовых садов, просили ввести их во владение тем имением. Почему о вводе их оным предписано Пятигорскому земскому суду 20 июня сего года...» [6, л. 1–1 об.]. В память об Александре Ивановне статский советник построил в имении Владимировка больничный приют [28, с. 28].

Здоровье с каждым годом ухудшалось. В 1858 г. в письме к губернатору Алексей Федорович жаловался на слабость в ногах и ухуд-

шающееся зрение. На следующий год он окончательно ослеп. В конце жизни А. Ф. Ребров перебирается в Пятигорск. Старик находился на попечении своей дочери Нины Алексеевны Юрьевой, муж которой Никанор Иванович опубликует позднее о своем тесте биографический материал. Умер А. Ф. Ребров 23 октября 1862 г. в Пятигорске и был похоронен предположительно в склепе Лазаревской церкви. Увы, его могила на сегодняшний день не сохранилась... Но в увековечение памяти от благодарных потомков в г. Кисловодске летом 2017 г. был заложен сквер и установлен памятник легендарному земляку [20]. Он располагается недалеко от знаменитого дома с мезонином, упомянутого в лермонтовском «Герое нашего времени», который, хочется верить, также будет реконструирован.

Использованная литература:

1. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссией / под ред. А. П. Берже. Т. VII. Тифлис: Тип. Главного управления Наместника Кавказского, 1878.
2. Беликов Г. А., Савенко С. Н. Облик старого Ставрополя. Кн. I. Ставрополь: СНЕГ, 2007.
3. Боглачев С. В., Савенко С. Н. Архитектура старого Кисловодска. Пятигорск: СНЕГ, 2006.
4. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 15. Оп. 1. Д. 1124.
5. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 63. Оп. 12. Д. 569.
6. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 68. Оп. 1. Д. 288.
7. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 79. Оп. 1. Д. 1011.
8. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 79. Оп. 1. Д. 1589.
9. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 79. Оп. 2. Д. 489.
10. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 79. Оп. 2. Д. 1409.
11. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 79. Оп. 2. Д. 1632.
12. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 87. Оп. 1. Д. 307.
13. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 101. Оп. 1. Д. 893.
14. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 444. Оп. 1. Д. 289.
15. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 444. Оп. 1. Д. 2777.
16. Гриценко Н. П. Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII — первой половине XIX вв. Грозный: Грозненский рабочий, 1961.
17. Кисловодск в исторических документах. 1803–1917: сб. док. Ставрополь: Ин-т развития образования, 1997.

18. Клычников Ю. Ю. Деятельность А. П. Ермолова на Северном Кавказе (1816–1827). Ессентуки: Б. и., 1999.

19. Клычников Ю. Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.). Пятигорск: Пятигорский гос. лингвистический ун-т, 2002.

20. Ковалевская Л. В Кисловодске будет сквер в честь первого поселенца города Алексея Реброва // Ставропольская правда. 2017. 15 июля. URL: http://www.stpravda.ru/20170715/v_kislovodske_budet_skver_v_chest_pervogo_poselentsa_goroda_alek_110589.html (дата обращения 15.07.2018).

21. Коваленко А. Н. Алексей Федорович Ребров (К 225-летию со дня рождения) // Ставропольский хронограф на 2001 год: краеведческий сб. Ставрополь: Б. и., 2001. С. 42–56.

22. Корнетова С. П., Лачинов И. А. История и социально-экономические приоритеты развития города-курорта федерального значения Кисловодска. Пятигорск: РИА-КМВ, 2008.

23. Махлевич Я. Л. «И Эльбрус на юге...». М.: Советская Россия, 1991.

24. Недумов С. И. Лермонтовский Пятигорск. Ставрополь: Ставропольское кн. изд-во, 1974.

25. Оммер де Гель Адель. Путешествие по Прикаспийским степям и югу России // Соснина Е. Л. Два путешествия в серебряный век. Пятигорск: МИЛ, 2003.

26. Письма А. П. Ермолова к П. А. Кикину (1817–1832) // Русская старина. 1872. Т. VI. Ноябрь. С. 501–537.

27. Фадеев А. В. Россия и Кавказ в первой трети XIX в.. М.: Изд-во АН СССР, 1960.

28. Шевченко Г. А. На земле предков. Страницы истории Кавказских Минеральных Вод. Пятигорск: МИЛ, 2003.

29. Юрьев Н. И. Материалы для биографии Алексея Федоровича Реброва // Третьи Ребровские музейно-краеведческие чтения. Вып. I. Часть I.: Материалы для биографии А. Ф. Реброва. Кисловодск, 2012. С. 9–24.

30. Ясинов В. Владимировка — усадьба Реброва // Земля ставропольская. Альманах «Памятники Отечества». М., 2001. № 48. С. 82–83.

Yuri Yu. KLYCHNIKOV

Dr. Sci. (National History), Prof.,

Department of Historical and Socio-Philosophical Disciplines,

Oriental Studies and Theology, Pyatigorsk State

University, Pyatigorsk, Russia

klichnikov@mail.ru

Julia N. KLYCHNIKOVA (KONONOVA)

Graduate Student,
Department of History and Methods of Teaching,
Branch of the Kuban State University in Slavyansk-on-Kuban,
Pyatigorsk, Russia
kononova_julia@mail.ru

**Aleksey F. Rebrov's Heritage
in the History of Caucasian Mineral Waters**

The article is devoted to the role and place of Aleksey F. Rebrov, a talented manager, entrepreneur-innovator, and agronomist in the history of Caucasian Mineral Waters. The authors recreated the main milestones in the biography of A. F. Rebrov, identified the main directions of his activities that contributed to the prosperity of the region, evaluated the contribution to the improvement of territories. The diverse heritage of A. F. Rebrov is considered as a historical and cultural brand that forms the image of the resorts of Caucasian Mineral Waters.

Keywords: *Aleksey F. Rebrov, Caucasian Mineral Waters, administrative activity, agro-technical experiments, sheep breeding, charity.*

РАЗДЕЛ 4

Этнические культуры Юга России: история и современность

*Д. С. Кидирниязов**

Взаимодействие и взаимовоздействие традиций казаков и народов Северного Кавказа в историко-культурном контексте XVIII — первой половины XIX века: специфика и особенности

В статье, на основе различного документального материала и научной литературы, полно освещается взаимовлияния русского населения края и местных народов в материальной и культурной (одежда, пища, оружие, музыка, танцы и т. д.) сфере рассматриваемого времени. Кроме того, показаны общее и особенное различных этносов региона. Подчеркнуто, что несмотря на тесное общение, каждый народ стремился сохранить свою самобытность. Многовековое соседство народов Северного Кавказа взаимно обогатило материальную и духовную культуру и тех и других народов.

Ключевые слова: Россия, Северный Кавказ, русские, казаки, местные народы, культура, быт, мирное сосуществование.

* КИДИРНИЯЗОВ Даниял Сайдахмедович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела древней и средневековой истории Дагестана Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской Академии наук, заслуженный деятель науки республик Дагестан и Карачаево-Черкессия, Махачкала, Россия. Электронная почта: daniyal2006@rambler.ru

Формирование Северного Кавказа происходило на протяжении нескольких веков и включало в себя и такой необходимый элемент как совместное проживание в одном регионе местных народов и восточнославянское население (русских, казаков), их социально-культурное «совместничество».

Как свидетельствуют многочисленные факты, живя рядом, представители различных этносов и конфессий находили все же точки соприкосновения и взаимодействовали.

Народы региона всегда хотели жить мирно и оберегать свои семьи, жилище как важное составляющее своего бытия. Обеспечивая свое прочное существование, северокавказцы отстаивали свой домашний очаг от неприятеля, а не стремились непременно «создать себе врага».

Наряду с русскими у терских казаков были в ходу местные музыкальные инструменты: зурна, свирель, двухструнная балалайка, барабан. На всех этих инструментах играли мужчины, на гармонике — обычно женщины, как и у местных народов. Казаки носили кавказскую бурку, папаху, черкеску, башлык, бешмет. Украшали себя кавказским поясом, кинжалом и газырями с металлическими или серебряными наконечниками. Танцевальная культура казаков включала в себя старинные русские и украинские танцы, ряд горских, в частности «Лезгинка».

Народы региона, со временем настолько сблизились с казаками, что отлично понимали друг друга, легко находили общий язык, у казаков и русских появились близкие друзья — кунаки в аулах, а у местных народов — в станицах и городах, они делили горе и радость, перенимали друг у друга положительный житейский опыт. Многочисленные архивные источники свидетельствуют о том, что между местными народами и терско-гребенскими казаками сложились добрососедские отношения. Так, например, во время неурожайного 1740 г. казаки помогали ногайцам провиантом и другими товарами [21, л. 10, 35, 36 об., 105, 135]. Многие казаки и русские выезжали в аулы, где строили дома, мельницы, конюшни, разводили сады и виноградники, делали мебель для зажиточной местной верхушки.

Казаки, русские и украинские переселенцы переняли у местных народов давно выведенные породы скота и проверенные многовеко-

вой практикой, методы выращивания и ухода за ним (см.: [20, с. 77] [11, с. 150]).

Очень часто местные народы для изучения русского языка отдавали своих детей в казачьи семьи, в которых они жили как равноправные члены. В результате такого длительного тесного повседневного общения местное население усваивало русский язык, а многие казаки свободно владели языками соседних народов. Влияние местных жителей, в частности ногайцев проявилось в том, что в языке казаков появились, заимствованные из тюркского, названия домашних животных, степных трав, пастушьей палки, веревки, кибитки (их русские и казаки ставили во время полевых работ), плаща-накидки, сумки, животноводческих продуктов питания [3, с. 239]. Современники отмечали сходство в одежде казаков и ногайцев [5, с. 39].

В дореформенный период, несмотря на военные действия, часть казаков и русских сохраняла среди местных народов кунаков и родственников.

Одним из обычаев, бытовавших в изучаемое время и оказавших огромное влияние на межэтнические связи, был обычай гостеприимства. Обычай гостеприимства прочно вошел и в жизнь русского населения края. Гостеприимство оказывалось всем, независимо от этнической принадлежности и религии, но при этом соблюдались определенные приличия. Например, старались не задевать религиозных чувств гостя. Если дом казака посещал гость — мусульманин, то спиртное на стол не подавалось. Кроме того, ему было дано право самому забить скотину или птицу [5, с. 83–84].

Нередко бывали случаи, когда молодые юноши из местных народов, полюбив девушку, но, не будучи в состоянии уплатить за невесту калым, убегали с любимой в казачью станицу. До сих пор в казачьих станицах сохранилось немало людей, далекие предки которых вышли из местных народов [5, с. 90]. Однако известны были и другие случаи. Так, в местных аулах проживало много представителей восточнославянского этноса, особенно в период Кавказской войны. Русские солдаты, казаки и крепостные крестьяне сами бежали в аулы. Со временем эти русские женились на местных девушках, обзаводились хозяйствами. Многие из беглых русских ассимилировались и навсегда оставались жить там [5, с. 90–91].

Наиболее сблизились с северокавказскими народами гребенские и терские казаки, проживавшие в регионе издавна. В результате

многолетнего мирного соседства с местными народами среди замужних казачек было много женщин местного происхождения, особенно чеченок, ногаек и кабардинок [12, с. 194]. Как указывал крупный исследователь терского казачества И. Д. Попко, «казаки скоро вошли в дружеские и родственные связи с горцами..., от которых брали на свое обзаведение зерновой хлеб, скот, лошадей и даже жен невенчальных» [17, с. 24]. В таких случаях нередко казаками выплачивался по местному обычаю калым. Но так как такой выкуп был зачастую не по карману простым казакам, то наиболее частым способом получения невесты было распространенное на Северном Кавказе «умыкание» (похищение девушки). Как отмечал известный кавказовед Ф. А. Щербина, «русская казачья вольница на Тереке... в первые времена своего существования буквально-таки добывала себе жен на Кавказе» [22, с. 337].

Один из путей складывания генеалогических связей между казачеством и народами региона — это прием представителей народов Северного Кавказа в ряды казачьих войск. Одним из народов, представители которых влились в ряды казачества, были ногайцы. Так, в 1806 г. российским правительством с целью «отвести ногайцев с Кубани, каждому из них предложено было срочно избрать род занятий. Желающие записаться в казаки переселялись к Ейскому укреплению — к берегам Азовского моря... На Тамани осталось примерно 116 мужского и 82 женского пола ногайцев и татар, перешедших в казачье сословие» [7, с. 204]. Примером такого этнического взаимопроникновения является наличие среди фамилий казаков Кубани этнонимов ногайского происхождения: Нагой, Ногаевы, Ногайцевы, Карамурзаевы (Карамурзины), Наймановы, фамилии с основой гирей, солтан, хан и др. [14, с. 322].

Известный собиратель русского фольклора на Северном Кавказе В. С. Кирюхин, ссылаясь на рассказ терской казачки из ст. Червленной писал «Когда казаки прибыли на Кавказ, они в большинстве прибыли без жен. Они здесь жен воровали... В ст. Червленная живут ногайцы, и чеченцы, и тавлины. У червленцев чисто русских нет. Я, например, кабардинка по матери. Родословная показывает, что муж по происхождению яицкий казак, и его предкам почти триста лет. Мой дед прекрасно говорил по-ногайски и по-чеченски. Бабушка обладала кумыкским языком, ездила в Аксай...» [12, с. 167].

Кроме того, казакам-некрасовцам прекрасно удалось выработать принципы совместного проживания с ногайским этносом. Как

пишет ростовский исследователь Д. В. Сень, «на это указывает тот, например, факт, что уже вскоре после своего прихода на Кубань казаки-некрасовцы стали весьма далеко уходить от своих жилищ...» [19, с. 260].

В регионе широко были распространены и турлучные дома без подклети с глинобитным полом, характерным для разных северокавказских народов (кумыков, ногайцев, кабардинцев, черкесов, вайнахов, осетин и др.), так и для казаков [7, с. 99].

Заимствовали местные народы у русских и типы жилищ, строительную технику [17, с. 100–103]. У местных народов появились современные европейского типа строения — жилища с русской печкой, деревянные кровати заменяли нары, появились столы, стулья, стали разводить овощные культуры, кавказский стол сделался более разнообразным и т.д.

Заимствования в области материальной культуры у русского населения и местных народов также были взаимными. Приезжая в станицы на ярмарки или в гости к кунаку, местные народы видели, как выглядели поселения и жилища русских и казаков. Местные народы перенимали то, что казалось им практичным и удобным. Казаки по кавказскому обычаю стали вешать на стену оружие [18, с. 184,185].

Казаки со временем начали подражать местным народам «в одежде, становившееся естественным обычаем» [4, с. 36]. Русские солдаты и офицеры, получив опыт в местных условиях в ходе Кавказской войны, вносили изменения в свою форму, мало приспособленную для региона. Офицеры носили бурку, черкеску, кавказский клинок [6, с. 168]. Как писал современник: «Щегольство лошадьми, одеждою, сбруею и оружием у казаков дошло, наконец до того, что они в этом отношении перещеголяли» местное население [1, с. 8].

Женщины–казачки носили платье горского покроя с длинными рукавами, металлическими нагрудными застёжками, местную шапочку и большой платок. Влиянием местного быта объясняется и пристрастие русских женщин к украшениям и косметике. Казачки носили серебряные пояса, монисты, браслеты, кольца. По местным рецептам женщины красили сурьмой брови и ресницы, румянили лицо и т.д. [5, с. 213].

Кроме того, у местных народов были заимствованы русским населением различные способы и методы ведения скотоводческого хозяйства, породы скота и другие элементы материальной культуры.

Помимо отбора и применения традиционных способов хозяйствования, казакам, особенно жителям предгорных станиц, приходилось приобретать новые навыки, связанные с освоением непривычных для них сельхозугодий. Так, в ст. Фельдмаршальской со временем «население решилось косить сено даже на вершинах соседних высот, которые несколько лет тому назад считались у них недоступными» [22, с. 99].

Казаки заимствовали у северокавказских народов некоторые сельскохозяйственные культуры, которые имели явно местное происхождение. Такие сорта винограда как «тавлинский» или дербентский, возможно, попали русским от соседних народов [2, с. 84].

Необходимо отметить, что влияние русского казачества особенно ярко прослеживалось в материальной культуре, прежде всего, равнинных и предгорных жителей региона, научившихся у своих восточнославянских соседей более культурным бытовым навыкам и усовершенствованным приемам ведения сельского хозяйства.

С появлением русского населения в регионе среди местных народов все большее распространение получают капуста, картофель, свекла, гречиха. У русских были переняты борщ, котлеты и другие блюда [10, с. 402–403].

Необходимо указать, что основные изменения в результате тесного взаимодействия местных и восточнославянских (русских, украинцев, казаков) этносов в исследуемый период произошли в материальной, традиционной, правовой и профессиональной культуре народов.

Нельзя не отметить и того, что длительная Кавказская война в корне не ломала дружественных отношений между казаками и местными народами. И, несмотря на все сложности их взаимоотношений, русская культура проникала в толщу северокавказских народов, а все лучшее, что было у местного населения, бралось для жизни в быту русским этносом края [15, с. 71].

С усилением контактов с русскими местное население стало строить рубленые деревянные дома, стали активно использовать глину и саман [9, с. 64–78].

Следует отметить, что многовековое соседство народов Северного Кавказа взаимно обогатило материальную и духовную культуру и тех и других народов.

Использованная литература:

1. Арнольди М. Боевое снаряжение Кубанского казачьего войска. СПб.: Тип. Департамента уделов, 1890.
2. Бутова Е. Станица Бороздиновская, Терской области, Кизлярского округа // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 7. Тифлис: Тип. канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1889. Отд. 1. С. 3–156.
3. Васильев Д. С. Очерки истории низовьев Терека: досоветский период. Махачкала: Дагестанское кн. изд-во, 1986.
4. Гордин Я. А. Зачем России нужен был Кавказ? Иллюзии и реальность. СПб.: Журнал «Звезда», 2008.
5. Заседателева Л. Б. Терские казаки (середина XVI — нач. XX в.). М.: Изд-во МГУ, 1974.
6. Каченовский В. Первое знакомство с Кавказом // Военный сборник. 1863. № 7. С. 157–178.
7. Кидирниязов Д. С. Взаимоотношения ногайцев с народами Северного Кавказа и Россией в XVI–XIX вв. Махачкала: Ин-т истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, 2003.
8. Кидирниязов Д. С. Роль северокавказских городов в развитии торгово-экономических связей местных народов с Россией в XVIII — XIX вв. // Провинциальный город в XVIII–XIX вв.: история, экономика, культура: матер. междунар. науч.-практ. конф. (25–28 сентября, г. Кизляр). Махачкала: Дагестанский гос. ун-т, 2008. С. 99–115.
9. Кидирниязов Д. С. Взаимоотношения ногайцев с казаками в XVIII — XIX вв. // Казачество и народы России: пути сотрудничества и служба России: матер. науч.-практ. конф. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2008. С. 64–78.
10. Кидирниязов Д. С. Взаимоотношения народов Дагестана и Северного Кавказа в XVIII — середине XIX в.: политические, торгово-экономические и этнокультурные аспекты. Махачкала: Алеф, 2016.
11. Кидирниязов Д. С. Торгово-экономические и культурные взаимоотношения народов Дагестана и Северного Кавказа (XVIII — XIX вв.). Махачкала: Дагестанское кн. изд-во, 2018.
12. Кирюхин В. С. Отражение современной истории, этнических связей и национальных отношений в русском фольклоре на Северном Кавказе, а также на Дону, Прикаспии, Яике во взаимодействии. Саратов: Б. и., 2000.
13. Кубанские станицы. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани / отв. ред. К. В. Чистов. М.: Наука, 1967.
14. Магомаев В. Х., Кидирниязов Д. С. Ногайцы в северокавказском историческом процессе в XVI — начале XX в. Грозный: Тагиев Р. Х., 2017.

15. Напсо Д. А., Чекменев С. А. Надежда и доверие. Черкесск: Стелла, 1993.
16. Невская Т. А. Интеграция культуры жизнеобеспечения славян, горцев и кочевников Северного Кавказа в XIX — начале XX в. // Казачество и народы России: пути сотрудничества и служба России: матер. науч.-практ. конфер. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2008. С. 187–195.
17. Попко И. Д. Терские казаки со стародавних времен: исторический очерк. Вып. 1. СПб.: Тип. Департамента уделов, 1880.
18. Русский прозаический фольклор в Дагестане и на Северном Кавказе (в записях 1972–1975 гг.) / публ., вступ. ст. и коммент. В. С. Кирюхина. Махачкала: Дагестанское кн. из-во, 1980.
19. Сень Д. В. Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья (вторая половина XVII — начало XVIII в.). Ростов-н/Д: Изд-во Южного федерального ун-та, 2009;
20. Фадеев А. В. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. М.: Изд-во АН СССР, 1957.
21. Центральный государственный архив Республики Дагестан. Ф. 379. Оп. 1. Д. 45.
22. Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска: В 2-х т. Т. 1.: История края. Екатеринодар: Тип. Кубанского обл. правления, 1910.

Daniyal S. KIDIRNIYAZOV

Dr. Sci. (National History), Prof.,

Leading Researcher, Department of Ancient and Medieval
History of Dagestan Institute of History, Archeology and Ethnography,
Dagestan Scientific Center, Russian Academy of Sciences,
Makhachkala, Russia
daniyal 2006@rambler.ru

**Interaction and Mutually Influence
of Traditions of Cossacks and People of the North Caucasus
in a Historical and Cultural Context
of 18-th — the first half of the 19-th Century:
Specifics and Features**

In article, on the basis of various documentary material and scientific literature, it is fully covered interferences of the Russian population of the region and the local people in material and cultural (clothes, food, weapon, music, dances, etc.) the sphere of the considered time. Besides, the general are shown and special various ethnoses of the region. It is emphasized that despite close communication, each people sought to keep the originality. The centuries-old neighborhood of the peoples of the North Caucasus mutually enriched the material and spiritual culture of both of these peoples

Keywords: *Russia, North Caucasus, Russians, Cossacks, local people, culture, life, peaceful co-existence.*

А. М. Канкошев^{*},
Л. К. Хужева^{**}

Морально-этический феномен адыгагъэ — основа культуры адыгов

В статье рассматривается морально-этический феномен адыгагъэ (адыгство) — моральный идеал, а также специфическое выражение жизненного мира и национального духа адыгов, соединяющее в себе самые лучшие черты, которые присущи данному народу. Созданные веками духовные ценности передаются из поколения в поколение. Адыгагъэ (адыгство) обязывает быть почтительным, честным, добрым, деликатным, мужественным человеком во имя одной цели — человечности. Оно создает атмосферу взаимного уважения и признания, согласия и понимания.

Ключевые слова: адыгство, адыгъ хабзэ, моральные принципы, традиционная культура, адыгская этика, честь, совесть, достоинство, почтительность.

^{*} КАНКОШЕВ Арсен Мухадинович, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела литературы и фольклора народов Карачаево-Черкесской Республики Карачаево-Черкесского ордена «Знак Почета» Института гуманитарных исследований при Правительстве Карачаево-Черкесской Республики, Черкесск, Россия. Электронная почта: arsen.cankoshev@yandex.ru

^{**} ХУЖЕВА Людмила Корнеевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кабардино-черкесским отделом Карачаево-Черкесского ордена «Знак Почета» института гуманитарных исследований при Правительстве Карачаево-Черкесской Республики, Черкесск, Россия. Электронная почта: khuzheva@mail.ru.

Адыгэ хабзэ (адыгский этикет) не ограничивается человеческими отношениями в семье, обществе, оно проявляет бережное отношение ко всему, с чем человеку приходится сталкиваться на протяжении всей его жизни. Оно определяет не только правила поведения, это основа мировосприятия, человеческого достоинства, чести, совести, благородства и воспитанности. В словарях *адыгэ хабзэ* приводится в значении «понятие морально-правового кодекса поведения», особенности же нравов адыгского народа обозначаются терминами «*адыгэ шэн*», «*шэнхабзэ*» (букв.: адыгский характер, нрав; этикет), адыгагъэ как совокупность принципов и норм адыгской этики. Хабзэ у адыгов, во-первых, неписанный закон, во-вторых, распоряжение, в-третьих, норма регулирования отношений между людьми, старшими и младшими, мужчинами и женщинами и т.д., это — правило поведения в обществе, семье, мера и степень проявления адыгагъэ» [2, с. 32]. Но вместе с тем, хабзэ может выступить как закон при разбирательстве различного вида конфликтов и споров, также может приобрести значение указа или распоряжения, когда необходимо урегулировать отношения между сословиями. Хабзэ является нормой определения нравственных принципов членов общества, статуса старшего и младшего, мужчины и женщины, мужа и жены. По мнению Б. Х. Бгажнова, «адыгэ хабзэ — морально-правовой кодекс, т.е. общественный институт, в котором соединены в одно целое моральные (прежде всего этикетные) и юридические правила и установления. При этом основополагающее значение имеет тот факт, что идеологической базой синтеза или организационного единства обычного права и этикета является традиционная этика — адыгагъэ. Адыгство придает нормам адыгэ хабзэ характер целенаправленных программ и моделей социального действия» [1, с. 6]. Адыгэ хабзэ — это путь к миру, согласию и компромиссу.

Одними из самых главных признаков адыгэ хабзэ являются адыгагъэ (адыгство — атрибуты адыгского этикета) и адыгэ нэмыс (приличие; почет, уважение), которые объединяют в себе все позитивные качества человека: доброту, чувство собственного достоинства, совесть, искренность, правдивость, чуткость, уважение к старшим и женщинам и т.д. Адыгагъэ — это комплекс положительных качеств характера человека, адыгэ нэмыс — их внешнее проявление. О людях, проявивших адыгагъэ в высшей степени, заботясь о чести своего народа, исполняя свой долг адыга, проявляя доброту и вели-

кодушие, рискуя своей жизнью ради другого, говорили: *адыгагъэ хэлыщ* «букв.: в нем есть (заложено) адыгство», *адыгагъэ кIэлъызе хээн* «оказать гостеприимство, внимание», *адыгэ хабзэ игъэзэщIащ* «букв.: исполнил правила адыгского этикета». Адыгство, как и любая другая этическая система, допускает разнообразие способов нравственного поведения. Но в таком случае должны сохраниться дух и общая направленность моральных законов. Такие моральные принципы, как справедливость, скромность, почтительность, мужественность и т.д. могут быть в наличии у человека, но могут отсутствовать или могут быть слабо выраженными, что окружающими воспринимается как невежество, упадок духа, дефект личности, и в таких случаях говорят: *адыгагъэ хэлъкъым* «в нем нет адыгства (почтительности, скромности, справедливости и т.д.)». Отсюда и назидание старших: *адыгагъэ зыхэ-вгъэлы* «будьте человечными, мудрыми (букв.: овладейте адыгством)». Старшее поколение должно учить молодое поколение всем тем принципам нравственности, которые входят в понятие *адыгагъэ*, как честь, совесть, стыдливость, достоинство и др. Почетную обязанность знатока адыгэ хабзэ (адыгского кодекса законов) выполнял одно время кабардинский уздень, общественно-политический деятель середины XVIII в. Казаноко Жабаги (1685–1750). «Реформы Жабаги Казаноко не затрагивали классовых основ феодального общества, они были направлены на усовершенствование семейно-бытового уклада жизни, гражданских норм поведения, улучшения судебно-правовой практики», — писал А. Мортанов [3, с. 275]. Применительно к нашей теме интересны его суждения нравственно-философского направления.

Ведущие моральные принципы адыгагъэ — человечность «*цIы-хугъэ*», мужество «*лIыгъэ*», почтительность «*нэмыс*», честь «*напэ*», ум «*акъыл*», нашли свое отражение в современном кабардино-черкесском языке: *нэмыс иIэн* «пользоваться почетом и уважением», *нэмыс хэлъын* «быть почтительным, скромным», *нэмыс хуэщIын* «относиться к кому-либо с уважением и почетом», *нэмысыншагъэ* «непорядочность; нескромность; бесцеремонность», *лIыгъэ зехээн* «совершить мужественный поступок; быть мужественным, проявить мужество», *акъыл жан иIэн* «обладать острым умом», *акъылыфIэ* «рассудительный», *цIы-хугъэ кIэлъызе хээн* «проявить человечность» и т.д.

Одна из главных заповедей адыгагъэ связана с человечностью (*цIыхугъэ*), которая имеет тесную связь с состраданием и милосердием (*гуэцIэгъу*), пониманием (*зэхэщIыкI*), готовностью действовать в инте-

ресах других (*хьэтыр*), развитым чувством благодарности (*фЫщцІэ*), а идея спасения души через благодеяние (*нсанэ*) составляет мотивационную составляющую человечности.

Понятие *нэмыс* присутствует в определениях адыгства (*адыгагъэ*) в значении «воспитанность, скромность, почтительность, деликатность» и выражение — *Адыгагъэр нэмысщ, лЫггъэщ, цІыхугъэщ* «Адыгство — это почтительность, мужество, человечность» говорит о важных человеческих качествах, которые ценятся в любом обществе и являются основными составляющими понятия *адыгагъэ*.

Адыгство невозможно представить без нравственно ориентированного ума, разума: *Адыгагъэр акъылыщ, акъыл зимыІэм адыгагъэ хузехъэнукъым* «Адыгство — это суть разума, не разумный не способен нести в себе адыгство», *Адыгагъэр зыгъэнахуэр акъылыщ* «Своим существованием адыгство обязано разуму».

С другими основными заповедями адыгской этики существует понятие *напэ* (букв.: лицо), в переносном смысле используется в значении «честь, совесть; стыд». Данные качества характера вовлекают человека в нужное нравственно полноценное поведение, отворачивая от безнравственных поступков, о чем говорят выражения: *напэр текІын* «опозориться», *напэр зреплъщ* «как подсказывает совесть», *напэ имыІэн* «бессовестный», *напэниагъэ* «наглость, бессовестность» и т.д.

В социальной структуре адыгского общества в период феодализма существовал класс профессиональных воинов-рыцарей «*уэркъ*», которые несли службу у князей «*пщы*» и дворян «*ІакъуэлІэи*». Помимо обычного феодального права между уорком и другими условиями действовали такие институты, как *уэркъыгъэ* «рыцарский моральный кодекс» и *уэркъ хабзэ* «рыцарско-дворянский этикет». В моральном кодексе адыгских воинов-рыцарей гостеприимство и щедрость, рыцарская честь и доблесть считались основными категориями этикета. Требования, предъявляемые рыцарю, естественно, были намного шире и жестче, чем в общеадыгской этике. Так, например, вызывали осуждения жалобы на трудности, холод, голод, жару, не приветствовалось излишнее любопытство и т.д. Было постыдным рыцарю дожить до глубокой старости, считалось, что лучше прожить короткую, но богатую приключениями жизнь. Подтверждением такого явления были выражения, которые присутствовали в языке: *Уэркъыгъуэ дэгъэзеигъуэ кІыхъщ* «Рыцарство — длинный подъем», *Уэркъ бгы*

задэц «Рыцарство — неприступная скала», Уэркъыгъэр абрэмывэм хуэдэу хьэлгъэц «Рыцарство — ноша, подобная огромному камню». Простой народ перенимал и старательно осваивал традиции рыцарской культуры, приспособливая их к условиям повседневного быта, в связи с этим некоторых из простых крестьян могли назвать уорками за щедрость, великодушие, храбрость, верность данным обязательствам.

Как видим из вышесказанного, «... адыгагъэ (адыгство) — это система ценностей, лежащих в основе этической рационализации мира. С другой стороны, это — механизм культурной самоорганизации этнического социума и в одном понятии соединяются этническая и этическая идеология» [3, с. 174]. Современное адыгагъэ (адыгство) затрагивает морально-нравственную и культурно-воспитательную сферы жизни адыгского народа, являясь существенным фактором стиля и образа жизни, регулятором индивидуального и группового поведения. В условиях обновленных социально-экономических (например, рыночной экономики), политических и других отношений многие традиционные установки перестают быть главными и определяющими. Новые условия жизни и новые требования, предъявляемые ею, предполагают новые или значительно трансформированные морально-нравственные или этические ценности [3, с. 181]. Но, если базовые ценности, не претендуя на исключительность, будут направлены на аккумуляцию традиционных норм и ценностей в общечеловеческие, возможно их сохранение и толерантность по отношению к инновациям, что позволит бесконфликтное сосуществование и переплетение традиций и новаций. В связи с этим изучение такого морально-этического феномена как адыгагъэ (адыгство) необходимо с точки зрения сохранения и развития традиционной культуры адыгов в условиях проводимых реформ и сильного инокультурного влияния. При этом нужно исходить не из противопоставления своей культуры культурам других народов, а из необходимости решения возникающих проблем, что позволит сохранить свою культуру и обеспечить условия для ее развития.

Использованная литература:

1. Бгажноков Б. Х. Адыгский этикет. Нальчик: Эль-фа, 1999.
2. Мафедзев С. Х. Адыги. Нальчик: Эль-фа, 2000.
3. Мир культуры адыгов / сост. и науч. ред. Р. А. Ханаху. Майкоп: Адыгея, 2002.

Arsen M. KANKOSHEV

Cand. Sci. (Languages of People of the Russian Federation),
Assoc. Prof., Senior Researcher, Department of Kabardino-Circassian
Studies, Karachay-Cherkess Institute for Humanitarian Research under the
Government
of the Karachay-Cherkess Republic,
Cherkessk, Russia
arsen.cankoshev@yandex.ru

Lyudmila K. KHUZHEVA

Cand. Sci. (Languages of People of the Russian Federation),
Assoc. Prof., Herd, Department of Kabardino-Circassian Studies,
Karachay-Cherkess Institute for Humanitarian Research
under the Government of the Karachay-Cherkess Republic,
Cherkessk, Russia
khuzheva@mail.ru

Moral-Ethical Phenomenon Adyaghe of the Culture of the Adyghes

This article examines the phenomenon of moral and ethical adyaghe (adygstvo) — moral ideal, and the specific expression of the life-world and the national spirit of Circassians, combining the best features that are inherent in the people. The spiritual values created over the centuries have been handed down from generation to generation. Adyaghe (adygstvo) obligation to be respectful, honest, kind, sensitive, courageous man in the name of the one goal of humanity. It creates an atmosphere of mutual respect and recognition, harmony and understanding.

Keywords: Adyghes, Adyge habze, moral principles, traditional culture, Adyghes ethics, honor, conscience, dignity, reverence.

Р. Г. Сунгуров*, А. Г. Хлыстова**

Национальные языки Северного Кавказа и их роль в развитии региона

Данная статья посвящена вопросам влияния национальных языков на процессы освоения и развития региона Северного Кавказа. Отмечается, что каждая языковая семья, представленная в языках народов, населяющих Северный Кавказ, определила уникальность этого региона, которая сохраняется и по сию пору. Также рассмотрены вопросы влияния глобализации на состояние национальных языков в современном мире, проблемы сохранения и исчезновения национальных языков. В условиях глобализации сохранить языковое разнообразие всё сложнее. Авторы выделяют наиболее острые проблемы изучения и сохранения национальных языков (на примере Республики Дагестан), и предлагают некоторые пути разрешения этих проблем. Особо подчёркивается тот факт, что сохранение и развитие языков межнационального общения позволяет обеспечить и сохранить культурное разнообразие многонациональной России.

Ключевые слова: языки межнационального общения, глобализация, Северный Кавказ, Республика Дагестан, исчезновение национальных языков, культурное разнообразие, языковые семьи Северного Кавказа.

Каждый национальный язык включает в свои основные понятия определённую картину мира, которая формировалась веками. Эта картина объединяет представителей данного народа, задаёт им общность мыслей, чувств, отражений окружающего мира. В свою очередь язык имеет возможность воздействовать на чувства народа, порождать определённые эмоции по поводу родной речи (подчёркивая, например, напевность языка, его эмоциональность, древность и др.). Основные понятия, которыми оперирует народ — это не просто фиксация явлений и предметов окружающего мира в языке, это его эмоциональная переработка. Что значит для русского «берёзка», для кавказца «кинжал» [1, с. 57]?

* ХЛЫСТОВА Алена Геннадьевна, кандидат философских наук, заместитель директора Армавирского представительства Московского международного университета. Армавир, Россия. Электронная почта: khlistova@yandex.ru

** СУНГУРОВ Руслан Гаджимурадович, независимый исследователь, Армавир, Россия. Электронная почта: sungurov@yandex.ru.

В менталитете каждого народа сконцентрированы экономические, политические, социальные, культурные и другие особенности его формирования и развития, определённые исторические традиции.

Г. Гумбольдт, А. Вежбицкая, А. Чикобава, Ц. Барамидзе считают, что язык является ключом к пониманию менталитета народа, его образа мышления, что без изучения языка познание народа практически невозможно [2, с. 275–278].

Нас заинтересовал вопрос, который мало представлен в современной системе гуманитарного знания — влияние национальных языков на процесс развития целого региона. Благодатный материал в этом отношении — Северный Кавказ. Исторически этот регион являлся территорией пересечения не только геополитических интересов, но и торговых путей, перемещения массы различных этносов в процессе исторического развития. Полиэтничность и многоязычность от глубины веков и до сегодняшнего дня — отличительная черта региона.

На Северном Кавказе говорят на языках, которые включают в три языковых семьи: иберийско-кавказская, индоевропейская, тюркская (урало-алтайская).

Иберийско — кавказские языки делятся на абхазско-адыгскую абазины, адыги), картвельскую и нахско-дагестанскую подгруппы (вайнахи — ингуши, чеченцы и дагестанские этносы: аварцы, лакцы, лезгины, даргинцы, кубачинцы, андо-цезские и другие). Абхазо-адыгскую подгруппу нередко объединяют с нахско-дагестанской под названием северо-кавказских языков (горские иберийско-кавказские), а картвельская подгруппа именуется южно-кавказской (Закавказье).

Индоевропейская языковая семья представлена в этом регионе народами иранской группы (осетины) и славянской группы (русские, украинцы). Отдельно представлены представители диаспор — армяне, греки, грузины.

Алтайская языковая семья представлена народами тюркской языковой группы (кумыки, карачаевцы, балкарцы, ногайцы, терекемейцы (или дагестанские азербайджанцы).

Появление народов кавказской группы ученые связывают еще с эпохой неолита и ранней бронзы. Проникновение ираноязычных народов — с вторжением на территорию Северного Кавказа скифских племен (VIII–VI вв. до н.э.), а позднее сарматских племен, ядром ко-

торых были аланы, с которыми связывают своё происхождение осетины.

В первой половине XVI в. на Тереке появляются казаки, в дальнейшем получившие название терских. В этот же период здесь значительно возрастает количество армян, которые впоследствии стали именоваться «черкесо-гаями» (проживали на территориях, заселённых преимущественно черкесами). В степных районах Северного Кавказа проживали и кочевые туркмены.

Сильное воздействие на регион Северного Кавказа оказала эпоха Золотой Орды (XII–XVI вв.). Эта эпоха совпала с масштабными событиями этнической истории, населяющих эти территории тюркоязычных народов — кумыков, карачаевцев, балкарцев, ногайцев. Как отмечают исследователи [3], тюрки-золотоордынцы сильно повлияли на культуру, языки, религию, жизнь и быт народов Кавказа.

К концу XVII в. этническая мозаика региона сложилась в своей основе. Но не стоит забывать и о следующем сложнейшем и трагическом этапе продвижения на территорию Северного Кавказа русского населения в период правления Екатерины II.

Несомненно, проследить формирование этнографической и этноязыковой карты Северного Кавказа сложно, да мы и не ставим перед собой подобную задачу. В большей степени интересует вопрос, как развивалось взаимодействие разноязычных народов, и как оно определяло экономическое, социальное, политическое, культурное развитие столь непростого по составу региона вплоть до сегодняшнего дня.

На сегодняшний день в научной литературе достаточно хорошо проработан вопрос о влиянии тюркских языков на процесс экономического, социального, политического и культурного развития кавказского региона. Тюркский язык (кумыкский, азербайджанский) выступал языком межнационального общения (*lingua franca*) и способствовал развитию производства, торговли, образования, культуры. Знание этого языка обеспечивало успешность торговых контактов на Великом Шелковом пути.

ООН объявила темой 2019 г. языки коренных народов. И это свидетельствует о том, что проблема сохранения языкового разнообразия — общемировая проблема. В условиях глобализации сохранить языковое разнообразие всё сложнее. Язык международных коммуникаций, язык мировой науки и торговли — английский. И нравится нам это или нет, это уже не имеет значения, это свершившийся факт.

Согласно отчёту 2016 г. Совета по правам человека (СПЧ) при президенте РФ, в России из 156 языков коренных этносов, существовавших в XIX в., часть уже вымерла, а десяткам в скором времени грозит та же участь.

Уничтожение любой нации не требует большого количества вооружений, достаточно снизить уровень образования, лишить родного языка, национальных традиций и не нужны никакие завоевательные планы. Поэтому проблема сохранения национальных языков в условиях глобализирующегося мира стоит очень остро.

Тенденции в данном случае весьма многообразны:

1. Развитие заимствований из других языков (чаще всего английского, в России — нередко из русского языка).

2. Процесс урбанизации привёл к утрате в разговорной речи ряда понятий, в силу отсутствия данных вещей, предметов в современном обиходе или данных отношений, действий в наличной реальности (например, из языков многих народов Дагестана выходя из употребления многие понятия, к примеру, как парус, якорь, веретено, арба, вол, сохраняясь только в качестве лексической единицы).

3. Вместе с тем наблюдается парадоксальный процесс, который характерен не только для России, но и для всего мира — это усиление этничности (этнической самоидентификации) в условиях глобализации, то есть создаются сайты по изучению национальных языков; сайты национальных общин; блоги, ведущиеся на национальных языках; национальные печатные и электронные издания — таковых очень много, например, в Дагестане. И это даёт надежду, что многие языки Северного Кавказа по-прежнему будут выполнять свою коммуникационную роль, связывая народы, а, не разъединяя их.

Может ли глобальная однородность языка привести к исчезновению иных национальных языков? К чему приведет конкуренция языков? Пока ответы на эти вопросы, по нашему мнению, находятся в области предположений и различных сценариев и прогнозов. Для Северного Кавказа широкое распространение английского языка не характерно, хотя он используется в деловой сфере, при ведении совместного с иностранными фирмами бизнеса. Но то, что можно спрогнозировать уже сегодня — это резкий рост добровольно-принудительно изучающих английский язык, учитывая необходимость обязательной сдачи ЕГЭ по иностранному языку начиная с 2022 г., а в тестовом режиме — с 2020 г. Пострадают ли национальные язы-

ки? Да, пострадают. Тем более, что на изучение национальных языков народов России из-за необоснованных поправок, внесённых в Федеральный Закон «Об образовании», требуется письменное согласие родителей. Теперь обучение детей своим родным языкам является добровольным, в то время как изучение иностранного языка обязательно для тех же детей, начиная уже со 2-го класса.

Принятые изменения к закону, по мнению, и экспертного, и научного сообщества, а также институтов гражданского общества, с которым мы согласны, носит антиконституционный и, по сути, дискриминационный характер по отношению к родным языкам народов России. И без этих поправок было проблемным отстаивать свои права представителям, так называемых бесписьменных народов. Ответственный деятель Магомед Ахмеднабиев занимался проблемами 13 коренных малочисленных андо-дидойских народов Дагестана. Принципиальность и последовательность в борьбе за права и признание каратинцев, как самостоятельного и полноправного дагестанского этноса было его жизненной позицией [4]. Так, через ЕСПЧ Дагестанская региональная общественная организация «Карата», возглавляемые Магомедом Ахмеднабиевым [5], добились создания алфавита и подготовки к изданию букваря на каратинском языке, относящегося к андо-цезской подгруппе нахско-дагестанской группы кавказской языковой семьи.

Сохранение языка — это основа для сохранения культурного многообразия. Наш мир существует благодаря множественности уникальных и неповторимых культур, народов, языков. И это многообразие необходимо беречь. Тоталитарные режимы всегда стремились унифицировать народы и сократить количество национальных языков.

В процессе осуществления сохранения языков могут быть поставлены следующие задачи.

1. На микросоциальном уровне — сохранение развитие национальных языков на уровне семьи. При кажущейся простоте — это непростая задача. Пример Дагестана показывает, что массовое переселение в города приводит к тому, что многие носители языка его не знают, используя в большей степени русский язык. Смешанные браки, с одной стороны, приводят к тому, что дети неплохо владеют двумя национальными языками, но нередко языком внутрисемейного общения становится только русский язык. Через национальный язык именно

в семье прививаются основные ценностные ориентиры, формируется определенная картина мира через национальные сказки и сказания, пословицы и поговорки, прививается любовь к природе и уважение к людям. Это тот уровень, которые никто не вправе упразднить, запретить. Значение этого уровня трудно переоценить, особенно в отношении бесписьменных языков.

Велика инерция внутри самих народов — некоторые люди высказываются за исключение из школьных программ национальных языков и литературы.

2. Макросоциальный уровень (государственный) — это нацеленность социума (национального региона) на сохранение и развитие национальных языков. Основой должны стать социологические исследования, так как состояние национальных языков разное: какие-то не имеют своей письменности, какие-то находятся в стадии умирания, какие-то являются языками межнационального общения в регионе и активно развиваются. Наиболее сложная ситуация развивается вокруг языков малочисленных народов Северного Кавказа. Сравнительная оценка статистических данных переписей 2002 и 2010 гг. показывает устойчивую тенденцию к снижению численности не только лиц конкретной национальности, но и тех, кто признаёт родным свой язык, то есть непосредственных носителей языков. Ярким примером подобной ситуации является ситуация с уже упомянутыми каратинцами: согласно переписи 2002 года численность лиц, владеющих каратинским языком — 6574, переписи 2010 г. — 255. Каратинцам было отказано в государственной регистрации территориально-соседской общине «Калалал» коренного малочисленного каратинского народа Дагестана (распоряжение Управления юстиции Российской Федерации по Республике Дагестан от 02.04.2012 № 176). По сути, были созданы искусственные препятствия по реализации коллективных прав на получение статуса каратинского народа: создание территорий традиционного природопользования, на ведение традиционного образа жизни и защиту исконной среды обитания; общины коренного малочисленного каратинского народа Дагестана; каратинского языка, как родного, получения на каратинском языке образования дошкольного, а также в начальной школе.

Складывается ситуация, которая, повторяясь в судьбе малочисленных коренных народов (особенно бесписьменных) может привести к болезненным последствиям — лишая исконных прав коренные

малочисленные народы, государство само инициирует социальный протест. А в условиях протестных настроений вряд ли речь будет идти об устойчивом социальном и экономическом развитии региона.

Известный политический деятель Дагестана Дж. Коркмасов в 20–30 –е гг. XX в. ставил целый ряд задач для решения проблем развития языков в Дагестане: совершенствование письменности, создание национальной школы, подготовка кадров национальной интеллигенции, организация культурно — просветительных и научно — исследовательских учреждений, разрешение проблем языка; разработка терминологии, составление словарей, выделение диалекта — основы для формирующегося литературного языка, создание на этом языке художественной, общественно — политической литературы, организации делопроизводства, печатного и издательского дела, радиовещания, обучение детей в школах на этом языке [6, с. 55]. Сегодня складывается такое впечатление, что список задач аналогичен, как будто и не было никакого развития, ни в годы Советской власти, ни в современной России.

В большинстве национальных регионов России приняты соответствующие региональные законодательные акты о национальных языках. Исключение составляют Чечня и Дагестан. В Дагестане до сих пор не принят закон «О национальных языках Республики Дагестан», хотя работа была инициирована главой Дагестана еще в начале 2014 г.

Использованная литература:

1. Гаджихмедов Н.Э. Язык как индикатор этнического менталитета (на материалах русского и кумыкского языков) // Вестник Дагестанского государственного университета. 2012. Вып. 3. С. 57–61.
2. Соседова В.С. Соотношение понятий «языковая картина мира» и «менталитет» в современной лингвистике [Электронный ресурс] // Вестник МГИМО. 2013. № 33. С. 275–279.
3. Алиев К.М. Влияние Золотой Орды на этнос и культуру Кавказа // Золотоордынское наследие: матер. междунар. науч. конфер. «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)» (17 марта 2009 г., г. Казань): сб. ст. Вып. 1. Казань: Фэн, 2009. С. 392–400.
4. Официальный сайт федеральной лезгинской национально-культурной автономии [Электронный ресурс] // URL: http://flnka.ru/jizn_obshin/6390-plamennyu-patriot-svoego-naroda.html.

5. История борьбы за сакральную «Последнюю крепость» — Язык. Независимое информационное агентство «ЦУМАДА.ру» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.tsumada.ru/news/23006>.

6. Сунгуров Р.Г., Хлыстова А.Г. Развитие свободы слова Дж. Коркмасовым в период становления Дагестанской Республики // Модернизация и устойчивое развитие современного общества: экономические, социальные, философские, политические, правовые, общенаучные тенденции: матер. междунар. науч.-практ. конф. (11 октября 2017 г., Саратов): В 3-х ч. Ч. 3. Саратов: Академия управления, 2017. С. 54–56.

Ruslan G. SUNGUROV

Independent Researcher
Armavir, Russia
sungurov@yandex.ru

Alena G. KHLYSTOVA

Cand. Sci. (Social Philosophy), Assos. Prof.,
Deputy Director, Armavir Representation of Moscow
International University, Armavir, Russia
khlistova@yandex.ru

National Languages of the North Caucasus and Their Role in the Development of the Region

This article is devoted to the influence of national languages on the development of the North Caucasus region. It is noted that each language family represented in the languages of the peoples living in the North Caucasus, has determined the uniqueness of this region, which is preserved nowadays. The issues of globalization influence on the status of national languages in the modern world, the problems of preservation and disappearance of national languages are also considered. In the context of globalization, it's difficult to preserve the language variety. The authors identify the most actual problems of the study and preservation of national languages (for example the Republic of Dagestan), and offer some ways to solve these problems. It is emphasized that the preservation and development of languages of international communication allows to provide and preserve cultural diversity of multinational Russia.

Keywords: languages of international communication, globalization, the North Caucasus, the Republic of Dagestan, disappearance of national languages, cultural diversity, language families of the North Caucasus.

Дагестанские языки как фактор сохранения национальной культуры

Важнейшая функция языка заключается в том, что он хранит культуру и передает ее из поколения в поколение. Поэтому язык играет решающую роль в формировании личности, национального характера, этнической общности, нации. Проблема сохранения и развития языков и культур является одной из наиболее насущных социально-культурных проблем в Республике Дагестан. Для эффективного решения этой важной задачи необходимо повысить социальную значимость языкового и культурологического образования в обществе, воспитывать у подрастающего поколения уважение к своему и другим народам и культурам.

Ключевые слова: дагестанские языки, национальная культура, фольклор, двуязычие, русский язык, урбанизация, литературный язык.

В настоящее время, как никогда важно, чтобы люди открывали для себя новые ценности, приобщались к общечеловеческим ценностям через призму культуры других народов, учились межличностному и межкультурному общению. Для эффективного решения этой важной задачи необходимо повысить социальную значимость языкового и культурологического образования в обществе, воспитывать у подрастающего поколения уважение к своему и другим народам и культурам.

Одна из самых острых проблем современности — проблема сохранения национальных культур, особенно культур малых народов. Кроме того, сегодня остро встала проблема сохранения родных языков. «Любой национальный язык непосредственно связан с формированием национального самосознания. В настоящее время особенно необходимо уважительное и тактичное отношение к национальному языку, этническому этикету, объектам национальной культуры и к духовности в целом, которая лежит в основе любого этноса и проявляется через родной язык» [3, с. 103].

* МАГОМЕДОВ Даниял Магомедович, научный сотрудник отдела грамматических исследований Института языка, литературы и искусства имени Г. Цадасы Дагестанского научного центра РАН, Махачкала, Россия. Электронная почта: m.daniyal@yandex.ru.

Язык и человек неразделимы. Язык не существует вне человека, и человек как *homo sapiens* не существует вне языка. Соответственно, человека нельзя изучать вне языка, и язык нельзя изучать вне человека. Язык отражает для человека окружающий его мир, язык также отражает культуру, созданную человеком, хранит ее для человека и передает ее от человека к человеку, от родителей к детям. Язык — орудие познания, с помощью которого человек познает мир и культуру. Наконец, язык — это орудие культуры: он формирует человека, определяет его поведение, образ жизни, мировоззрение, менталитет, национальный характер, идеологию. Язык — строгий и неподкупный учитель, он навязывает заложенные в нем идеи, представления, модели культурного восприятия и поведения.

В какой-то степени можно считать, что человек раб своего родного языка: он с младенчества попадает под влияние и власть языка родителей и вместе с языком усваивает хранящуюся в нем культуру того речевого коллектива, членом которого он совершенно случайно, не имея никакого выбора, оказался.

Однако ни в коем случае нельзя забывать о той огромной роли, которую в воспитании, формировании личности играет язык, неразрывно связанный с культурой. Можно сказать, что личность — это продукт языка и культуры [1, с. 158].

Человек родился и с первой минуты слышит звуки своего будущего родного языка. Язык знакомит его с окружающим миром, навязывая ему то видение, ту картину, которую «нарисовали» до него и без него. Одновременно через язык человек получает представление о мире и обществе, членом которого он стал, о его культуре, то есть о правилах общежития, о системе ценностей, морали, поведении и т. п.

Язык отражает мир и культуру и формирует носителей языка.

Итак, язык формирует своего носителя. Каждый национальный язык не только отражает, но и формирует национальный характер. Иначе говоря, если язык формирует представителя народа — носителя языка, причем формирует его как личность, то он должен играть такую же конструктивную роль и в формировании национального характера.

Довольно распространенным является мнение о национальном характере, согласно которому это не совокупность специфических, своеобразных, присущих только данному народу черт, но своеобразный набор универсальных общечеловеческих черт.

Первое, что приходит на ум, когда речь заходит о национальном характере того или иного народа, это действительно набор стереотипов, ассоциирующихся с данным народом.

Стереотип выражает привычное отношение человека к какому-либо явлению, сложившееся под влиянием социальных условий и предшествующего опыта.

Самым надежным и научно приемлемым свидетельством существования национального характера является национальный язык. Язык и отражает, и формирует характер своего носителя, это самый объективный показатель народного характера.

Очевидно, что основную культурную нагрузку несет лексика: слова и словосочетания. Из них складывается языковая картина мира, определяющая восприятие мира носителями данного языка. Особенно наглядно и ярко этот аспект представлен устойчивыми выражениями, фразеологизмами, идиомами, пословицами, поговорками — то есть тем слоем языка, в котором непосредственно сосредоточена народная мудрость или, вернее, результаты культурного опыта народа.

Родной язык — это средство сохранения и трансляции культуры, истории, традиций народа и преемственности поколений. Сегодня, когда телевидение и некоторые печатные средства массовой информации открыто пропагандируют безнравственность, жестокость западного мира, насилие, терроризм и религиозный экстремизм, самым действенным, мощным оружием против бездуховности и жестокости являются родной язык и национальная культура. Только тот способен противостоять злу и насилию современного мира, кто обогатил себя духовно-нравственными ценностями своего народа.

Социологические исследования сотрудников института языка, литературы и искусства имени Г. Цадасы Дагестанского научного центра РАН показывают, что существует реальная угроза гибели многих дагестанских языков. Эта проблема имеет свою предысторию: в советское время процессы интернационализации и слияние наций и народов рассматривались как историческая перспектива, а исчезновение языков некоторых народов считалось вполне возможным.

Сейчас неоспоримым является то, что употребление родного языка является базовым условием сохранения и трансляции национальной культуры, ее особенностей, так как многие компоненты этой культуры (устное народное творчество, народная песня, национальная литература, театр) существуют благодаря его функционированию.

Особенность Дагестана заключается в том, что примерно из ста двенадцати языков, отнесенных к языкам коренных народов России, тридцать два сосредоточенно в пределах данного региона. О перспективах превращения Дагестана в «заповедник языков» писалось много. Однако современная национально-языковая ситуация не может не вызывать озабоченности. Сегодня наблюдается низведение социальных функций национальных языков до семейно-бытового уровня. Это влияет на национальное самосознание значительной части дагестанцев. Для многих из них связь собственной национальности с реально присущими им национальными качествами, в том числе с соблюдением национальных традиций, знанием родного языка, становится, по большому счету, номинальной. Особенно для тех, кто покинул пределы родной республики и проживает в других регионах.

В Республике Дагестан «основным средством межнационального общения служит русский язык. В данной функции его используют в устно-разговорной коммуникации в интернациональных трудовых коллективах, школах, вузах, в городской и поселковой общественной жизни» [4, с. 37–38]. Русский язык — национальное достояние многонационального народа России, язык образования и развития, дружбы и единства народов.

Повсеместно в Дагестане делопроизводство осуществляется только на русском языке. Школьное и дошкольное образование строится главным образом на русском языке. Национальные языки в качестве языков начального обучения используются только в некоторых сельских районах. До недавнего времени преподаванию этих языков в качестве предмета в городских школах национальных регионов не уделялось должного внимания. Можно сказать, что к национальным языкам некоторые родители учащихся всё ещё относятся как к помехе в получении своими детьми достойного образования. Такое отношение ведет к пренебрежительному отношению к дагестанской культуре, традициям, славному прошлому народа. В Дагестане, к сожалению, нет средних специальных и высших учебных заведений (кроме факультета дагестанской филологии), в которых преподавание велось бы на национальных языках или для поступления в которые практиковалась бы сдача экзамена по национальному языку.

Первоочередной задачей на сегодняшний день является сохранение и распространение дагестанских языков для дальнейших поколений. Ведь если мы потеряем какой-либо язык, мы утратим культуру

и традиции целого народа. А без прошлого, как известно, не может быть будущего.

Духовные ценности, составляющие содержание национальных культур и региональных традиций, — это родной язык, мудрые жизненные устои наших предков, т.е. гуманные адаты, способы организации труда, художественные промыслы, украшающие жизнь людей, праздники, обряды, многожанровый фольклор горцев и многое другое.

Не случайно на первом месте среди составляющих содержание нашего наследия стоит родной язык. Ибо родной язык является специфической формой национальной культуры, несущей информацию из глубины веков.

Таким образом, первоначальное языковое образование — это становление личности путем вхождения в культуру, благодаря присвоению и творческому преобразованию которой ребенок становится ее субъектом. Само же присвоение происходит в результате познания, развития, воспитания и учения. При помощи и поддержке педагога каждый ребенок при этом находит для себя свой личностный смысл деятельности, что и позволяет ему становиться субъектом образовательного процесса. Содержанием языкового образования детей дошкольного возраста должна стать языковая культура в широком смысле слова.

Обучение на родном языке может обеспечить только литературный язык, получение общего образования на родном языке возможно при достаточно развитой системе статуса языка. В этой ситуации изучение таких языков в школе как учебного предмета становится единственным способом их сохранения и развития. Кроме того, только изучение языка в школе может способствовать формированию литературного языка. Государственная национальная образовательная политика направлена на создание оптимальных условий для этносоциокультурного развития юных граждан. Государственная политика в области образования основывается на следующих принципе единства федерального культурного и образовательного пространства. Защита и развитие системой образования национальных культур, региональных культурных традиций и особенностей в условиях многонационального государства. Право «на пользование родным языком» закреплено в Конституции (статья 26). В Законе Российской Федерации «Об образовании» под образованием понимается целенаправленный

процесс воспитания и обучения в интересах человека, общества, государства, сопровождающийся констатацией достижения гражданином (обучающимся) установленных государством образовательных уровней (образовательных цензов). Достижение определенного образовательного ценза удостоверяется соответствующим документом. Граждане Российской Федерации имеют право на получение основного общего образования на родном языке, а также на выбор языка обучения в пределах возможностей, предоставляемых системой образования.

Без родного языка очень сложно представить процесс формирования личности, его духовно-нравственное развитие. Родной язык, язык Отчизны — это и средство, и содержание духовного развития личности, ее приобщения к непреходящим человеческим ценностям; это связь поколений, канал познания мира, традиций народа, его философии и верований. Родной язык признан самым сильным инструментом сохранения и развития нашего духовного и материального наследия.

По оценкам ЮНЕСКО, половина из 6 тысяч языков мира могут в ближайшее время исчезнуть с «лица» земли. Чтобы этого не случилось, каждый человек должен в детстве узнать и полюбить родную речь своего народа. Поэтому родные языки народов России должны занять достойное место в едином образовательном и культурном пространстве многонационального государства.

Родной язык — важнейшее средство связи поколений. Сегодня остро встала проблема сохранения родного языка. Неблагополучное состояние природной среды может подорвать здоровье человека, может даже отнять его жизнь. А равнодушное, безответственное отношение к родному языку вызывает духовную деградацию народа, может уничтожить народ как культурно-исторический феномен. Преподавание родного языка в школе (особенно в городской) содействует его самосохранению и саморазвитию, реально обеспечивая его будущую жизнь, будущее историческое бытие народа.

Существуют трудности и в развитии профессиональной художественной культуры. Каковы же в такой ситуации дальнейшие перспективы развития в городе дагестанского этноса? Этнос без собственной интеллектуальной элиты, как известно, обречен на медленное вымирание, ибо некому станет воспроизводить и сохранять культурные ценности нашего народа. Здесь, естественно, потребуется инициатива и самих дагестанцев, проживающих в городах, а не толь-

ко усилия администрации и общественных организаций. Необходимо решать социальные вопросы по образованию, трудоустройству молодых специалистов, связанных с привлечением ресурсов Республики Дагестан. Только общими усилиями можно обеспечить гарантированное социально-экономическое развитие и приумножить национальные ценности дагестанцев [2, с. 234].

В нашей республике численность городского населения за последние десятилетия заметно увеличилась. Процесс урбанизации в Республике Дагестан наиболее ярко проявляется с начала 60–80-х гг. XX в.

Формирование городских поселений, разных по размеру и функциональной направленности, в единую социально-экономическую зону, развитие транспортных магистралей, социальных инфраструктурных учреждений и предприятий сопровождается вовлечением миграционных потоков из сельской местности. Естественно, урбанизация явилась основной причиной увеличения численности дагестанцев-горожан.

В системе этнодемографического развития республики особое место занимает город Махачкала — столица Республики Дагестан.

Махачкала выступает как классический урбанизированный город со свойственным крупному российскому городу ритмом и стилем жизни. Этнический состав населения города неоднороден.

Особенностью этноязыкового развития коренных национальностей в республике является то, что значительная часть дагестанцев, особенно в городах, является русскоязычной. Это связано с тем, что общение человека в производственной сфере и в не меньшей степени в быту предполагает обращение на русском языке, как языке межнационального общения. Другой особенностью является то, что в межнациональных браках русский язык является доминирующим. Основная часть детей, рожденных в таких браках, впоследствии владеет только русским языком.

В условиях урбанизации один из основных показателей этнодемографического развития — репродуктивное поведение этносов в городах. Кроме того, урбанизация сама по себе выступает основной причиной снижения рождаемости. Поскольку преобладающая часть жизни в городах посвящена получению образования, производственной квалификации и обустройству быта в совершенно новой среде [5, с. 25].

В местах компактного проживания дагестанцев, особенно в сельских районах республики, населением наиболее часто употребляется язык той национальности, которая преобладает в данном регионе. В городской среде чаще употребление русского языка как языка межнационального общения.

Язык является главным фактором существования нации. Поэтому именно сохранение языка — одна из главных задач для всех дагестанцев, и самым важным здесь является отношение к языку в семье, а уже потом его преподавание в учреждениях образования.

К сожалению, мы нередко забываем, что язык является драгоценным достоянием каждого народа, он создается и совершенствуется в течение многих веков. Будучи неизменным средством общения, язык в то же время концентрирует в себе память народа, его историю, опыт познавательной деятельности, мировоззрение и психологию. Без языка нет культуры. Невозможно сохранить язык, если не говорить на нем. Именно язык объединяет людей, принадлежащих к одной этнической группе, он служит тем стержневым элементом, на котором основывается культурная самобытность любой нации, поэтому издавна забота о языке, его сохранении и развитии является показателем уровня национального самосознания народа — носителя того или иного языка.

Использованная литература:

1. Магомедов Д. М. Сохранение языковых и этнокультурных ценностей народов Дагестана как средство сохранения национального самосознания // Ингушетия в контексте научных проблем и перспектив изучения Кавказа (к 90-летию научно-исследовательского института). Магас: Ингушский науч.-исслед. ин-т гуманитарных наук, 2016. С. 156–159.
2. Магомедов Д. М. Языковая коммуникация как фактор существования и развития культуры // Развитие гуманитарной науки в регионах России: матер. междунар. науч. конфер., посвященной 85-летию Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН (1–4 июня 2017 г., г. Уфа). Уфа: Уфимский научный центр РАН, 2017. С. 233–235.
3. Магомедов М. И. Гуманитарный Дагестан: язык, культура, образование. Махачкала: Алеф, 2013.
4. Магомедов М. И. Русский язык в многоязычном Дагестане. Функциональная характеристика. М.: Наука, 2010.
5. Магомедов М. И. Этнокультурное многообразие как основа устойчивого гуманитарного развития Дагестана // Биологические и гуманитарные

ресурсы развития горных регионов: матер. междунар. науч. конф. (10–12 сент. 2009 г., г. Махачкала). Махачкала: ИП Овчинников, 2009. С. 24–26.

Daniyal M. MAGOMEDOV

Researcher, Department of Grammatical Studies,
Institute of Language, Literature and Art, Dagestan Scientific Centre,
Russian Academy of Sciences,
Makhachkala, Russia
m.daniyal@yandex.ru

Dagestan Languages as a Factor of Preservation of National Culture

The most important function of the language is the preserving of the culture and transmitting it from one generation to another. Therefore, language plays a decisive role in the formation of an individual and national character, an ethnic community, a nation. The problem of preserving and developing of the languages and cultures is one of the most essential social and cultural problems in the Republic of Dagestan. To effectively solve this important task, it is necessary to increase the social significance of linguistic and cultural education in society, to educate the younger generation to respect their own and other peoples and cultures.

Keywords: Dagestan languages, national culture, folklore, bilingualism, Russian, urbanization, literary language, standard.

М. А. Гусейнов*

Поэзия Ырчи Казака — выдающееся явление словесной культуры Дагестана

Творчество Ырчи Казака (1830–1879), классика кумыкской, всей дагестанской поэзии, представляется самобытным и оригинальным явлением национальной

* ГУСЕЙНОВ Малик Алиевич, доктор филологических наук, заведующий отделом литературы, Институт языка, литературы и искусства имени Г. Цадасы Дагестанского научного центра РАН, Махачкала, Россия. Электронная почта: malik60@list.ru.

литературы. Вместе со своими выдающимися современниками: аварцем Али-Гаджи из Инхо, даргинцем Омарла Батыраем, лезгином Етимом Эмином и др. он заложил основы литературы светской направленности, в противовес доминировавшей до середины XIX в. духовно-религиозной словесности. Базовая переориентация словесной культуры была обусловлена вхождением Дагестана в состав России. Незаурядный талант, пророческий дар Ырчи Казака проявились сполна в его этнофилософской лирике, в которой выразились обеспокоенность поэта судьбой родного народа, его будущностью. В остро проблемных, «гражданских» стихах он воспел свободу человеческой личности вне зависимости от вероисповедания, социального статуса и т. д. Поэзия Ырчи Казака по праву признана гуманитарным сообществом выдающимся памятником литературного, шире — культурного наследия Дагестана.

Ключевые слова: кумыкская литература, дагестанская поэзия, Ырчи Казак, мотивы, поэтика, наследие, досоветская классика, национальная культура.

Развитие художественной мысли кумыков, народов всего Дагестана досоветского периода характеризуется определенными вехами. Поэтическое наследие Ырчи Казака, по праву признанного классиком национальной поэзии, родоначальником светского ее направления, вместе с другими дагестанскими классиками — О. Батыраем, Е. Эмином, Махмудом, Али-Гаджи из Инхо и другими, являет собой этапное явление в истории национальной словесности, в котором, как никогда ранее, четко выразились в художественной форме этнонациональные проблемы, актуальные вопросы социальной жизни.

Жизненный путь и творческое наследие классика национальной поэзии становились объектом исследования многих дагестанских критиков и литературоведов: К. Д. Султанова (см.: [9] [10]), Г. Б. Мухановой [8], С. М.-С. Алиева [5], А.-К. Ю. Абдуллатипова (см.: [1] [2]), З. Н. Акавова (см.: [3] [4]), М. А. Гусейнова (см.: [2] [6]), Н. К. Ханмурзаевой [11] и др. В качестве значительного явления, как подчеркнуто в исследовательской литературе, его наследие показательно тем, что классик национальной словесности обусловил переход литературы от доминировавшей прежде религиозной направленности к светской, заложил основы современного кумыкского языка.

Кратко характеризуя жизненный путь поэта, следует отметить, что он родился в селении Муслимаул Темир-Хан-Шурина округа, получил для своего времени хорошее образование, знал ряд тюркских, арабский, персидский языки, был знаком с восточной классикой. Уже в молодые годы проявился его певческий талант, в народе он получил прозвище Ырчы — Певец. Он привлек внимание правителя одного

из крупных политических образований на территории северо-восточного Кавказа — Шамхальства Тарковского, стал одним из приближенных лиц шамхала Абумуслима.

Близость ко двору шамхала обусловила и горестный факт его биографии. Умыкание девушки из числа прислуги шамхала, приглянувшейся его другу Атабаю, стало причиной ссылки Йырчи Казака в Сибирь на три года (ориентировочно конец 1850-х — начало 1860-х гг.). По возвращении из ссылки поэту не дано было возвратиться в отчее село; он проживал в селе Ботаюрт Хасавюртовского округа. При неизвестных обстоятельствах Йырчи Казак был убит, и тело его не было найдено. Как собственно творчество поэта, так и его загадочная кончина способствовали тому, что он стал поэтом-легендой.

Йырчи Казака был высоко оценен современниками, как незаурядный, талантливый поэт, в том числе известным просветителем, преподавателем Санкт-Петербургского университета М.-Э. Османовым, которым его отдельные стихи были опубликованы в изданной им в 1883 г. «Кумыкско-ногайской хрестоматии».

Поэзия Йырчи Казака характеризуется апелляцией к традициям героико-эпической поэзии, отстаиванием ценности человеческой личности, гуманистической направленностью. Этнонациональные мотивы, гражданский пафос его поэзии были продиктованы событиями личной жизни и общественного характера. Ссылка в Сибирь способствовала активизации национальной самоидентификации поэта, осознанию самобытности родного народа. В то же время вхождение Дагестана в состав Российской империи, развитие торгового капитала и т.д. способствовали трансформации привычной сословной структуры общества, ниспровержению традиционных национальных институтов власти — шамхальства, княжеств-бийлик, воспринимались им как критические явления в жизни родного народа, Дагестана.

Поэзия Йырчи Казака, приходящаяся на переломный этап истории кумыков, Дагестана, показательна тем, что в ней весома дидактическая лирика. В стихах «Дружи с батыром» («Батыр булан къурдаш бол»), «Мужчиной быть — не значит им назваться» («Эренлер деген булан эр болмас»), «Вдоль сосен вязы длинной чередой...» («Къарагъайлар бою къакъ элме...») и др., признанных шедеврами национальной словесности, автор апеллирует к образу героя — истинного мужчины, батыра, джигита — человека мужественного, решительно, справедливого. Отливая в чеканные поэтические формулы наци-

ональные нравственные парадигмы, призывая следовать им, Ыырчи Казак ратует за личность, которая будет отстаивать свои личные честь и достоинство, помня и отстаивая одновременно свое национальное достоинство.

В стихотворении «Вдоль сосен вязы длинной чередой...» Ыырчи Казак звучит мотив самопожертвования во имя друзей, близких:

*В дни, когда окружены [твои соратники], казак мой,
Оставив друга, не возвращайся живым [домой].*

*Къамалышгъан гюнлерде, къазагъым,
Достунг къоюп, сав гелме [7, с. 36].*

Поэт уверен:

*Если по молодости лет тебе придется вступить в битву,
То не прячься, стремясь сохранить свою жизнь.*

*Язиде сагъа яв етсе,
Жанынга себеп излеп яшынма [7, с. 36].*

Наряду с мотивом самопожертвования, звучат и мотивы страдания к врагу: «Если увидишь окруженного [врага], не будь [горделивым], как князь» — «Къамалгъанлар гёрсенг бий болма».

В стихотворении «Мужчиной быть...» поэт высказывает мысль о том, что не все мужчины являются таковыми на самом деле, отмечая, что в современном мире извечные ценности несколько трансформировались, что в жизни преуспевают гордецы («обктемлер»), неправедные («яманлар»). Гордецы живут, считая своих ровесников («тенглилерин») ниже себя, но есть иные мужи, которых значительно больше, которые готовы за свою ровню, если надо, считает автор, пожертвовать жизнью («сизден жаным къурбан деп»). Поэт наставляет избегать общества малодушных («осаллар»), склонных к пустопорожней болтовне («осаллар согъуп сёйлер молуна»).

Вместе с героическими характеристиками, автором уделяется должное внимание и темам, проходящим красной нитью в данном пласте лирики. В назиданиях поэт касается и того, что не следует высказываться в ответ сквернословам («яманлагъа гёре сёйлемем»),

не делиться с кем-либо сокровенным («къапгъын ишинг сэйлешме»), считая того другом, либо родней. Как в содержании, так и в стилистике, языке, строфике данных произведений проявляется апелляция к кумыкским героическим традициям, традиционным нравственным ценностям, в том числе национальной героико-эпической поэзии.

Притом это характерно не только для названных стихов, но и всего его творчества, о чем наглядно свидетельствует, например, частотность употребляемой лексики: слов «савут» («оружие»), «аргумак» («конь»), «окъ» («стрела») и т.д. В них с целью характеристики мужчины берется крайняя ситуация — если вдруг разразится война, битва. Идеальный мужчина, в трактовке Ыырчи Казака, — это, прежде всего, воин, который должен быть готов отстоять с оружием в руках свою честь, достоинство, честь близких, родни, друзей. В бою мужчина должен быть героем (заметим, что его определения, назидания касаются не избранных, не единиц, а всех мужчин — истинных, настоящих, по его мнению, об этом свидетельствует отчасти то, что у Казака редко фигурирует слово «игит» («джигит») — «герой»). И тут же дается как бы другой план — бытовой, повседневный. В бою мужчина — герой, а в обычной, мирной жизни, в противовес этому, он должен быть терпелив, не говорить ничего необдуманно, общаться с родней и т.д. Казак словно сопрягает эти два аспекта: войну и мир, утверждая при этом, что тот, кто ведет себя в бою по-геройски, в повседневной жизни не будет горяч, будет искать дружбы с близкими и т.д. Посредством первого аспекта усиливается действенность второго.

Несколько отступая от линии исследования, можно предположить, что нашедшие выражение в данных произведениях назидания имели не обобщенный характер, как может показаться сегодня, а были продиктованы жизненными ситуациями, которые наблюдал Казак. Период жизни и деятельности поэта отмечен событиями Кавказской войны с царским самодержавием. В этой войне, длившейся около тридцати лет, которая по сути дела была партизанской, участвовали и кумыки. Они, периодически участвуя в боях, возвращались в родные, мирные села, затем вновь вставали в ряды повстанцев. Возможно, резкая смена ситуаций — военных на мирные — способствовала порой неадекватному поведению мужчин в повседневной мирной жизни, что, в свою очередь, нашло отражение в ряде его дидактических произведений.

Однако что бы ни послужило толчком, Ырчи Казак своими стихами, по существу, воспеваает воина-батыра, апеллирует к героическому прошлому родного народа, утверждает традиционные нравственные ценности. Показательно в данном случае и то, что термин «казак» в стихах употребляется в первоначальном значении. Как известно, казаками называли у кумыков лиц вольных, живущих сами по себе, не подпадавших под власть князей-биев, живших обычно в приграничных с инородцами территориях. Значение термина в последующем эволюционировало, сужалось и стало означать «работник, слуга».

В этой связи нельзя, на наш взгляд, оставить без комментария суждения, бытующие в исследовательской литературе: что-де слово «казак» означает «слуга», и Ырчи Казак был слугой, служил своему народу. Недоразумение в этом случае определяется тем, что сам поэт вкладывал в это слово совершенно иное значение: отнюдь не слуга, а воин, идеальный мужчина, готовый постоять за себя и своих близких. Само обращение «Казагъым» — «Казак мой» (в приведенном выше отрывке из стихотворения «Вдоль сосен...») — это и есть обращение к мужчине-батыру. В подтверждение можно привести и цитату из стихотворения «Мы хотим, чтобы в мире все стало иным», где трусам, проявляющим малодушие в бою, противопоставляется «къазакъ эр» («казак-мужчина»), всегда готовый к битве. В связи с этим представляется, учитывая предположения о том, что не только слово «Ырчи», но и «Казак» является в имени поэта псевдонимом (С. М.-С. Алиев), что классик национальной поэзии оправдал соответствие своего имени первоначальному значению этого слова («къазакъ эр») как своим творчеством, так и личной судьбой.

Одним из значимых пластов наследия Ырчи Казака является произведения «сибирского» цикла. Будучи сослан в далекий край, поэт писал на родину поэтические послания, адресованные родне, друзьям. В данных произведениях, как и в его эпистолярной лирике в целом, четко высвечиваются его раздумья о своей горестной судьбе, судьбе своей малой родины Кумыкии.

Следует заметить, что Ырчи Казак, будучи сослан на каторгу, оказался в совершенно иной, непривычной среде. Во-первых, он оказался в заключении, во-вторых, вдали от отчих мест, в иной языковой среде, и, что более всего важно, в чуждой духовной среде, в которой

не было возможности, как свидетельствует поэт, исполнять обязательные для мусульман религиозные предписания.

В «сибирских» стихах Ыырчи Казака, в состав которых входят «Братья по вере, молитесь за нас» («Жан агъалар, сизге дуа аманат»), «Мы попали в железный капкан» («Тюшдюк темир тузакъгъа»), «Мы уходили в осень, зеленую как марал» («Гетгенибиз гёкша марал гюз эди») и другие, наглядно демонстрируется иерархическая структура кумыкского общества, создается поэтический образ родины Кумыкии.

Душевно надломленный на каторге Ыырчи Казак проникновенно пишет о своих страданиях, задевая читателя за живое, остро критикует местную знать, не сумевшую оградить его от сибирского плена. Резонно звучат после пережитых им каторжных страданий мотивы смерти:

*Никакого сожаления у меня по миру (земной жизни)
не осталось,
Не плачьте по мне после моей смерти.*

*Дюньяда гъеч гъёкюнчюм къалмады,
Йыламагъызы магъа энни овьген сонг [7, с. 72].*

В тяжелые минуты душевного дискомфорта Ыырчи Казак высказывает сомнения, изрекает сентенции полные отчаяния и в адрес Всевышнего: «Создатель мой коль шлет весну, не посылает лета» («Яратгъаным язбаш берсе, яй бермей», с. 68), — сетует он на дефицит ясных, солнечных дней на каторге; лелеющий мечту о возвращении домой сокрушительно характеризует и свою родину:

*Создатель мой, если пожелает, вернет нас
В Кумыкию, где уздени превратились в рабов.*

*Яратгъаным сюйсе бизин къайтарыр
Овьденлери къулгъа дёнген Къумукъгъа [7, с. 50].*

Ыырчи Казак порой дает не всегда лицеприятные оценки знатным сословиям, биям, шамхалу, словно намекая на то, какими они должны были бы являться на самом деле. Забегая вперед, хочется

заметить, что эти, нам думается, примеры способствуют верной интерпретации не только «сибирских» стихов, но и всей поэзии Ыырчи Казака.

Так, сосланный в Сибирь Ыырчи Казак причину этого видит во власть имущих родного края. При этом он сетует:

*Коль ханы, связав нас, отдали [в руки царских властей],
То, кто же теперь будет нас защищать.*

*Ханларыбыз бизин байлап берген сонг,
Энни бизин ким болажакъ яныбыз [7, с. 54].*

Поэт убежден:

*Если бии не посочувствуют [в беде] друзьям, родне,
То таким несчастным, как мы, не будет лучшей доли.*

*Дос-къардашгъа бийлер языкъсынмаса,
Биздей болгъан насипсизге эп де ёкъ [7, с. 56].*

Ыырчи Казак разочарован тем, что шамхал Абумуслим ополчился на него («шамландынг»), княжна Райганат не сдержала данного ему слова поддержать его, да и вообще «знатные люди отвернулись от узденей» («атолулар озденлерин ташлагъан»; термин уздень в научной литературе трактуется как вольный, независимый крестьянин). В стихотворении «Откуда мне знать ханов с их сотней пороков» («Не билейим юз дынкъы бар ханланы») автор резонно указывает на то, как должны бы были относиться к своим подданным знатные люди:

*Разве благородные ханы с ясным, словно луна, лицом
Не разговаривают улыбаясь, как солнце?!*

*Асил ханлар айдай бетин балкъытып,
Гюнлер йимик кюлеп сёзюн айтмаймы?! [7, с. 126]*

Подобные оценки знатных сословий в «сибирских» стихах можно объяснить тяжелым психологическим состоянием поэта.

Прежде всего Казак обращает внимание на то, что местная власть не может защитить своего подданного, тем самым информируя читателя о наблюдающемся кризисе во властных структурах Кумыкии, что, естественно, вызывает его обеспокоенность. И это не случайно.

В этой связи следует сказать о том, что отношения в обществе, в Кумыкии регламентировались нормами нравственности, этики, национальным моральным кодексом, на основе которых были выработаны четкие нормы обычного права — кумыкские адаты. Наряду с ними в последующем, с укреплением позиций ислама, часть проблем стала решаться согласно шариату. Однако ведущую роль в регулировке социальных отношений в годы жизни Йырчи Казака играли адаты, согласно которым бий (князь), тем более шамхал, должен был оказать помощь обратившемуся к нему своему подданному. Более того, если бию не удавалось отстоять своего подданного в моменты конфликтов, то народ пренебрежительно относился к нему, не оказывая впредь должного ему почета. Согласно национальным адатам, ситуация, в которой оказался Йырчи Казак (когда его судьбу решал не князь, не местный правитель, а кто-то другой), свидетельствовала не в пользу правителей, знати Кумыкии.

Эпистолярная лирика Йырчи Казака показательна тем, что раздумья в ней обретают философский характер. Четко выразившиеся в ней константы национального сознания, этноментальная социофилософия служат подтверждением высокого уровня, достигнутого поэтической, шире словесной культурой благодаря его творчеству.

Поэзия Йырчи Казака являет собой этапное явление в истории национальной литературы, в которой как никогда ранее четко выразились этнонациональные проблемы кумыков, всего Дагестана. Именно в его творчестве впервые акцентируется на проблемах национальной идентичности, впервые конкретизируется образ родины — Кумыкии. Йырчи Казак, будучи выразителем дум и чаяний родного народа, предстает не только гениальным поэтом, но и выдающимся мыслителем, глубоко осознавшим суть эпохальных событий своего времени.

Йырчи Казак, являясь признанным мастером слова, известной, почитаемой личностью, базируясь на традиционных нравственных ценностях, своим творчеством звал народ к прогрессу. По существу, он раздвинул горизонты узко этнического, религиозного сознания, воспел свободу человеческой личности, вне его социального статуса, вероисповедания. В последующем эти аспекты его поэзии были про-

должны и развиты кумыкскими, дагестанскими авторами: О. Батыраем, Е. Эмином, Махмудом, М.-Э. Османовым, Н. Батырмурзаевым и др. Наследие Ыырчи Казака и его последователей способствовало обновлению шкалы культурных ценностей, в которой гармонируют такие понятия, как национальная идентичность, межнациональное согласие, свобода и права человеческой личности.

Использованная литература:

1. Абдуллатипов А.-К. Ю. История кумыкской литературы (до 1917 г.). Махачкала: Дагестанский научный центр РАН, 1995.
2. Абдуллатипов А.-К. Ю., Гусейнов М. А., Шабаева Л. А.-К. История кумыкской литературы. Т. 1: Литература досоветского периода. Махачкала: Ин-т языка, литературы и искусства Дагестанского научного центра РАН, 2015.
3. Акавов З. Н. Они были первыми (Биринчилер). Махачкала: Дагестанское кн. изд-во, 1981. (На кумыкском яз.).
4. Акавов З. Н. Диалог времен. Махачкала: Дагестанское кн. изд-во, 1996.
5. Алиев С. М.-С. Дорога в современность. Махачкала: Дагестанское кн. изд-во, 1977.
6. Гусейнов М. А. Национальная литература кумыков (вторая половина XIX — начало XX в.). Махачкала: Ин-т языка, литературы и искусства Дагестанского научного центра РАН, 2012.
7. Ыырчи Казак. Лирика. Махачкала: Дагестанское кн. изд-во, 1988.
8. Мусаханова Г. Б. Очерки кумыкской дореволюционной литературы. Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, 1959.
9. Султанов К. Д. Поэты Дагестана. Махачкала: Дагестанское кн. изд-во, 1959.
10. Султанов К. Д. Литература кумыков (Къумукъланы адабияты). Махачкала: Дагестанское кн. изд-во, 1964. (На кумыкском яз.).
11. Ханмурзаева Н. К. Ыырчи Казак и современная кумыкская поэзия. Махачкала: Дагестанское кн. изд-во, 1997.

Malik A. GUSEYNOV

Dr. Sci. (Literature of People of the Russian Federation),
Herd, Department of Literature, Institute of Language, Literature
and Art, Dagestan Scientific Centre,
Russian Academy of Sciences,
Makhachkala, Russia

Poetry by Jyrki Cossack as a Remarkable Phenomenon of Verbal Culture of Dagestan

Creativity of Jyrki Cossack (1830–1879), classic Kumyk, Dagestani all poetry, is distinctive and original phenomenon in the national literature. Along with his distinguished contemporaries: Avar Ali Haji from inkho, Marla Butyrum Dargin, Lezgi Etymon Emin and others, he laid the foundations of literature of a secular orientation, in contrast to the dominant until the mid-nineteenth century spiritual and religious literature. The basic reorientation of verbal culture was due to the entry of Dagestan into Russia. Exceptional talent, the gift of prophecy Jyrki Cossack manifested fully in his ethnophilosophy lyrics, which expressed the concern of the poet with the fate of the native people, its future. In acutely problematic, the “civilian” poems he glorified the freedom of the human person regardless of religion, social status, etc. Poetry Jyrki Cossack is rightly recognized as a humanitarian community of an outstanding monument of the literary and wider cultural heritage of Dagestan.

Keywords: Kumyk literature, Dagestan poetry, Jyrki Cossack, motives, poetics, the legacy of pre-Soviet classics and national culture.

Ф. О. Мамчуева*

Переводы Муссы Батчаева: художественные особенности

В статье предпринята попытка исследования переводческой деятельности поэта, прозаика, фольклориста и драматурга Муссы Хаджи-Кишиевича Батчаева. Изучение художественного наследия М. Батчаева с позиции восприятия его как переводчика показывает многогранную личность мастера. Среди его переводов с русского на карачаевский язык — драма испанского драматурга Лопе де Вега «Изобретательная влюбленная», комедия русского драматурга А. Н. Островского «Невольницы» и драма киргизского драматурга Мара Байджиева «Дуэль». Принципы переводче-

* МАМЧУЕВА Фатима Османовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник карачаево-балкарского отдела Карачаево-Черкесского ордена «Знак Почета» института гуманитарных исследований при Правительстве Карачаево-Черкесской Республики, Черкесск, Россия. Электронная почта: Fatima_M73@mail.ru

ской деятельности Муссы Батчаева на материале русской классической, зарубежной (испанской) и киргизской драматургии отличаются точным воспроизведением национального характера, вдумчивым и бережным сохранением основного корпуса текста художественного произведения, а также скрупулезной и выверенной работой, касающейся применения пословиц и поговорок, идиоматических выражений, ремарок. В результате исследования переводческой деятельности М. Батчаева были выявлены различные приемы и методы перевода, которые несмотря на отступления автора от переводимого языка все же способствовали адекватности и точности анализируемых текстов.

Ключевые слова: художественное наследие, принципы переводческой деятельности, точное воспроизведение, переводимый язык, национальный характер, основной корпус текста художественного произведения, пословицы и поговорки, этнографические реалии, идиоматические выражения, ремарки.

Перевод — один из древнейших разделов лингвистики, в настоящее время привлекает пристальное внимание многих исследователей. Теория художественного перевода — один сложнейших и наименее исследованных разделов общей теории перевода, что можно объяснить недостаточной разработанностью как эмпирической, так и теоретической базы. Тесная взаимосвязь художественного перевода с такими дисциплинами, как сравнительная типология, сравнительная стилистика, литературоведение, когнитивная лингвистика, лингвокультурология объясняет его междисциплинарный характер. Поэтому проблемами художественного перевода занимались многие исследователи. Это известные работы «Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода» Л. Бархударова [2], «Основы общей теории перевода» А. Федорова [15], «Теория перевода (лингвистические аспекты)» В. Комиссарова [6], «Непереводимое в переводе» С. Влахова и С. Флорина [4], «Перевод и национальное своеобразие подлинника» В. Россельса [12], «О переводе образа образом» Л. Соболева [13]. Кроме того, существует целый ряд работ, посвященный переводческим трансформациям. Эти исследования важны и актуальны и в настоящее время, так как у всех языков свои особенности: лексического, грамматического и стилистического характера. Об этом подробно писал в своем монографическом исследовании «Язык и перевод» Л. С. Бархударов: «Переводческие трансформации — это те многочисленные и качественно разобранные преобразования, которые осуществляются для достижения переводческой эквивалентности («адекватности») перевода вопреки расхождениям в формальных и семантических системах двух языков» [2, с. 190].

Использование переводчиками названных трансформации способствуют адекватному переводу, они необходимы для «достижения переводческой эквивалентности («адекватности») перевода — справедливо отмечает Л. Бархударов [2, с. 190]. В 1790 г. А. Тайтлер в своей книге «Принципы перевода» сформулировал основные требования к переводу: 1) перевод должен полностью передавать идеи оригинала; 2) стиль и манера изложения перевода должны быть такими же, как в оригинале; 3) перевод должен читаться так же легко, как и оригинальные произведения. Эти требования актуальны и в настоящее время [6, с. 13]

Итак, адекватности переводимого текста способствуют наличие в нем различных переводческих трансформации. Известны классификация В. Комиссарова и Л. Бархударова. В Комиссаров отмечает три вида трансформации:

1. *Лексические*: транслитерация, транскрибирование, калькирование, лексико-семантические замены (конкретизация, генерализация, модуляция).

2. *Грамматические*: синтаксическое уподобление (дословный перевод), грамматические замены (замены форм слова, частей речи, членов предложения), членение и объединение предложений.

3. *Комплексные (лексико-грамматические)*: экспликация (описательный перевод), антонимический перевод и компенсация [6, с. 172, с. 200].

Иную классификацию переводческих трансформации представил Л. Бархударов, он особо выделяет четыре типа преобразований (трансформаций):

1. *Перестановки*: изменение порядка расположения компонентов сложного предложения, а также изменение места слов и словосочетаний.

2. *Замены*: компенсация, синтаксические замены в структуре сложного предложения, замена частей речи, компонентов предложения и словоформ, замена причины следствием (и наоборот), конкретизация, генерализация, членение и объединение предложения, антонимический перевод.

3. *Опущение*.

4. *Добавление* [2, с.190]

Все выше названные переводческие трансформации активно применяются М. Батчаевым при переводе, так как они необходимы для адекватной передачи смысла оригинала.

Объектом исследования избраны различные произведения — драматическая новелла киргизского драматурга Мара Байджиева «Дуэль» (перевод с киргизского языка Василия Аксенова), комедия русского драматурга Александра Островского «Невольницы» и комедия испанского драматурга Лопе де Вега «Изобретательная влюбленная» (перевод с испанского языка Евгения Блинова) и их переводы на карачаевский язык, сделанный Муссой Батчаевым. В исследовании применены сопоставительный, сравнительно-сопоставительный и стилистический методы и различные приемы перевода.

В переводе Василия Аксенова драматическая новелла «Дуэль» впервые была издана на русском языке в 1968 г. Драматическая новелла в пяти главах. Перевод (с киргизского языка) Василия Аксенова Москва: ВУОАП, 1968. Карачаевский перевод пьесы «Ёлюб кетгинчи» («До самой смерти»), сделанный Муссой Батчаевым, был издан в Черкесске, в 1983 г. [3].

При переводе названной пьесы с исходного языка (ИЯ) на переводящий язык (ПЯ) используется весь арсенал методов и приемов. М. Батчаев переводя название пьесы использует не буквальный перевод, а смысловой. В русском варианте пьеса называется «Дуэль». У Муссы Батчаева иное название «До самой смерти». На наш взгляд, М. Батчаев передает смысловое содержания пьесы. Переводчик сохраняет количество действующих лиц и трактовку героев максимально соответствующих авторскому тексту.

У В. Аксенова: *Я женщина. Меня зовут Нази. Мне двадцать два года. Двух молодых мужчин зовут Искандер и Азиз. Больше здесь нет никого. Впрочем, потом появляется молодая медсестра* [1].

У М. Батчаева: *Мени атым Назийди. Тиширыу болуб джаратылгъанма дуниягъа. Мен джер юсюнде джашагъанлы, 22 джыл болуб барадды. Эркишилени бирин аты Искандерди, бирин — Азизди. Ючюбюзден сора киши джокъду мында. Алай айтсам да, артда бир джаш къызчыкъ кошулады бизге...* [3, с.80].

По сюжетному развитию пьесы умирающий офицер Азиз, находится на лечении в санаторий «Пограничник». Он и два матроса зараженные радиацией, спасли пассажирский теплоход. Название «Дуэль» точно передает фабулу произведения. Все действие пьесы разво-

рачивается вокруг главной героини Нази. Она, помня предательства матери и подлость Искандера (любимый человек героини) не верит ни в добро, ни в счастье, ни в благородные поступки Азиза, пожертвовавшего ради людей своей жизнью. Скромный, немногословный Азиз — человек долга. Он знает, что обречен и умирает. Но умирает счастливым. Именно любовь преображает Нази и Азиза на некоторое время, до самой смерти — самым счастливым человеком. Искандер — делец, хозяин жизни, он привык любыми способами добиваться поставленной цели. Здоровые молодые люди Нази и Искандер просто живут и не думают о смысле жизни, о долге, совести. Методы и приемы перевода передают эмоциональность, выразительность названных произведений и внутренний мир героев и персонажей пьесы.

Примеры точно и приближенного перевода:

У В. Аксенова: *Поздновато приехали. Сезон кончился. Купаться нельзя. Людей нет* [1, с.16].

У М. Батчаева: *Кечирек келгенсиз. Джай бошалады. Джууунама десенг да — сууукъду. Адам да джокъ* [3, с.82].

У В. Аксенова: *А-а, вы офицер? Вы угадали. Служил на Востоке, командовал патрульным катером. Сейчас в отставке* [1, с.16].

У М. Батчаева: *Тюз билдинг. Офицерме. Былайдан узакъ джерледе, башха тенгизде, къуллукъ этиб тургъанма. Къралны суу чекоерин сакълагъан бир катерни тамадасы эдим. Энди къуллукъну къойгъанлы, талай заман болгъанды* [3, с.84].

У В. Аксенова: *И совсем не скучаете?*

Когда скучаю, смотрю на море. А море, знаете... «придается все, лишь тебе не дано примелькаться», как сказал... [1, с. 16].

У М. Батчаева: *Джерде да, сууда айлангандан эриксенг а, не этесе? Олсагъатда олтуруб тенгизге къараб турама. Тенгизге къарагъандан а киши да эриге болмаз...»Дуняда хар неден эригебиз, тенизден эрикген киши джокъ» — деб джазгъан джазыучуну бек тюзге санайма* [3, с. 93].

Замена:

У В. Аксенова: *Понятно... Я вижу, у вас не только поклонники, но и таланты* [1, с. 16].

У М. Батчаева: *Аперим, аперим, фахмунгу тюкенни къумач бёллюмнде джашырыб тургъанынг иги тюлдю* [3, с.87].

Переводящий язык (ПЯ) (карачаевский), (перевод Муссы Батчаева): *«Тюнене мен бек аман болгъан эдим да, Нази, джангы къан къ-*

уйгъан эдиле. Алай болгъанлыкъгъа, чотум къалгъан кюнледе болмагъанча табсызды... Ёлюб кетиб баргъан ызындан бир зат къояды. Джазыучу — китабын, сюрюучю — сюрюуюн, иичи — ишин къояды. Ата сабийин къояды. Мен джазыучу тюлме, иичи тюлме, кесим ишлеген бир юй къоймайма, кесим битдирген бир терек бачха къоймайма, сабийим да джокъду. Мен къояргъа излеген осиятды. Сеннге этеме осият. Бир затны толу ангылаб бошагъанма: джер юсюне адам бир игилик этерге тууады. Джашагъан да игилик этер ючюн джашайды. Аманлыкъ, игилик да этерге тенг келеди адамны къолундан — алай а игилик этерге излегенле асламдыла дуняда... [3, с. 127–128]. Лирический герой пьесы М. Батчаева «До самой смерти» Азиз (он смертельно болен, спасая людей от радиации, сам ею заражается) анализирует свою жизнь и пишет в письме к подруге Нази своей подруге такие слова: «... Умиравший что-то оставляет после себя. Писатель — книгу, пастих — стадо, работник — ремесло, отец — ребенка. Я не писатель, не работник, я не построил дома, не посадил ни одного дерева, детей у меня тоже нет. Я собираюсь оставить завет...» (Подстрочный перевод Ф. Мамчуевой). Своим заветом герой (Искандер) преображает героиню (Нази), которая ни во что не верит смотрит на мир пессимистично: «Я знаю, все, кто думают, что мир совершенен, а люди прекрасны — слепцы. В мире встречается и добро, и зло, и мы рождены, чтобы сделать этот мир лучше, чище. Человек, рождаясь на этот свет, встречает на жизненном пути и хорошее, и плохое, невзгоды и трудности. Тем не менее, нет человека, который бы не стремился стать человеком, все должны помогать друг другу стать людьми». Лирический герой считает, что «человек должен уничтожить хоть немного зла, чтобы мир стал чистым как небо над нашей головой. Если ты уйдешь из этой жизни ничего не сделав, то зря родился» (Подстрочный перевод Ф. Мамчуевой). Преображение героини в финале пьесы доказывает, что Азиз выполнил свою миссию на Земле, несмотря на то, что не оставил ничего после себя: ни книги, ни ремесла, ни дома, ни детей» [9, с. 10]

Исходный язык (ИЯ) (русский), (перевод В. Аксенова) «Милая Нази! Вечером мне сделали переливание крови, но утром мне снова стало хуже. Так плохо мне еще никогда не было. Говорят, академик Павлов, умирая, диктовал ассистенту свои ощущения. Я не ученый и не художник, у меня нет детей, я не построил дома и не посадил дерево. Я ничего не могу оставить людям, кроме своих мыслей. Я понял: человек рож-

дается для того, чтобы что-то совершить на Земле. Ради этого он должен жить. Человек открыт для добра и зла. Весы качаются. Верь всегда, что человек в своем существе добр и прекрасен. Я положил свою жизнь на чашу добра, и я знаю, разрази меня гром, что перетянет в эту сторону! Зло существовало всегда, но тот, кто дает возможность ему совершиться, во сто крат страшнее самого зла. Как я жалею, что не целовал тебя, не жил с тобой в палатке, не бродил с тобою по ночному городу. Но все-таки... Мы встретились, узнали друг друга, Письмо расстроит тебя. Прости. Но я не хочу пижонить. Мне плохо. Я умираю. Прощай, Нази! Я люблю тебя!» [1, с. 16]. В данном примере М. Батчаев используя методы добавления и конкретизации стремился переводить максимально близко к оригиналу, точнее к переводу В. Аксенова. Образы природы способствуют глубокому раскрытию эмоционального состояния героев. Душевные переживания героев, внутренний мир персонажей связан с описанием окружающей природы: то дождь, то ливень, то ветер. Природа также переменчива как настроение и чувства главных героев. Если в начале пьесы после первой встречи Нази и Азиза был просто дождь. Финальная сцена, когда Нази получает прощальное письмо Азиза хлещет ливень. Последняя сцена символична. Вода как бы смывает с лица земли все фальшивое, ложное, очищая всех и все на своем пути. Доброта, человечность, чистота, нравственность, как бы говорит автор, должны быть спутниками всех людей, населяющих Вселенную.

Следующее произведение, автором перевода которого является М. Батчаев — комедия А. Н. Островского «Невольницы». Впервые пьеса была напечатана в журнале Отечественные записки, в 1881 г. Это одно из наименее изученных творений драматурга. Первоначальное его название «Иосиф Прекрасный». А. Н. Островский начал ее писать еще в декабре 1878 г. Работа над пьесой была прервана и возобновилась только в августе 1880 г. Тогда же комедия получила другое название — «Невольницы». Это рассказ о любви жены благодетеля к его воспитаннику. Реальная действительность героини приводит ее к быстрому прозрению. Наивная и сентиментальная Евлалия, мечтавшая о любви, опустошена. Мучительное безделье, скука приводит ее к карточному столу. «Невольница» — пьеса об нравах буржуазного общества калечащих жизни и души людей.

При сравнительном анализе русского и карачаевского текста, становится ясно, что отступления от исходного текста (А. Островско-

го) — попытка М. Батчаева добиться адекватного и точного перевода, не меняя основного смысла переводимого текста.

Примеры точного перевода:

У А. Островского: *Барина навестить пришел, наслышан, что приехали* [11, с. 155].

У М. Батчаева: *Къайтханын эшитиб келеме! Баринни...* [3, с. 244].

У А. Островского: *...Я похож на нищего, который вдруг нашел огромную сумму денег и не знает, куда с ними деться, как их уберечь; все боится, чтобы их не украли* [11, с. 158].

У М. Батчаева: *Бара-барыб бир кёб алтын табхан садакъачыгъа ушатама, дейме, кесими. Тас этиб къоймайым табхан алтынымы, биреуге урлатыб къоймайым деб ол къайгъылы болгъанча, къайгъылы болгъанлай турама мен да* [3, с. 244].

У А. Островского: *...На теплых водах. Были и в других разных землях, два раза туда путешествовали. Ну и в Петербурге подолгу проживали. Много вояжу было; прошлое лето тоже в Крым...* [11, с. 156].

У М. Батчаева: *Джылы суулагъа... Башха джерледе да айланн-ганд. Петербургда да иги кесек тургъан бу джол* [3, с. 243].

В данном примере М. Батчаев при переводе использует несколько приемов перевода, это точный перевод, так как он полностью соответствует переводу А. Островского. Второй прием, который используется в этом отрывке — это упущение — «Много вояжу было; прошлое лето тоже в Крым...», так как нет соответствующего эквивалента в карачаевском языке.

Перифраза:

У А. Островского: *Конечно, уж не к молодости дело идет, а к старости, сами знаете. Ведь и вы Мирон Липатыч...* [11, с. 156].

У М. Батчаева: *Болмай а. Джашлыкъ кете, къартлыкъ келе — алайд джашау, кесингден огъунакъ биликсе* [3, с. 243].

У А. Островского: *А вы неаккуратность-то эту все еще продолжаете? Нет, будет довольно, порешил... все равно как отрезал. Теперь уж ни боже мой, ни под каким видом* [11, с. 156].

У М. Батчаева: *Бардырамыса алкъын аз-аз? Къояргъа ант этеме, Къойгъанма. Къоймасам, болмайд. Ёлесе деселе да, ауузума алмазма деб турама* [3, с. 244].

В данном отрывке для трансляции эмоционально-оценочного компонента перифразы М. Батчаев в переводе использует, так называемые, приемы экспрессивно-прагматической конкретизации и функциональной замены, который представляются в тексте в качестве фразеологизмов — «порешил... все равно как отрезал», «ни под каким видом», «на что вам беречь свою репутацию» и эпитета — «да и вы не красная девушка»

Замена с элементами конкретизации:

У А. Островского: *...Новость я там слышала. Вам, Евлалия Андреевна, скоро лишний расход будет... Придется платье богатое шить либо два* [11, с. 183].

У М. Батчаева: *...Бир джангы хапар да айтды, тоба, хапар тюз эсе, тойгъа чакъырыллыкъсыз кѣб турмай, Евлалия Андреевна* [3, с. 263].

У А. Островского: *Да что, еще к чему важному его не приставляют покуда; при пластырях да при девичьей коже находится* [11, с. 183].

У М. Батчаева: *...Джараб ишге джарагъаны да джокъду, аллы айланган джерге думп болуб кетеди...* [3, с. 263].

У Островского: *Муж... человек мелочной без души, ...родные, знакомые, все это эгоисты, холодные... Что за жизнь, что за жизнь? Нет, без него весь мир пустеет для меня* [11, с. 185].

У М. Батчаева: *Не бард манга джашаудан? Не джууугъум-тегим, не бир башха адам инсан болмай къатымда джюрегими ышартхан... Джангыз ол эди кѣз джарыгъым, къууанчым, насыбым, андан да айырыла эсем, не джашау къалад меннге дунияда? От тѣбеси болсун дуния алай тургъанлай, ол да менден къача эсе! (Джылайды)* [3, с. 265].

В данном примере М. Батчаев, используя традиции народной речи эмоциональную насыщенность и драматизм сложившейся ситуации. Используя приемы замены и конкретизации, переводчик показывает тревожное и эмоциональное состояние героини: «Что мне остается за жизнь в мире, он, единственный, радость и свет, счастье мое» плача, восклицает героиня, проклиная этот мир» (Подстрочный перевод Ф. Мамчуевой).

Итак, М. Батчаев, используя различные приемы и методы перевода попытался показать жизнь и нравы буржуазного общества. Выбирая способ перевода, М. Батчаев понимает, на каком этапе исходный текст в переводящей культуре передается полностью или ча-

стично. Речь идет полным, либо сокращенном переводе, «это зависит от коммуникативного задания» [5, с.11].

Прежде чем приступить к анализу перевода комедии «Изобретательная влюбленная», несколько слов об истории ее создания. Комедия «Изобретательная влюбленная» («La descreta enamorada»), впервые упоминается в списке комедии Лопе де Вега, приложенном ко второму изданию его романа «El Peregrino» (1618), но отсутствует в перечне драматических произведений, который автор приобщил к первому изданию этого романа (1604). Комедия была написана, таким образом, между двумя указанными датами (1604–1618). Сюжет комедии, как и нескольких других произведений Лопе де Вега почерпнут из «Декамерона» Боккаччо (третья новелла третьего дня), но с большим реалистическим мастерством перенесен в условия быта и нравов испанской идалгии начала XVII в.

В переводе Е. Блинова эта комедия была впервые издана на русском языке в 1950 г. (см. Лопе де Вега. «Изобретательная влюбленная». Пьеса в трех действиях. Перевод с испанского Евгения Блинова. («Искусство», М., 1950) и вошла в репертуар ряда театров СССР [11].

Карачаевский перевод «Изобретательной влюбленной» — «Хьй-лалыкъгъа уста къыз», сделанный М. Батчаевым, был издан в Черкесске в 1983 г. Как справедливо отмечает критик Ф. Урусбиева: «он (М. Батчаев — авт.) подарил свои землякам Лопе де Вега на их родном, подлинно карачаевском языке, испанские гранды и кокетки всех возрастов — чувствовали себя в «Изобретательной влюбленной», естественно и изящно. На деле был осуществлял тот перевод или диалог культур, который так необходим всякой развивающейся культуре» [14, с. 111–112].

Сопоставительное изучение драмы Лопе де Вега в русском и карачаевском вариантах, позволяет на конкретных примерах сравнить приемы и способы перевода, с помощью которых оба языка выражают накопленные веками народные опыт и мудрость [8,9]

Примеры лексико-семантической замены:

У Е. Блинова: *Чтоб вы уговорили капитана,
не посылать его, (то есть Лусиндо),
В далекий Лиссабон [7, с. 400].*

У М. Батчаева: *Атам бла сёлешсин да бир кёрсин –
Мени къошха ашырмасын десин да [3, с. 197].*

У Е. Блинова: *Да это же не сын, а вор!*

Да как он смел! Ну, он теперь узнает! [7, с. 410].

У М. Батчаева: *Эшекди ол, узун, кзулакъ гылуду* [3, с. 204].

У Е. Блинова: *Такое, что вы со смеху помрете* [7, с. 399].

У М. Батчаева: *Тауукъланы кюдюреди Лусиндо* [3, с. 196].

У Е. Блинова: *Такие дерзкие слова –*

От ревности твоей и злобы [7, с. 348].

У М. Батчаева: *«Джетелмеген джерни тырнар дегенлей»* [3, с. 165].

(погов. Кто не может достать, тот старается)

Примеры точного перевода (частично тождественные эквиваленты):

У Е. Блинова: *Вот так раз!*

Ведь вы еще не мой супруг [7, с. 401].

У М. Батчаева: *Аллай затны къалай айтынг сен манга, —*

Алкъын бизге неях-баиш да этилмей?! [3, с. 198]

У Е. Блинова: *Ну это просто ... просто срам!*

Бесстыдство, господи, какое!

Как он мог!

Найти его и наказать! [7, с. 402].

У М. Батчаева: *Да бедишлик этибкъойд дабашымы,*

Кереклисин табтырмасам болмайды! [3,

с. 199].

У Е. Блинова: *Все это вздор!*

С Фенисой я венчаться, я намерен! [7, с. 411]

У М. Батчаева: *Алмагъаед, алай болсун йиманы,*

Менме аллыкъ, кёб турмайын эшитирсиз! [3, с. 204]

У Е. Блинова: *Да, для изъездившейся клячи*

сойдет и старое седло [7, с. 465].

У М. Батчаева: *Джылы келген, саны къатхан байталгъа ау*

Эски ат джер салынса да джарашыр [3, с. 240].

Примеры контекстуальных замен у Е. Блинова:

У Е. Блинова: *Вот и объяснение!* [7, с. 442].

У М. Батчаева: *Эшегини нек ёлгенин энд билдим* [3, с. 223].

(Я знаю, почему ты печален)

У Е. Блинова: *Хорош свидетель, я гляжу!* [7, с. 355].

У М. Батчаева: *Джагай бла Багай кибик ... Бек таб шагъат* [3, с. 170].

У Е. Блинова: *Мог ли ожидать я?* [7, с. 351].

У М. Бачаева: *Джети джукълаб акъылымда джокъ эди* [3, с. 168].

(Мне это и во сне не снилось,
у меня об этом и мысли не было)

У Е. Блинова: *Клевещешь ты на нее из мести!* [7, с. 348].

У М. Батчаева: *Къазан къара энтда джакъсанг сен анга* [3, с. 165].

При переводе комедии Мусса Батчаев применяет бранную, грубую лексику. Сталкиваясь с грубостями и вульгаризмами, граничащими с непристойностью, М. Батчаев не прибегает к фигурам умолчания:

У Е. Блинова: *Нет, нет! Чтоб духу здесь его не стало!* [7, с. 412].

У М. Батчаева: *Кёкде джулдуз ташайгъынчы, ташайсын!* [3, с. 205].

У Е. Блинова: *Какая наглость! Нет, клянусь всевышним,
На страже должен быть я сам* [7, с. 450].

У М. Батчаева: *Ол кимди да аллах урлукъ? Мен аны
Бир бууайым, кесим болуб къарауул* [3, с. 229].

У М. Батчаева: *Калак китча, (как бродячая, бездомная собака)
арбазынга басмайын,
Не джюрюйсе, аллахынгы танымай?! [3, с. 164]
Эй, зийнадан, зийна туугъан, не этесе?!
(шьельма, плут, что ты делаешь?! [7, с. 195].
Итден туугъан, (собачье отродье)
джашауунгдан умут юз.. . [3, с. 165].*

М. Батчаев вводит в перевод этнографические реалии, относящиеся к быту, формам материальной и духовной культуры народа, реалии быта: названия жилья, его внешнего и внутреннего убранства (см.: [8] [9]).

У Е. Блинова: *Наш дом всегда для вас открыт* [7, с. 329].

У М. Батчаева: *Кирлик юйюнгд, Келлик юйюнгд. Тёрге чыкъ.* [3, с. 152]. *Тепсилеге хант салдыр (накрой стол угощениями)* [3, с. 240]. *Мени къошха ашырмасын* [3, с. 197]. *Къызым барды, Берне-хапчюк.* [3, с. 150].

Названия пищи, напитков:

У М. Батчаева: *Чабыры бла боза ичген джаш тюлме.* [3, с. 222]. *Биширтейим хычында!* [3, с. 240].

Таким образом, используя различные приемы и переводческие трансформации, Мусса Батчаев не боится экспериментировать, ищет новые пути-решения, необходимые для достижения адекватного и точного перевода. Работа над переводом оказала огромное влияние на творчество Муссы Батчаева, на его родной язык, на его родную литературу. Взаимодействие и взаимообогащение литератур осуществляется не только благодаря переводу на русский язык, но и переводу с русского на родной язык. Приобщение к богатствам мировой культуры и литературы происходит через русский язык. Переводы Муссы Батчаева русской классической, мировой зарубежной и киргизской литератур будут способствовать взаимопониманию и духовному, культурному взаимопониманию народов.

Использованная литература:

1. Байджиев М. Т. Дуэль: Драматическая новелла в 5 гл. / пер. В. Аксенова; отв. ред. М. Медведева. М.: Всесоюзное управление по охране авторских прав, 1968.
2. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975.
3. Батчаев М. Х.-К. До самой смерти: сб. пьес на карачаевском языке. Черкесск.: Ставропольское кн. изд-во, 1983.
4. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980.
5. Казаков Т. А. Практические основы перевода. СПб.: Союз, 2000.
6. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990.
7. Лопе де Вега Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 2. М.: Искусство, 1962.
8. Мамчуева Ф. О. Лексико-семантические и стилистические трансформации в переводах Лопе де Вега «Изобретательная влюбленная» на русский (Е. Блинов) и карачаевский (М. Батчаев) языки // Материалы X конференции молодых ученых (22–23 октября 2009 г., г. Нальчик). Нальчик.: Изд-во Кабардино-Балкарского научного центра РАН, 2009. С. 162–167.
9. Мамчуева Ф. О. Этноментальные аспекты прозы Муссы Батчаева в свете жанрово-стилевых исканий карачаевской литературы второй половины XX столетия: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02. Нальчик, 2010.
10. Мамчуева Ф. О. Драматургическое творчество Муссы Батчаева // Кавказская филология: история и перспективы. К 90-летию Мухадина Абубекировича Кумахова: сб. науч. ст. Нальчик.: Изд-во Кабардино-Балкарского научного центра РАН, 2019. С. 413–418.

11. Островский А. Н. Собрание сочинений: в 10-ти т. М.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1960. С. 155–255.
12. Россельс В. М. Перевод и национальное своеобразие подлинника // Вопросы художественного перевода: сб. ст. М.: Советский писатель, 1955. С. 165–212.
13. Соболев Л. Н. О переводе образа образом // Вопросы художественного перевода: сб. ст. М.: Советский писатель, 1955. С. 290–305.
14. Урусбиева Ф. А. Портреты и проблемы. Эссе, литературные портреты, статьи, рецензии. Нальчик: Эльбрус, 1990.
15. Федоров А. В. Основы общей теории перевода. М.: Высшая школа, 1983.

Fatima O. MAMCHUEVA

Cand. Sci. (Literature of the Peoples of the Russian Federation),
Senior Researcher, Department of Karachay-Balkar Studies,
Karachay-Cherkess Institute for Humanitarian Research
under the Government of the Karachay-Cherkess Republic,
Cherkessk, Russia,
fatima_m73@mail.ru

Mussa Batchaev's Artistic Peculiarities in Translation

The article attempts to study the translation activities of the poet, prose writer, folklorist and playwright Mussa Khadji-Kishijevich Batchaev. Studying the artistic heritage of M. Batchaev from the standpoint of perceiving him as a translator shows the multi-faceted personality of the master. Among his translations from Russian into Karachai is the drama of the Spanish playwright Lope de Vega «Inventive Love», the comedy of the Russian playwright Alexander N. Ostrovsky «Slave» and the drama of the Kyrgyz playwright Mara Baijieva «Duel». The principles of the translation activity of Mussa Batchaev based on the material of Russian classical, foreign (Spanish) and Kyrgyz dramaturgy are distinguished by accurate reproduction of the national character, thoughtful and careful preservation of the main body of the text of the work of art, as well as scrupulous and verified work regarding the use of proverbs and sayings, idiomatic expressions, remarks. As a result of a study of the translation activity of M. Batchaev, various techniques and methods of translation were identified that, despite the author's deviations from the translated language, nevertheless contributed to the adequacy and accuracy of the texts being analyzed.

Keywords: *artistic heritage, principles of translation activity, exact reproduction, translated language of national character, the main body of the text of a work of art, proverbs and sayings, ethnographic realities, idiomatic expressions, remarks.*

Р. З. Сагов*

Национальные традиции как форма общения

В статье делается попытка осмыслить отдельные элементы национальной культуры ингушей. Автор полагает, что эти элементы, как и культура в целом, играли важную роль в жизни ингушского общества, в процессе воспитания молодого поколения, что являлось одновременно и способом противодействия проникновению чуждых инородных влияний. Кроме того, приводятся сведения, свидетельствующие о существовании в прошлом культурных, торговых, политических и иных связей ингушей с другими древними народами.

Ключевые слова: культура, язык, национальные традиции, ингуши, общение, самосознание, сватовство.

Каждый народ имеет свои специфические элементы культуры — традиции, обычаи. В том числе и культуру общения, что, естественно, происходит на родном языке, а язык в свою очередь составляет основу национальной культуры и национального самосознания. Ингуши, как и другие коренные народы Северного Кавказа, представители особой кавказской языковой семьи, отличной от всех других языков мира, которые сохранили лингвистические особенности, присущие этническому массиву древнего Кавказа [4, с. 202].

Национальные традиции формируют и культуру межнационального общения, важнейшее условие существования в многонациональном государстве, каким является Российская Федерация.

Как отмечают исследователи, в последние десятилетия по всему миру наблюдалось заметное пробуждение национального самосозна-

* САГОВ Руслан Закреивич, старший научный сотрудник отдела этнологии Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук имени Ч. Ахриева, Магас, Россия. Электронная почта: aroslan@mail.ru.

ния народов, поиск этнического начала, обращение к своей истории и культуре.

С восстановлением национальной государственности ингушского народа в статусе субъекта Российской Федерации, народ Ингушетии в процессе дальнейшего развития обращает внимание на национальные традиции и обычаи. Сегодня, когда происходит возрождение ингушского народа, становление его государственности, национальная культура и духовное очищение приобретают первостепенное значение.

У ингушского народа на протяжении веков складывались национальные, одухотворенные гуманистическими идеями и ценностями, обычаи и традиции, которые существовали на протяжении всей истории. Это не просто традиции и обычаи, это целый свод социокультурных норм общества, которые отшлифовывались веками и функционировали при довольно высоких требованиях морали, чести и достоинства, являлись частью мировоззрения, образа жизни ингушского народа.

Кавказоведы в своих фундаментальных научных трудах говорят об ингушах как о представителях древней культуры, культуры общественно-политических отношений. Башир Далгат, говоря об ингушской политической культуре, писал: «Дикари» — ингуши некогда приблизились к тому идеалу правосудия, до которого будут мечтать прийти когда-либо цивилизованные народы мира» [3, с. 114]. Обратите внимание, ингуши приблизились к идеалу правосудия, к самой главной сфере бытия человечества, что невозможно достичь, на наш взгляд, без высокой культуры общения, без развитого языка и опыта общественных отношений.

Но так было до недавнего времени. К сожалению, сегодня в Ингушетии складывается этнокультурная и языковая ситуация, которая вызывает, мягко говоря, тревогу. Особенно это опасно, когда происходит возрождение и становление государственности Ингушетии, когда закладываются основы общественно-политической культуры, развитие ингушей как нации. Возрождение и дальнейшее развитие немислимо в отрыве от самобытной культуры народа. В связи с этим особое внимание требует к себе родной язык — важнейший элемент национальной культуры и самосознания, средство общения и приобщения к ценностям национальной культуры, к традициям и обычаям, и через это — к общечеловеческим ценностям.

О проблемах современной этноязыковой ситуации в Ингушетии, о неблагоприятном состоянии ингушского языка говорилось не раз. Неоднократно эта проблема поднималась и в республиканских средствах массовой информации, в том числе и на уровне правительства. Проблема обсуждается, но ситуация не меняется. Создается впечатление, что эта проблема никем не замечается, будто никому нет дела до этого — ни властям, ни даже творческой интеллигенции.

Данная ситуация, наряду с другими факторами, негативно влияет сегодня на культуру поведения, на культуру общения. Порой приходится быть свидетелем сцены, которую трудно представить себе в нормальном обществе. И задаешься вопросом, почему наши современники позволяют себе то, чего никогда не позволяли наши предки? А происходит это потому, на наш взгляд, что по мере отхода от родного языка люди отходят и от всего остального, от обычаев и традиций.

Мы чаще слышим не ингушский язык, а сленг, и развитие этого процесса во многом стимулирует процесс деградации общества. В свое время А. Н. Толстой писал, что «обращаться с языком кое-как значит и мыслить кое-как: неточно, приблизительно» (цит. по: [1, с. 104]). Следовательно, человек и живет, делая все кое-как и приблизительно. Это чревато серьезными последствиями, что мы сегодня всюду и наблюдаем. Однако наблюдаем мы это не только в Ингушетии, но и в России и во всем мире. Перефразируя слова Федора Абрамова, можно сказать, что народ становится населением, когда он теряет свою культуру и исчезает, как этнос, когда забывает свой язык. То есть, можно сказать, что в процессе глобализации народы теряют свое этническое начало, национальную самобытность, а это действительно чревато негативными последствиями.

Похоже, что в Ингушетии процесс отхода от своих традиций и обычаев провоцируется искусственным вмешательством извне в этнокультурную сферу ингушей, где в качестве катализатора используется, например, различного рода рекомендации, которые призывают к прогрессивным методам бытия, например, рекомендации Духовного управления и т.п. Это нам напоминает советские времена, когда национальные традиции и обычаи объявлялись пережитками прошлого, и как негативные явления преследовались и осуждались политическим режимом.

В очередных рекомендациях Духовного управления по поводу свадебного цикла сказано «сделайте жизнь легче — соблюдайте Ва!ад»

(решение, принятое Духовным управлением в целях облегчения свадебного цикла). То есть здесь предлагается исключить те или иные элементы и внести определенные новшества в традиционный свадебный обряд. Получается, что «ваIад» не за создание условий, позволяющих людям жить в соответствии со своими традициями и обычаями, а за отход от обычаев и традиций. Мы здесь не будем говорить об общей социально-экономической ситуации, об уровне жизни населения Республики Ингушетия, которая характеризуется как крайне напряженная, что и затрудняет следовать тем или иным нормам национальных традиций.

Понятно, что «ваIад» появился как следствие дороговизны жизни. И попытки преподнести ингушские традиции в данном случае как негативное явление, которые из-за больших, якобы, финансовых затрат усложняют как саму процедуру бракосочетания, так и жизнь вообще, неправомерны. Данная проблема не порождена ингушскими обычаями и традициями. Скорее, низкий уровень жизни населения и социально-экономической ситуации республики крайне отрицательно влияет на развитие ингушской национальной культуры.

Это явление связано с национальным вопросом, которое необходимо как можно быстрее преодолеть. Между тем, жизнь в Ингушетии осложняется из-за отсутствия для большинства жителей республики возможности заработать, потому что безработица приобрела существенные масштабы и сохраняется долгое время. Похоже, проблема безработицы и низкий уровень социально-экономической сферы Республики Ингушетия мало кого волнует.

Нередко говорят, что в современных условиях необходимо сохранять лучшие традиции. Но что значит «лучшие или худшие традиции»? Традиции и обычаи не бывают плохими или хорошими, иначе они не были бы традициями и обычаями и не выжили бы в продолжение многих веков. Возможна некоторая трансформация национальной культуры и адаптация ее в современных условиях.

До недавнего времени существовала очень интересная и древняя ингушская традиция, которая функционировала как «народная» школа по воспитанию и образованию молодежи. Речь идет об общественном институте шуточного сватовства — «зоахалол». Здесь молодые люди имели возможность развивать свое искусство публичного выступления и общения, развивалась смекалка и находчивость.

Шуточное сватовство — «зоахалол» происходит за столом. Ингушский стол — это тоже важный, общественный институт национальной культуры, который имеет свой особый статус, свои нормы поведения. За ингушским столом не принято самовольничать, вести себя непристойно. Здесь строго необходимо соблюдать нормы приличия и застольный этикет.

Возможно, изначально шуточное сватовство являлось нормой иного характера. В настоящее время это обряд фольклорной формы приятного времяпрепровождения. Но главное, это институт воспитания и образования, где приобретаются навыки публичного выступления, культура общения.

В данном обряде участие принимают молодые люди (кегий нах, маьхкарий). Обязательно присутствует тамада, который сидит на самом почетном месте. Тамада управляет процессией, он является хозяином положения, но его действия согласованы с нормами этикета. Единственно, «самовольничать» позволено сидящему (на «Бедж ганд») слева от тамады. На его поведение и шутки не принято обижаться. Его действия, как и он сам, не подлежат осуждению. Если кто-то неадекватно отреагировал на его действие, то это принято считать дурным тоном.

Профессор А. Танкиев пишет, «что обряд реального сватовства, протекает совершенно иначе, ничем ни напоминая, как по форме, так и по содержанию, обряд шуточного сватовства. Шуточное сватовство принципиально отличается от реального сватовства и существует параллельно. «Когда и почему сложился данный феномен? Всегда ли такое сватовство у ингушей было шуточным?» [5, с. 67].

Это уникальное явление уходит своими корнями в древнейшие времена. Существует предположение, что это связано с амазонками и древними ингушами, известными в источниках под этнонимом «гаргарей».

Названный ученый, ссылаясь на античных авторов, говорит, что амазонки жили рядом с гаргареями на Центральном Кавказе, и далее, цитируя Страбона, пишет, что «весной у них (у амазонок — *авт.*) есть два особых месяца, когда они поднимаются на соседнюю гору, отделяющую их от гаргареев. По некоему стародавнему обычаю и гаргарей также восходят на эту гору, чтобы, совершив вместе с амазонками жертвоприношение», заключить брачный союз» [5, с. 61]. Поэтому принято считать, что шуточное сватовство — «зоахалол» возникло

от реально существовавшего сватовства, которое потом стало шуточным сватовством — игрой.

Возможно, даже сообщения Страбона основываются на преданиях, а не на действительности его времени. Кроме Страбона, об этом обряде (или похожем на это обряде), пишет и другой автор второй половины I тыс. до н.э. Лукиан Самосатский. Лукиан Самосатский говорит, что «в Боспоре есть обычай, чтобы женихи за обедом сватались за девушек и объявляли, кто они такие и почему просят быть принятыми в брачное свойство». Каждый из женихов на обеде сватается, осыпая себя при этом похвалами...» [2, с. 99]. И здесь, как мы видим, данный обычай перекликается с ингушским шуточным сватовством.

Лукиан Самосатский упоминает об этом в связи с войной Боспорского царства со скифами в конце I тыс. до н.э., где на стороне первых вместе с аланами и меотами, приняли участие махлийцы // махелоны, т.е. древние ингуши. Махелоны — этноним, под которым скрываются древние ингуши, который сохранился в осетинском языке в обозначении ингушей.

Таким образом, мы видим, что корни ингушской традиции шуточного сватовства восходят к I тыс. до н.э.

Значение этого интересного обряда очень велико, по крайней мере, шире, чем просто увеселительное мероприятие. Это, прежде всего, общественный институт, направленный на воспитание и обучение общению молодых людей, которым приходится вести себя сдержанно, и в то же время им надо быть находчивыми и красноречивыми. Одновременно это дает молодым людям, в дозволенных условиях, возможность общения и знакомства с представителями противоположного пола. Здесь все происходило строго в духе норм этикета и взаимного уважения. Нередко знакомства переходили в более серьезные отношения.

Сегодня подобного рода общения позволили бы нашим современникам уйти от многих негативных проявлений в повседневной жизни, способствовали бы развитию культуры межнационального общения. Возможно, это способствовало бы изживанию различных осуждаемых в нашем обществе новоявленных «традиций», в том числе и от умыкания девушек и т.п. Обычай шуточного сватовства — «зоахалол», показывает, каким образом происходили знакомства и вступление в брачный союз молодых людей в недалеком прошлом. Здесь, как видно, были приняты формы диалога, основанные на открытых,

уважительных взаимоотношениях, где требовались находчивость и умение вести диалог. Необходимо было только, как говорят ингуши, знание человеческого языка — «адамий мотт ховш» (знающий человеческий язык).

Использованная литература:

1. Ахриева Р.И. Возрождение духовной культуры ингушей как средство консолидации народа // Роль духовно-нравственных ценностей ингушского народа в социально-экономическом развитии республики: матер. науч.-практ. конфер. (21 декабря 1996 г., г. Назрань). Саратов: Детская книга, 1997. С. 103–105.
2. Далгат Б.К. Первобытная религия чеченцев и ингушей. М.: Наука, 2004.
3. Гумба Г.Д. Расселение вайнахских племен по «Ашхарацуйцу» («армянская география» VII в.): автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.09. Ереван, 1988.
4. Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. М.: Наука, 1971.
5. Танкиев А. Отголоски брачных отношений между вайнахами и легендарными амазонками // Лагаш (Ступени). 1991. № 2. С. 61–67.

Ruslan Z. SAGOV

Senior Researcher,

Department of Ethnology,

Ingush Research Institute for Humanities,

Magas, Russia

aroslan@mail.ru

National Traditions as a Form of Communication

This article attempts to comprehend some elements of the national culture of the Ingush. The author believes that these elements as well as culture in General played an important role in the life of Ingush society, in the process of education of the younger generation, which was at the same time a way to counter the penetration of alien influences, as a way to protect their culture. In addition, there is evidence of the existence in the past of cultural, commercial, political and other ties of the Ingush with other ancient peoples.

Keywords: culture, language, national traditions, Ingush, communication, self-consciousness, matchmaking.

**Х. А. Хабекирова^{*},
М. Р. Дышекова^{**}**

Образ девы Марии как элемент христианской религии в традиционных верованиях черкесов

В статье рассматриваются некоторые аспекты образа Марии Богородицы в традиционной культуре черкесов, где она была известна как Марием, Мэрием. Приводятся свидетельства русских и европейских авторов XIX в. о праздниках, проводимых в честь нее в летние и осенние периоды года. Причем, некоторые из них наблюдали их непосредственно. Согласно имеющимся материалам, образ Марии/Марием наделен многими функциями: она выступает богиней-покровительницей земледелия, отдельных объектов и сил природы (вод, растений, животных), защитницей и покровительницей женщин и детей. В целом, она дарительница, богиня плодородия. Исходя из имеющихся данных, можно предположить, что с принятием христианства этот образ соединил в себе функции или занял место, покровительниц, богинь отдельных объектов, сил природы (а в целом плодородия), существовавших в древних народных (языческих) верованиях черкесов.

Ключевые слова: Мария, покровительница, Мария-богородица, праздники, сезоны года, женщины, природа, земледелие.

В народной культуре черкесов отразились различные этапы истории народа, включая туда и религиозные верования — язычество, христианство, ислам. Данное сообщение посвящено христианским элементам в календарных обычаях и обрядах черкесов, которые сохранились в большей степени в летне — осеннем цикле календаря, в частности, их остатки ярко проявляются в празднике летнего солн-

^{*} ХАБЕКИРОВА Хабиба Адамеевна, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник кабардино-черкесского отдела Карачаево-Черкесского ордена «Знак Почета» института гуманитарных исследований при Правительстве Карачаево-Черкесской Республики, Черкесск, Россия. Электронная почта h.habeckirova@yandex.ru.

^{**} ДЫШЕКОВА Марина Рамазановна, кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник кабардино-черкесского отдела Карачаево-Черкесского ордена «Знак Почета» института гуманитарных исследований при Правительстве Карачаево-Черкесской Республики, Черкесск, Россия. Электронная почта: marina.dysheckowa@yandekx.ru.

цестояния, проводившемся в прошлом у черкесов. Он, как известно, широко отмечался всеми народами Европы и был одним из важнейших праздников годового календаря. Впоследствии, с принятием и распространением у них христианства он был приурочен ко дню Иоанна Крестителя — 24 июня. Русские отмечали его как праздник Ивана Купала или Иванов день, у итальянцев — это день Сан Джованни, французов — праздник Сен-Жана, испанцев — Сан-Хуана или Сан-Жуана, англичан — праздник Джона, немцев — день Святого Иоганна, поляков — день Святого Яна [5, с. 10, 20, 46, 70, 175]. У всех народов отмечается типологическое сходство, как в содержании, так и форме проведения этих праздников. Основные элементы их одни и те же, что говорит об их древнем происхождении и общечеловеческих представлениях, которые лежат в их основе. Эти праздники везде справлялись ночью, обязательно на возвышенном месте жгли костры, прыгали через них, пели и танцевали вокруг них. Общеизвестно, что у всех народов, отмечавших день летнего солнцестояния, прыжки через костёр рассматривались и как способ нейтрализации вредоносных сил, и как стимуляция роста растений и т.п. Для этого праздника характерны магические действия с водой, растениями. Считалось, что именно в это время летнего сезона года вода, растения достигают высшей точки накопления свойственных им природных сил и они приобретают целебные качества.

Все эти ритуально-обрядовые действия или типологически близкие им, зафиксированные у других народов, вероятно, присутствовали когда-то и у черкесов, но мы таким материалом не располагаем, поэтому можем только предположить, что описанные элементы праздника имели место и у них. Они, как и многие другие народы, отмечали день летнего солнцестояния, являвшийся неременной частью календарных сезонных обрядов. Путешественники, исследователи, писавшие о черкесах, застали только остаточные элементы этого праздника. Так, Л. Я. Люлье упоминает лишь прыжки через костёр и имя Богородицы — Мэрием, у которой, как он отмечает, участники испрашивали прощения грехов. Образ девы Марии в этом случае, вероятно, несёт двойную нагрузку, она выступает как мать Бога (Тхьэшхьо Ян — букв. «Мать Великого Бога») и покровительница плодородия. Как следует из литературных источников, летом и осенью у черкесов было несколько праздников в честь Марием — святой Марии — богородицы. Н. Ф. Дубровин сообщает о праздничном дне

«тгарепых», божья дочь или господня дева, когда каждая девица обязана была отнести на место для моления цыплёнка и там приготовить из него кушанье». Затем, как он отмечает, «собрав народ, потчевали этим девичьим кушаньем, и после него поздравляли присутствующих с заговеньем в честь богородицы».

У этого же автора имеются сведения и о втором календарном празднике, посвящённом божьей матери — Марии, который проходил в августе месяце, и, по его мнению, соответствовал русскому Успенью. Он именовался «Марием и янь» или «Тгашхуо янь». По данным Н. Ф. Дубровина, в этот день черкесы чествовали Богородицу и пели в честь неё: «... Великого Бога мать, великая Мария, облачённая в золото белое, на челе имеет луну, а вокруг себя солнце» [4, с. 115–116]. О том, что праздник в честь Марии, являвшийся, по его данным, покровительницей пчеловодства у черкесов, проходил в августе месяце, после уборки хлебов, примерно в те же сроки, как и русское Успенье, писал и уже упомянутый Л. Я. Люлье, который непосредственно сам наблюдал его, так как жил среди черкесов несколько лет. Он отмечал, что праздник этот продолжается несколько дней, «пока не будут обойдены жители всей долины Тгахапхе» [9, с. 34].

Ф. Д. Монпере и И. Бларамберг называют её Мериссой, покровительницей пчёл и приводят легенду о ней, но они отмечают также, что покровительница пчёл у черкесов одновременно именуется Марием, матерью божьей и её праздник проходит летом (см.: [3, с. 150] [10, с. 450]).

По данным других авторов, писавших о культе Марием у черкесов (а их имеется довольно длинный ряд), праздник в честь неё проводился осенью — в октябре, начале ноября в течение нескольких дней, наиболее подробное описание сценария этого праздника мы находим у англичанина Дж. Белла, который жил среди западных черкесов в 1837–1839 г. Им зафиксировано два праздника, проходивших один — 23 октября 1837 г., второй — 20 ноября 1838 г., т. е., через год, и дано их подробнейшее описание. В одиннадцатом письме от 23 октября 1837 г. он пишет: «В это время в течение двух недель совершают праздник, называемый Мерем. Молодые люди переходят группами, в последовательном порядке, из дома в дом и проводят время в танцах, пении, пьют бозэ. Часть церемонии состоит в том, что кучка людей, в то время как они держат в руках пироги с запечённым сыром и раскачивают ими, вместе с окружающими громкими крика-

ми взывают к Мерем и просят ниспослать им счастье, здоровье и изобилие во всём... Черкесы утверждают, что праздник этот установлен в те времена, когда в Черкесии господствовало христианство, в честь матери Христа» [2, с. 489].

В записи, датированной 6 ноября 1838 г., Дж. Белл описывает событие, происходившее 2 ноября, несколькими днями раньше — празднование четвёртого и последующего дня праздника в честь Марии, который он сам непосредственно наблюдал. Как следует из его сведений, предварительно была приготовлена праздничная, ритуальная пища — «пресные пирожки и шуат, над которым старец прочитал молитву, затем всё это было сложено, помещено на кухне» в доме, где жил Дж. Белл. Поздно ночью, из окна он видел, как одна группа, собравшаяся на праздник молодёжи, веселится, развлекается на лужайке перед домом, а другая угощается приготовленной пищей, находящейся на кухне. Затем, как отмечает автор, участники этого праздника отправились в другие селения долины, где к ним присоединилась ещё молодёжь этих мест и праздник, таким образом, продолжался несколько дней. Он был заполнен, по его свидетельству, совершением жертвоприношений, праздничными трапезами, раздачей пищи бедным, различного рода развлечениями. Дж Беллом записано несколько строк из гимна, который распевали участники этого торжества: «...твои длинные развевающиеся одежды блестят, как серебро, ты владычица неба и покровительница молодых девиц. О, благослови нас богатым урожаем, ниспошли мир и счастье». Существенным моментом в записи, сделанной Дж. Беллом, является его упоминание о том, что на следующий день в доме, где он стоял на квартире, тоже отмечали этот праздник, но «только в маленьком размере и на маленьком пространстве, так как мой хозяин исповедовал ислам» [2, с. 512]. Это последнее указание является важным в наших последующих рассуждениях об образе Мерием/Марием/Марии в воззрениях черкесов.

Описание праздника, проводимого в честь Марии, есть также и у К. Коха: «другой праздник также христианского происхождения — почитания Марии — божьей матери, сильно распространено у черкесов. Мария называется у черкесов Мариам или Мэриам, и этот праздник, носящий название «Мэрем» или «Мэрейм» празднуют обычно в начале октября. Жертвоприношение состоит не из скота, а из различных мучных и медовых кушаний, преимущественно из пирогов, начинённых сыром (халива). В то время, как всё это приносится в дар

святой Марии, весь народ молится о здоровье, плодородии и счастье. Этот праздник особенно любит молодёжь: после жертвоприношений молодёжь собирается и движется длинными рядами с пением и криками, переходя от одного дома к дому, требуя угощения. Вечером все собираются в открытом месте и предаются веселью до поздней ночи...» [6, с. 304]. В описании торжеств, данном К. Кохом, уточняется, что жертвоприношение состоит только их продуктов земледелия и пчеловодства. Отмечается также, что во время праздника практикуется обход молодёжью дворов селения с требованием угощения, что отсутствует у других авторов, затрагивавших вопрос бытования образа Марии у черкесов.

Другой европейский автор. Ж. В. Тебу де Мариньи упоминает праздник в честь Мериссы или Мереим, называемой божьей матерью, в сентябре, когда все угощают друг друга блюдами и напитками из мёда [11, с. 304].

Наиболее подробно и обстоятельно о культе Мерием и сроках праздника в честь неё, с обзором, анализом и обобщением существующей о нём литературы, писали такие ученые как Л. И. Лавров и А. Т. Шортанов. Первый относит почитание женского божества Мерем к земледельческим культам черкесов. По поздним полевым материалам (30–50 гг. советского времени), полученным им у информантов в Шапсугии, там каждый год проводились весенние моления в честь Мерем, когда участники шествия обходили все дома с молитвами об урожае и хорошем приплоде скота, после чего устраивалась общественная трапеза. В произносимых в это время молитвах упоминалась Мерем, мать великого бога (Мерэм Тхъэшхуэ Ян) [8, с. 219]. Верой в её власть над плодородием объясняется особая роль Марии в сельскохозяйственной обрядности.

Причиной приуроченности праздника в честь Мерем к разным временным сезонам были, вероятно, как это отмечено А. Т. Шортановым, представления черкесов о функциях Марии. Летний праздник, по его мнению, был связан с забором готового мёда, с окончанием пасечного сезона в конце августа, а осенний (сентябрь, октябрь, начало ноября) с завершением сельскохозяйственных работ [12, с. 173]. Культ Мерием — Марии, праздник в честь неё зафиксирован этим автором у моздокских кабардинцев — христиан в 60–70-гг. 28 августа они праздновали Мэремыҭу (Успенье). Согласно описанию А. Т. Шортанова, участники праздника с заранее приготовленными ритуальными

пирогамы отправалялись в церковь и обходили все четыре её угла, причём в обходе участвовали только женщины (участвовало ли в празднике мужчины, не в обходе. из сообщения неясно — авт.). Совершая обход, они пели:

*Мэрем нэхум и бгээр дыцэи,
Мэрем кванмэ и бгээр дыцэи,
Ар уи дыцэ джабэм дыкгыиц|Эбнэрэ,
Уэр дыкгыиц|Эбнэрэк|Э шхьэцэ пхудоиц|
Уэр дыкгыиц|Эбнэрэк|Э шхьэцэ пхудоиц|
У Марем святой грудь золотая,
У Марем любимицы грудь золотая,
У своего бока золотого сбереги нас,
Тебе, чтобы нас сохранила, мы кланяемся!
Тебе, чтобы нас сохранила, мы кланяемся! [12,
с. 174].*

Как видно из состава участников молебна, просьбы, обращённой к Марии, здесь богородица выступала покровительницей женщин. В отрывке гимна, приведённого Дж. Беллом, как можно заметить, Марием называется «покровительницей молодых девиц».

В другом варианте молитвы у кабардинских христиан к ней обращаются с просьбой защитить их потомство, детей:

*Ди ц|Эжвей цык|ухэр кытхуэпхъумэну,
Я нэ, я псэ ц|ык|ухэр кытхуэпхъумэну,
Ди ц|Эжвей ц|ык|ухэр дахэк|Э хэпхыну,
Мэрем анэм дынольэ|у
Сбереги наших малышей,
Малышей наших благослови,
Марем — мать, мы просим [12, с. 174].*

Как показывают материалы, в воззрениях черкесов Марием / Мария обладала обширными функциями. Так, у западных черкесов к ней обращались также во время засухи в обряде вызывания дождя:

*Уэ тхьэишхуэм йанэу Мерэмьишху,
Гьэбэкъуыишхуэ кытфэггэхъу,*

*Къехъуэхъуэхэу къытфегъэиш,
Хыйэ цыфыр уэ уихъэкI,
Мы узыр жырыкIым темгъэкIыжь,
Тытхъэгъу тышьыгъаI,
ТыIэхъуэ хъуакIуэ нышпIэм шыгъэбагъу,
Гъаблэ хъумэ тыIэкIэх,
Зэхэуэха, Мерэмышху,
Тхъэшхуэм йан, тыуэлгъэIу,
Йатитхъ,
Аминь
О мать великого бога, Великая Мерем,
Дай нам богатый урожай,
Пошли нам обильный дождь,
Люди честные — твои гости,
Избавь нас от этой болезни,
Дай нам благоденствовать,
Приумножай наши стада,
Отведи от нас голод.
Ты слышишь, Великая Мерем,
Мать великого бога, мы просим,
О наша богиня,
Аминь [7, с. 22].*

Сведения различных авторов о Марием/Марии в обобщённом виде ясно и убедительно говорят, что в доисламских верованиях она выступала покровительницей плодородия в широком смысле (защита женщин и детей, избавление от болезней и голода, получение богатого урожая и приплода скота, ниспослание влаги/дождя). Приведённые выше обрядовые песни и формулы, сам образ многофункционального женского божества, покровительницы плодородия в природе и социуме, может быть более раннего происхождения. В нём, с принятием христианства, соединились образы ранних женских божеств — покровительниц, богинь объектов, сил природы (плодородия), существовавших в древних народных (языческих) верованиях черкесов. На такую мысль наводят приведённые выше сообщения И. Бларамберга и Ф. Д. Монпере, где они называют покровительницей пчёл у черкесов Мериссу и Марием, мать божью. Они накладывались, наверное, друг на друга, что характерно для сменяющихся во времени у всех народов

религиозных верований. Религия, сменяющая предыдущую, обычно поглощает и приспосабливает к себе многие её элементы. Мерисса является древним народным образом покровительницы пчеловодства. Возможно, два образа наложились друг на друга. Надо сказать, что представления о связи образа Марии с плодородием имеются и в христианстве. Анализируя этот образ, известный учёный С. С. Аверинцев пишет: «...с ней соотнесено вовлечение природной жизни и космических циклов в сферу христианской святости (православное песнопение называет её «всех стихий земных и небесных освящение», «всех времён года благословение»). В фольклоре эти аспекты образа Марии контаминировались с пережитками натуралистического язычества, указывающими на связь Марии с мифологическими образами богини земли, природы, богини — матери, но их смысл в контексте христианско-религиозных доктринальных представлений уже иной, поскольку Мария здесь не олицетворение природы как таковой, но «начаток», прообраз, первое явление преображённой райской природы» [1, с. 39–40].

Полевые материалы в черкесских селения КЧР сегодня, естественно, не дают никаких сведений об образе Марии, календарных праздниках в честь неё. Нет также понятий о том, что её почитали как мать божью. Название пятого дня недели, пятницы — Мерэм», в народном сознании, никак не связывается с её именем, а только с исламом, который установил этот день как особый, святой день, когда не надо заниматься обыденными, повседневными делами. Представления о ней имеют те, кто знаком со священным писанием мусульман — Кораном, где Мария называется матерью пророка Иссы (Иисуса), предшественника пророка Мухаммада.

Подытоживая сообщение, нужно сказать, что образ девы Марии в народной культуре черкесов — это одно из многих свидетельств бытования христианской религии у них в прошлом.

Использованная литература:

1. Аверинцев С. С. Мария // Мифологический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 39–41.
2. Белл Дж. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837, 1838, 1839 гг. // Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 458–530.

3. Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. Нальчик: Эль-Фа, 1999.
4. Дубровин Н.Ф. О народах центрального и Северо-Западного Кавказа. Нальчик: Эль-Фа, 2002.
5. Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы, конец XIX — начало XX в. Летние праздники. М.: Наука, 1976.
6. Кох К. Путешествие по России и Кавказские земли // Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 585–628.
7. Кумахов М.А., Кумахова З.Ю. Язык адыгского фольклора. Нартский эпос. М.: Наука, 1985.
8. Лавров Л.И. Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев // Труды института этнографии. Новая серия. Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. М.: Наука, 1959.
9. Люлье Л. Я. Черкесия. Киев: УО МШК МАДПР, 1991.
10. Монпере Ф.Д. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазцам, в Колхидию, Грузию, Армению и Крым // Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 435–458.
11. Тебу де Мариньи Ж.Б. Путешествия в Черкесию // Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 435–457.
12. Шортанов А. Т. Адыгская мифология. Нальчик: Эльбрус, 1982.

Habiba A. HABEKIROVA

Cand. Sci. (National History), Assoc. Prof.,
Department of Kabardino-Circassian
Studies, Karachay-Cherkess Institute for Humanitarian Research
under the Government of the Karachay-Cherkess Republic,
Cherkessk, Russia
h.habeckirova@yandex.ru

Marina R. DYSHEKOVA

Cand. Sci. (Literature of the Peoples of the Russian
Federation), Assoc. Prof.,
Department of Kabardino-Circassian
Studies, Karachay-Cherkess Institute for Humanitarian Research
under the Government of the Karachay-Cherkess Republic,
Cherkessk, Russia
marina.dysheckowa@yandex.ru

The Image of the Virgin Mary as an Element of the Christian Religion in the Traditional Beliefs of the Circassians

The article deals with some aspects of the image of Mary in the traditional Circassian culture, where she was known as Marem, Mary. The evidence of Russian and European authors of the 19-th century about the holidays held in honor of her in the summer and autumn periods of the year. Moreover, some of them observed them directly. According to the available materials, the image of Mary has many functions: she is the goddess-protector of agriculture, individual objects and forces of nature (water, plants, animals), protector and patroness of women and children. In General, she is a giver, the goddess of fertility. Based on the available data, it can be assumed that with the adoption of Christianity, this image combined functions or took place, patrons, goddesses of individual objects, the forces of nature (and in General fertility) that existed in the ancient folk (pagan) beliefs of Circassians.

Keywords: Mary, patroness, Mary the virgin, holidays, seasons, women, nature, agriculture.

Л. А. Делова*

Книгоиздание в Адыгее: краткий очерк истории

В статье показан путь Адыгейского книжного издательства за 90 лет его существования. До 1925 г. книги адыгейских авторов печатались в основном в Москве, с 1926 г. — в Краснодаре. 8 мая 1928 г. президиум облисполкома принял решение об организации областного издательства «Адыгейская печать». Перед издательством ставилась задача «приблизить книгу к широким трудящимся массам Адыгеи». Издательство выпускало на адыгейском и русском языках буквари, учебники, общественно-политическую, художественную, сельскохозяйственную литературу. С 1958 г. Адыгнациздат назывался Адыгейским книжным издательством, сосредоточившись на выпуске художественной и учебной литературы. После провозглашения Республи-

* ДЕЛОВА Людмила Алиевна, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела философии и социологии Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т. М. Керашева, Майкоп, Россия. Электронная почта: ludmilaz29@mail.ru.

ки Адыгея издательство переименовалось в Адыгейское республиканское книжное издательство. За все годы своей работы издательство Адыгеи выпустило 4000 названий книжной продукции тиражом свыше 7 миллионов экземпляров.

Ключевые слова: издательство, книгопечатание, графика, адыгейский язык, литература, адыгейские авторы, тираж.

Развитие книгоиздательства в Адыгее началось после образования автономной области. До 1925 г. книги адыгейских авторов печатались в основном в Москве, с 1926 г. — в Краснодаре, так как в Адыгее не было своей типографии, шрифтов, специалистов полиграфского дела. В конце 1925 г. типография Адыгпромторга получила шрифты, поэтому с 1926 г. печатные издания, в том числе на адыгейском языке, выпускались в Краснодаре. С 1926 г. регулярно выходила областная газета «Адыгейская жизнь», которая печаталась на адыгейском языке.

В 1927 г. адыгейская письменность переводится с арабской графики на латинскую. 13 ноября бюро обкома ВКП (б) принимает постановление о переводе адыгейской письменности с латиницы на кириллицу и просит ЦК ВКП (б) утвердить данное решение с тем, чтобы этот переход осуществить с 1 сентября 1938 г. [1, с. 97].

8 мая 1928 г. президиум облисполкома принял решение об организации областного издательства «Адыгейская печать». Перед издательством ставилась задача «приблизить книгу к широким трудящимся массам Адыгеи». Издательство выпускало на адыгейском и русском языках буквари, учебники, общественно-политическую, художественную, сельскохозяйственную литературу.

С 1928 по 1932 г. национальное издательство выпустило в свет 256 названий книг общим тиражом 68921 экземпляр [3, с. 27]. Это были произведения классиков марксизма-ленинизма, школьные учебники, художественная литература [2, с. 135].

Издательство снабжало литературой адыгов, проживающих в Армавире и в Шапсугском районе Краснодарского края. Адыгнациздат выпускал и две областные газеты: «Колхозное знамя» и «Колхоз барак».

В период временной оккупации Адыгеи издательство прекратило свою работу, возобновив её после освобождения от фашистов. Книги тех лет напечатаны на серой обёрточной бумаге.

С 1947 г. расширяется тематика книжной продукции. В 1947–1956 гг. издательством выпущено 77 названий книг общественно-политической и 202 — художественной литературы.

С 1958 г. Адыгнациздат назывался Адыгейским книжным издательством, сосредоточившись на выпуске художественной и учебной литературы. 22 июня 1960 г. было принято постановление ЦК КПСС «О неправильной практике организации новых издательств», в котором предлагалось рассмотреть вопрос о целесообразности сохранения мелких книжных издательств. В 1964 г. Адыгкнигоиздат переименован в Адыгейское отделение Краснодарского книжного издательства, что изменило статус издательства, которое лишилось права выпускать книги на русском языке, чем ущемлялись интересы русскоязычного населения региона. Для издания книги на русском языке было необходимо получить разрешение Государственного комитета Российской Федерации по печати.

23 октября 1990 г. Адыгейское отделение выходит из состава Краснодарского книжного издательства. 25 ноября 1991 г. Майкопский горисполком принял решение о государственной регистрации Адыгейского книжного издательства, входящего в состав издательско-полиграфического и книготоргового производственного объединения «Адыгея» [3, с. 32].

В 1992 г., после провозглашения Республики Адыгея, оно получило наименование «Адыгейское республиканское книжное издательство».

За девяносто лет своего существования Адыгейское книжное издательство выпустило свыше четырёх тысяч книжной продукции общим тиражом свыше семи миллионов экземпляров.

Использованная литература:

1. Аутлев П. У. Адыгея в летописи социализма (1917–1958). Майкоп: Адыгея, 1990.
2. Адыгея в период завершения социалистической реконструкции народного хозяйства и победы социализма в СССР // Очерки истории Адыгеи. Т. II.: Советский период / гл. редактор Г. П. Иванов. Майкоп: Адыгейское отд-е Краснодарского кн. изд-ва, 1981. С. 116–138.
3. Хуако З. Ю. От письменности к книжной культуре. Майкоп: Адыгейское республиканское кн. изд-во, 2018.

Lyudmila A. DELOVA

Cand. Sci. (Sociology of Culture and Intellectual Life),
Leading Researcher, Department of Philosophy and Sociology,
Adyghe Republican Institute of Humanitarian Studies,
Maykop, Russia
ludmilaz29@mail.ru

Book Publishing in Adygea: a Brief Outline of History

The article shows the path of the Adygei book publishing house for 90 years of its existence. Until 1925, the books of Adyghe authors were printed mainly in Moscow, since 1926 — in Krasnodar. On May 8, 1928, the presidium of the regional executive committee decided to organize the regional publishing house Adygei Press. The publishing house was given the task “to bring the book closer to the broad working masses of Adygea”. The publishing house published in Adygei and Russian languages primers, textbooks, social and political, artistic, agricultural literature. Since 1958, Adygnatsizdat was called the Adygei Book Publishing House, concentrating on the production of fiction and educational literature. After the proclamation of the Republic of Adygea, the publishing house was renamed the Adygei Republican book publishing house. For all the years of its work, the Adygeya Publishing House has produced 4,000 book titles with a circulation of over 7 million copies.

Keywords: publishing house, typography, graphics, Adyghe language, literature, Adyge authors, circulation.

А. Х. Дзыба*

**Реалии абазинской литературы:
к вопросу о функциях художественного перевода
в современном культурном процессе**

Художественный перевод рассматривается автором как специфическое средство межкультурной коммуникации и отдельный канал двусторонней культурной ди-

* ДЗЫБА Айшат Хамидовна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая абазинским отделом Карачаево-Черкесского ордена «Знак Почета» института гуманитарных исследований при Правительстве Карачаево-Черкесской Республики, Черкесск, Россия. Электронная почта: ms.dzyba@mail.ru.

пломатии в новом тысячелетии. На разных этапах истории развития абазинской литературы на первый план выступали связи с литературами народов России и ближнего зарубежья. При всех различиях характера и объема переводной литературы, роль ее увеличивалась в переходные периоды, а также в эпоху становления национальной литературы. На протяжении XX и XXI вв. переводная литература оказывала влияние на формирование литературных течений и направлений, играя роль ускорителя имманентного литературного процесса.

Ключевые слова: абазинская литература, русская литература, художественный перевод, младописьменная литература, функции перевода.

В истории литератур младописьменных литератур народов России художественный перевод сыграл особенно важную роль. В эпоху становления абазинской литературы художественный перевод имел существенное значение. Был тернистым путь сближения абазинской литературы с русской и другими литературами народов мира, потому что, с одной стороны, происходила уже сама по себе сложная трансформация фольклора в письменную литературу, а с другой — в русской литературной традиции отбирались формы, приемы, эстетические критерии для отображения собственной действительности. Возникновение этих двух тенденций является следствием взаимодействия литератур, одна из которых древняя (русская), а вторая — молодая, только что выделившаяся из фольклора (абазинская).

Как и во всей многонациональной литературе 20–30-х гг., в абазинской литературе тех лет создавался образ нового человека, сформировавшегося новыми нравственными чертами, ставшими на политическую платформу социалистической действительности. Произведения данного периода можно назвать эскизами и фрагментами действительности, еще далекие от художественного воспроизведения жизни во всей ее социальной обусловленности создания полнокровных образов героев. Но именно в них и через них шел интенсивный поиск новых, не испытанных ранее художественных средств. По мнению Г. А. Митина существовало «строго — принципиальное отличие между книгами 20–30-х гг. ... Книги 20-х гг. отвечали действительности, книги 30-х уже «отвечали» перед линией партии, перед ... социализмом!... В начале 30-х гг. дороги правды литературы и правды времени... разошлись...» [3, с. 144].

Но в произведениях выше обозначенного периода умалчивалось о сопротивлении крестьянства, о насильственном процессе коллективизации и о массовом избиении крестьянства — трагедии

раскулачивания. Как верно отмечено К. Г. Шаззо «для освоения инонационального художественного опыта молодыми писателями необходимо наличие у них следующих факторов: 1) определенной идейно-эстетической подготовки; 2) собственных национальных художественных традиций; 3) обмена между развитой культурой и только что зарождающейся. Время зарождения младописьменных литератур нашей страны требовало от писателей скорейшего отзыва на события. Для освоения опыта старших литератур необходима была определенная историческая дистанция. И поэтому, хотя молодые писатели национальных окраин в своих произведениях подражали Горькому, Маяковскому, Д. Бедному, все-таки они испытывали большее влияние своего устного наследия. После глубинного постижения этого наследия и создания первых значительных письменных произведений младописьменные литературы стали интенсивнее обращаться к мировому художественному опыту» [4, с. 54].

Философско-нравственный поиск абазинской прозой еще с момента своего зарождения ведется в том же направлении, что и в остальных младописьменных литературах. Но, несмотря на это, она имеет и свои приоритеты: историческая проза занимает в абазинской литературе ведущее место.

Становление и развитие определенного жанра не может быть исследовано вне общей жанровой системы абазинской литературы, основы которых были заложены в 20–40-е гг. Достижения эти тесно связаны с развитием таких эпических жанров прозы, как рассказа, очерка, художественной беллетристики, повести, а также лирического эпоса. Именно в этих жанрах шло «апробирование» материалов жизни, воссозданы образы представителей народа в истории, процесс становления национального характера героя и литературы.

Исследование проблемы «личности» и «народного идеала» тесно связано с фольклором, так как фольклор в целом является одной из форм выражения этнического самосознания (может быть, даже точнее самосознания этноса), причем механизм этого выражения может быть и довольно простым (этногенетические предания, предания о борьбе за национальную самостоятельность, рассказы об иноплеменниках и т.п.), и весьма сложным и опосредованным» [1, с. 20]. Действительно, совокупность элементов национальной психологии, обусловленных историей, отдельными событиями народной жизни, социально-экономическими отношениями, выступающими в челове-

ческой деятельности, в духовном облике отдельных представителей народа — есть национальный характер.

Существует диалектика становления и формирования национального характера, история сама формирует и изменяет национальный характер. Национальный характер формируется в неотрывности от движения истории, то есть, во времени и пространстве, отражая представления народа об идеале, как носителе его лучших достоинств. Создано немало образов, свидетельствующих о реалистических принципах их создания, об осмыслении важнейших взаимосвязей «человек — время — пространство». Появляются новые, ранее не приемлемые, психологические и эпические особенности нации и их отдельных представителей, и именно в историческом произведении проявляются вышеперечисленные диалектические особенности эволюции национального характера.

Историческое произведение находится на стыке двух наук: истории и литературы. Художественное воссоздание прошлого основывается на действительном исследовании исторических источников и материалов. По мнению Д. С. Лихачева: «писатель, как и историк, может воссоздать события и облик прошлого» [2, с. 56], хотя это художественное воссоздание отличается от научного. Художник слова, опираясь на исторические данные, идет по пути творческого вымысла, без которого невозможно искусство: писатель изображает не только историческую действительность, но и то, что могло бы случиться. Право на исторический вымысел не исключает того, что вымышленные ситуации в произведении должны быть исторически возможны, а изображение подлинно исторических событий, эпохи, быта, отдельных деталей — строго базироваться на достижениях исторической науки, исторических фактах. Глубина постижения художником слова исторического процесса теснейшим образом связано с развитием как исторических, так и социологических и всех общественных наук, с характерными концепциями исторического развития изображаемой эпохи.

Для нового этапа абазинской прозы, 20–30-х гг., характерно широкое обращение писателей к фольклорным и этнографическим деталям быта. Если бы в фольклоре не получили отражение исторически значимые события, касаются ли они глубокой древности или средневековья, периода махаджирства, новой и новейшей истории абазин, то первые ученые фольклористы, историки и этнографы не смогли бы

характеризовать процесс историко-культурного развития народа, процесс эволюции исторического и художественного сознания абазин.

В 1934 г. из-под пера Н. А. Озова вышли два произведения на абазинском языке. Это очерк «Соцсоревнование в колхозе» («Аколхоз апны асоацлыбра») и рассказ «Сверкающий» («Чвыркъачврыс»). В рассказе «Соцсоревнование в колхозе» своеобразно сочетаются элементы реминисценции и, в том, что в рассказе присутствуют элементы заимствования и подражания, сознательной вины автора нет.

В этой связи хотелось бы обратить внимание на то, что рассказ Н. А. Озова «Сверкающий» («Чвыркъачврыс») это интерпретация известного рассказа А. П. Чехова «Хамелеон», который в результате трансформации сюжета и образов русской литературы приобрел «кавказский вид»; вместо чеховской собачки появилась лошадь, потому что традиционный образ кавказца не мыслим без лошади. «Переклички здесь явные, хотя в ходе повествования мы не обнаруживаем ни одного русского имени, ни даже собачки, виновницы переполоха на базарной площади. У Озова конфликт построен на том, что чья-то лошадь забралась в чужой огород и потравила изрядно тыквы кукурузу, и пострадавший требует возместить нанесенный ущерб. Такая перестановка (лошадь вместо собачки) влечет за собой некоторые изменения русского текста, а в остальном сюжет «Сверкающего» повторяет фабулу чеховского рассказа полностью со всеми его зигзагами, на что указывают многие текстовые совпадения» [4, с. 21]. Традиционные для русской литературы формы изображения и художественного воссоздания уклада жизни и быта, того или иного народа трансформировались и приобретали национальный вид.

Современная теория перевода настойчиво подчеркивает необходимость сохранения национального и исторического колорита оригинала. Художественный перевод должен показать читателю чужую действительность, донести до него стилистическое своеобразие подлинника, сохранить текст оригинала по максимуму в «чужеземном облики». Это необходимо для сохранения национальной и художественной специфики оригинала, и нужно к этому подходить весьма дифференцированно. Художественный перевод помогает сохранить национальные традиции в культуре того народа, на языке которого он выполняется.

Из современных абазинских переводчиков таким мастерством перевода и самоперевода владеют М. Шанов, М. Узденова, П. Чекалов, Р. Пазова, Х. Аджибеков. Потребность в одаренных художественных переводчиках крайне высока и сегодня. Связано это с тем, что художественный перевод не ограничивается работой исключительно с художественными произведениями. Перевод публицистических и рекламных текстов также находится в компетенции художественных переводчиков. В настоящий момент существует множество сайтов, журналов, газет, новостей, различных научных и публицистических статей, которые необходимо переводить на различные иностранные языки. Важной особенностью и сложностью художественного перевода является также передача игры слов, юмора. Крайне редко дословный перевод позволяет передать игру слов на языке перевода. Поэтому переводчику приходится подключать свою фантазию, чтобы сохранить юмористическую составляющую текста. Только творческие и «креативные» переводчики-профессионалы способны справиться с такой непростой задачей.

Использованная литература:

1. Гегель Г. Эстетика: В 4-х т. Т. 3. М.: Искусство, 1971.
2. Лихачев Д. С. Письма о добром и прекрасном. М.: Дет. лит., 1989.
3. Митин Г. А. Метаморфозы социалистического реализма // Способность к диалогу. М.: Наука, 1993. С. 124–155.
4. Шаizzo К. Г. Художественный конфликт и эволюция жанров в адыгских литературах. Тбилиси: Мацниереба, 1978.

Aishat Kh. DZYBA

Cand. Sci. (Literature of People of the Russian Federation),
Assoc. Prof., Herd, Department of Abaza Studies,
Karachay-Cherkess Institute for Humanitarian Research
under the Government of the Karachay-Cherkess Republic,
Cherkessk, Russia
ms.dzyba@mail.ru

**The Realities of Abaza Literature:
to the Question of the Functions of Literary Translation
in the Modern Cultural Process**

The author considers literary translation as a specific means of intercultural communication and a separate channel of bilateral cultural diplomacy in the new millennium. At different stages of the history of the development of Abaza literature, communications with the literature of the peoples of Russia and the near abroad came to the fore. With all the differences in the nature and volume of translated literature, its role increased during the transition periods, as well as in the era of the formation of national literature. Throughout the XX and XXI centuries. translated literature influenced the formation of literary movements and directions, playing the role of an accelerator of the inherent literary process.

Keywords: Abaza literature, Russian literature, literary translation, young literature, translation functions.

РАЗДЕЛ 5

Современное общество и культурное наследие Северного Кавказа: опыт актуализации и репрезентации

*О. Р. Тучина**

«Человек культуры» глазами современной молодежи

В статье изложены результаты эмпирического исследования представлений современных кубанских студентов о человеке культуры. Рассматривая культуру как «социальный код», автор определяет «человека культуры» как олицетворение этого кода, что позволяет выявить ценностно-смысловые векторы культурной трансформации молодежи в современном мире. Эмпирическое исследование выявило «переплетение» и взаимовлияние в массовом сознании молодежи традиционных ценностей и ценностей глобализации.

Ключевые слова: культура, «человек культуры», социальный код, национальный характер.

Бытие личности связано с ее включенностью в социокультурные традиции, осознанием своей сущностной связи с ними. Первичной формой приобщения человека к культуре является изначальная погруженность в этнокультурную традицию, где соединяются налич-

* ТУЧИНА Оксана Роальдовна, доктор психологических наук, доцент, ведущая кафедра истории и философии Кубанского государственного технологического университета, Краснодар, Россия. Электронная почта: tuchena@yandex.ru.

ная данность индивида и долженствование образца, определяющего его видовое, то есть личностное, человеческое бытие [7].

Этнокультурная принадлежность личности обладает двумя измерениями: 1) этнос (или этническая общность), представляет собой собирательное понятие, относящее человека к определенной группе; 2) культура, с которой связана целостность этой группы и которая обладает самостоятельным бытийным статусом, который не сводим к соответствующей совокупности людей, и может быть рассмотрен как «несобирательная органичность традиции» [1, с. 98]. При этом культура не может существовать вне своих носителей, а с другой стороны, совокупность людей не может быть общностью вне соответствующей культуры. Этнос неразрывно связан с этничностью, но все же не тождественен ей, этнокультурная традиция представляет собой объективную данность, которую невозможно свести лишь к совокупному самосознанию составляющих ее людей. Можно утверждать, что «искусственно сконструированное, и органическое, реальное в этнической общности относится к разным плоскостям: второе — к культурному бытованию, а первое — к инструментальной мобилизации данного бытования, в результате которого происходит структурное изменение, усложнение организации исходной общности» [1, с. 98].

Поэтому перспективным в плане рассмотрения проблемы этноса представляется направление в современной науке, в котором общество, в частности этнос, рассматривается как результат действия форм культуры, приобретающей статус парадигмальной категории в общественных науках [2, с. 134]. Так, по мнению В. С. Стёпина, культура является своеобразным «генетическим кодом» или социокодом воспроизводства и развития форм человеческой жизнедеятельности. Такой код рассматривается как система надбиологических программ, (образцы деятельности, естественный язык, языки искусства, науки, знания, обычаи, верования, идеалы, правовые и этические нормы, ценности, мировоззренческие установки, «артефакты второй природы»), которые регулируют социальную жизнь людей, их деятельность, поведение и общение. Основу социального кодирования составляет неявное знание, прежде всего, образцы деятельности, которые усваиваются через подражание и, тем самым, воспроизводят определенный образ жизни [4, с. 5].

Вместе с тем, культура, по мнению ученого, представляет собой органическую целостность, в основании которой лежат культурные

универсалии, представляющие собой базовые ценности, фундаментальные жизненные смыслы понимания человека, природы, ответственности. Подобные универсалии рассматриваются в качестве категорий культуры, создающих целостный обобщенный образ человеческого мира [6, с. 9]. Такая категоризация представляет собой аккумулирующие социальный опыт схематизмы, определяющие базисную структуру человеческого сознания, на основе которой происходит квантификация и сортировка социального опыта, и, тем самым, формируются особенности восприятия, осмысления, оценивания и переживания мира. Поэтому для человека универсалии его культуры по преимуществу выступают как нечто очевидное, само собой разумеющееся [3, с. 25]. Соответственно, культурные универсалии являются глубинными (и по большей части бессознательными) программами социальной жизни, которые определяют конкретные программы общественно фундированного поведения человека [6].

Рассмотрение культуры как детерминанты национальной психологии начинается с работ Р. Бенедикт и А. Кардинера, согласно которой психологические проявления человека являются непосредственно производными от его культуры и каждой культуре соответствует определенный тип личности. Базовая личность определялась исследователями как склонности, представления, способы связи с другими людьми, то есть все то, что делает индивида максимально восприимчивым к определенной культуре и позволяет ему достигать удовлетворенности и устойчивости в рамках существующего порядка, т.е. базовая личность есть адаптация к фундаментальным реальностям жизни в определенной культуре. Р. Бенедикт и М. Мид рассматривали личность как аспект культуры, в котором эмоциональные реакции, когнитивные особенности и социальные отношения индивидов запрограммированы в соответствии с общим рисунком или конфигурацией их культуры («культурно моделированная личность»). К. Дюбуа, не отвергая понятия «базовой личности», предложила понятие «модальная личность» (*modal personality*) — наиболее распространенный тип личности, которых в той или иной этнической группе может быть несколько (см.: [5] [8]).

Рассматривая национальный характер в культурологическом измерении, А. В. Швецова отмечает, что он является продуктом культурно-исторического развития народа, в котором отражается пройденный им исторический путь. Соответственно, национальный ха-

рактир — это «формообразующий фактор индивидуальной психики, определенный и влиятельный культурный регулятив, при помощи которого национальная культура формирует конкретные личности этнических индивидов» [9, с. 97]. Национальный характер находит воплощение в категории «человек культуры» — выработанное определенной этнической культурой как наиболее приемлемое для нее воплощение человека, «норма человечности».

Рассматривая культуру как «социальный код», мы определяем «человека культуры» как олицетворение этого кода, выявляя ценностные основания культурной традиции. Эмпирическое исследование образа «человека культуры» позволило выявить ценностно-смысловые векторы культурной трансформации молодежи в современном мире. В исследовании приняли участие 155 студентов Кубанского государственного технологического университета от 18 до 24 лет, 72 юноши и 83 девушки. Респондентам предлагали ответить на следующие вопросы.

По Вашему мнению, какой образ (реально существующий человек, историческое лицо, литературный или кино-персонаж) воплощает в себе высшие человеческие качества?

Назовите образ или несколько образов (реально существующего человека, историческое лицо, литературный или кино-персонаж), вызывающих восхищение, считающихся образцом у Ваших ровесников, людей Вашего круга. Опишите этот образ. Какие его черты вызывают у Вас восхищение?

Назовите образ или несколько образов (реально существующего человека, историческое лицо, литературный или кино-персонаж), вызывающих уважение, желание быть похожим на него. Опишите этот образ. Что в нем у Вас вызывает уважение?

Ответы респондентов были обработаны методом контент-анализа с целью выявить ценностные основания образа «человека культуры» у современных молодых людей.

Как показали результаты исследования, задание описать образ, воплощающий в себе высшие человеческие качества, вызвало наибольшее затруднение респондентов: 30% опрошенных не смогли на него ответить. Соответственно, этот аспект культурной традиции не является объектом рефлексии студенческой молодежи. Более 50% опрошенных назвали в качестве такого образа представителей религиозной традиции: Иисуса Христа, Будду, Магомета, святых и деятелей церкви.

Около 20% назвали ученых и благотворителей. В качестве ценностных оснований данного образа мы выделили справедливость и заботу о других, а основной способ их реализации — самопожертвование.

Образы, вызывающие восхищение, считающиеся образцом у ровесников, воплощены в большом (более 80) количестве описываемых объектов, что говорит о разнообразии культурных моделей современного социума. Однако основная ценность, лежащая в основе данных образов, может быть охарактеризована как «самостоятельность», способность создать себя, организовать свою жизнь и влиять на окружающих.

Анализ ответов респондентов позволил выделить несколько ценностных тенденций формирования культурного образца современной молодежи. Первую, характерную как для юношей, так и для девушек, можно обозначить как «силовую». Она характеризуется такими качествами как активность, жесткость, агрессивность, стремление к победе, ироничность и воплощена в образах спортсменов, бойцов, актеров в роли «крутых парней» (Стэтхем, Дуэйн), «жестких» политиков (Путин и Трамп). Вторая тенденция, также свойственная респондентам обоего пола, может быть обозначена как «креативная». Эта тенденция характеризует способность добиваться цели своими способностями, настойчивостью и нестандартным мышлением. Она воплощена в образах творческих людей, популярных актеров, успешных писателей, блогеров, музыкантов, а также предпринимателей — создателей креативных продуктов (Маск, Цукерберг, Джобс, Гейтс) и ученых.

В группе респондентов-девушек были выявлена еще одна ценностные тенденции, которую можно назвать «агрессивно-фемининная». Она воплощена в образах сильных, активных, целеустремленных, самостоятельных и сексуально привлекательных женщин (лидерами стали Анжелина Джоли и Ольга Бузова).

В описании образа человека, вызывающего уважение, желание быть похожим на него, также можно выделить две основных тенденции. Первую можно обозначить как «успешность», описания данных людей включают волевые и интеллектуально-креативные качества. Вторая тенденция может быть охарактеризована как «нравственность» и включает качества, характеризующие честность, самоотверженность и заботу о других. Показательно, что почти половина ре-

спондентов в качестве модели для подражания рассматривает своих родителей и родственников.

Проведенное эмпирическое исследование позволяет сделать следующие выводы.

Рассматривая культуру как «социальный код», концепт «человек культуры» можно определить как олицетворение этого кода.

Эмпирическое исследование выявило несколько ценностных тенденций формирования культурного образца современной молодежи: «силовой», «креативный», «нравственный», которые сосуществуют на уровне индивидуального сознания.

Основные ценностно-смысловые векторы культурной трансформации массового сознания молодежи в современном мире заключаются в «переплетении» и взаимовлиянии традиционных ценностей и ценностей глобализации.

Использованная литература:

1. Аполлонов И. А., Чистилина И. А. Проблема толерантности в контексте этнокультурной идентичности в условиях полиэтничного региона. Краснодар: Изд-во Кубанского гос. технологического ун-та, 2013.

2. Гофман А. Б. Социальное, социокультурное, культурное. Историко-социологические заметки о соотношении понятий «общество» и «культура» // Социологический ежегодник, 2010: сб. науч. тр. М.: Б. и., 2010. С. 128–136.

3. Запесоцкий А. С. Теория культуры академика В. С. Стёпина: лекции, прочитанные студентам СПбГУП в мае–сентябре 2010 г. СПб.: Санкт-Петербургский гуманитарный ун-т профсоюзов, 2010. (Избранные лекции университета. Вып. 115).

4. Куда идет российская культура? (Материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2009. № 9. С. 3–59.

5. Мид М. Культура и мир детства. М.: Наука, 1988.

6. Стёпин В. С. Философский анализ мировоззренческих универсалий культуры // Гуманитарные науки. 2011. № 1. С. 8–17.

7. Тучина О. Р. Этнокультурная традиция и самопонимание личности // Культура и цивилизация. 2012. № 2–3. С. 114–122.

8. Фолиева Т. А., Ворожейкина Л. И. Базовая персональная структура Абрама Кардинера // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 9.: Исследования молодых ученых. 2010. № 8–1. С. 130–132.

9. Швецова А. В. К проблеме аналитики национального характера как феномена культуры // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. 1999. № 11. С. 96–100.

Oksana R. TUCHINA

Dr. Sci. (Psychology, Personality Psychology and History of Psychology), Herd, Department of History and Philosophy, Kuban State Technological University
Krasnodar, Russia
tuchena@yandex.ru

“Man of Culture” through the Eyes of Today’s Youth

The article presents the results of empirical research of modern Kuban students’ ideas about the man of culture. Considering culture as a “social code”, the author considers “man of culture” as the personification of this code, which allows to identify value-semantic vectors of cultural transformation of youth in the modern world. The empirical study revealed the “intertwining” and mutual influence of traditional values and values of globalization in the mass consciousness of young people.

Keywords: culture, “man of culture”, social code, national character.

**Г. Батырева^{*},
К. П. Батырева^{**}**

Живопись в евразийском поле культуры (к 95-летию народного художника РСФСР Г. Рокчинского)

Гарри Олегович Рокчинский (1923–1993) — выдающийся калмыцкий художник, один из основоположников современной изобразительной традиции в искусстве Калмыкии. Живописный язык автора во многом представляет этнический код

^{*} БАТЫРЕВА Светлана Гарриевна, доктор искусствоведения, профессор, заведующая музеем традиционной культуры имени Зая-пандиты, ведущий научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра Российской Академии наук, заслуженный деятель искусств Республики Калмыкия, Элиста, Россия, электронная почта: batyrevasg@kigiran.com.

^{**} БАТЫРЕВА Кермен Петровна, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры фольклора и социально-культурной деятельности Калмыцкого государственного университета имени Б. Б. Городовикова, Элиста, Россия. Электронная почта: sargerel@mail.ru.

традиции, самобытно трансформированной творческой индивидуальностью в процессе приобщения к мировому культурному наследию. От реализма через знаковую систему традиционной культуры народа к импрессионистическим поискам и беспредметной живописи: такова парадигма его творческого пути. На энергетическом перекрестье художественной культуры Евразии родилось его наследие, своеобразно соединившее деятельностный опыт и философскую мудрость человечества. В обращении автора к мифологии и истории народа сконцентрирован национальный Космос, одухотворенный искусством. Этническая модель мироздания воплощена в произведениях, составляющих платформу для культурного диалога, взаимного понимания носителей различных культур.

Ключевые слова: культурное наследие, этническое самосознание, живопись, традиции, диалог, Г. О. Рокчинский.

Традиции и современность — одухотворяющее начало деятельности, органично соединяющей прошлое, настоящее и будущее народа. Этим определяется значимость личности, нашедшей «генетический код культуры, щедро проявившийся в живописи» [3, с. 7]. Жизнеподобие и условность изобразительного искусства, рационально-логическая и мифопоэтическая системы мировосприятия — полюсы в развитии творческой индивидуальности народного художника РСФСР Гаря Рокчинского (1923–1993). Стилистические особенности произведений были выработаны в неустанных поисках адекватного этническому мироощущению изобразительного языка.

Своеобразие колорита живописи помогло обрести художнику знание фольклора и тонко развитое чувство цвета в процессе его профессионального становления. Как когда-то калмычка-вышивальщица выкладывала радужный контур полукружного или т-образного узора «зег», покрывая им одежду и предметы быта, так живописец выстраивает на полотне тональные аккорды цвета, соотносимого со спектром другого. Это могли быть сближенная по цвету тональность или полнзвучный цветовой контраст. Материнский белый цвет в семантике традиции, являясь основой спектра, разлагается на все цвета радуги во множестве тональных переходов. Соединяемые в палитре, они образуют ритмическое своеобразие самобытного колорита. Сопряженная с подчеркнута контурной структурой калмыцкого орнамента, цветовая гамма не расплывается под прямыми лучами степного солнца. Изысканная тональность цвета выработана в опыте обращения к народному цветовидению. Это определяет развитие живописного языка калмыцкого художника.

Анализируя процесс во времени, необходимо отметить, что уже в 1960-е гг. цвет его палитры ярок и насыщен, по-особому декоративен. Чистота цветовой гаммы, появившаяся в постоянной работе на пленэре в горах Казахстана, позднее в степях Калмыкии обретает земную плотность, материальную осязаемость пастозного красочного слоя. Явление обусловлено сменой природного ландшафта, для которого характерны особенные взаимоотношения цвета и света, выражаемые в передаче натуры. Таковы созданные им на родине произведения: «Мать-земля родная», «Рыбаки Калмыкии», «Герой Отечественной войны 1812 года Цо-Манджи Буратов», «Весна в Калмыкии» и другие. Цветовой характеристикой полотен является насыщенная полихромия, обобщаемая в целостном звучании колорита.

Мастерски владея рисунком в воспроизведении формы в перспективном сокращении на полотне, художник вместе с тем уделяет много внимания плоскостной выразительности письма. Особое значение он придает линии, гибкой и певучей, выразительно упругой в динамике броского рисунка. В многочисленных натуральных зарисовках формировалась чуткая и чувственная основа линейного изображения. Штриховка в светотеневой моделировке объема отходит на задний план: автор добивается декоративной выразительности формы, применяя различную толщину контурного письма.

Графически выразительны портреты мастера, сделанные с натуры, будь они выполнены карандашом, тушью или живописью. Своеобразие стиля родилось в слиянии методов восточной миниатюры и европейской реалистической живописи в полотнах 1960-х — 1970-х гг. К органичной целостности изображения художник приходит, ставя многочисленные опыты, принимая и отвергая многое в различных по происхождению изобразительных системах, связанных с этническими традициями и профессиональным образованием, открывшим горизонты цивилизации. Развитие творческой личности происходит в культурном энергетическом поле «Восток-Запад», в единстве канонической статики и новаторской динамики мирового художественного процесса. При общей доминанте «восточного» направления он не миновал западных веяний XIX–XX вв., проецируемых в творческой деятельности.

Своеобразный синтез технических приемов можно видеть в живописной серии «По краснодарскому краю», появившейся после казахстанских и калмыцких пейзажей в работе на творческой даче

«Горячий Ключ» рубежа 1960-х — 1970-х гг. Насыщенный цвет сохраняет пастозную структуру мазка в линейном рисунке изображения. Период этот чрезвычайно плодотворен в выработке сочной живописной манеры, открыто декоративной в своей броскости и в то же время реалистичной в светотеневой передаче объема и перспективы.

В 1970-е гг. художник последовательно разрабатывает сложный в тональной разработке колорит, очерчивая линией декоративные пятна цвета. Контрастное взаимодействие цвета и формы со временем нарастает, не теряя связи с реалистической основой письма. Интенсивная работа в графике усиливает оформившуюся тенденцию в портретном образе современника из цикла «Труженики земли калмыцкой» и пейзажной серии «По родному краю». В передаче особенностей степного ландшафта живописная манера мастера постепенно теряет пастозность красочного слоя, обретая изысканную тонкость цветовых отношений колорита. Влажная световоздушная среда горного ландшафта Казахстана и субтропиков юга России сменяется сухой атмосферой открытого всем ветрам степного пространства. Это обуславливает свои эффекты цветовой гаммы, формирует иное отображение природы в выразительных особенностях живописи. Реалистическое, без сомнения, изображение вместе с тем тонко прочувствовано в декоративной структуре колорита. Этническое самосознание, целостно оформившееся в процессе создания основополагающих произведений этого периода, воплотилось в особое качество творческой индивидуальности с живым ощущением своих культурных истоков. Органична трансформация образа в призме традиционной символики искусства, накладывающего особый отпечаток на живописную манеру, определяемую «стилем Гаря Рокчинского».

Лаконизм выразительных средств декоративной живописи и стоящее за этим мировоззрение неудержимо влечет его в Азию, приход куда в творческих поисках был закономерен. Со временем его не удовлетворяет выверенное светотеневое воспроизведение формы в визуальном сокращении, принятое в европейской реалистической живописи, не увлекает передача этого на плоскости полотна. Он ищет другой выразительности и находит, обращаясь в 1980-е гг. к древней изобразительной системе — живописной традиции буддизма.

Художник принимает условность искусства, особенностью которого является изображение в плоскости разворачиваемого снизу вверх полотна. Пространство воспроизводится параметрами: ниже —

ближе, выше — дальше. Удаленность изображаемого подчеркивается утоньшением контура очерчиваемой формы. Здесь нет иллюзорной передачи объемного мира. Плоскость бумаги или холста принимается как заданное пространство, не нуждающееся в подражании реальности — создании его трехмерного правдоподобия. Важно понять исходные правила творческой игры в этой изобразительной системе, чтобы осмыслить направление поисков калмыцкого художника. Динамика его творчества измеряется осознанным движением от достижений культуры реализма к иной художественной традиции. От светотеновой моделировки объема — к гибкой выразительности линии контурного рисунка изображения. От иллюзии перспективной передачи трехмерного пространства — к двухмерной плоскости и декоративизму линейного письма. Его он создает в обратной перспективе, характерной множественностью точек зрения в воспроизведении многоярусной композиции полотна.

Это обусловлено особыми отношениями Времени и Пространства в традиционной культуре народа, уходящей истоками в далекое прошлое Центральной Азии. Они развиваются от «линейного способа мировосприятия неделимого пространства древнего охотника-скотовода, связанного маршрутом его кочевков» до концентрического, кругового способа восприятия пространства с центром «своей» территории калмыков-кочевников, издревле знавших оседлые и полуседлые поселения. Исследователями отмечается «явное отличие пространственной осведомленности охотников и скотоводов-номадов от пространственной ограниченности земледельцев» [7, с. 17]. Пространство, создаваемое автором, концентрируется в спиралеобразном движении не на земле, а как бы в парении над ней. Композиционный прием обусловлен постоянной сменой точки зрения художника, отсюда ее «распластанность» и в то же время «собираемость» взглядом. Это наглядно иллюстрирует панорамное полотно «Джунгария». Наш взгляд поднимается «ступенями», доходя до центра композиции, отмеченного детальной раскладкой плана — важного в понимании сюжета, — и затем к высшей точке изображения, далее «ярусами по спирали» спускается к центру панорамы.

Расходящееся кругами восприятие пространства обусловлено циклическим ритмом кочевого бытия, что находит выражение в образах и знаках традиционной культуры. Таковой выступает живопись калмыцкого художника. Ее ритмический строй обусловлен семанти-

кой этнического самосознания, образно проецируемого кругом понятий «род-народ-родина». В созданной эпической картине мира, центром которой является родовое начало, преодолевается хаос Времени, последовательно превращаемый художником в упорядоченный этнический Космос. Пространство его живописи, объемлющей глубинную суть творчества, органично совмещает традиции и новации, древнюю мудрость Азии и европейский опыт экспериментирования.

Ментальной диаграммой народного мировосприятия надо воспринимать этническое самоназвание калмыков «улан залата хальмгуд», в образном переводе «дети Солнца». Светило определяет смену сезонных кочевков, обуславливающих динамику функционирования и развития традиционной культуры этноса. Ее знаковую структуру полно и целостно выражает жилище номада, концентрирующее Время и Пространство бытия. В кочевом космосе Солнце, поднимаясь на востоке и заходя на западе, в апогее (его образное воплощение — красная кисть «улан зала» на головном уборе калмыка) фиксируется круговой конструкцией «харач». Через его круглое отверстие «орк» выходит дым родового очага, огонь которого рассматривается в кочевой культуре в качестве проекции солнца в жилище человека [8, с. 142].

Подобно Солнцу в зените, Человек поднимается над землей в композиции «Джангарчи Ээлян Овла», где в образе певца олицетворена животворящая энергия духа народа. Это эпический образ, в осмыслении которого художник проходит все фазы «солнцевращения», сопрягаемые с вехами его творческого пути. Восход озарен «Матерью-землей родной», вершиной этнического самосознания надо воспринимать полотно «Джангарчи Ээлян Овла», измеряемое космической глубиной произведений «Жангрин жиндмн» и синевого неба «Кок Монк Тенгр» его лучезарной монгольской серии. Заход круга жизни ознаменован живописным послесловием «Вечности начинался рассвет...» в эпическом полотне «Эрднин экин цагт...», возвращающем автора и вместе с ним зрителя, опять на землю. Небосклон творчества художника измеряется параметрами традиции, адекватно воспроизводимой в Пространстве и Времени его солнечной живописи. Традиционная культура народа, его упорядоченное мировосприятие есть итог и развитие солнечной модели мира, в котором люди являются детьми Солнца.

В анализе живописи выявляем доминанты творческого пути автора. Вначале его поиски обозначены европейскими ориентирами, по которым он ощупью находит традицию и, разработав ее досконально в созданной им живописи, возвращается к рубежу девяностых на экспериментальную почву запада.

Тенденции эти явственно прослеживаются в живописной серии «Лотосы» последнего десятилетия жизни. Белый цвет священно-го в буддизме цветка глубоко символичен для понимания творчества художника. Здесь сконцентрированы нравственно-этические критерии, которых автор придерживался всю жизнь. Достичь духовного просветления он сумел в творчестве, дававшем силы в преодолении противоречий бытия. Народная философия, как материнское естество его мировидения, составила основу нравственных приобретений в этике буддизма, «пропущенных» сквозь призму изобразительных традиций народа.

Живописи автора свойственна декоративная линия реализма, глубоко осмысленная чувственность мироощущения импрессионизма, приведшая его к утонченной выразительности плоскостного письма. Художник варьирует пространство полотна, вытягивая его по вертикали или выстраивая по горизонтали. Форма произведений, обусловленная творческими поисками, различна. В одной интерпретируется выразительность живописных средств буддийского свитка, в другой декоративным образом воспроизводится реалистическое изображение. Трудно выбрать из них лучшее, — так много найдено художником в обширном пространстве культуры, обозначенном ориентирами «Восток-Запад». Изысканную завершенность лotosовой серии придает графическая выразительность старокалмыцкого письма «тодо бичиг» (калм. «ясное письмо»), органично входящего в пространство сюжета. Это трудно назвать стилизацией, настолько естественно каллиграфия традиционного письма подчеркивает, образуя и завершая композицию произведений.

Мифопоэтическое содержание одухотворяет творчество художника, начиная с образа «Мать — земля родная» и кончая произведениями последних лет жизни. Обращение его к иконографии, древней изобразительной системе буддизма, прочитывается в череде основополагающих эпических работ автора, таких, как «Джангарчи Ээлян Овла», «Жангрин жиндмн» (калм. «Сокровище Джангара» и полотно монгольского цикла: «Узгдл» (калм. «Видение»), «Сумер-уул», «Овкн-

рин ǵазр» (калм. «Земля предков»), «Сказ о Монголии». Обобщением цикла надо рассматривать полотно «Джунгария». Произведение «Морн-эрднь» (калм. «Лошадь-драгоценность») — ключ к пониманию канонических основ построения трехъярусного пространства, осененного образом парящего в облаках бодхисаттвы Мандзушри, покровителя Искусства. Сюжет получает живописную интерпретацию в полотне «Жанѓрин жиндмн», где круговое вращение животных народного календаря органично сопряжено с верхним эпическим рядом композиции.

Обращение художника к иконописным традициям буддизма связано с образом Белого Старца (калм. «Цаѓан овгн»), воспроизводимым согласно канону в детальной точности композиции, колорита, пропорций и символики атрибутов. Произведение воспринимается самобытным образцом «творческой кухни» художника, детально осваивающего наследие. Воспроизводя канон буддизма, он создает нечто новое в живописи. Появляется свиток «Мандзушри», воспринимаемый интерпретацией иконописного образа в артистизме исполнения композиции. В руках парящего в облаках бодхисаттвы, покровителя Искусства,— цветок лотоса с Книгой Знаний и меч, рассекающий тьму Невежества. Кодом прочтения является знак «инь-ян», символизирующий взаимообусловленное единство Бытия. Формула творчества выражена в синтезе колористических исканий и символики изобразительного языка художника, философским знаком его многогранного наследия.

На рубеже 1980-х — 1990-х гг. автор продолжает эксперименты с формой, и рождается фантастическое полотно, материализующее в цвете неповторимый запах лотоса. Тональная нюансировка голубого и розового подобна флюидам тончайшего аромата, зримо «растекающегося» по полотну. Черный прямоугольник рамы окаймляет сказочную феерию цвета, довлеющего над формой. Близкое по живописной структуре «Запаху лотоса» полотно «Синие звуки» представляет начало беспредметного творчества художника. Музыка отображена в композиции, глубоко насыщенной переливами сине-фиолетового цвета. Она звучит мерным волнообразным движением синих лентообразных форм, сплетенных и перетекающих из одного объема в другой на фоне бархатной черноты звездного неба.

Абстрактная живопись автора органично соединяет восток и запад в произведениях, озаряемых светом традиционного мирови-

дения. Нефигуративная изобразительность — закономерное явление создающего пути. К началу 1990-х гг. он подошел к рубежу, когда уже мало изобразить то, что видишь, и показать, как это реальное явление, субъект или предмет понимаешь и что в это изображение вкладываешь. В совершенстве овладев формой и цветом реалистической живописи, он подводит итог жизни, обращаясь к изображению беспредметному. Его интересуют вечные истины Бытия в произведениях «Далекое прошлое», «Белое, серое и черное», «Радость бытия»... Каждый из нас рано или поздно к ним приходит, измеряя опытом бытия триединство времени: прошлого, настоящего и будущего [1, с. 72–75].

В живописи автора это преодоление правдоподобия иллюзорно изображаемого мира, но уже в русле европейской художественной традиции, вместе с тем далекой от супрематизма К. Малевича, геометрического абстракционизма П. Мондриана или жесткой динамики кубизма П. Пикассо. Запад пришел к беспредметному формотворчеству в поисках, приведших его на Восток. В творчестве калмыцкого художника приход к абстрактной живописи был прочерчен знаками этнического мироощущения. Произведения последних лет жизни несут одухотворенную им образную память предков. Сделано это было не в преодолении себя, как программируется в европейском самосознании, а в органичном самовыражении. Это важно подчеркнуть в анализе творчества художника, рассматриваемого диалогом «Восток-Запад». Путеводной звездой плодотворных поисков явилась «условность традиционного искусства», основополагающее начало мифопоэтического осмысления мира [6, с. 1].

В мифологии народа, представляющей «вселенную как арену непрекращающейся борьбы хаоса и космоса, наряду с образом начального Времени Мифического (отображенного в эпическом цикле автора — *авт.*), возникает образ конечных времен гибели мира, подлежащего или не подлежащего затем циклическому обновлению» [5, с. 253]. Таково полотно «Йиртмжин хойр ўндсн», в авторском переводе «Противоборство», или «Двуединство Вселенной». Красное, синее и желтое на буро-коричневом фоне, противостоя друг другу, активно взаимодействуют. Неразделимость их также ясна, как и возможность сокрушающей гибели одного в другом. Противоречия современного мира, его катаклизмы, возможность крушения изначально данной людям гармонии в Природе выражены в напряженной выразительности композиции и насыщенной динамике колорита. Надежду на обнов-

ление мира несет изображение бело-розового цветка, связывающего воедино красочные формы.

Не разрушение, а творческое созидание провозглашает живопись, родившаяся в диалоге разных художественных традиций. Подлинное творчество предполагает умение выйти за пределы этнической культуры и соотнести себя и мир в искусстве. «Способность ввести себя в некий культурный контекст, соотнести с культурной традицией и отделить то, что действительно может иметь культурный резонанс» [4, с. 646] — основа творческого метода автора. В обращении автора к мифологии и истории народа сконцентрирован национальный Космос, одухотворенный искусством. Этническая модель мироздания воплощена в произведениях, составляющих платформу для культурного диалога, взаимного понимания носителей различных культур.

Диалогом творческим надо рассматривать произведения Г. О. Рокчинского. Живописный язык автора во многом представляет этнический код традиции, самобытно трансформированной творческой индивидуальностью в процессе приобщения к мировому культурному наследию. От реализма через знаковую систему традиционной культуры народа к импрессионистическим поискам и беспредметной живописи: такова парадигма его творческого пути. На энергетическом перекрестье художественной культуры Евразии родилось его наследие, своеобразно соединившее деятельностный опыт и философскую мудрость человечества. Оно наглядно иллюстрирует «диалогическую концепцию взаимоотношений художественных культур в принципе дополнительности двух сторон одного культурного целого, противоречивого по своей природе в создании мировой культуры» [2, с. 176–180].

Использованная литература:

1. Батырева С. Г. Образная память предков. Элиста: Джангар, 2013.
2. Каган М. С., Хилтухина Е. Г. Методологические принципы изучения взаимоотношения художественных культур Запада и Востока // Искусство в системе культуры. Л.: Наука, 1987. С. 176–180.
3. Кичиков А. Ш. Образная память народа как знак культуры // Образная память народа: библиограф. пособ. Элиста: Джангар, 1998. С. 7–8.
4. Лобок А. М. Антропология мифа. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1997.
5. Мелетинский Е. М. Время мифическое // Мифы народов мира: энциклопедия: В 2-х т. М.: Наука, 1982. Т. 2. С. 252–253.

6. Мириманов В. Б. Искусство и миф. Центральный образ картины мира. М.: Согласие, 1997.

7. Тишков В. А. Культурный смысл пространства // V конгресс этнографов и антропологов России (9–12 июня 2003 г., г. Омск): тез. докл. М.: Б. и., 2003. С. 14–31.

8. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир / Отв. ред. И. Гемуев. Новосибирск: Наука, 1988.

Svetlana G. BATYREVA

Dr. Sci. (Fine and Applied Art and Architecture), Prof.,
Head, Museum of Traditional Culture, Leading Researcher,
Department of History, Archeology and Ethnology Kalmyk Scientific
Center, Russian Academy of Sciences,
Elista, Russia
batyrevasg@kigiran.com

Kermen P. BATYREVA

Cand. Sci. (Aesthetics), Senior Lecturer,
Department of Folklore and Social and Cultural Activity,
Kalmyk State University,
Elista, Russia
sargerel@mail.ru

**Painting in the Eurasian Field of Culture
(To the 95-th Anniversary of the People's Artist
of the RSFSR Garry Rokchinsky)**

Garry O. Rokchinsky (1923–1993) — an outstanding Kalmyk artist, one of the founders of the modern fine tradition in the art of Kalmykia. The artist's pictorial language in many ways represents the ethnic code of the tradition, which was originally transformed by a creative individuality in the process of familiarizing with the world cultural heritage. From realism through the sign system of the traditional culture of the people to the impressionistic quest and pointless painting: this is the paradigm of his creative path. On the energy crosshairs of the artistic culture of Eurasia, his heritage was born, which uniquely combined the activity experience and the philosophical wisdom of mankind. In the author's appeal to the mythology and history of the people, the national cosmos, inspired by art, is concentrated. The ethnic model of the universe

is embodied in works that constitute a platform for cultural dialogue, mutual understanding of the bearers of different cultures.

Keywords: *cultural heritage, ethnic self-awareness, painting, traditions, dialog, Garry O. Rokchinsky.*

С. И. Фомина*

Стратегии и технологии освоения ресурсов регионов России в процессе проектной деятельности студентов (на примере магистерской программы «Региональный культурно-познавательный туризм»)

В статье представлена характеристика стратегий и технологий реализации проектов, направленных на изучение ресурсов регионов России, выполненных магистрантами программы «Региональный культурно-познавательный туризм». Интердисциплинарность анализируется как ключевая стратегия проектной деятельности. На основании изучения более чем ста проектов выделяются четыре группы проектов различных форм (сетевые проекты, квесты, интегрированные занятия, образовательные программы, маршрутные листы и т. д.), демонстрирующие возможности формирования профессиональных компетенций будущих профессионалов в области культурно-познавательного туризма.

Ключевые слова: культурно-познавательный туризм, основная образовательная программа, педагогическое образование, магистратура, ресурсы культурно-познавательного туризма, проектная деятельность, образовательные проекты, туристский контент.

В современном образовательном процессе все большую актуальность приобретает проектная деятельность как педагогическая стратегия в области подготовки профессионалов для работы в области культурно-познавательного туризма. Названная стратегия позволяет эффективно решать комплекс задач, связанных с формированием профессиональных компетенций в области проектирования

* ФОМИНА Светлана Игоревна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры художественного образования и декоративного искусства Российского Государственного педагогического университета имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия. Электронная почта: svig73@yandex.ru.

образовательной среды высокой степени открытости, что определило ее использование в рамках подготовки магистров педагогического образования, обучающихся в Российском государственном педагогическом университете имени А. И. Герцена на основной образовательной программе магистратуры «Региональный культурно-познавательный туризм» [1]. (До 2017–2018 учебного года программа «Региональный культурно-познавательный туризм» была сетевой и реализовывалась в содружестве с Владимирским государственным университетом имени Столетовых). В рамках освоения ряда дисциплин модуля профессиональной подготовки, обучающиеся разрабатывают проекты, связанные с освоением региональных ресурсов России, ориентация на изучение и актуализацию потенциала которых составляет основу содержательного наполнения программы.

Отметим, что необходимость обращения к изучению региональных ресурсов России была подтверждена исследованиями специалистов центра содействия по трудоустройству университета «МОСТ», которые были направлены на выявление основных параметров востребованности на рынке труда выпускников сетевой образовательной программы магистерской подготовки «Региональный культурно-познавательный туризм» и интереса к программе среди потенциальных обучающихся. Результаты исследования подтвердили востребованность специалистов, способных изучать региональные ресурсы туризма, определять стратегии и проектировать новые продукты для их продвижения на рынке туристских услуг.

В связи с этим, уже в процессе проектирования программы [2] учитывалась ее направленность на подготовку специалистов, владеющих современными технологиями разработки, организации, проведения культурно-образовательных программ различного уровня (организованный туризм, самостоятельный туризм и т.д.) и различной степени сложности. Ориентация на комплексное изучение гуманитарных технологий освоения региональных природных и культурных (исторических, художественных, промышленных и т.д.) ресурсов и их актуализации стало одной из задач проектной деятельности обучающихся.

Ведущим принципом программы является ее междисциплинарный характер: проектная деятельность студентов, связанная с разработкой или моделированием проектов в области культурно-познавательного туризма, может быть реализована в рамках любой из дис-

циплин модуля, а так же представлена в выпускной квалификационной работе. Анализ проектов показывает, что за пять лет реализации программы, было разработано свыше ста проектов, половина которых получила практическое воплощение.

Итак, общей стратегией проектной деятельности обучающихся стала ее междисциплинарность, интерес к комплексному изучению ресурсов региона и ориентация на практическую реализацию предложений по их актуализации.

Технологии освоения ресурсов связаны, в первую очередь, с решением конкретного типа задач, который являлся ведущим при выполнении конкретного проекта. Анализ проектной деятельности студентов позволил выделить типы задач, которые решались в рамках разрабатываемых проектов. Итоговая классификация включает четыре группы проектов.

К первой группе относятся проекты, направленные на развитие коммуникационных навыков участников — разработчика проекта, авторов маршрутов, педагогов, учеников, организаторов, экскурсоводов и др. В данной группе проектов разрабатываются квест-маршруты, туристические маршруты, маршрутные листы и задания на определенные темы, связанные с региональным контентом, образовательные путешествия, как форма интенсивного и эффективного решения образовательно-воспитательных задач в рамках ограниченного количества времени, методические рекомендации к ним и сценарии образовательных путешествий. К представленной группе проектов можно отнести следующие проекты: М. В. Новикова «Разработка образовательного путешествия для старшеклассников «Великая Победа» рук. Ю. В. Зиновьева; Л. Р. Рашитова «Серия квест-маршрутов «Искусство и художник. Художественная культура Великого Новгорода сквозь призму личности его творцов» рук. С. И. Фомина; Е. Н. Якушева «Маршрутные листы как средство организации работы с семейной аудиторией на экспозициях музеев Санкт-Петербурга» рук. Ю. В. Зиновьева.

Ко второй группе проектов относятся работы, направленные на развитие методических навыков организаторов, разработчиков, исполнителей проекта — это издания целью которых является распространение культурно-образовательной, музейной, региональной, краеведческой и другой информации, развитие собственных форм работы с различной аудиторией (Т. В. Гонтаренко «Методическая

разработка курса занятий на тему «Диалог музеев: Государственный Русский музей — Государственная художественная галерея Фонда поколений Ханты- Мансийского автономного округа — Югры» рук. Т. П. Чаговец; К. В. Киселева «Менеджмент туристского клуба в системе дополнительного образования» рук. О. С. Сапанжа).

К третьей группе относятся проекты, направленные на развитие творческих навыков его участников. Как правило, конечным результатом проекта является творческая деятельность или художественный продукт: анимационный фильм, видеоролики, выставки, творческие отчеты и т.д. (Д. В. Константинова «Изучение традиций народов России во внеурочной деятельности художественной направленности. Анимационный фильм «Народы Урала» рук. С. И. Фомина).

Наконец, четвертую группу составили проекты, направленные на развитие управленческого навыка. В данном случае речь, в первую очередь, идет о разработке образовательных программ, поиске возможностей для расширения российского внутреннего туризма, поиске новых ресурсов, которые смогут стать полноценным туристским продуктом, занимающим важное место в системе туризма, разработке программ образовательных путешествий, где можно обмениваться опытом и знаниями на специализированных форумах и курсах повышения квалификации, посещать музеи, осматривать достопримечательности, посещать фестивали и другие мероприятия, совмещая образовательные и культурно-просветительские мероприятия в рамках туризма (А. В. Никитина «Разработка модели инновационного Интернет портала «Музеи Мира» рук. А. Г. Бойко; К. С. Подольская «Галереи Санкт-Петербурга в системе регионального туризма» рук. Е. К. Блинова; М. А. Грибанова «Проектирование программ образовательного туризма на тему: «Ленинградские художники-иллюстраторы детской книги» рук. О. Л. Некрасова-Каратеева; М. А. Ерасов «Проектирование программ академической мобильности в области искусства и художественного образования в системе взаимодействия вузов Санкт-Петербурга и Чешской Республики» рук. О. С. Сапанжа).

Каждая из выделенных групп, связанная с решением задач формирования конкретной профессиональной компетенции, не существует обособленно: инструменты реализации проектов основаны на общих технологиях и подчинены стратегическим задачам программы. Речь идет о выделении ведущего компонента, определяющего выбор конкретной формы реализации задач изучения и актуализации

туристских ресурсов региона. Анализ компетенций, необходимых магистру педагогического образования, позволяет утверждать, что навык комплексного исследования региональных ресурсов позволяет успешно осуществлять профессиональную деятельность в областях, предусмотренных Федеральным государственным образовательным стандартом по направлению подготовки 44.04.01 Педагогическое образование (уровень магистратура), а именно: образование и наука (в сфере начального общего, основного общего, среднего общего образования, профессионального обучения, профессионального образования, дополнительного образования, в сфере научных исследований), культура и искусство (в сфере организации отдыха и развлечений, реализации зрелищно-развлекательной и культурно-просветительской деятельности).

На первом этапе реализации программы в фокусе внимания преимущественно оказывались ресурсы Северо-Запада и Центрального региона России. Однако, в последнее время заметной становится тенденция, связанная с изменением тематической заинтересованности студентов туристическими возможностями и культурными ресурсами Юга России и Северного Кавказа. Изменение вектора интереса можно объяснить многонациональностью студентов, обучающихся на факультете изобразительного искусства, их желанием изучать и популяризировать культуру и природное наследие, этнические особенности культуры народов Юга России и Северного Кавказа, что определяет включение в задания проектной деятельности новых тем и направлений.

Использованная литература:

1. Сапанжа О. С. Критерии оценки эффективности сетевых магистерских программ в области педагогического образования (на примере программы «Региональный культурно-познавательный туризм») [Электронный ресурс] // Письма в Эмиссия. Оффлайн. 2015. Январь. Art2312. URL: <http://www.emissia.org/offline/2015/2312.htm> (дата обращения 25.09.2018).

2. Учебно-методический комплекс по сетевой образовательной программе подготовки магистров «Региональный культурно-познавательный туризм» / под ред. В. А. Рабоша, Э. В. Махровой, О. С. Сапанжа. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2014.

Svetlana I. FOMINA

Cand. Sci. (Methods of Raining and Education
(Fine and Decorative Arts), Assos. Prof.,
Department of Art Education
and Decorative Art, Russian State Pedagogical University,
Saint-Petersburg, Russia
svig73@yandex.ru

**Resources of Russian Regions:
Study in the Process of Project Activities
(Master's Program «Regional
Cultural and Educational Tourism»)**

Characteristics of strategies and technologies for implementing projects aimed at studying the resources of Russian regions are the focus of the article. The base is the program «Regional cultural and educational tourism». Interdisciplinarity is analyzed as a strategy for project activities. Four groups of projects of various forms (network projects, quests, integrated classes, educational programs, route sheets, etc.) are described in the article. They demonstrate the possibilities for the formation of professional competencies of future professionals in the field of cultural and educational tourism.

Keywords: *cultural and educational tourism, the main educational program, pedagogical education, magistracy, cultural and educational tourism resources, project activities, educational projects, tourist content.*

Б. М.-Г. Харсиев*

**Регламентация семейных
отношений ингушей: социальный аспект**

Семья является важной основой общества. Культурные процессы происходят и проецируются в семье. При этом семья — не только своего рода зеркало культурного взаимодействия; она и сама влияет на культурно-бытовые процессы, ускоряя

* ХАРСИЕВ Борис Магомет-Гиреевич, кандидат философских наук, заведующий отделом этнологии Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук имени Ч.Э. Ахриева. Магас, Российская Федерация. Электронная почта: harsievfilial@mail.ru.

или замедляя их. Особенности социально-экономического и исторического развития ингушского народа, специфика горного и предгорного ландшафтов, проживание большей части населения в сельской местности, политика царского правительства, консервировавшего общественный строй горских народов, способствовали сохранению традиционности в его материальной и духовной культуре, а также социальной организации — семьи. Муж и жена были обязаны соблюдать определенный этикет при детях, одинаково безнравственно считалось ругаться, ссориться или проявлять излишнее чувство нежности по отношению друг другу. Многодетная семья считалась идеалом, а воспитательные функции были важнейшими функциями в семье.

Ключевые слова: социальная нация, большая семья, патронимия, этнос, общественные связи, родовой быт, обычаи, традиции.

В связи с задачами построения единой социальной нации на просторах Российской Федерации, необходимо учитывать исторический опыт общественного быта народов страны (см.: [1] [7]). И в первую очередь семьи, как ячейки общества.

«Семья, как показала разработка общей теории этноса, является важной микроячейкой этнических процессов. Это тем более относится к такой их составляющей, как культурные процессы. При этом семья — не только своего рода зеркало культурного взаимодействия; она и сама влияет на культурно-бытовые процессы, ускоряя или замедляя их ход» — отмечает Я. С. Смирнова [16, с. 100].

Исторически сложившийся тип семьи у народов Северного Кавказа в определенной степени влиял и на ее структуру, в частности, на характер взаимоотношений между ее членами, хотя имелись и свои различия, сложившиеся у отдельных народов региона в результате особенностей их конкретной истории, например, более глубокого влияния ислама на чеченцев и ингушей или постоянных репрессий со стороны властей. Но в то же время близость исторических судеб и динамичность семейной организации порождали значительное сходство в структуре семьи у всех народов и групп населения Северного Кавказа.

Наряду с экономическими в семейно-родственной группе сохранились общественные связи. Патронимия была коллективом людей, ощущавших свою особенно тесную близость и солидарность. Организационно это выражалось прежде всего в наличии общего главы, «старшего», с которым полагалось советоваться во всех важных случаях жизни семей данной группы. Члены патронимии были связаны круговой порукой. «В частности, именно из числа близких родствен-

ников избирались соприсяжники (либо часть их) ответчика или обвиняемого на суде» [5, с. 311]. Но еще важнее была семейно-родственная взаимответственность при кровомщении и выплате компенсаций. Немалое значение имели также идеологические связи между семьями одной патронимии. В этом отношении были важны уже общепатронимическая генеалогия, воспоминание об общем родоначальнике группы. Это был один из потомков предка-эпонима всей фамилии, оставивший большое мужское потомство или проявивший себя как-то иначе и поэтому давший начало данной патронимии.

Семейно-родственная группа не была замкнутым миром: она входила, с одной стороны, в более широкие образования, с другой — в сельские общества или соседские общины. Патронимии так же, как и соседской общине, в отличие от рода, свойствен дуализм частной собственности на сельскохозяйственный двор и скот и коллективной собственности на землю или хотя бы на некоторую ее часть. Семьи одной патронимии не были единым производственным коллективом, они только помогали друг другу. Но они были во многих отношениях связаны между собой теснее, чем соседи-общинники, и, следовательно, можно говорить о количественном различии патронимических и соседско-общинных связей.

Всем этим определяется то особое влияние, которое оказывала в первую очередь именно семейно-родственная группа на уклад жизни каждой отдельной семьи и всех ее членов. Пользуясь постоянной материальной и моральной поддержкой со стороны близких родственников, горская семья сызмальства воспитывала детей в уважении к узам родства и мнению родни, особенно старшей. В норме ни один важный жизненный шаг не предпринимался без совета со старшими членами семейно-родственной группы и ни одно событие семейной жизни не обходилось без активного участия всех близких родственников.

Ни один обряд, связанный с хозяйственным или с жизненным циклом, повседневной жизнью или нарушением ее привычного хода в одной из семей патронимии, не мыслился без присутствия хотя бы представителей других семей. Такой же характер имела и роль, которая отводилась «старшему» в патронимии в решении практических вопросов и обрядовой жизни.

Особенности социально-экономического и исторического развития ингушского народа, специфика горного и предгорного ландшафтов, проживание большей части населения в сельской местности,

политика царского правительства, консервировавшего общественный строй горских народов, способствовали сохранению традиционности в его материальной и духовной культуре, а также социальной организации — семьи. Приведем одну из характеристик быта ингушей в освещаемый нами период. «Живут горные ингуши по несколько семей в одном жилище. Каждая семья имеет особое помещение, отделенное от помещений остальных семей толстыми каменными стенами и выходящее в один общий коридор» [10, с. 72].

Во второй половине XIX и начале XX вв. в Ингушетии существовали большие неразделенные и индивидуальные семьи. Женатые сыновья обычно жили совместно со своими родителями, «хотя и строили для себя отдельные дома» [17, с. 122–123].

По описанию Б.К. Далгата, «... в состав большой семьи ингушей, проживавших в горной и низменной части под одной кровлей, входили целые поколения: родители, дети, внуки и правнуки» [5, с. 350–351].

Наряду с большими семьями указанные авторы упоминают двухпоколенные и индивидуальные семьи в конце XVIII и начале XIX вв.

«Развитие производительных сил ингушского общества предопределило процесс выделения из большой семьи малых семей» [8, с. 10].

Существованием больших семей или семейной общины народ соблюдал исторически сложившийся обычай. Нераздельная семья, как характерный компонент семейной общины, пользовалась большим авторитетом в обществе. «Она гордилась своей многочисленностью, в особенности большим количеством мужчин» [6, с. 32–33]. В таких семьях власть находилась в руках старшего — *цѣн-да* (хозяин дома), считавшегося кормильцем семьи и главным хранителем морального кодекса (*эздел*) как в семье, так и за ее пределами в отношении всего общества. Моральный кодекс чести *эздел* являлся основой взаимоотношений и семьи, и общества. Главенство за *цѣн-да* сохранялось и тогда, когда его собственные сыновья вырастали. «Сын до самой смерти слушается отца» [5, с. 344]. *Цѣн-да* и старший сын в основном осуществляли общее руководство и управление, средние и младшие члены семьи мужского пола занимались посевом, промыслом, охотой, уходом за скотом, заготовкой сена и дров. Снохи совместно вели до-

машнее хозяйство. Существовала строгая семейная иерархия подчинения младших старшим членам семьи.

Жена хозяина дома — *цIен-нана* (хозяйка дома) — являлась основной распорядительницей в доме. Хотя считалось, что «... жена (по адату) всецело переходит во власть мужа, родители ее не властны; однако за убийство ее мужем они мстят» [5, с. 344]. Жена ведала кухней, кладовыми. Ей подчинялись снохи, с ней считались и мужчины. Она участвовала в семейных советах, распоряжалась на свадьбах, праздниках и т.д. Отец считался патриархом, авторитет его непререкаемо поддерживался женой, сыновьями, дочерьми и внуками. Все важные вопросы взаимоотношений с другими родами, общественного быта решались главой семьи. «В делах, касающихся дома, между мужчинами и женщинами было строгое распределение труда и обязанностей, мать, жена главы дома была полновластной хозяйкой. В доме вайнахов жена была не служанкой, как это привыкли понимать, а хозяйкой» [11, с. 9]. Вмешиваться в функции хозяйки считалось предосудительным.

В обязанности женщин входили: приготовление пищи, обеспечение членов семьи одеждой, уход за детьми, уборка дома, доение скота, уход за птицей, прополка огорода. Хозяйка дома распределяла домашнюю работу также между несовершеннолетними детьми. Мальчики с 8–10 лет пасли овец, гоняли скот на пастбища, а с 12–14 — помогали отцу в полевых работах. Девочки с пяти с 5–7 лет учились рукоделию шитью, ведению хозяйства. Они убрали жилые помещения, подметали дворы, выносили помет и навоз из земляного хлева, приносили воду, нянчили младших детей. «Девушка в семье обязана обслуживать и подчиняться всем своим братьям, хотя бы она была старше некоторых из них годами, за исключением братьев моложе двенадцати лет. Еще ниже на этой иерархической лестнице стояла невестка, которая подчиняется сестре мужа, его племяннице, внучке» [16, с. 36].

С малолетства приучая детей к труду, старшие следили, чтобы они безоговорочно выполняли все поручения. Дети обычно соревновались между собой: кто чище и быстрее справится со своими обязанностями. Мать чаще была занята работами вне дома: полола кукурузу на поле или выделывала войлочные изделия, поэтому домашними делами приходилось заниматься детям. Они сами присматривали за собой, младшими сестрами и братьями. «Мать, воспитавшую хороших детей, уважали в обществе. При ее появлении в знак уважения вставляли даже взрослые мужчины» [12, с. 178].

Многодетная семья была более трудолюбивая. Мать старалась внушить детям уважение к отцу. С малых лет они видели в нем некое возвышенное, недостижимое существо. То же самое они видели в отношениях их отца к своему отцу (дедушке). Эта традиция переходила от отца к сыну и постепенно внедрялась в семейный быт.

В ингушской семье слово старшего, его замечания были для младших законом, и никто не смел ему перечить. Это не означало, что старшие по возрасту — дедушка или бабушка — навязывали членам семьи свою волю. По традиции младшие считали себя обязанными подчиниться слову старшего и выполнять его распоряжения.

«При рождении сына поздравляют родителей-супругов; и по адату, и по шариату (хакикат) через 3 дня по рождению режут барана, собирают девушек для танцев; имя также дают на 3-й день рождения» [13].

«Отцы всегда радовались рождению сыновей, однако редко их ласкали, а брать их в руки при посторонних стеснялись, так как это считалось вовсе неприличным» [5, с. 344].

Муж и жена были обязаны соблюдать определенный этикет при детях, одинаково безнравственно считалось ругаться, ссориться или проявлять излишнее чувство нежности по отношению друг другу.

«За проступки жены отвечает муж; ее дела ведет он. Даже за убийство, совершенное женою, наказывается муж; женщина у ингушей неприкосновенна и наказанию не подлежит» [5, с. 341].

В. Итонишвили пишет: «В семье кистов, как бы немощен и стар ни был член семьи, молодой хозяин, управляя семейными делами, не позволял себе, не посоветовавшись с ним, решать какие-либо вопросы. Тем более недопустимым было невнимание к нему со стороны других членов семьи. Большое уважение к старшим является главным признаком семейных отношений как панкисских кистов, так и других горцев. Кистинский этикет требовал тщательного сохранения отцовских обычаев, уважения младшими старших как в семье, так и в обществе. В глазах киста недостойным членом семьи считался тот молодой человек, который вел неуважительный разговор с ним, был бесцеремонен и говорил лишнее и т.д.» [6, с. 172].

В присутствии старших членов семьи нельзя было пить крепкие напитки, курить, молодые обязаны были стоять и воздерживаться от лишних разговоров, неуместных реплик и смеха. Нельзя было спорить со старшими, не проявлять обязательного уважения и почти-

тельности. Отец обычно не наказывал членов семьи, этим занималась мать. Отношения родителей и детей основывались на взаимопонимании и взаимных уступках.

3. Гулисашвили пишет: «В кистинской семье с большим уважением относятся к старику. Старший по возрасту здесь принадлежит не одному члену, а больше семейному совету, который иногда, ввиду неспособности принимать правильные решения, мог лишиться титула семейного патриарха и передать свои полномочия более молодому» [18].

К *цѐн-да* и *цѐн-нана* члены семьи (сыновья, дочери, невестки и внуки) относились с большим вниманием, согласовывали с ними все вопросы быта семьи. Больше всех работы по дому выполняли невестки.

Родство по отцовской линии ингуши поддерживали до тех пор, пока продолжается фамилия. Самыми почетными родственниками считались *нон-хой* (родные матери) и *захал* (родственники невестки). Браки между родственниками по матери или отцу (*гаргал-нах*) категорически запрещались. Следует отметить, что обычаи, на которых строились отношения между людьми, носили законодательный характер. Например, запрещались браки между ближайшими соседями, если даже они были представителями разных фамилий, между приемными детьми и их новыми родственниками, строго соблюдался обычай побратимства. Дети побратавшейся семьи считались такими же братьями и сестрами, как и родные.

«В конце XIX — начале XX в. большая семья сохранилась преимущественно в горных местах. Это объяснялось малым удельным весом требующего большого труда земледелия и альпийским скотоводством, строго регламентирующим перемещение скота на дальние расстояния от дома, которые требовали наличия большого числа рабочих рук и такой внутренней организации, которая была бы способна обеспечить распределение функций в этом сложном, многопрофильном хозяйстве. Такой и была большая семья у горцев» [15, с. 17]. «Если в горных районах больше семейная организация еще оставалась сравнительно распространенным явлением, то на равнине она уже в основном прекратила свое существование», — пишет Я. С. Смирнова [16, с. 185].

Господствующим типом семьи в большей части Ингушетии, особенно в плоскостных ее районах, стала малая, индивидуальная семья.

Чаще всего она состояла из представителей двух поколений: родителей и детей, реже включала в свой состав представителей старшего поколения и боковых родственников мужа: осиротевшего племянника или овдовевшую сестру, тетю.

В отличие от большой семьи, для которой характерно половозрастное разделение обязанностей, в малых семьях, если дети еще не выросли, все виды работ ложились на плечи супругов.

Выделение женатого сына в самостоятельную хозяйственную единицу происходило обычно через полгода или год после свадьбы, в течение которого создавалась материальная база новой семьи. Создание новой хозяйственной ячейки общества сопровождалось не только изменением структуры большой семьи, но и трансформацией функций ее членов. Молодой хозяин приобретал права единоличного решения семейных вопросов. На нем теперь лежало бремя выполнения самых трудоемких работ по хозяйству: заготовка дров, сена, полевые работы, строительство и ремонт дома и т.д. Труд его приобретал более заинтересованный характер, чем в большой семье.

Заметно изменилось положение женщины в малой семье. Круг ее обязанностей также увеличивался: кухня, уход и воспитание малолетних детей, уход за скотом, доставка воды, уборка помещений, двора, обмазка и побелка дома, помощь мужу в полевых работах и другие. Если в семье жила свекровь, то она брала на себя часть домашних обязанностей, в частности, помогала в уходе за детьми. Отличаясь большим трудолюбием, ингушки до глубокой старости не отстранялись от домашнего труда: готовили пищу, ткали сукно, шили суконную обувь, ухаживали за малыми детьми и тем самым высвобождали невестку для более трудных и ответственных дел.

До начала XX в. в Ингушетии господствовали полунатуральное хозяйство и патриархально-феодалный быт, в таких условиях каждая семья стремилась иметь большое количество детей, как потенциал рабочих рук, обеспечивающих ее существование. Счастливой считалась семья, где было десять и более детей. Иметь детей считалось большим счастьем, а не иметь — несчастьем и наказанием божьим. Особенным благополучием для семьи было наличие большого количества детей мужского пола. В семье, где есть мальчики, рождение девочек тоже было радостным событием. «Матери, не имеющей дочери, или сестре, не имеющей сестры, сочувствовали» [8, с. 17].

Рождение ребенка мужского пола было радостным событием в семье. Дети 7–10 лет при первом сообщении о появлении ребенка бежали, обгоняя друг друга, чтобы первыми сообщить приятную весть ближайшим родственникам и соседям. Маленьких «гонцов» вознаграждали за сообщение деньгами или подарками. Семья, в которую вселилось торжество, готовила званый обед для гостей, а в некоторых семьях проводили религиозный обряд — мовлат. Отдельные состоятельные семьи организовывали скачки с призами для победителей, в которых принимали участие все желающие наездники не только из села, но и со всей округи.

Наречению ребенку имени придавали большое значение, пытаясь подобрать имя человека, известного в селе или во всей Ингушетии. Считалось, что новорожденный должен быть таким же прославленным или храбрым, уважаемым в народе за добродетели. Кроме того, с введением мусульманской религии ингуши стали нарекать своих детей именами святых: Хасан, Хусейн, Мухаммед, Сайд, Петимат, Хава и др. По этому поводу Н. Ф. Грабовский писал: «У ингушей нет раз и навсегда установленных имен для наречения новорожденных. Чаще всего в этих случаях даются магометанские имена, но иногда ингуш любит назвать своего ребенка каким-нибудь предметом, как, например: *Борз* (волк), *Оалхазар* (птица), *Наж* (дуб), *Тепча* (пистолет) и т.д. Затем ингуши охотно дают имена в честь каких-нибудь уважаемых людей, не исключая русских...» [4, с. 64].

Детям с раннего возраста прививали уважение к родителям. Народная мудрость гласит: «Выученное в молодости, как написанное на камне». Им внушали, что повышать голос на родителей и проявлять неповиновение — большой позор перед обществом родственниками, большой грех. «Дети, как мужского пола, так и женского пола, несмотря на возраст их, находятся в полной зависимости от своих родителей, как от отца, так равно и от матери. Они должны во всех отношениях им повиноваться со смирением и глубочайшим почтением, принимать всякое от них приказание, безропотно исполнять их и без сопротивления терпеть всякое наказание от своих родителей» [9, с. 112], — писал Ф. И. Леонтович.

Образец поведения родителей, их семейный образ жизни, характер взаимоотношений между ними оказывают большое влияние на образ жизни молодых. Поэтому родители всячески поддерживают

авторитет друг друга перед детьми. В случаях расхождения мнений родители выясняли отношения между собой без присутствия детей.

Многодетная семья считалась идеалом, а воспитательные функции были важнейшими функциями в семье. Трудовая деятельность в ингушской семье служила арсеналом воспитательных средств, а воспитание не являлось специальным процессом. Нормы поведения и взаимоотношений членов семьи определялись половозрастным признаком. Младшие члены семьи не должны были разговаривать со старшими сидя, если те стоят. Особенно это соблюдалось между членами семьи. В соответствии с этим в Ингушетии, как и вообще на Кавказе, самым большим уважением пользовались пожилые люди и прежде всего глава семьи. «В семейном быту вайнахов была характерной согласованность действий старшего с мнением совершеннолетних членов семьи» — читаем мы В. Д. Итонишвили [6, с. 13–14].

Таким образом, мы можем констатировать, что в конце XIX — начале XX вв. у ингушского народа основным типом семьи в плоскостной части Ингушетии была малая, двухпоколенная, индивидуальная семья — дезал, но в ней преобладали еще такие черты большесемейной общины, как приоритет мужчины, являвшегося главой семьи и распорядителем имущества. Особое положение мужского пола объяснялось, как отмечалось выше тем, что они — кормильцы семьи, продолжатели рода, защитники страны. «Мальчик — будущий мужчина и боец, продолжатель рода» [2, с. 28], — писал А. Бергер.

Ингуши стремились дать всестороннее воспитание своим детям; умственное, физическое, нравственное, эстетическое, привить любовь к труду, хотя условия для такого воспитания были крайне ограниченными. Умным считали умудренного жизненным опытом человека, старшего в роду, семье или образованного в силу своих возможностей.

Одним из элементов системы воспитания в состоятельных семьях ингушей был обычай отдавать детей на воспитание в чужие семьи (аталычество). «Аталычество или обычай отдавать ребенка своего на воспитание в чужой род, вдали от Родины..., плоскостные ингуши и чеченцы заимствовали этот обычай у соседей и посылали иногда своих детей к кабардинцам или кумыкам» [5, с. 52].

Также у ингушей практиковалась отдача одного из детей на воспитание или на постоянное жительство ближайшему родственнику, бездетному брату, дяде, сестре. В этом случае дети признавали своими

родителями приемных отца и мать и становились продолжателями их рода.

Усыновление и воспитание детей выполняли функции взаимопомощи, взаимоподдержки, коммуникации и воспитания.

Трудовое воспитание детей у ингушского народа являлось основой всех направлений воспитания. До 9–10 лет воспитанием мальчиков занималась мать, затем — отец, дедушка. Совершеннолетним юноша становился в 15 лет, ему поручалось выполнять трудоемкие работы, он мог носить оружие и, по адату, вступать в брак. Актом совершеннолетия являлся приезд его к матрилинейному дяде, который дарил ему обычно коня [16, с. 55–57]. «Для девочек этот возраст наступал раньше — в 14 лет. В этом возрасте ее можно было сватать. В доме, где имелась девушка на выданье, ворота двора до поздней ночи должны были быть настежь открытыми» [8, с. 22].

Ингуши придавали большое значение физическому развитию и воспитанию детей, особенно мальчиков. Этого требовали прежде всего необходимость защиты своего отечества, села, родичей, семьи, а также существующий обычай кровной мести. К физическому воспитанию относились: верховая езда, борьба, метание камней, дротиков, копьа и т.д. Старшие в семье обучали младших верховой езде, владению оружием.

Часто устраивали различные соревнования, в том числе конные состязания. «Западного человека, прежде всего, у кавказца удивляет живость его нескованной ритмики, его пластическая подвижность, его любовь к борьбе, к конским ристалищам, к метанию дротиков, его умеренность в пище, любовь к свободе, к быстроте перемещений, его кочевые склонности обожествлять солнце и коня, самое быстрое в видимом им мире светило и самое быстроногое животное» [14, с. 18]. «Смелые наездники приучают своих лошадей бросаться с утесов и с крутых берегов рек... Такой отчаянный навык, подвергавший всякий раз жизнь седока-джигита вместе с лошадью видимой опасности, нередко спасает от опасности попасться в руки неприятеля при случае близкой погони» [3, с. 147]. Такие соревнования прививали мальчикам любовь к ездovому спорту, закаляли их, воспитывали мужество и волю.

Физическому воспитанию способствовали различные игры, такие как состязание в беге, фехтование на шашках и кинжалах, стрельба из лука, игра в мяч, катание на санках и коньках.

Большое внимание уделялось нравственному воспитанию детей. С малолетства детям прививали правила поведения дома и в обществе. Одним из методов воспитания являлись личный пример, авторитет старшего в семье, построенный на выдержке, подражание поступкам былинных героев.

Неотъемлемой частью традиционного воспитания у ингушей был обычай избегания между родителями и детьми, в особенности между детьми и отцами. Поощрялась внешняя сдержанность между ними. Отец при детях не должен был пить алкогольные напитки, курить, а если ему за пятьдесят, он должен был вообще отказаться от того и другого. Зять не показывался родителям жены.

Избегание генетически не связано с патриархальной приниженностью младших членов семьи. Избегание выполняло определенную социальную функцию в пределах ингушского этикета. Оно напрямую связано с проявлением внутрисемейного и общественного уважения друг к другу в процессе общения, основанного на благочестии и скромности, сдержанности и терпении. Избегание как одна из форм традиционно-бытовой культуры ингушского народа сохранилось в своих основных формах и по сегодняшний день как составная часть эздел — ингушского кодекса морали.

Нравственно воспитанным считают того, кто не проводит свое время в праздности и излишней болтливости. «Безделье и болтливость детей решительно осуждались и осуждаются у вайнахов» [8, с. 25]. С детства родители и старшие требовали от детей быть верными данному слову, товарищеской дружбе. Детям прививали чувство чести и благородства, любовь к отечеству и уважение к обычаям. Большое значение придавали воспитанию у детей чувства взаимопомощи, взаимоподдержки, готовности выполнить поручение старшего члена общества.

Эстетический вкус ингуши старались привить детям обоего пола. Их с малых лет приобщали к музыке и танцам. Мальчиков привлекали к оформлению интерьера дома, ворот, сада и т.д., девочек — к оформлению одежды, убранству дома, художественной вышивке, ковроткачеству.

Женщина-ингушка во все времена пользовалась большим уважением и правами, «... хотя и была обременена большой долей труда» [4, с. 125]. Дочери в ингушской семье должны были быть во всем по-

корными родителями. Их могли отдавать замуж без их согласия. Отец «... содержит их, как знает, выдает замуж за кого хочет» [9, с. 177].

Конечно, было бы ошибкой считать, что все браки заключались без согласия девушек. Чаще всего девушка знала, кто ее сватает, и давала свое согласие. Девушка могла увидеться с молодыми людьми на свадьбе у родственников, соседей, в гостях и т.д., существовал специальный обычай шутивого сватовства — зохолод, который позволял молодым людям общаться как в серьезном, так и в шутивном тоне, потанцевать вместе. Все это, конечно, проходило публично. Молодые люди могли видеться также у колодца или ключа, куда девушки приходили за водой.

«Выходить замуж без согласия родителей у ингушского народа считалось позорным» [8, с. 28]. Если девушка выходила замуж без согласия родителей, ее всеми силами пытались вернуть в отчий дом, и чаще всего под давлением родственников девушки ее возвращали. В этом случае родители без спроса могли отдать девушку замуж по своему усмотрению.

Из всех бед, которые могли постичь семью, худшей считалась, когда позор касался женщины. Поэтому честь женщины обязаны были оберегать все мужчины семьи и рода. «О женщине говорили: как много зависит от нее, она может сплотить семью, родню. Хорошая женщина из посредственного мужчины может сделать князя, а плохая — из князя — батрака» [8, с. 30]. «Несмотря на бесправное внешнее положение свое, женщина при уме и энергии играет выдающуюся роль и в родовом быту народов» [5, с. 62], — писал Б. К. Далгат об ингушской женщине.

Анализ семьи и семейного быта ингушей в конце XIX — начале XX вв. позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, основным типом семьи была малая, двухпоколенная семья, насчитывавшая в среднем от 6 до 8 человек. Наряду с ней бытовали семья, насчитывающая три поколения прямых родственников, и семья, включающая в свой состав нескольких родственников по боковой линии. Одновременно с ними сохранялись и так называемые большие семьи (семейные общины), порой состоявшие из 30–50 человек как прямых, так и боковых родственников, объединявшие поколение стариков (дед, бабушка), среднее поколение (женатые сыновья, их жены) и, наконец младшее (дети, подростки).

Во-вторых, вне зависимости от состава семьи ее главой являлся старший мужчина, осуществлявший все организаторские и управленческие функции. Разделение и кооперация труда в семье были основаны на традиционных, социально закрепленных нормах половозрастной иерархии.

Роль общества и общественного мнения в формировании подрастающего поколения была весьма заметной. Семейный быт и в этом отношении оставался под неформальным контролем широких родственных и общественных структур. Семейные отношения по своей форме носили патриархальный характер и основывались на взаимных обязательствах, закрепленных вековыми обычаями и имеющими силу адата.

На основе исследования семьи мы можем вывести дефиниции. Ингушская семья — это основанная на браке и кровном родстве малая группа, члены которой связаны общностью быта, взаимной помощью и обязательственной ответственностью, управляемая одним патриархом (отцом). Семья является устойчивым подразделением, одним из элементов рода, общества. Ингушская семья — относительно устойчивая группа, объединенная общими интересами, ценностями, обычаями, сложившимися в рамках исторических форм существования самого ингушского народа.

Использованная литература:

1. Баниже О.Н. Взаимодействие души и тела как основная проблема философской антропологии [Электронный ресурс] // Наследие веков. 2015. № 4. С. 71–74. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/12/2015_4_Banizhe.pdf (дата обращения 20.05.2019).
2. Бергер А.К. Чеченка. М.: Охрана материнства и младенчества, 1928.
3. Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. 1, 2. М. Тип. С. Селивановскаго, 1823.
4. Грабовский Н.Ф. Экономический и домашний быт жителей Горского участка Ингушского округа // Ингуши: сб. ст. и очерков по истории и культуре ингушского народа / сост. А.Х. Танкиев. Саратов: Детская книга, 1996. С. 106–126.
5. Далгат Б.К. Материалы по обычному праву ингушей // Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения. Т. 2. Владикавказ: Б. и., 1929. С. 296–325.

6. Итонишвили В. Д. Пережитки семейной общины в горной Ингушетии // Кавказский этнографический сборник. Т. II.: Очерки этнографии горной Ингушетии. Тбилиси: Мецниереба, 1969. С. 27–34.
7. Крюков А. В. Культурное наследие: проблемы освоения и использования в контексте современной государственной культурной политики [Электронный ресурс] // Наследие веков. 2017. № 3. С. 38–46. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2017/09/2017_3_Kryukov.pdf (дата обращения 30.06.2019).
8. Кудузова Ф. И. Семья и семейный быт ингушей. Грозный: Книга, 1991.
9. Леонтович Ф. И. Адаты кавказских горцев: материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса: Тип. П. А. Зеленаго, 1882.
10. Максимов Е. Д., Вертепов Г. А. Туземцы Северного Кавказа: историко-статистические очерки. Вып. I.: Осетины. Ингуши. Кабардинцы. Владикавказ: Тип. Областного правления Терской области, 1892.
11. Мамакаев М. А. Чеченский тейп (род) и процесс его разложения. Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1962.
12. Маргошвили Л. Ю. Культурно-этнические отношения между Грузией и Чечено-Ингушетией в XIX и начале XX вв. Тбилиси: Мецниереба, 1990.
13. Маргошвили Л. Ю. Кисты Панкиси (историко-этнографическое исследование): дисс. ... канд. истор. наук. Тбилиси, 1970.
14. Пасынков Л. П. Быт и игры кавказских народов. Ростов н/Д: Северо-Кавказский край, 1925.
15. Робакидзе А. И. Некоторые черты горского феодализма на Кавказе // Советская этнография. 1978. № 2. С. 15–24.
16. Смирнова Я. С. Детские и свадебные циклы обычаев и обрядов у народов Северного Кавказа // Кавказский этнографический сборник. Вып. VI. М.: Б. и., 1960. С. 47–98.
17. Харузин Н. Н. Заметки о краеведческом быте чеченцев и ингушей // Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее. Вып. III. М.: Тип. Е. Г. Потапова, 1888. С. 115–157.
18. Шакро (З. Гулисавили). Панкисское ущелье // Иверии. 1887. № 21.

Boris M.-G. KHARSIEV

Cand. Sci. (Religious Studies, Philosophical Anthropology,
Philosophy of Culture), Head, Ethnology Department,
Ingush Research Institute for Humanities
Magas, Russian Federation
harsieffilial@mail.ru

Regulation of the Ingush Family Relations: Social Aspect

The family is an important foundation of society. Cultural processes occur and are projected in the family. At the same time, the family is not only a kind of mirror of cultural interaction; it itself affects the cultural and everyday processes, speeding up or slowing them down. The peculiarities of the socio-economic and historical development of the Ingush people, the specificity of the mountain and foothill landscapes, the living of the greater part of the population in the countryside, the policy of the tsarist government that preserved the social order of the mountain peoples, contributed to the preservation of the tradition in its material and spiritual culture/ Husband and wife were obliged to observe certain etiquette in children, it was equally immoral to swear, quarrel or show excessive feelings of tenderness towards each other.

A large family was considered an ideal, and educational functions were the most important functions in the family.

Keywords: social nation, big family, patronymics, ethnos, public relations, family life, customs, traditions.

А. П. Ноздрина*

Прикладной аспект сохранения традиционной культуры в рамках самодеятельного творческого объединения (на примере Новороссийского клуба рукодельниц «Уютный уголок»)

В 2019 г. исполняется 10 лет Новороссийскому клубу рукодельниц «Уютный уголок». Это самодеятельное творческое объединение в рамках гражданского общества, в состав которого входит более 20 участниц разных национальностей и возрастов. Весь образ жизни мастериц научает нас пониманию смысла жизни в традиционной культуре. Рукоделие помогает осмыслению прикладных аспектов народной традиции в системе эстетического воспитания и межнационального общения.

* НОЗДРИНА Ангелина Петровна, кандидат философских наук, доцент кафедры инженерных дисциплин и управления Новороссийского политехнического института (филиала) Кубанского государственного технологического университета, Новороссийск, Россия. Электронная почта: an.nozdrina2013@yandex.ru.

Деятельность клуба выступает ресурсом межнационального согласия, обеспечивая качественное состояние степени морально-этических отношений людей различных национальностей.

Ключевые слова: культура, традиция, творчество, рукоделие, вышивка.

Веками складывалась самобытная, разработанная народом традиция ручного изготовления предметов быта. Пребывание в самой традиционной культуре помогает формировать национальное самосознание, чувство любви к Отечеству. Обладая объединительной функцией, способной укреплять мир и согласие в гражданском обществе своими духовными и нравственными ценностями, традиционная культура укрепляет нашу государственность. Рукоделие, как один из видов декоративно-прикладного искусства, занимает особое место в российской художественной культуре. Оно несет и передает живущим ныне поколениям эстетический идеал. Конституция Российской Федерации подчеркивает значение народного творчества в жизни социума и юридически закрепляет заботу о нем. Статья 26(2): «Каждый имеет право на пользование своим языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества». Статья 30 (1): «Каждый имеет право на объединение... Свобода деятельности общественных объединений гарантируется». [1, с. 41, 44]. Образцом гражданской инициативы являются самодеятельные женские творческие объединения, которые консолидируют несколько поколений, создавая устойчивую традицию отношения к историческим событиям и духовным ценностям своего времени, вызывая эмоциональную сопричастность и взаимное понимание. Современный образ жизни характеризуется особым спросом на рукотворные произведения народных мастеров, фундируя аксиологические константы антропологического бытия.

На примере работы Новороссийского самодеятельного творческого объединения «Уютный уголок» рассмотрим новые векторы в традиционном славянском рукоделии, взаимодействие рукоделия с другими видами и направлениями искусства, проследим процесс творчества, обогащающий мир женщины и укрепляющий межнациональное согласие. Клуб создан в 2009 г. Вдохновителем и организатором является Кочеганова Виктория Владимировна. Девиз клуба: «Свобода творчества — в рамках традиции». Спектр приложения творческой фантазии необычайно широк и разнообразен. Он объединяет разные виды искусств и направлений: вышивка крестом, бисером, гладью, лентами, гобеленовым швом, вязание крючком, плетение чел-

ноками и другие виды женского рукоделия. Предметы изготавливают из кожи, лоскутков, кружев, бисера, бус, пуговиц, ниток и т.п. Особую роль играют орнамент и дизайн. На собраниях-встречах рукодельницы демонстрируют свои новые работы, делятся планами на будущее, знакомятся с новинками, обсуждают проекты и выставки, проводят мастерклассы. Такие встречи способствуют обмену опытом и росту профессионализма.

За девять лет существования клуба состоялось 8 городских выставок в залах Новороссийского краеведческого музея-заповедника. На выставках отмечены работы Галины Божко, Зои Вешнивецкой, Татьяны Корсуновой, Нины Магакьян, Ирины Мазанко, Юлии Мартынович, Ирины Песковой, Валерии Пивень, Анны Плехановой, Елены Прокопенко, Илоны Тормосовой, Аллы Черновой, Татьяны Шепелевой, Любви Янкиной и др. Вере Петровне Прикот — ветерану Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в этом году исполнилось 96 лет.

Исследователи уверены, что «выставка как таковая, самый факт выставки, или, еще точнее — вернисаж, открытие выставки, празднество по поводу самого факта существования ее — это и есть то (художественное) событие, которое несет в себе смысл невоспроизводимости, т.е. смысл искусства как такового» [11, с. 260]. С целью популяризации вышивального искусства и привлечения молодых талантливых рукодельниц была создана газета «Уютный уголок» (2010). Местная периодическая печать: газеты «Новороссийский рабочий» и «Наш Новороссийск» неоднократно помещали статьи о творческих успехах участниц клуба «Уютный уголок».

Сохранение и освоение культурного наследия и новаторство — образуют основу исторического развития культуры. Трансляция культуры является всеобщим законом, определяющим единство человечества. Рукоделие — неотъемлемая часть мира женщин. Образцы вышивального искусства свидетельствуют о наличии трех творческих аспектов: «во-первых, подавляющее число вышитых изделий выполнено в технике «крест»; во-вторых, центральное место в орнаментации интерьерной ткани занимают растительно-фитоморфные узоры; в-третьих, интернациональный характер многих орнаментальных мотивов» [4, с. 161].

Счетные вышивки относятся к наиболее древним и распространенным. К счетным вышивкам относятся; крест, двойной крест, по-

лукрест, счетная гладь, мережки. Вышивка крестом подушек — любимое занятие Ирины Мазанко, Виктории Кочегановой. Декоративные подушки популярны в восточных странах и в славянской культуре. Подушки традиционно считались оберегом жилища от злых духов у славян. Элементы материальной и духовной культуры народов настоящего и прошлого всегда тесно связаны как между собой, так и с социально-экономическим базисом, который определяет культуру и быт каждой человеческой общности. В настоящее время подушки используют не только для сна, ими декорируют интерьеры жилого дома, квартиры, офиса, салона автомобиля, яхты и других мест проживания людей. Разнообразные по форме, величине, наполнению, оформлению подушки создают особое ощущение уюта и тепла, улучшают настроение: «... культура представляет собой информацию, которая существует в коллективной живой памяти любой человеческой популяции, передается от поколения к поколению путем рассказа или показа и проявляется в определенных формах поведения» [10, с. 173].

Рушники — это предмет народной культуры и народного творчества в большей степени восточных славян. Предмет быденного и ритуального назначения. На рубеже XX–XXI вв. на Кубани возродилась традиция свадебных рушников, которые бережно хранятся и передаются по наследству. Они могут быть выполнены на канве и на полотне, с орнаментальной вышивкой не менее трех ярусов и самосвязанными кружевами. «В трехъярусном размещении орнаментальных мотивов отразились космогонические и мировоззренческие представления древних славян о строении Вселенной» [3, с. 70]. Клуб располагает рушником 1908 г., вышитым прабабушкой Корсуновой Татьяны. Большую роль в нем играют растительные мотивы и геометрические узоры. Соблюдая традиционную композицию, Ирина Мазанко украшает рушники кружевами в технике хардангер, фриволитэ и прошва.

Успехи вышивальщиц клуба во многом зависят от новых технологий и материалов в области рукоделия. Современный художественный рынок не обошел вниманием рукодельниц. Рукоделие, развиваясь в эпоху научно-технической революции, испытывает ее влияния. Появилось много отечественных и зарубежных фирм, производящих наборы и нитки для рукоделия, канву разных размеров и цветов, станки для вышивания и пяльцы, ножницы, ленты, бисер, иглы и т.д. В Интернете представлено около 40 фирм производителей наборов для

вышивания нитками и бисером. Фирмы, производители наборов для вышивания: «Золотое руно», «Алиса», «PANNA», «RTO» Riolis, Чарівна Нить, Dimension, Nova Sloboda, ЭстЭ, Lanarte, The Tea Guverner, Kit/Keit, Luca-S и др. Фирмы, производители ниток: Madeira — Германия, DMC — Франция, Anchor — Германия, Riolis — Россия, Гамма — Китай, СХС — Китай, ПНК — Россия и др. Фирмы, производители бисера: Preciosa-Чехия, Ziatka- Китай, Тоho — Япония, Mill-hill — Япония и др. Рукодельницы клуба участвуют в первоотшивах производителей наборов для вышивания. Это большая честь и признание мастерства вышивальщиц клуба. За быстрое и качественное выполнение получают подарки и сертификаты: Илона Шансова, Елена Прокопенко, Ирина Пескова. Вышивальщицы клуба «Уютный уголок» одни из самых искусных в России.

Сама традиция, дошедшая до нас, является результатом многих художественных напластований, в своем развитии она вбирала в себя и перерабатывала разнородные элементы. «Диалектика самого существования традиции именно в том, что традиция находится в постоянном движении, отбирая, закрепляя все лучшее в художественной практике» [9, с. 9]. Вышивка из утилитарной превратилась в художественную. Так картина «Венеция. Площадь святого Марка», выполненная Ириной Мазанко, имеет следующие характеристики: фирма «Riolis», техника — счетный крест, шерстяные нитки, канва Aida14, багет, паспарту, антибликовое стекло. Сюжеты вышивок необычайно разнообразны по тематике и потому привлекают внимание рукодельниц разных национальностей, вероисповеданий, вкусов и стилей. Немаловажную роль в оформлении играют багет, паспарту и стекло (антибликовое или музейное). Картина «Розы на камне» (фирма «ЭстЭ»), выполненная Ниной Ивановной Манукьян, — это настоящее произведение искусства. В нем 209 000 крестиков, канва Aida 18, использовано более 200 разных оттенков ниток. Картина «Мечеть» выполнена Венерой Джемиловой. В настоящее время картина находится в Центральной Московской мечети на «Олимпийском». Характеристики: фирма «PANNA», техника — счетный крест, нитки мулине, канва Aida14; кружевное паспарту, имитирующее восточный орнамент. «Красота современной вышивки заключается не в дороговизне ниток и материала, на котором она выполняется, не в многокрасочности и сложности узоров, а в изяществе линий рисунка, в разнообразии швов и в техническом мастерстве» [2, с. 6]. Культура межнационального согласия

является частью общего понятия культуры человеческих отношений между людьми, принадлежащим к разным нациям и народностям.

Гобеленовый шов (другое название — «петит»). Вышивальщицы клуба используют этот вид техники для вышивания картин. Например, картина «Розы с ирисами» — Анны Николаевны Мельник. Картины могут вышиваться не только нитками, но и бисером. Мазанко Ирина вместо ниток мулине стала использовать бисер. Изображения получили вибрирующий светящийся эффект. Безупречный вкус рукодельницы, ее художественная культура помогают создавать выставочные произведения. Плетение из бисера женских украшений Нелли Аваковой по заслугам оценено у нас в России и за рубежом. Умение работать творчески с таким мелким и капризным материалом как бисер, чувство цвета и дизайн отличают работы мастерицы. Изделия напоминают ювелирные изделия и высоко ценятся во всем мире. Преодолевая устоявшееся мнение о рукоделии, как женском домашнем времяпрепровождении, вышивка и бисероплетение в современной России приблизились к традиционным видам искусства: живописи, мозаике, профессиональному декоративно-прикладному искусству, дизайну.

Ленты из материала для бытовых изделий и украшения одежды превратились в «живописные краски» и приобрели новое звучание. Чернова Алла использует ленты для изготовления разнообразных изделий: открыток, картин, украшений, подушек, игольных подушечек, сумок и многого другого. Ленты изготавливает сама мастерица из шелковых дорогих тканей. Творческий, демиургический характер определяет все созданные ей предметы. В сложных композициях для каждого цвета находит она достойное, свойственное ему место. «Живопись лентами» — редкий вид женского рукоделия, создающего неповторимые по красоте и изяществу произведения. Выполняет работы на специальных рамках, мелкие (открытки) — на пяльцах, подкрашивает ткани на свой вкус и в соответствии с задуманным планом. Привычные вещи становятся художественными изделиями, украшающими окружающий мир и мир женщины.

Известный со времен Древнего Египта хардангер (вышивка ажурными узорами), приобретший свои характерные черты в XVII в. в Норвегии, был переосмыслен в работах мастериц клуба. В салфетках Ирины Мазанко соединены две техники: вышивка крестом белым ирисом и хардангер. Такие салфетки следует осторожно стирать рука-

ми! Пэчворк — лоскутное шитье. Это мозаика из кусочков ткани. Мастерицы используют обычные лоскутки разных размеров, фактуры, цвета. Спектр работ необычайно широк: подушки, коврики, покрывала, настенные панно, даже одежда. В нашей стране испокон века были популярны лоскутные одеяла. Сейчас они модны в Европе и Америке. Лоскутки скрепляются лентами, тесьмой или просто сшиваются с изнанки. Вся готовая мозаика накладывается и закрепляется на основной ткани. Мастерицы «Уютного уголка» с увлечением работают в этом виде техники.

«Все виды вышивок делятся на свободные и счетные... К свободным вышивкам, выполняемым по нарисованному контуру, относятся гладь, «ришелье», тамбур» [5, с. 8]. Такие виды рукоделия как гладь и «ришелье» выполняются мастерицами клуба либо по отдельности, либо соединяются в сложные композиции и элементы одежды. Так «болеро» выполнено в сложной комбинированной технике: венгерская гладь соединилась с «ришелье». Авторы этой поистине музейной работы: Анастасия Васильевна Ноздрина и Ирина Викторовна Мазанко. Выполняется на пяльцах и швейной машине. Самые распространенные пяльцы — швейцарские, круглой формы из дерева. Вышивка «ришелье» (по имени кардинала Ришелье) была исключительно аристократическим занятием из-за высоких цен на инструменты и ткани. Фриволигэ (восточное — «макук») названо по наименованию челноков, которыми оно выполняется. Широко используется в быту восточных народов. Рукодельницами выполнены единичные экземпляры воротничков. Преемственность рукоделия является закономерностью исторического развития.

В творчестве В. В. Кочегановой орнаментальная вышивка крестом тесно соединяется с дизайном. В творчестве мастерицы сложилась своя художественная система, в которой законы гармонии и цвета приобрели индивидуальную, авторскую интерпретацию. Предпочтение отдается стилю французских дизайнеров, европейских и американских примитивистов.

Кукла до сих пор остается загадкой. Тильда — любая тряпичная кукла, сшитая по выкройкам ее создательницы — норвежской художницы Тони Финнангер. Первая игрушка Тильда появилась в 1999 г. Каждая тильда является эксклюзивной работой. Виктория Кочеганова и Юлия Мартынович, участники выставки «Наши увлечения», представили кукол в образах зайцев, медвежат, барышень, сказочных

персонажей... Кукол отличает особая энергетика, дизайн и красота. Интерьерные куклы Ирины Деловшук интересны не только коллекционерам, но и просто ценителям красивых дизайнерских вещей. Уникальные эскизы рисуются или берутся в Интернете в соответствии с тематикой дизайна помещения, в котором будут располагаться. Все детали продумываются и шьются мастерицей в единственном экземпляре. С конца XIX в. в народном искусстве невозможно разделить искусство и ремесло. «Тесная зависимость между процессом ремесленного труда и способностями народного мастера ощущать ритмы линейные, цветовые, пластические, и, наконец, сам материал создают прочную основу культуры ремесла и самого искусства» [7, с. 311]. В разные исторические эпохи изменяется объем и содержание культурного наследия, способы и механизмы его передачи последующему поколению.

Современная вышивка крестом приблизилась к живописи. В ней получили распространение практически все ее жанры: портрет, иконы, Flora и Fauna, жанровые сценки, репродукции великих художников, натюрморт и пейзаж, даже жанр «ню». Работы, вышитые на мелкой канве, смотрятся как живописные, особенно наборы для вышивания фирмы ЭстЭ. Все работы свидетельствуют о взаимопроникновении разных жанров и видов искусства в российское рукоделие и поднимают самостоятельное творчество мастериц до высокого профессионального уровня. Регулирующую роль традиции, основанной на коллективном отборе всего лучшего, мы наблюдаем на систематически проходящих выставках клуба «Уютный уголок». Изучение опыта функционирования клуба дает очень много в понимании самого процесса развития традиции, особенно в плане взаимодействия коллективного и индивидуального начал. В качестве всеобщего основания реальности, в которой находит свои истоки каждый единичный образец рукоделия, усматривается феномен деятельного, объединительного, творческого начала мира женщины.

Мастерицы клуба «Уютный уголок» приняли участие в четырех краевых выставках (Выставочный зал изобразительных искусств, г. Краснодара). Темы выставок «Мир женщины»: «Розы», «Женский портрет», «Города и страны», «Любовь и верность». Клуб «Уютный уголок» — дипломант всех выставок. Работы рукодельниц клуба «Уютный уголок» отличает гармоничное слияние прекрасного и полезного,

декора и практической целесообразности, что вызывает восхищение жюри и зрителей.

Искусство вышивания бережно передается молодому и подрастающему поколению. Образовались династии вышивальщиц: Татьяны Николаевны Корсуновой, Елены Петровны Прокопенко, Галины Яковлевны Божко, Ирины Викторовны Мазанко. Любовь к рукоделию перешла к ним от их бабушек и матерей. Теперь это увлечение передается дочерям и внукам. Преемственность культуры является закономерностью исторического развития. «Освоение культурного наследия и новаторство — образуют основу исторического развития культуры. Трансляция культуры является всеобщим законом, определяющим единство человечества» [6, с. 65].

Не только эмпирическое многообразие проявлений, относимых существующим общественным сознанием к миру декоративно-прикладного искусства, но и поиски внутренней основы, скрепляющей этот мир, расширяющий ресурс межнационального согласия на Кубани и Северном Кавказе, задействованы в работе такого самобытного самостоятельного творческого объединения, как Новороссийский клуб рукодельниц «Уютный уголок». «Основа традиции — правильное отношение к национальному наследию. Наследие — это искусство прошлого. В традицию же переходит все то, что имеет непреходящую ценность. Это опыт народа, то, что способно по-новому жить в современности» [9, с. 18]. Деятельность клуба «Уютный уголок» расширяет ресурс межнационального согласия на Северном Кавказе; определяет качественное состояние степени морально-этических отношений людей различных национальностей. Прикладной аспект сохранения традиционного культурного наследия в рамках данного объединения конкретизировался в осмыслении эвристических моментов творчества и его демиургической направленности внутри гражданского общества.

Использованная литература:

1. Бархатова Е. Ю. Комментарий к Конституции Российской Федерации. М.: Проспект, 2008.
2. Варава Л. В. Шью, плету, вышиваю. Лучшие идеи для домашнего рукоделия. М.: Мир книги, 2008.
3. Гангур Н. А. Орнамент народной вышивки славянского населения Кубани XIX — начала XX в.: учеб. пособ. Краснодар: Советская Кубань, 1999.

4. Гангур Н. А. Материальная культура кубанского казачества: В 2-х т. Краснодар: Традиция, 2009. Т. 2.
5. Глинская Е. Б. Азбука вышивания. Ташкент: Мехнат, 1994.
6. Иконникова С. Н. История культурологических теорий. СПб.: Питер, 2005.
7. Некрасова М. А. Народное искусство как проблема коллективного и индивидуального, традиции и новизны // Проблемы народного искусства: сб. ст. М.: Изобразительное искусство, 1982. С. 310–320.
8. Стешенко Л. А. Многонациональная Россия: государственно-правовое развитие. X–XXI вв. М.: НОРМА, 2002.
9. Творческие проблемы современных народных художественных промыслов: сб. ст. / сост. и науч. ред. И. Я. Богуславская. Л.: Художник РСФСР, 1981.
10. Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы. Расы. Культуры. М.: Наука, 1985.
11. Язык культуры: Взаимодействия / сост. и отв. ред. В. Л. Рабинович. М., 2002.

Angelina P. NOZDRINA

Cand. Sci. (Logic), Assoc. Prof.,

Department of Engineering and management, Novorossiysk Polytechnic
Institute (Branch), Kuban State Technological University,
Novorossiysk, Russia.
an.nozdrina2013@yandex.ru

**The Applied Aspect of the Preservation
of Traditional Cultural Heritage in the Framework
of Amateur Creative Association (on the example of Novorossiysk
Club of Needlewomen “Cozy corner”)**

In 2019, marks the 10th anniversary of the Novorossiysk club of needlewomen “Cozy Corner”. This is an amateur creative association within the framework of civil society, which includes more than 20 participants of different nationalities and ages. The whole lifestyle of the craftswomen teaches us to understand the meaning of life in traditional culture. Needlework helps to comprehend the applied aspects of folk tradition in the system of aesthetic education and interethnic communication. The club’s activities are a resource of interethnic harmony, providing a quality state of the degree of moral and ethical relations of people of different nationalities.

Keywords: culture, tradition, creativity, needlework, embroidery.

Советская публицистика и СМИ в годы Великой Отечественной войны: опыт актуализации

Публицистика периода Великой Отечественной войны служила мощным фактором мобилизации народов СССР на достижение Победы, отражала силу духа и надежды людей на фронтах и в тылу, была направлена на укрепление обороны страны. Этой задаче было подчинено творчество писателей и поэтов, журналистов, работа СМИ, радио, Совинформбюро, всех творческих коллективов. Тональность творений авторов достигала невероятной мощи при обращении к теме Родины. Она оказывала позитивное воздействие на общественные настроения, от которых зависел исход войны. В статье на примере творчества И. Эренбурга, показан накал идеологического противоборства СССР и Третьего рейха, высокий гражданский пафос, пронизанный стремлением вселить в сознание людей непреклонную волю к освобождению страны фашистских захватчиков. В условиях современной информационной войны, направленной на дискредитацию России, пересмотр итогов и уроков войны, память о культурном наследии военного периода выступает как ресурс обеспечения национальной государственной безопасности Российской Федерации.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, СМИ, Совинформбюро, корреспонденты, Третий рейх, идеология, противостояние, защита, безопасность, Эренбург, ненависть, подвиг, Кавказ.

В годы Великой Отечественной войны писатели, публицисты, поэты, журналисты, драматурги, журналисты встали со всем советским народом на защиту своего Отечества. Советская публицистика и средства массовой информации в этот героический и трагический период показывали беспримерное мужество, преданность Отечеству, примеры беззаветной любви советского человека к своей Родине. Публицистика стала основной формой творчества мастеров художественного слова, труды которых помогали не терять веру в нашу победу, содержали мощный заряд патриотизма.

Великая Отечественная война вызвала необходимость перевода тыла на военные рельсы. Была перестроена работа СМИ. В редакции газет, радиовещания, информационных агентств были направлены сотни писателей СССР, которые стали работать военными корреспон-

* МАЛЬШЕВА Елена Михайловна, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, историографии, теории и методологии истории Адыгейского государственного университета, Майкоп, Россия. Электронная почта: emalysheva@yandex.ru.

дентами. Одновременно было вдвое сокращено число центральных изданий: из 39 газет осталось всего 18, а также региональных изданий. Были сжаты также и объемы: газета «Правда» стала издаваться вместо шести на четырех полосах.

Изменилась деятельность радиокомитета и система радиовещания. Неизменными стали радиопередачи «Письма на фронт» и «Письма с фронтов Отечественной войны». В них было использовано свыше 2-х млн. писем, благодаря которым более 20 тыс. фронтовиков нашли своих близких, эвакуированных в восточные районы страны [5, с. 14]. Все радиопередачи завершались призывами: «Враг будет разбит, победа будет за нами!».

24 июня 1941 г. было создано Советское информационное бюро (СОВИНФОРМБЮРО), и уже на следующий день, 25 июня, в СМИ появилась первая сводка. Объем трансляций радиостанций не только достиг довоенного уровня, но и к 1943 г. превысил его.

Всего за годы Великой Отечественной войны было подготовлено и проведено свыше 2,5 тыс. сводок-трансляций. За 1941–1945 гг. в выпусках «Последних известий» Центральным радиовещанием было передано из территорий, на которых велись боевые действия, более 7 тыс. корреспонденций. Вещание велось не только для советских людей, но и для зарубежных стран.

Усилия советской публицистики были направлены на укрепление оборонной мощи страны. Начавшаяся Великая Отечественная война потребовала перестройки печати на военный лад. Первостепенными оставались такие темы, как тема Родины, защиты Отечества, единства фронта и тыла, показ преступлений оккупантов, героизма и мужества советских людей на фронте и в тылу врага.

Тематика публицистики и СМИ военной поры была направлена на мобилизацию советского народа на отпор врагу и защиту своего Отечества. В этот героический и трагический период ведущей становится тема патриотизма, героической борьбы народа против захватчиков [6]. Тональность произведений авторов военной публицистики достигает невероятной и неповторимой мощи при обращении к теме Родины. Публицистами, писателями, поэтами, создаются произведения о любви и преданности своей Отчизне. Публицистика военных лет приобретала потрясающие по палитре и разнообразию формы.

Уже в первые месяцы войны, отмеченные трагизмом и горечью поражений, отступлением наших войск, частичной оккупации ряда

регионов СССР, в СМИ звучит призыв к защите Отечества, на свободу и независимость которой посягнул враг. Разворачивается настоящая идеологическая война между нацистской Германией и СССР: пропаганда достигает наивысшего накала [11].

Тема отпора и противостояния врагу, необходимости защиты социалистического Отечества стала определяющей в произведениях таких писателей и поэтов, как Алексей Толстой, Николай Тихонов, Илья Эренбург, Михаил Шолохов, Константин Симонов, Борис Горбатов, Леонид Соболев, Всеволод Вишневский, Леонид Леонов, Мариэтта Шагинян, Алексей Сурков, Владимир Величко и др. Их имена стали широко известными стали в годы Великой Отечественной войны, а их творчество помогало выживать в невероятно трудных условиях, способствовало выковыванию твердости духа у советских граждан. Они повествовали о передовиках тыла, их самоотверженном труде во имя Победы, с высокой степенью убедительности раскрывали советский патриотизм, закаляли волю к Победе. Такие публикации и статьи, будучи эмоционально яркими, призывали к незамедлительному действию. Это поэма А. Т. Твардовского «Василий Теркин», военная проза А. П. Платонова, патриотическая лирика А. А. Ахматовой и Б. Л. Пастернака, проза К. М. Симонова, В. С. Гроссмана, поэзия М. В. Исаковского, П. Г. Антокольского, М. И. Алигер, публицистика И. Г. Эренбурга, А. Н. Толстого, Л. М. Леонова, А. П. Гайдара. Наиболее значительные произведения на военную тему были созданы в 1941–1945 гг. А. А. Фадеевым, Б. Н. Полевым, М. А. Шолоховым, О. Ф. Берггольц, Н. С. Тихоновым. Была создана Седьмая симфония Д. Д. Шостаковича, посвященная защитникам Ленинграда. Широкую популярность приобрело песенное творчество композиторов В. П. Соловьева-Седого, И. О. Дунаевского, А. В. Александрова, Б. А. Мокроусова, М. И. Блантера [2].

Идеологическое противостояние СССР и нацистской Германии достигает своего наивысшего накала в первом, наиболее тяжелом периоде войны. Широкую известность приобретает имя И. Г. Эренбурга, весьма разносторонне одаренного человека с яркой, насыщенной событиями биографией. Писатель — прозаик, поэт, переводчик с французского и испанского языков, публицист, журналист, эссеист, фотограф, общественный деятель, корреспондент «Известий», работавший в Париже вплоть до оккупации Франции, Эренбург становится автором шедевров во всех этих жанрах. Еще до начала Второй мировой

войны, в 1936–1939 гг., он работает военным корреспондентом в Испании, и уже в этот период создает потрясающе пронзительные стихи о гражданской войне, публикует гениально-гневные антифашистские статьи.

На второй день Великой Отечественной войны — 23 июня 1941 г. в печати появляется его статья «В первый день», пронизанная высоким гражданским пафосом, стремлением вселить в сознание людей непреклонную волю уничтожить фашистских захватчиков. Через два дня И. Г. Эренбург по приглашению редакции «Красной звезды» написал статью «Гитлеровская орда», которая была напечатана 26 июня [17]. Его произведения «О ненависти», «Оправдание ненависти», «Киев», «Одесса», «Харьков» и другие обостряли чувство ненависти к врагу, вызывали стремление отомстить ему, изгнать с родной земли, защитить своих близких. С первой недели Великой Отечественной войны и до ее конца, он издавал свои памфлеты, статьи, листовки. Очерки И. Г. Эренбурга публиковались в центральных газетах СССР, в средствах массовой информации стран антигитлеровской коалиции, многих нейтральных стран [15].

В период битвы за Москву, в октябре-ноябре 1941 г. публицистика И. Г. Эренбурга достигает особого накала. В «Красной звезде» публикуются статьи «Дни испытаний», «Мы выстоим», «Им холодно», в которых талантливый публицист утверждает, что фашисты под советской столицей фашисты будут непременно и неизбежно разбиты: «Москва у них под носом. Но до чего далеко до Москвы! Между ними и Москвой — Красная Армия. Их поход за квартирами мы превратим в поход за могилами! Не дадим им дров — русские сосны пойдут на немецкие кресты» [13].

Всего за годы Великой Отечественной войны Эренбург, перо которого, по словам И. Х. Баграмяна, было действеннее автомата, написал около 1,5 тыс. произведений: статей, стихов, памфлетов опубликованные в 4-х томах под названием «Война». Первый том, изданный в 1942 г., открывался циклом памфлетов «Бешеные волки», в которых высмеиваются Гитлер, Геббельс, Геринг, Гиммлер, приводится компромат на каждого из них. В памфлете «Адольф Гитлер» Эренбург пишет: «В далекие времена увлекался живописью. Таланта не оказалось, как художника забраковали. Возмущенный воскликнул: «Увидите, я стану знаменитым». Оправдал свои слова. Вряд ли найдешь в истории нового времени более знаменитого преступника». В следующем памфле-

те «Доктор Геббельс», Эренбург пишет: «Гитлер начинал с картинок, Геббельс с романов... И ему не повезло. Романов не покупали... Сжег 20 млн. книг. Мстит читателям, которые предпочли ему какого-то Гейне». Свыше 300 публикаций Эренбурга периода войны были адресованы зарубежному читателю Америки, Англии и других государств. Включенные позже в книгу «Летопись мужества», в военные годы они передавались через Совинформбюро в телеграфные агентства и газеты. Очерки и стихи, рассказы и повести, корреспонденции и статьи Эренбурга и других военных корреспондентов печатались в газетах, транслировались по радио и каналам Совинформбюро [4, с. 125–127].

Без преувеличения, Илья Эренбург стал самым неистовым и страстным, самым талантливым и авторитетным среди советских литераторов, принимавших участие в этой пропаганде. Его статьи были настолько популярны, что на фронте, в партизанских отрядах, как рассказывают в своих воспоминаниях очевидцы, существовал негласный уговор — те листовки и части газет, где располагались материалы Эренбурга, на растопку, самокрутки и другие нужды не использовать.

В публикациях приводились неопровержимые факты преступлений оккупантов, свидетельства пострадавших советских граждан, выдержки из приказов командования вермахта, показания попавших в плен немцев. В пронзительном стихотворении, написанном в период Сталинградской битвы «Возмездие» [16], Эренбург напишет:

*Она лежала у моста. Хотели немцы
Ее унижить. Но была та нагота,
Как древней статуи простое совершенство,
Как целомудренной природы красота.
Ее прикрыли, понесли. И мостик шаткий
Как будто трепетал под ношей дорогой.
Бойцы остановились, молча сняли шапки,
И каждый понимал, что он теперь — другой.
На Запад шел судья. Была зима как милость,
Снега в огне и ненависти немота.
Судьба Германии в тот мутный день решилась
Над мертвой девушкой, у шаткого моста.*

В сознании многих нынешних немцев, даже тех, кого никак не заподозрить в симпатиях к нацистской идеологии, сохраняется стереотип, в соответствии с которым главную ответственность за разжигание ненависти к немцам во время войны, за эксцессы по отношению

к немецкому населению на территориях, захваченных Красной армией, возлагаются на Эренбурга.

На самом же деле в период вторжения в пределы государственных границ СССР войск вермахта, в годы Великой Отечественной войны самым результативным «воспитателем» отношения к оккупантам, немцам, пришедшим на советскую землю, была страшная реальность войны. Это следы нацистских преступлений на выжженной ими земле, и преднамеренное убийство почти четырех миллионов советских военнопленных. Это блокада Ленинграда с миллионом погибших от голода, грабеж оккупированных территорий, репрессии против местного населения, убийства заложников, вывоз и безжалостная эксплуатация «остарбайтеров», плановое уничтожение евреев, газовые камеры поражающие человеческое воображение.

На временно оккупированной советской территории германскими оккупационными властями была развернута массированная пропаганда. Только в Донбассе в августе 1942 г. издавалось 10 газет оккупационных властей. Пропагандистские ведомства рейха еще до начала войны открыто заявили, что это будет беспощадная борьба идеологий, и она будет вестись против СССР с беспрецедентной жестокостью. Чем сенсационнее неправда, тем легче в нее поверят, утверждал Геббельс. В десятках издававшихся газет и в радиопередачах распространялась искаженная информация и прямая ложь, утверждалось, что вина за развязывание войны лежит не на Германии, а на советском государстве.

Антисоветская пропаганда на временно оккупированной территории еще настоятельнее требовала перестройки всей советской журналистики, укрепления ее кадров самыми квалифицированными работниками.

Немалое число советских газет, листовок, призывов издавалось в тылу врага: только в 1943–1944 гг. число республиканских, областных, городских, межрайонных газет, а также изданий партизанских отрядов достигало 300 наименований. Были созданы журналы «Славяне», «Война и рабочий класс», литературно-художественный журнал «Фронтальная иллюстрация». Главное политуправление РККА выпускало листок «Вести с Советской Родины» 1,5 млн. тиражом. Только в Москве выходило 18 военных журналов, в том числе самый популярный журнал «Красноармеец», сатирические издания «Фронтальной юмор» (Западный фронт), «Сквозняк» (Карельский фронт) и др.

В советской пропаганде, особенно после оккупационного военного периода, рассчитанной на бойцов Красной армии, постоянно повторялся лейтмотивный призыв «Убей немца!», который по широко распространенному мнению, первым в пропагандистский обиход лозунг ввел именно Эренбург. Обычно ссылаются на статью, опубликованную 24 июля 1942 г. в газете «Красная звезда», в которой содержались следующие строки: «Не считай дней. Не считай верст. Считай одно: убитых тобою немцев. Убей немца! — это просит старуха-мать. Убей немца! — это молит тебя дитя. Убей немца! — это кричит родная земля. Не промахнись. Не пропусти. Убей!» [8, с. 166–168].

Английский писатель Александр Верт (Alexander Werth), всю войну проведенный в СССР в книге «Россия в войне 1941–1945» (изд-во «Прогресс», М., 1967), заметил, что «во всей истории войн еще не было страны, которая выстрадала бы больше, чем Россия во время Второй мировой войны».

Оценивая творчество Ильи Эренбурга, А. Верт писал: «Эренбург, безусловно, проявил гениальную способность перелagать жгучую ненависть всей России к немцам на язык едкой, вдохновенной прозы; этот рафинированный интеллигент интуитивно уловил чувства, какие испытывали простые советские люди» [3].

В приказе народного комиссара обороны СССР от 23 февраля 1942 г. отмечено: «Опыт истории говорит, что гитлеры приходят и уходят, а народ германский и государство германское остается» [12].

Английский историк Энтони Бивор описывает в книге «Падение Берлина. 1945», как в январе 1945 г. нацисты приступили к срочной эвакуации концентрационных лагерей и лагерей для военнопленных. Группа британских военнопленных стала бросать в колонну изможденных пленных красноармейцев хлеб, мыло, сигареты, когда за попытки подобрать сигаретную пачку, немецкий охранник стал избивать прикладом винтовки советских пленных, один из англичан сказал: «Я заранее прощаю русским все, что они сделают с этой страной, когда придут сюда. Абсолютно все!» [1, с. 10].

Известно, что статьи и стихи Эренбурга были яростными настолько, что, даже Сталину пришлось удерживать Эренбурга от призывов к мщению. Представление И. Г. Эренбурга, что ответственность за содеянное, должна разделить вся немецкая нация, и все немцы одинаково ответственны за злодеяния и зверства фашистов на советской земле, было оценено как ошибочное. Сам Эренбург в мемуарах «Люди,

годы, жизнь» (1961–1965 гг.) говоря о своей военной публицистике, признается: «Быть может, я больше всего ненавижу фашизм не только потому, что он был абсурдной, варварской идеей, но и потому что он и нас научил ненавидеть».

В газете «Правда» от 23 февраля 1942 г. было опубликовано высказывание Сталина: «...Иногда болтают в иностранной печати, что Красная Армия имеет своей целью истребить немецкий народ и уничтожить германское государство. Это, конечно, глупая брехня и неумная клевета на Красную Армию. У Красной Армии нет, и не может быть таких идиотских целей. Красная Армия имеет своей целью изгнать немецких оккупантов из нашей страны и освободить советскую землю от немецко-фашистских захватчиков. Очень вероятно, что война за освобождение советской земли приведет к изгнанию или уничтожению клики Гитлера. Мы приветствовали бы подобный исход. Но было бы смешно отождествлять клику Гитлера с германским народом, с германским государством» [12].

Военная проза поднимала важные нравственные проблемы, раскрывала наилучшие черты человека в нечеловеческих испытаниях [6, с. 5–7].

Когда затрагивалась тема Родины, мощные аккорды в публицистике СССР военного периода, звучали с особой силой. Глубинные черты исторически закладывавшиеся в идентичности российского народа патриотизма, его подлинный характер раскрывали статьи «Уроки истории» Вс. Вишневского, «Сила России» Н. Тихонова, «Размышления у Киева» Л. Леонова, «Украина в огне» А. Довженко, «Родина» А. Толстого и др. публицистических произведениях советских авторов.

Военные корреспонденты нередко были в период боев на местах сражений, писали о том, что испытывали сами. Таким было творчество К. Симонова — корреспондента «Красной звезды», прошедшего дорогами войны тысячи километров и постигшего многие испытания, которые она с собой принесла.

Тематика творчества военных корреспондентов и публицистов приобретала целенаправленный характер на фронтах Великой Отечественной в период решающих сражений под Сталинградом, битвы за Кавказ, Курской битвы, освобождения Украины, Белоруссии, Прибалтики.

Известно, какие стратегические задачи ставило верховное главнокомандование Германии относительно завоевания Кавказа. Руководство Третьего рейха и лично Адольф Гитлер были нацелены на захват и использование кавказских нефтяных источников и других сырьевых ресурсов региона [10, с. 167].

С этой целью немецким пропагандистским ведомством была подготовлена и проводилась на оккупированных территориях республик, краев национальных областей пропагандистская кампания по привлечению к коллаборационизму представителей кавказских народов.

Идеологическое противостояние, пропаганда и контрпропаганда СССР и Германии в этот период приобретает особо острую форму и масштабность.

Советская пресса прилагала значительные усилия по разоблачению и дезавуированию нацистской геббельсовской пропаганды, ориентированной на введение в заблуждение многонационального населения захваченных территорий относительно «планов» Германии по предоставлению им автономий и возможности «независимого» развития.

Так, в период битвы за Кавказ к трудящимся Северного Кавказа обратилась газета «Правда»: «Жители Северо-Кавказских равнин и горцы! Великими героическими традициями овеяны горы Северного Кавказа. Отважные и бесстрашные предки смотрят теперь на своих сынов и внуков. Не щадили своей жизни отцы, деды и прадеды, чтобы отстоять свободу и независимость своей земли, своих гор. Потомству своему передавали завет мужества и боевой чести. Пусть содрогнется враг перед ненавистью и местью воинов, народов Кавказа. Пусть перед их братской дружбой рассыплется фашистская разбойничья свора, живущая только грабежом и убийством беззащитных!.. ...Пусть наполнится сердце каждого железной решимостью: не сдавать врагу ни пяди священной земли! Не отступать! Бить врага и истощать его силы! Упорным сопротивлением подготовить почву для его разгрома! Выгнать врага с равнин Северного Кавказа, из его предгорий!» [9, с. 211].

В ноябре 1942 г., когда еще оставалась под оккупацией значительная часть Северного Кавказа, Илья Эренбург пишет: «Кавказ не скуп. Он умеет любить, он умеет и ненавидеть. Идут жестокие бои за Кавказ. За Кавказ теперь сражаются русские и украинцы, белорусы

и узбеки. За Кавказ сражается вся Россия. Немцы уже залили кровью аулы Кабарды. Они уже терзают женщин в селах Осетии. Они оскорбляют народы Кавказа. Только немецкой кровью можно смыть это оскорбление». Подобные обращения поднимали стремление к сопротивлению народов многонационального региона СССР. Только в период битвы за Кавказ 313 человека заслужили высокое звание Героев Советского Союза, трое из них посмертно; 71 воин совершил подвиг самопожертвования. За ратные и трудовые подвиги 54 тыс. жителей Кавказа награждены орденами и медалями. 35 человек Героев Советского Союза дала маленькая Адыгея, 15 — Карачаево-Черкесия, 51 — Северная Осетия, из них 33 — осетина. 12 тыс. 900 дагестанцев отмечены правительственными наградами за героический труд в тылу и оказание помощи фронту. За самоотверженный труд на заводах и фабриках медалью «За оборону Кавказа» были награждены 3 тыс. 482 женщины Чечено-Ингушской АССР [9, с. 216].

Публицистика периода Великой Отечественной войны отражала силу духа и волю к победе, поддерживала надежды людей на фронтах и в тылу, оказывала безусловно позитивное воздействие на общественные настроения, от которых зависел исход войны. В рядах Рабочее-крестьянской Красной Армии (РККА) в годы Великой Отечественной войны практически ежедневно на фронтах находились 943 писателя, 225 журналиста погибли. 300 военкоров были награждены орденами и медалями Союза ССР

По мере избавления от нацистской временной оккупации воссоздавались газеты для граждан освобожденных стран: «Свободная Польша», «Венгерская газета», «Новый голос» на румынском, «Ежедневное обозрение» на немецком, «Новая жизнь» на польском языках [6, с. 5].

Общий лейтмотив военной публицистики — убежденность в силе народа и его любви к Отчизне оказал воздействие на общественное сознание и стал вкладом в великую Победу над захватчиками. Советские средства массовой информации и военная публицистика в самые сложные периоды решающих сражений Великой Отечественной войны служили мощным фактором мобилизации народов СССР, Красной армии и внесли свой достойный вклад в разгром нацистской Германии и достижение Победы.

Использованная литература:

1. Бивор Э. Падение Берлина. 1945. М.: АСТ, Транзиткнига, 2005.
2. Булгина З. В. Военная публицистика в советской культуре [Электронный ресурс] // II Международная студенческая научная конференция. URL: <https://rae.ru/forum2011/pdf/1790.pdf> (дата обращения 30.06.2018).
3. Верт А. Россия в войне 1941–1945. М.: Прогресс, 1967.
4. Гаража Н. А., Мальшева Е. М. «От советского Информбюро...». К вопросу об информационном противостоянии СССР и Германии в период Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4.: История. Регионоведение. Международные отношения. 70-летию Великой Победы Посвящается. 2015. № 4. С. 119–127.
5. Иванова Р. А., Кузнецов И. В. Советская журналистика в годы Великой Отечественной войны // Вестник Московского университета. Сер.: Журналистика. 1985. № 1. С. 10–20.
6. Кузнецов И. В., Попов Н. П. Советская журналистика в годы Великой Отечественной войны // Вестник Московского университета. Сер.: Журналистика. 1975. № 2. С. 4–10.
7. Ламосова Н. В. «Об огнях-пожарищах, о друзьях-товарищах...» [Электронный ресурс] // Наследие веков. 2017. № 1. С. 2934. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2017/04/2017_1_Lamosova.pdf (дата обращения 20.03.2018).
8. Мальшева Е. М. Идеологическое противостояние СССР и нацистской Германии в 1941–1945 гг.: воспитание ненависти к врагу // Вестник архивиста. 2015. № 2. С. 147–168.
9. Мальшева Е. М. Испытание. Социум и власть: проблемы взаимодействия в годы Великой Отечественной войны. Майкоп: Адыгея, 2000.
10. Мальшева Е. М. Нефть Кавказа в стратегических установках Третьего рейха: планы и реальность // СССР во второй мировой войне. III Всероссийские историко-краеведческие чтения памяти профессора П. Е. Матвиевского (26–27 марта 2010 г., г. Оренбург): сб. статей. Оренбург: Изд-во Оренбургского гос. пед. ун-та, 2010. С. 164–169.
11. Мальшева Е. М. Советско-германская информационная война и идеологическое противоборство в период Сталинградской битвы // Военная история России: проблемы, поиски, решения: мат. IV Международной науч. конф., посвящ. 75-летию победы в Сталинградской битве (20–21 октября 2017 г., г. Волгоград): В 2-х ч. Ч. 1. Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2017. С. 70–80.
12. Приказ Народного Комиссара Обороны СССР 23.02.1942 № 55 // Правда. 1942. 23 февр. С. 1.

13. Публицистические работы Памфлеты и статьи И. Эренбурга [Электронный ресурс] // Мир знаний: URL: mirznanii.com/a/344493-6/publitsistika-vo-vremya-vov#_edn24. (дата обращения 20.03.2018).

14. Строфы века: антология русской поэзии / сост. Е. Евтушенко. М.: Полифакт, 1999.

15. Симонов К. М., Эренбург И. Г. В одной газете...: Репортажи и статьи 1941–1945. М.: Изд-во АПН, 1979.

16. Эренбург И. Люди, годы, жизнь: книги четвертая и пятая. М.: АСТ, 2018.

17. Эренбург И. Гитлеровская орда // Красная звезда. 1941. 26 июня.

Elena M. MALYSHEVA

Dr. Sci. (National History), Prof.,

Department of National History, Historiography, Theory
and Methodology of History, Adyghe State University,

Maykop, Russia

emalysheva@yandex.ru

Soviet Publicism and Media in the Years of the Great Patriotic War

Publicism during the Great Patriotic War served as a powerful factor in the mobilization of the peoples of the USSR to achieve Victory, reflected the strength of the spirit and hope of people on the fronts and in the rear, was aimed at strengthening the country's defense. This task was subordinated to the work of writers and poets, journalists, the work of the media, radio, Sovinformbureau, all creative groups. The tone of the authors' creations reached incredible power when addressing the topic of the Motherland. It had a positive impact on the public mood on which the outcome of the war depended. In the article, with the example of the work of I. Erenburg, the intensity of the ideological confrontation between the USSR and the Third Reich is shown, a high civil pathos, permeated with the desire to instil into the people's consciousness an unshakable will to liberate the country of the fascist invaders. In the context of a modern information war aimed at discrediting Russia, revising the results and lessons of war, the memory of the cultural heritage of the war period acts as a resource for ensuring the national state security of the Russian Federation.

Keywords: Great Patriotic War, media, Sovinformbureau, correspondents, Third Reich, ideology, confrontation, defense, security, Ehrenburg, hatred, feat, Caucasus.

РАЗДЕЛ 6

Межнациональное взаимодействие: личность — общество — культура

*М. З. Магомедова**

Традиционная культура народов Северного Кавказа как фактор противодействия экстремизму в молодежной среде

Традиционная культура народов Северного Кавказа является частью общего этнокультурного наследия народов России. Велико ее социальное, культурное и политическое значение. Сегодня в условиях глобализации важно сохранить культурное наследие, национальные языки, традиции, фольклор, самобытность всех северокавказских народов, создать условия для их свободного национального самоутверждения и популяризации этнокультурного наследия. Актуальность исследования проблемы традиционной культуры северокавказских народов обусловлена нивелированием значимости этнокультурных ценностей в российском обществе. Традиционная культура также является одним из факторов противодействия экстремистской идеологии на Северном Кавказе, сторонники которой, пользуясь влиянием религии в регионе, пытаются исказить смысл заложенных в исламе положений, тенденциозно их трактуют, вырывая из контекста. В противовес деятельности деструктивных сил в обществе необходимо вспомнить и возродить традиционные ценности наших предков и основываясь на них строить свое будущее.

* МАГОМЕДОВА Мадина Зайнудиновна, кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Дагестанского университета народного хозяйства, Махачкала, Россия. Электронная почта: spirow@mail.ru.

Ключевые слова: традиционная культура, этнокультура, полиэтничность, поликонфессиональность, Северный Кавказ, этноконфессиональная толерантность, ислам, экстремизм, молодежь.

Этнокультурное наследие является частью общего наследия человечества, мощным средством сближения народов, утверждения их культурной самобытности. Велико ее социальное, экономическое, культурное и политическое значение. Сегодня в условиях глобализации важно сохранить глубинные, базовые основы многонациональной культуры нашего государства, традиционную культуру, национальные языки, фольклор, национальную самобытность каждого народа России, создать условия для их свободного национального самоутверждения, популяризации этнокультурного наследия с целью сохранения единого культурного пространства России, выявить основные тенденции культурного развития северокавказских народов.

Традиционная культура народов России является важнейшей частью национальной культуры и национального самосознания, укрепляющей духовную связь поколений. Вопрос о возрождении национальных культурных традиций является основополагающим для развития государственности. Сохранить в многонациональном государстве индивидуальность и неповторимость, уникальность и своеобразие каждой этнической группы, создать в нем атмосферу взаимоважения и сотрудничества — вот то, к чему надо стремиться в интересах будущих поколений.

Глобализация, размывая этническую идентичность, не способна разрушить ее полностью, создать нового человека вне этноса и культуры. В кризисные исторические моменты человек обращается именно к этническим связям и отношениям, обеспечивающим ощущение стабильности, что нередко можно наблюдать в современном мире. Глобализационные тенденции сегодня проявляются во всех более или менее значимых сферах общественной жизни. В этом плане не стали исключением и этнокультурные процессы в России, особенно те, которые протекают на юге страны. Северный Кавказ находится на стыке мировых цивилизаций, отличается этноконфессиональным разнообразием, это самый пестрый по своей этнической и религиозной палитре регион Российской Федерации.

Для Кавказа как средоточия уникальных народов и культур особое значение имеет социальная и духовная целостность российского

многонационального народа. Северный Кавказ — это целый мир народов, культур и языков, которые развиваются и взаимодействуют на этой территории тысячелетиями. Здесь сформировалась своеобразная самобытная северокавказская культура, впитавшая в себя сотни различных этнических культурных традиций.

Северный Кавказ — регион очень разнообразный по составу населяющих его коренных народов, представляющих единую систему этнических групп, с одной из высоких в мире плотностью компактного расселения этносов. У северокавказских народов не только тесно взаимосвязанные исторические пути развития, общность географического расположения и специфическое место в системе межрегиональных взаимодействий. Они обладают своеобразной этничностью, сложной смесью менталитета и культуры, которая отличает эти народы от остальных сообществ.

Актуальность исследования проблемы традиционной культуры северокавказских народов обусловлена нивелированием значимости этнокультурных ценностей в российском обществе на фоне усиления межэтнической и межконфессиональной напряженности. В современном мире неприязнь к чужим группам — ксенофобия, приобретает массовый характер и становится одной из серьёзнейших проблем. Наиболее распространёнными в настоящее время формами ксенофобии являются этнофобия, религиозная фобия и фобия к мигрантам. Как отмечает А. Г. Асмолов: «Если бы не было толерантности как универсальной формы существования различных форм эволюционного развития, то волны агрессии, конфликтов, нетерпимости, фанатизма, геноцида, ксенофобии, этнофобии, человекофобии давно бы стерли любые проявления разнообразия на Земле. И всеобщая гомогенность, однородность, тоталитарность, серость, неподвижность воцарились бы в мире» [1, с. 5].

Поэтому закономерно, что этноконфессиональная толерантность выступает основной доминантой многих законодательных актов Российской Федерации, регламентирующих обеспечение национальной безопасности, устойчивого социально-экономического развития страны и регионов, формирования установок толерантного сознания и профилактики экстремизма в российском обществе. Так, в статье 5 Федерального закона от 25 июля 2002 г. «О противодействии экстремистской деятельности» сказано: «В целях противодействия экстремистской деятельности федеральные органы государственной

власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления в пределах своей компетенции в приоритетном порядке осуществляют профилактические, в том числе воспитательные, пропагандистские меры, направленные на предупреждение экстремистской деятельности» [5, с. 21].

Во многих случаях религиозный компонент зачастую лишь присутствует в числе причин этнополитической напряженности и сам по себе не выступает самостоятельным источником конфликтов. Конфликтность межконфессиональных и внутриконфессиональных отношений связана с неустроенностью жизни и незащищенностью людей в социальной сфере. Главным условием стабильности в обществе являются личностный фактор, субъективная внутренняя готовность быть терпимым к другим и требовательным к самому себе, а также инициативность человека по определению своих этноцентристских тенденций и религиозных предубеждений, решимость снизить свою и чужую нетерпимость при взаимодействии. Позиция миролюбия, доверия и высокая культура — это основа позитивного развития общества, мирного сосуществования, а не конфликтности.

Основные причины этноконфессиональной напряженности на Северном Кавказе обусловлены особенностями геополитического положения региона и социально-экономического уровня жизни людей. Они связаны с общим кризисом, охватившим страну, ошибками и недостатками в проведении национальной и кадровой политики, вмешательством преступных групп в решение социально-политических вопросов, низким уровнем жизни, миграцией т.д. Этническое многообразие и поликонфессиональность, характерные для Северного Кавказа, сами по себе не являются причинами конфликтогенности.

По мнению Т. А. Овсянниковой, основным фактором возрождения традиционной культуры на Северном Кавказе, во-первых, следует считать этническое самосознание народов региона. Естественная утрата отдельных элементов традиционной культуры привела к тому, что возрождаются лишь базисные, основные ее элементы, а не весь культурный контур в целом. Поэтому в целом, остаётся её специфичность — присущая культуре только определенного этноса. Во-вторых, возрождение традиционной культуры Северного Кавказа не означает отказа от всей современной культуры, да и это практически невозможно. Поэтому развитие культуры на Северном Кавказе — это, как правило, один из элементов её возрождения и реанимирования. Не-

обходимо отметить, что развитие не ограничивается исключительно возрождением, это многогранный и разноплановый процесс. Все это позволяет дать обобщенную характеристику культурного процесса на Северном Кавказе — здесь происходит не что иное, как становление регионального своеобразия. При этом анализируя тенденции возрождения северокавказской культуры нельзя не учитывать огромного влияния на неё ислама. Но способен ли ислам стать доминантой или даже источником (наряду с традициями) культурного возрождения Северного Кавказа? Окончательный ответ на этот и другие вопросы о роли ислама в культурном возрождении интересующего нас региона даст время. Пока же можно говорить о некоторых вероятных сценариях культурно-возрожденческого процесса в зависимости от этой существенной переменной (ислама) (см.: [4]).

Сторонники экстремистских религиозных течений гипертрофируют заложенные в исламе элементы нетерпимости, тенденциозно трактуют положения религии, вырывая их из контекста, делают акценты на одних догматах в ущерб другим. Например, содержащееся в Коране положение о джихаде трактуется исламскими экстремистами исключительно как использование силы против «неверных». Вместе с тем слово «джихад» в переводе с арабского означает «усилие», отдача всех сил ради распространения и торжества ислама.

Первоначально под джихадом действительно подразумевались главным образом военные действия мусульманского государства. Но, начиная с IX–X вв. понятие «джихад» наполняется новым содержанием: появилось представление о высшей форме джихада — духовном джихаде, внутреннем самоусовершенствовании на пути к Аллаху, а также представление о четырех типах джихада — джихад меча, джихад сердца, джихад языка и джихад руки.

Кроме того, религиозная война трактуется в Коране как оборонительная. Ислам категорически запрещает самоубийство, участие в войне женщин, выступает за гуманное обращение с пленными. Запрещено нападать на слабых из мужчин, женщин и детей, истреблять скот, уничтожать поля, губить стада, разрушать постройки. Не разрешено вести войну в священные месяцы.

Сравнение этих положений с практикой исламских радикалов, активно использующих терроризм (захваты заложников, убийства детей, стариков, теракты, совершаемые смертниками, в том числе жен-

щинами), показывает, что они в своих интересах грубо искажают религиозные нормы [2, с. 71].

В связи с экстремальным характером международного терроризма и нестабильной социально-экономической ситуацией в регионе именно молодое поколение в первую очередь подвержено влиянию радикальных и экстремистских группировок, их массовой пропаганде. Молодые люди живут с прицелом на будущее. Ценности, взгляды и навыки, приобретаемые нынешним поколением молодежи, и выбор, который они сделают сегодня, повлияет на ход событий и окажет ключевое значение в формировании нашего будущего. В период взросления человек проходит определенные этапы. Более подвержены втягиванию в экстремистские организации, подрывающие социальные основы, те молодые люди, которые не имеют возможности получить образование и продвинуться в социальной иерархии общества.

Объясняя столь стремительную деградацию в последние годы духовной сферы человека, исследователи подчеркивают, что это происходит именно в переходные периоды, когда одна система ценностей либо сама исчерпала себя, либо насильственно уничтожалась, а другая еще не сформировалась. И чем быстрее и жестче эти изменения вводились, тем больше ощущались потери в области общественной нравственности [3, с. 3]. Такой переходный период и произошел в 90-х гг., когда была разрушена государственная система воспитания подрастающего поколения.

Профилактика и борьба с проявлениями международного терроризма в молодежной среде является делом чрезвычайной важности, которое должно реализовываться в сфере сотрудничества между органами государственной власти, занимающимися разработкой молодежной политики, и самими молодежными организациями. Учитывая то, что правовую основу борьбы с экстремизмом и терроризмом в России составляют Конституция Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации, Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ, Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ и другие федеральные законы, указы, распоряжения, постановления Президента и Правительства России.

Особенно важно проведение профилактической работы в среде молодежи, так как именно молодое поколение, в силу целого ряда различных факторов, является наиболее уязвимым в плане подверженно-

сти негативному влиянию разнообразных антисоциальных и криминальных групп. Социальная и материальная незащищенность молодежи, частый максимализм в оценках и суждениях, психологическая незрелость, значительная зависимость от чужого мнения — причины, позволяющие распространить в их среде радикальные идеи. Лидеры экстремистских группировок различного толка привлекают молодежь в свои объединения, обещая легкое решение всех проблем, в том числе материальных. Неокрепшие молодые умы зачастую даже не задумываются о том, что, участвуя в деятельности подобных формирований, они не только не решают свои существующие проблемы, но и создают себе новые, разрушая свое будущее. Безусловно, проводить профилактику экстремизма и терроризма среди молодежи намного полезнее, нежели ликвидировать последствия подобных явлений.

Наиболее эффективным средством массового информационного воздействия террористов на молодежь становится Интернет. Это легкий доступ к аудитории, обеспечение анонимной коммуникации, слабый контроль на государственном уровне, глобальное распространение, высокая скорость передачи информации, мультимедийные возможности, дешевизна и простота в использовании. Экстремисты широко используют дезинформацию, запугивание, манипуляцию общественным сознанием, подмену понятий и фактов, используют Интернет для вербовки новых членов, включая террористов-смертников. В противовес деятельности деструктивных сил в обществе необходимо вспомнить и возродить традиционные ценности народов Северного Кавказа на которые опирались наши предки: почитание старших, наставничество молодежи, защита женщин и детей, уважение традиций предков и др. Если этот фундамент, на котором строился весь общественный уклад на Кавказе, разрушится, то молодому поколению не на чем будет строить свое будущее.

Использованная литература:

1. Асмолов А.Г. Слово о толерантности // Век толерантности. 2001. № 1. С. 4–7.
2. Дмитриев А.В., Залысин И.Ю. Религиозный терроризм: сущность, истоки, разновидности // Религия в самосознании народа (Религиозный фактор в идентификационных процессах). М.: Ин-т социологии РАН, 2008. С. 86–108.

3. Никандров Н. Д. Духовные ценности и воспитание в современной России // Педагогика. 2008. № 9. С. 3–12.

4. Овсянникова Т. А. Традиционная культура народов Северного Кавказа (возрождение или развитие) // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2014. № 4. С. 34–37.

5. Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 № 114-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/ (дата обращения 28.05.2018).

Madina Z. MAGOMEDOVA

Cand. Sci. (Religious Studies, Philosophical Anthropology,
Philosophy of Culture), Assoc. Prof., Department of Humanities,
Dagestan State University of National Economy,
Makhachkala, Russia.
spirow@mail.ru

**Traditional Culture of the Peoples
of the North Caucasus as a Factor of Counteraction
to Extremism in the Youth Environment**

The traditional culture of the peoples of the North Caucasus is part of the common ethno-cultural heritage of the peoples of Russia. Its social, cultural and political significance is great. Today, in the context of globalization, it is important to preserve the cultural heritage, national languages, traditions, folklore, the identity of all the North Caucasian peoples, create conditions for their free national self-affirmation and popularization of the ethno-cultural heritage. The relevance of the study of the problem of traditional culture of the North Caucasian peoples is due to the leveling of the importance of ethno-cultural values in Russian society. Traditional culture is also one of the factors of counteraction to extremist ideology in the North Caucasus, whose supporters, using the influence of religion in the region, try to distort the meaning of the provisions laid down in Islam, tendentiously interpret them, tearing them out of context. In contrast to the activities of destructive forces in society, it is necessary to recall and revive the traditional values of our ancestors and build on their future.

Keywords: traditional culture, ethnoculture, polyethnicity, polyconfessionality, the North Caucasus, ethno-confessional tolerance, Islam, extremism, the youth.

Деятельность национально-культурных общественных объединений и религиозных организаций ХМАО-Югры в области профилактики экстремизма

Статья посвящена анализу деятельности в области профилактики экстремизма национально-культурных общественных объединений и религиозных организаций Ханты-Мансийского автономного округа-Югры, как одного из самых многонациональных и миграционно привлекательных субъектов Российской Федерации. Особое внимание уделено изучению основных направлений взаимодействия этнических и религиозных объединений с органами власти округа по профилактике экстремизма. Рассмотрено отражение указанного взаимодействия в государственных программах Ханты-Мансийского автономного округа-Югры по поддержанию гражданского единства и профилактике экстремизма. Выявлены основные мероприятия по профилактике экстремизма, проводимые с участием национально-культурных общественных объединений и религиозных организаций на окружном и муниципальном уровнях. Сделан вывод о значимости проделанной работы для поддержания межнационального и межконфессионального согласия. Предложено расширить обмен лучшими практиками с другими субъектами Российской Федерации, в частности, с регионами Северного Кавказа.

Ключевые слова: национально-культурные объединения, религиозные организации, органы власти, Северный Кавказ, ХМАО-Югра, профилактика экстремизма, мероприятия, практики.

Российская Федерация — многонациональное государство, население которого исповедует разные религии. Одной из наиболее этнически разнообразных территорий является Северный Кавказ. Согласно переписи населения 2010 г., в северокавказском регионе, включающем в себя Дагестан, Карачаево-Черкессию, Северную Осетию, Ингушетию, Кабардино-Балкарию и Ставропольский край, проживает 142 народа, в числе которых абхазы, карачаевцы, черкесы, аварцы, ногайцы, даргинцы, лезгины, осетины, ингуши, чеченцы и многие другие. Социально-экономические события, происходившие в истории нашей страны, привели к тому, что определенная часть народов, тра-

* ИЩЕНКО Оксана Владимировна, доктор исторических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления и управления персоналом Сургутского государственного университета, Сургут, Россия. Электронная почта: iovfu@yandex.ru.

диционно населявших Кавказ, ныне проживает за его пределами. Усилившиеся в современном обществе процессы трудовой миграции еще более усложнили этнический состав субъектов РФ. В числе наиболее привлекательных для трудоспособного населения России регионов находится Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, занимающий 3 место среди субъектов Российской Федерации по естественному приросту населения. Только за 2010 г. миграционный прирост населения округа составил 3,7 тыс. человек [12].

Ханты-Мансийский автономный округ — Югра ныне представляет собой территорию, на которой проживают представители более 120 национальностей. Коренные малочисленные народы составляют чуть более 2% всего населения округа (1,3% — ханты, 0,8% — манси, 0,1% — ненцы, всего около 32 тыс. человек). К лидирующим по численности этносам относятся русские (68,1%), татары (7,6%), украинцы (6,4%), но наряду с ними достаточно крупными этническими группами являются азербайджанцы, белорусы, башкиры и др. [10, с. 21] Следует отметить, что довольно значительную часть в составе населения округа представляют выходцы с Северного Кавказа. Так, восьмое место в ряду самых многочисленных народов ХМАО занимают кумыки (около 1%), примерно таким же является удельный вес лезгин. В целом же, совокупная доля кумыков, лезгин, чеченцев, ногайцев, даргинцев, аварцев, лакцев, ингушей, осетин, табасаран, черкесов, абазин и других представителей этносов Северного Кавказа составляет около 4% в общем составе населения Югры [10, с. 21]. Причем зачастую в силу компактного проживания в ряде поселений округа удельный вес выходцев с Кавказа является намного большим. Так, например, в поселке Федоровский Сургутского района, в составе населения которого имеются представители более 53 национальностей, второе место после русских (50%) занимают ногайцы (10%), довольно большое количество здесь и лезгин (2%) [2].

Многие представители этнических групп стремятся создать собственные национально-культурные объединения. Так, например, в Сургуте действуют общественные этнические объединения русских, татар, азербайджанцев, украинцев, армян, башкир, киргизов, узбеков, казахов, таджиков, езидов и др. В городе действует Дагестанский национально-культурный центр, Чечено-Ингушский культурный центр, молодёжная общественная организация «Союз ногайской молодёжи» г. Сургута [15].

Совместное проживание разных народов, отличающихся друг от друга родным языком, верованиями, обычаями и традициями, не только создает своеобразный облик региона (Югра входит в число самых многонациональных субъектов Российской Федерации), но и порождает определенные проблемы, поскольку в числе мигрантов, приезжающих в ХМАО с Северного Кавказа есть и последователи радикальных религиозных течений, и вербовщики в ряды незаконных вооруженных формирований. Результаты проведенных в 2013–2014 гг. социологических исследований о состоянии межнациональных и межконфессиональных отношений в автономном округе показали, что более 60% опрошенных никогда не сталкивались в повседневной жизни с дискриминацией по национальному признаку, но, вместе с тем, выяснилось, что значительная часть югорчан считает вполне вероятной возникновение межнациональных конфликтов. Недовольство граждан вызывают случаи агрессивного и вызывающего поведения приезжих, с пренебрежением относящихся к культуре и обычаям местного населения [1].

Власти округа предпринимают немало усилий для сохранения гражданского согласия в регионе, но достижение этой цели невозможно без широкой общественной поддержки. На необходимость вовлечения в деятельность по поддержанию межнационального мира и профилактике экстремизма представителей национальных общественных объединений и автономий неоднократно обращала внимание губернатор ХМАО-Югры Н. В. Комарова [19].

Сложность ситуации во многом связана с миграционной привлекательностью округа. И в этом отношении большая роль принадлежит национальным автономиям и национально-культурным объединениям, поскольку именно они выступают зачастую в качестве агентов первичной социализации мигрантов. Вовлекая недавно прибывших в Югру людей в общественно-полезную деятельность, способствуя их адаптации, общественные организации объективно помогают органам власти в реализации национальной политике в регионе. «Такой подход абсолютно совпадает с направлением, которое задал президент РФ, указав на то, что ни одного решения в национальной политике не может приниматься только в кабинете чиновников», — считает губернатор округа [26].

На уровне государственной власти ХМАО-Югры неоднократно подчеркивалось и то, что гармонизация межнациональных отноше-

ний является главным способом пресечения экстремистских проявлений. С этой целью в округе проводятся фестивали национальных культур, фестиваль любительского художественного творчества национально-культурных объединений Ханты-Мансийского автономного округа — Югры «Возьмёмся за руки, друзья», реализуются культурно-просветительские проекты.

Наряду с национальными общественными объединениями вопросами укрепления согласия и профилактики экстремизма в округе занимаются религиозные организации. Провозглашенный в Конституции Российской Федерации светский характер государства и декларируемое отделение церкви от государства не означает на практике полного отказа от привлечения церкви к решению социально важных проблем. «Между государством и религиозными организациями должен установиться совершенно другой режим взаимоотношений — режим партнерства, взаимной помощи и поддержки», — констатировал В. Путин на встрече с представителями религиозных конфессий России в феврале 2012 г. [23, с 5]

В ХМАО-Югре взаимодействие органов власти и религиозных организаций осуществляется в рамках Межведомственной комиссии по противодействию экстремистской деятельности, Координационного совета по делам национально-культурных автономий и взаимодействию с религиозными объединениями при правительстве автономного округа. В 2014 г. в округе было подписано соглашение о совместной деятельности по предупреждению проявлений экстремизма и информационном взаимодействии между Управлением Министерства внутренних дел, Ханты-Мансийской Епархией Русской православной церкви и Региональным духовным управлением мусульман. По мнению Н. Комаровой, данное соглашение сразу же показало свою эффективность и еще раз подтвердило созидательную роль традиционных конфессий в деле гармоничного развития общества, что имеет стратегическое значение для наращивания «мягкой силы» в профилактике экстремистских проявлений, заключающейся в развитии просветительской и наставнической деятельности, приобщении к культуре, традициям, религиозным ценностям. Главой региона было дано поручение окружному департаменту внутренней политики подготовить методическое пособие для органов местного самоуправления с включением в него лучших практик положительной работы

с подростками и молодыми людьми, проводимой с участием религиозных организаций в различных муниципалитетах [3].

Представители религиозных конфессий, в свою очередь, делают упор на образовательную и культурно-просветительскую деятельность в области профилактики экстремизма. Так, например, в 2016–2017 гг. на территории округа был реализован разработанный Духовным управлением мусульман просветительский проект «ИГИЛ — чума XXI в.», получивший высокую оценку Общественной палаты России [25]. Совместно с Духовным управлением мусульман автономного округа в вузах Югры организуются профилактические лекции, круглые столы, с привлечением экспертов из Российского исламского института и Казанского исламского университета по вопросам борьбы с радикальным экстремизмом [14]. В 2016 г. в Сургутском государственном университете Региональное духовное управление мусульман ХМАО-Югры провело конференцию на тему: «Роль и значение исламских традиций и ценностей для социализации молодежи в условиях Сибири». В работе конференции приняли участие мусульманские религиозные деятели России, в том числе из регионов Северного Кавказа, представители академического сообщества, религиозных организаций и национально-культурных объединений, члены Общественной палаты РФ, специалисты органов государственной власти и местного самоуправления [7].

Не менее активную работу в этом отношении проводит и Ханты-Мансийская Епархия Русской православной церкви, организуя семинары, встречи с молодежью и множество других мероприятий. Власти округа способствовали проведению в 2017 г. обучающих семинаров для представителей духовенства традиционных конфессий в целях развития их компетенций, направленных на противодействие экстремизму, прежде всего, в молодежной среде. Цель этого мероприятия была определена губернатором следующим образом: «Представители духовенства, прошедшие обучение, должны получить возможность применять новые знания на практике, вести просветительскую и профилактическую деятельность с помощью средств массовой информации и в интернете» [24].

С 2013 г. в ХМАО-Югре действует государственная программа, направленная на обеспечение гражданского единства и межнационального согласия. Основной целью данной программы является укрепление единства многонационального народа Российской Феде-

рации, а в числе решаемых ею задач — поддержание межэтнического, межкультурного и межконфессионального мира и согласия, предупреждение экстремистской деятельности, воспитание общероссийского гражданского самосознания, а также содействие адаптации и интеграции мигрантов в культурное и социальное пространство [5]. Данные задачи определили наличие в государственной программе отдельных подпрограмм по гармонизации межнациональных отношений, обеспечению гражданского единства и профилактике экстремизма.

При этом для достижения цели подпрограмма «Гармонизация межнациональных отношений, обеспечение гражданского единства» предполагает целый набор мероприятий, направленных на формирование уважительного отношения к культуре и национальным традициям народов России, проживающих в автономном округе. Важное место в программе занимают вопросы организации взаимодействия органов власти с национально-культурными и религиозными объединениями в области поддержания межнационального согласия и профилактики экстремизма. В их числе предоставление грантовой поддержки в целях активизации деятельности институтов гражданского общества в сфере реализации государственной национальной политики, содействие религиозным организациям в культурно-просветительской и социально значимой деятельности, вовлечение национально-культурных организаций автономного округа в деятельность по укреплению межкультурного и межэтнического сотрудничества, единства российской нации, профилактики экстремизма, проведение регионального форума национального единства с участием представителей научно-экспертного сообщества, представителей религиозных организаций и общественных объединений, органов государственной власти и органов местного самоуправления. Подпрограмма «Профилактика экстремизма» предусматривает проведение обучающих семинаров для представителей национальных общественных объединений с целью повышения качества подготовки и эффективности реализации общественных проектов в сфере государственной национальной политики [5].

Анализ указанной программы позволяет выявить основные направления деятельности по профилактике экстремизма в ХМАО-Югре, к числу которых относится организация мероприятий в образовательных заведениях, работа с детьми мигрантов, проведение мультинациональных фестивалей, поддержка молодежных проектов,

проведение мероприятий на базе молодежных объединений, организация передач и публикаций в СМИ, поддержка специализированных интернет-проектов, оказание содействия национально-культурным общественным объединениям и религиозным организациям в проведении социально значимой работы [9, с. 267].

С 1 января 2019 г. в силу вступает обновленная государственная программа Ханты-Мансийского автономного округа — Югры «Реализация государственной национальной политики и профилактика экстремизма», ставящая своей целью укрепление единства многонационального народа Российской Федерации и профилактику национального и религиозного экстремизма. В число решаемых программой задач вошли укрепление межнационального и межконфессионального согласия, сохранение этнокультурного многообразия народов, проживающих в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре, предупреждение экстремистской деятельности, укрепление гражданского единства, содействие социальной и культурной адаптации мигрантов [6]. К основным направлениям реализации программы отнесены предоставление субсидий для возмещения фактических затрат некоммерческим организациям, участвующим во всероссийских и региональных мероприятиях по реализации государственной национальной политики, организация социально значимых общественных мероприятий, направленных на формирование гражданской идентичности, уважительного отношения к культуре и национальным традициям народов России. Содействие религиозным организациям в культурно-просветительской и социально значимой деятельности предусматривает проведение обучающих семинаров, направленных на противодействие распространению религиозного радикализма, разъяснение идей межконфессионального согласия, расширение межрелигиозного диалога. Подобные семинары предполагается проводить и для представителей национальных общественных объединений. Кроме того, программой предусмотрено проведение научно-практических конференций и других мероприятий по обеспечению просветительской деятельности в целях противодействия распространению религиозного радикализма [6].

В целях реализации программных мероприятий в Ханты-Мансийском автономном округе в октябре 2018 г. во второй раз был проведен региональный форум национального единства «Югра многонациональная», ставший площадкой сотрудничества всех участников

реализации государственной национальной политики и профилактики экстремизма, осуществляющих свою деятельность на территории округа. В работе форума приняли участие представители органов государственной власти, местного самоуправления, национальных общественных организаций, религиозных объединений, а также федеральные эксперты, в числе которых член президиума Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям Владимир Зорин, заместитель руководителя Федерального агентства по делам национальностей Михаил Ипатов и др. Открывая форум, губернатор ХМАО-Югры Н. В. Комарова особо подчеркнула значимость совместных усилий власти и общества по поддержанию гражданского согласия: «Благодаря взаимодействию представителей общественных, религиозных организаций, экспертных, предпринимательских сообществ, органов власти, правоохранительных органов, граждан, равнодушному участию каждого из нас мы повышаем гарантии мира и согласия между людьми. На мой взгляд, национально-культурные, общественные объединения — это стержень единства, добрососедских отношений, духовной общности многонационального мира» [20]. В ходе форума было проведено несколько десятков мероприятий по различным аспектам реализации государственной национальной политики и обсуждены лучшие практики органов государственной власти, государственных и муниципальных учреждений, общественных и некоммерческих организаций, молодёжных общественных объединений в реализации проектов и программ в сфере государственной национальной политики. Следует отметить, что в 2017 г. восемь проектов по укреплению межнационального согласия югорских некоммерческих организаций получили президентские гранты. В рамках форума был проведен конкурс проектов общественных объединений, действующих в сфере национальной политики, и вручены премии губернатора Югры за вклад в развитие межэтнических отношений в регионе. Одну из наград получил ингуш Адам Акимиров из пос. Луговского Ханты-Мансийского района как автор проекта «Этносфера дружбы» [13]. Отмечен был и председатель Совета по делам национально-культурных объединений и религиозных организаций города Ханты-Мансийска Тагир Аюпов [11].

Вручение наград представителям муниципалитетов свидетельствует о том, что, несмотря на активно проводимые в ХМАО-Югре мероприятия окружного масштаба, основная работа по профилак-

ке экстремизма ведется на уровне муниципальных образований. Так, муниципалитеты Югры участвуют в региональном этапе Всероссийского конкурса «Лучшая муниципальная практика» по номинации «Укрепление межнационального мира и согласия, реализация иных мероприятий в сфере национальной политики на муниципальном уровне» в целях выявления и распространения лучших муниципальных практик в сфере государственной национальной политики и профилактики экстремизма.

Широкую известность в округе получил опыт Сургутского района, в котором были организованы так называемые «комнаты мира» для иностранных граждан, попавших в трудную жизненную ситуацию. Консультационные пункты для мигрантов действуют в шести поселениях — Лянторе, Нижнесортнымском, Барсово, Белом Яре, Фёдоровском и Солнечном. Приём в них ведут руководители и представители национальных диаспор. Там же с целью оказания консультативной помощи иностранцам работает единый телефон для связи с руководителями таджикской, киргизской, узбекской, азербайджанской и армянской диаспор, дающий возможность получить помощь на родном языке. В 2019 г. в Сургутском районе планируется открыть специализированный центр для мигрантов, аналогом которого служат комплексные миграционные центры, действующие в ряде субъектов РФ. Мигранты смогут получить здесь необходимые консультации, направление на медицинское обследование, на регистрацию в УФМС и т.д. [20]

«В 2018 г. администрация района оказала грантовую поддержку инициативам национальных объединений по нормализации межнациональных отношений. На 2019 г. финансирование этого направления увеличится практически вдвое. Появится и ряд новшеств: обучение лидеров религиозных и национальных объединений, системные мероприятия в спортивных и образовательных учреждениях, поддержка национальных праздников и мероприятий и т.д. Мы стараемся отойти от бумажного чиновничьего подхода и воплощать в жизнь именно практические мероприятия», — обозначил основные направления совместной деятельности муниципалитета и общественных объединений глава Сургутского района А. А. Трубецкой [20].

В большинстве муниципальных образований округа действуют координационные советы, включающие в себя представителей национально-культурных объединений и религиозных организаций. Рас-

смотреть основные направления их деятельности можно на примере Совета по делам национально-культурных объединений и религиозных организаций города Ханты-Мансийска. В состав Совета входят представители официально зарегистрированных на территории города национально-культурных объединений татар и башкир, азербайджанцев, армян, обско-угорских народов, белорусов, чечено-ингушской диаспоры, представителей народов Дагестана и др., а также местных православной и мусульманской религиозных организаций [22].

Согласно Положению, Совет является общественно-консультативным совещательным органом при Администрации города, созданным с целью совершенствования взаимодействия органов муниципальной власти с институтами гражданского общества в деятельности по укреплению единства и духовной общности народов Российской Федерации, гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений, сохранению и развитию этнокультурного многообразия народов России, проживающих в городе Ханты-Мансийске, противодействию экстремизму, разжиганию этнической и религиозной ненависти либо вражды [18].

В число основных задач Совета входит развитие межнационального и межконфессионального диалога, противодействие экстремизму, национальной и религиозной нетерпимости, а также содействие национально-культурным объединениям и религиозным организациям города Ханты-Мансийска в деятельности по укреплению единства и духовной общности народов Российской Федерации, гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений, сохранению и развитию этнокультурного многообразия народов России, проживающих в городе Ханты-Мансийске, противодействию экстремизму, разжиганию этнической и религиозной ненависти либо вражды. Совет помогает решать проблемные вопросы, возникающие в сферах межнациональных и межконфессиональных отношений, участвует в реализации городских мероприятий, направленных на гармонизацию межэтнических отношений и профилактику экстремизма [18].

Согласно отчету о деятельности Совета по делам национально-культурных объединений и религиозных организаций Ханты-Мансийска за 2017 г., национально-культурными общественными объединениями и религиозными организациями города проводились встречи с первокурсниками средних и высших учебных заведений города. На встречах с участием представителей армянской, таджикской,

дагестанской общин затрагивались вопросы гармонизации межнациональных отношений и профилактики экстремизма в молодежной среде. С целью профилактики терроризма и радикализма по инициативе местной мусульманской религиозной организации «Махалля» была проведена встреча студентов Югорского государственного университета с представителями мусульманского духовенства Республики Дагестан [8].

Национально-культурные общественные объединения и религиозные организации принимали активное участие в организации и проведении городских и окружных мероприятий, направленных на гармонизацию межнациональных и межконфессиональных отношений, таких как городской фестиваль национальных культур «Югра многоликая», региональный круглый стол на тему: «Межнациональное согласие в Югре как инструмент в борьбе с экстремизмом и терроризмом», региональный форум национального единства «Югра многонациональная». В 2017 г. в Ханты-Мансийске был реализован проект по адаптации и интеграции мигрантов «Содружество». На его основе был разработан межнациональный общественный проект «Культурно-образовательный и интеграционный центр «Школа мигранта», ставший в декабре 2017 г. победителем Второго этапа конкурса на предоставление грантов Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества [8].

В план работы Совета на 2018 г. включены вопросы, связанные с повышением эффективности участия национально-культурных объединений в мероприятиях по социальной и культурной адаптации мигрантов, организацией взаимодействия органов местного самоуправления с национально-культурными объединениями и религиозными организациями по подготовке общественно-значимых культурно-просветительских проектов по гармонизации этноконфессиональных отношений, профилактикой этнорелигиозного экстремизма и повышением эффективности работы по вовлечению национально-культурных объединений и религиозных организаций в деятельность по реализации государственной национальной политики [16].

Активная работа национально-культурных общественных объединений и религиозных организаций по укреплению межнациональных и межконфессиональных отношений в Ханты-Мансийске дала свои результаты. По данным социологических исследований, в 2017 г.

более 77% опрошенных горожан положительно оценили состояние межконфессиональных отношений в столице округа [8].

Подобная деятельности по укреплению гражданского согласия и профилактике экстремизма ведется и в других муниципалитетах Югры. Так, в Нягани в тесном взаимодействии с национально-культурными центрами и религиозными организациями успешно действует межведомственная комиссия по противодействию проявлениям экстремизма [4]. Широкую известность в округе получил реализуемый на протяжении нескольких лет няганским центром осетинской культуры «Алания» проект «Югра — Кавказ — Югра», направленный на выстраивание культурного диалога [13].

Межведомственная комиссия по противодействию экстремистской деятельности успешно действует и в городском поселении Федоровский Сургутского района. В ее состав, наряду с главой городского поселения и сотрудниками администрации, входят настоятель православного прихода, имам местной мусульманской религиозной организации, председатель Федоровского отделения Межрегионального общественного движения «Всемирный конгресс лезгинских народов», представители русского, украинского и азербайджанского национально-культурных обществ [21]. Комиссией проводится активная работа в области подготовки и проведения мероприятий, направленных на укрепление межнациональных и межконфессиональных отношений среди населения городского поселения Федоровский. В целях профилактики экстремизма организуются совместные мероприятия культурных учреждений поселения с представителями традиционных религиозных конфессий и национально-культурных объединений [17].

В целом, деятельность национально-культурных общественных объединений и религиозных организаций в области профилактики экстремизма в Ханты-Мансийском автономном округе способствует поддержанию межнационального согласия, что, по словам губернатора округа Н. В. Комаровой, «позволяет Югре оставаться одним из самых развитых и привлекательных для жизни регионов России» [25]. Тем не менее, проблема организации противодействия экстремизму по-прежнему стоит в числе наиболее острых проблем современного общества. Северный Кавказ раньше других регионов Российской Федерации столкнулся с проникновением сюда радикальных религиозных течений, именно на его территории стала проводиться активная

работа по вовлечению молодежи в ряды экстремистских и террористических организаций. Обмен опытом совместной работы органов власти, общественных и религиозных организаций ХМАО-Югры с краями и республиками Северного Кавказа по поддержанию гражданского мира и профилактике экстремизма может иметь большое положительное значение.

Использованная литература:

1. Znak.com: интернет-газета [Электронный ресурс] // https://www.znak.com/2014-03-17/komarova_prosit_silovikov_i_glav_zakryvat_cherez_sudy_ochagi_kriminala_rynki_kafe_sto_zayavlenie_gub (дата обращения 29.09.2018).

2. Администрация городского поселения Федоровский. Официальный сайт [Электронный ресурс] // URL: <http://адмфедоровский.рф/city/> (дата обращения 21.10.18).

3. БезФормата: официальный сайт [Электронный ресурс] // URL: <http://nyagan.bezformata.com/listnews/komarova-konsolidatciya-obshestva-vokrug/33406906/> (дата обращения 20.10.18).

4. БезФормата: официальный сайт [Электронный ресурс] // URL: <http://nyagan.bezformata.com/listnews/rabota-po-protivodejstviyu-ekstremizmu/33377501/> (дата обращения 20.10.18).

5. Государственная программа Ханты-Мансийского автономного округа — Югры «О государственной политике в сфере обеспечения межнационального согласия, гражданского единства, отдельных прав и законных интересов граждан, а также в вопросах обеспечения общественного порядка и профилактики экстремизма, незаконного оборота и потребления наркотических средств и психотропных веществ в ханты-мансийском автономном округе — Югре в 2018–2025 гг. и на период до 2030 г.» [Электронный ресурс] // Ханты-Мансийский автономный округ — Югра: единый официальный сайт государственных органов. URL: <https://deppolitiki.admhmao.ru/gosudarstvennyye-i-tselevye-programmy/gossudarstvennaya-programma-s-2013-po-2018-gody/o-gosudarstvennoy-politike-v-sfere-obespecheniya-mezhnatsionalnogo-soglasiya-grazhdanskogo-edinstva-/112601/o-gosudarstvennoy-programme-khanty-mansiyskogo-avtonomnogo-okruga-yugry-o-gosudarstvennoy-politike-v> (дата обращения 21.10.2018).

6. Государственная программа Ханты-Мансийского автономного округа — Югры «Реализация государственной национальной политики и профилактика экстремизма» [Электронный ресурс] // Ханты-Мансийский автономный округ — Югра: единый официальный сайт государственных органов. URL: <https://deppolitiki.admhmao.ru/gosudarstvennyye-i-tselevye-programmy/gossudarstvennyye-programmy-s-2019/realizatsiya-gosudarstvennoy-natsionalnoy-politiki-i-profilaktika-ekstremizma/1958352/o-gosudarstvennoy-programme>

khanty-mansiyskogo-avtonomnogo-okruga-yugry-realizatsiya-gosudarstvennoy (дата обращения 21.10.2018).

7. Диалог о традиционных ценностях [Электронный ресурс] // Администрация города Сургута: официальный сайт. // URL: <http://admsurgut.ru/article/902/95884/Dialog-o-tradicionnyh-cennostyah> (дата обращения 20.10.2018).

8. Информация о деятельности Совета по делам национально-культурных объединений и религиозных организаций города Ханты-Мансийска за 2017 г. [Электронный ресурс] // Ханты-Мансийск: официальный информационный портал органов местного самоуправления. URL: <http://admhmansy.ru/upload/iblock/466/Informatsiya-o-deyatelnosti-Soveta-za-2017-god.docx> (дата обращения 19.10.2018).

9. Ищенко О. В. Совершенствование региональных и муниципальных программ по профилактике экстремизма // Север России: стратегии и перспективы развития: матер. III всерос. науч.-практ. конфер. (26 мая 2017 г., г. Сургут): в 3-х т. Сургут: ИЦ СурГУ, 2017. Т. I. С. 265–269.

10. Краткие окончательные итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. по Ханты-Мансийскому автономному округу — Югре: Статистическое издание / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Ханты-Мансийскому автономному округу — Югре. Ханты-Мансийск, 2012.

11. Московский Комсомолец в Югре [Электронный ресурс] // URL: <https://ugra.mk.ru/social/2018/10/24/v-regione-proshel-forum-yugra-mnogonacionalnaya.html> (дата обращения 29.09.2018).

12. Население Ханты-Мансийского автономного округа [Электронный ресурс] // URL: http://newsruss.ru/doc/index.php/Население_Ханты-Мансийского_автономного_округа (дата обращения 12.10.2018).

13. Новости Югры [Электронный ресурс] // URL: https://ugra-news.ru/article/yugra_eto_lyudi_zhivushchie_v_soglasii/ (дата обращения 29.10.2018).

14. Общественная организация «Спасение Югры» Ханты-Мансийского автономного округа — Югры: официальный сайт [Электронный ресурс] // URL: <http://spasenieugry.ucitizen.ru/actual/news/detail/natalya-komarova-podderzhala-idei-surgu-po-borbe-s-ekstremizmom-sredi-molodezhi/> (дата обращения 19.10.18).

15. Общественные этнические объединения [Электронный ресурс] // Администрация города Сургута: официальный сайт. URL: <http://admsurgut.ru/article/17853/29363/Obschestvennye-etnicheskie-obedineniya> (дата обращения 20.10.2018).

16. План работы Совета по делам национально-культурных объединений и религиозных организаций города Ханты-Мансийска на 2018 г. [Электронный ресурс] // Ханты-Мансийск: официальный информационный пор-

тал органов местного самоуправления. URL: <http://admhmansy.ru/rule/obshchestvennye-sovety/sovets-pri-adm-planu-raboty-soveta.php> (дата обращения 19.10.2018).

20. План работы Межведомственной комиссии по противодействию экстремистской деятельности на территории городского поселения Федоровский на 2018 г. [Электронный ресурс] // Администрация городского поселения Федоровский: официальный сайт. URL: http://адмфедоровский.рф/bezopasnost/profilaktika_ekstremizma/mezhvedomstvennaya-komissiya-g-p-fedorovskiy-po-protivodeystviyu-ekstremistskoy-deyatelnosti/план%20МК%202018.pdf (дата обращения 21.10.2018).

21. Постановление «Об утверждении Положения о Совете по делам национально-культурных объединений и религиозных организаций города Ханты-Мансийска» от 23.04.2014 № 317 [Электронный ресурс] // Ханты-Мансийск: официальный информационный портал органов местного самоуправления. URL: <http://admhmansy.ru/upload/iblock/f04/polozhenie-o-sovete.doc> (дата обращения 19.10.2018).

22. Правда УрФО: окружная интернет-газета [Электронный ресурс] // URL: <http://pravdaurfo.ru/news/komarova-nashla-kraeugolnyy-kamen-borby-s-ekstremizmom> (дата обращения 18.09.2018).

23. Сегодня [Электронный ресурс] // URL: <https://sputniksmi.ru/kitogam-regionalnogo-foruma-ugra-mnogonacionalnaia.html> (дата обращения 29.10.2018).

24. Состав Межведомственной комиссии городского поселения Федоровский по противодействию экстремистской деятельности [Электронный ресурс] // Администрация городского поселения Федоровский: официальный сайт. URL: http://адмфедоровский.рф/bezopasnost/profilaktika_ekstremizma/mezhvedomstvennaya-komissiya-g-p-fedorovskiy-po-protivodeystviyu-ekstremistskoy-deyatelnosti/ (дата обращения 21.10.2018).

25. Список членов Совета по делам национально-культурных объединений и религиозных организаций города Ханты-Мансийска [Электронный ресурс] // Ханты-Мансийск: официальный информационный портал органов местного самоуправления. URL: <http://admhmansy.ru/upload/iblock/230/Sostav-Soveta.docx> (дата обращения 19.10.2018).

26. Стенограмма встречи Владимира Путина в Свято-Даниловом монастыре с представителями религиозных конфессий России 8 февраля 2012 г. Новосибирск: Изд-во Новосибирской епархии, 2012.

27. Ура.ру: информационное агентство [Электронный ресурс] // URL: <https://ura.news/news/1052281173> (дата обращения 29.10.2018).

28. УралПолит.ру: экспертный информационный канал [Электронный ресурс] // URL: <http://uralpolit.ru/news/hmao/17-10-2017/123297> (дата обращения 29.10.2018).

29. ФедералПресс: официальный сайт [Электронный ресурс] // URL: <http://fedpress.ru/news/86/policy/2048549> (дата обращения 29.10.2018).

Oksana V. ISHCENKO

Dr. Sci. (National History), Prof.,
Department of State, Municipal and Personal Management,
Surgut State University,
Surgut, Russia
iovf@yandex.ru

**About Activities of National-Cultural Public
Associations and Religious Organizations of Khmao-Ugra
in the Field of Prevention of Extremism**

The article analyzes the activities of national cultural associations and religious organizations of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug-Ugra in the field of prevention of extremism, as one of the most multi-ethnic and migration-attractive subjects of the Russian Federation. Special attention is paid to the study of the main directions of interaction of ethnic and religious associations with the authorities of the district for the prevention of extremism. The reflection of this interaction in the state programs of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug-Ugra for the maintenance of civil unity and prevention of extremism is considered. The main measures for the prevention of extremism carried out with the participation of national and cultural associations and religious organizations at the district and municipal levels are identified. The conclusion is made about the importance of the work done to maintain interethnic and interreligious harmony. It is proposed to expand the exchange of best practices with other subjects of the Russian Federation, in particular, with the regions of the North Caucasus.

Keywords: national cultural associations, religious organizations, authorities, North Caucasus, KHMAO-Yugra, prevention of extremism, activities, practices

Ценностные характеристики взаимодействия студенческой молодежи в поликультурном образовательном пространстве: эмпирический анализ

В статье анализируются результаты социологического исследования взаимодействия студентов в поликультурном пространстве вуза: выделяются факторы конфликтных, а также кооперативных отношений как позитивных характеристик взаимодействия молодежи в условиях образовательной миграции. Дается определение и содержание особенностей современного образовательного пространства как поликультурного. Одним из звеньев данного пространства выступает педагогическая среда, представляющая сферу организованного процесса формирования личности, обладающей культурой и компетенциями межкультурного взаимодействия; раскрыты условия эффективного функционирования педагогической среды. По результатам экспертного опроса приводятся группы факторов, отражающих риски конфликтного взаимодействия студентов, что позволяет определять действия по их предупреждению. Данные опроса студентов указывают на характеристики кооперативного взаимодействия как ценностные ориентиры отношений в студенческой среде и меры по их поддержке и развитию.

Ключевые слова: поликультурное образовательное пространство, социальное взаимодействие, факторы и характеристики взаимодействия студентов, педагогическая среда вуза.

Современное образовательное пространство объединяет образовательный и социокультурный контексты общества, «охватывает пространство взаимосвязанных педагогических событий, основанных на принципах государственной образовательной политики, обеспечивающей защиту и развитие образовательных систем в условиях многонационального государства» [1, с. 64–65]. Включая этническое многообразие, совокупность признаков, характеризующих традиционную культуру, субкультуру, профессиональную культуру, оно, по сути, является поликультурным.

Важным звеном поликультурного образовательного пространства выступает педагогическая среда как сфера специально органи-

* МАСЛОВА Татьяна Федоровна, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры философии и культурологии Ставропольского государственного педагогического института, Ставрополь, Россия. Электронная почта: tatianamaslova@rambler.ru.

зованного процесса формирования личности, обладающей культурой межкультурного взаимодействия, способностью понимать и принимать равноправность культур на основе достаточного уровня образования [1, с. 65]. При этом педагогическая среда функционирует с той или иной долей эффективности в зависимости от ряда факторов:

– от профессионализма педагогов, под которым понимается их поликультурная компетентность, предполагающая понимание обусловленности поведения, привычек и реакций отдельных групп людей особенностями той культуры, частью которой эти люди являются, способность устанавливать между ними бесконфликтное взаимодействие;

– от состояния этики отношений между обучающимися, их родителями, педагогами и воспитателями с учетом фактора поликультурности, полиэтничности образовательного пространства;

– от традиции и стереотипов общественного сознания, средств и способов коммуникации в области межкультурных отношений.

Внимание к поиску способов эффективного управления взаимодействием в поликультурном образовательном пространстве и педагогической среде актуализируется на фоне образовательной миграции. В последние десятилетия с образованием федеральных округов в Российской Федерации проявляется выраженность внутрирегиональной миграции. Характерным примером выступает Ставропольский край, в вузах которого учится примерно 180 тыс. студентов. Более 50 тыс., то есть каждый третий, являются выходцами северокавказских республик [4]. Социализация молодежи, оказавшейся в новом социокультурном пространстве, сопровождается как взаимообогащением культуры молодых людей, так и конфликтами между студентами-мигрантами и студентами-местными жителями.

Отсюда — предметной областью интересов субъектов образовательного пространства и педагогической среды являются формы, факторы, результаты отношений студентов, которые формируются по типам партнерства (кооперации) и конфликта (противодействия), [3, с. 356], а целью — управление этим процессом через его социологическое сопровождение на основе информационной базы о состоянии взаимодействия групп обучаемых [2, с. 5]. Основными методами получения информации при этом может выступать опрос экспертов и анкетирование студентов. Необходимость проведения *экспертного опроса* обусловлена потребностью в уточнении тенденций, складыва-

ющихся в сфере отношений между группами студентов, компетентного взгляда на направления исследовательской и организационно-управленческой работы, а опрос студентов позволяет получить сведения «из первых рук» о взаимодействии между группами обучающихся в процессе получения профессионального образования.

В ходе исследования (2016) было проинтервьюировано 24 эксперта, в том числе: семь преподавателей, три специалиста воспитательной работы вузов; девять представителей молодежных общественных организаций и национальных диаспор, три сотрудника региональных органов власти. Заключение экспертов позволяет определить два сценария, по которым развиваются первоначальные взаимоотношения между студентами различных социально-территориальных и этнонациональных статусов. Первый — «гостеприимный», которого придерживаются студенты, принимающей стороны. Они психологически «впускают» приезжих как гостей в круг возможных контактов. Второй сценарий — «домашний» свойственен студентам-мигрантам, которые переносят «свои» нормы и правила поведения в принимающий социум по принципу: *«поскольку я гражданин России, то могу вести себя как дома во всех российских регионах»*. В дальнейшем проявляется опыт взаимодействия «хозяина» и «гостя», содержащий чаще конфликт; и наконец, — партнерства и кооперации, формируемых под воздействием различных факторов. Их можно классифицировать как педагогические, социально-психологические, мифологические и мировоззренческие. Распределение ответов экспертов по степени пространственности заключений позволило установить иерархию факторов влияния на исследуемый процесс.

В первой группе по частоте встречаемости включены мифологические факторы взаимодействия, к которым относятся стереотипы, имеющие культурно-исторические основания:

– давление стереотипов «иного, другого», присущих региональному сообществу: *«столкновения происходят скорее по причине сложившихся стереотипов в отношении представителей других культур»*;

– сохранение «домашних комплексов», связанных с отношениями групп населения внутри республик: *«перенос из своих «северокавказских» домов этическую недоброжелательность, например, между чеченцами и ингушами, осетинами и ингушами, черкесами и карачаевцами»*;

– специфичность ценностных систем студентов-представителей различных социально-территориальных статусов. Об этом говорит тот факт, что кроме общих черт и ценностей, свойственных всем студентам, для студентов из краевого центра, как отметили эксперты, в большей степени характерны проявления таких качеств, как *образованность, компетентность и целеустремленность, прагматизм и наглость*; для выходцев из сельской местности Ставрополья — *открытость, непосредственность, конфликтность как проявление компетиторного поведения, обусловленного осознанием своего более низкого статуса* (статуса «сельского жителя», «жителя деревни»); для студентов из республик СКФО — *некомпетентность, обособленность, показная агрессивность*.

Вторая группа — мировоззренческое противостояние, являющееся результатом индивидуально-личностного развития: — пассивность как студентов мигрантов, так и местных, нередко сопровождающаяся невключенностью в социально значимые дела, и *«поскольку большая часть студентов не охвачена общественными делами, то их от безделья всегда тянет на подвиги»*.

К третьей группе факторов, влияющих на формирование личностного опыта взаимодействия студентов-«хозяев» и студентов-«гостей», причислены те, которые могут рассматриваться как психологическая составляющая их социальных ролей:

– обусловленность поведения молодых людей высокой частотой встречаемости в СМИ тем ксенофобии и экстремизма, сообщений о террористических актах, столкновениях «на бытовой почве» и тому подобных: *«студент в результате услышанного и увиденного на подобную тему может реализовать ее в форме столкновения в студенческой среде»*;

– психологический образ дома как итог «закрытости» приезжих студентов в своих социальных группах, *«студенты, как правило, более тесно общаются с теми, кто им ближе по взглядам», а «схожесть взглядов и жизненных позиций студентов во многом зависит от мезосреды их взросления»*;

– распространенность в общественном сознании образа «конфликтного региона», сформировавшегося в результате «близости «конфликтных» регионов (Республики Дагестан, Ингушетия, Чеченская Республика), выступает как фактор, стимулирующий молодых людей к активно-агрессивной деятельности».

Четвертая группа — это педагогические условия формирования у студентов опыта взаимодействия «коренных» и «приезжих» молодых людей: низкая результативность воспитательной работы со студентами по адаптации их к новому поликультурному образовательному сообществу, что, по мнению экспертов, формирует в студенческой среде «*противопоставление Я-МЫ-ОНИ*».

В ходе опроса студентов (опрошено 500 студентов ставропольских вузов) были выявлены факторы и тенденции кооперативных отношений, которые можно рассматривать как *ценностные характеристики взаимодействия студентов* в поликультурном образовательном пространстве с точки зрения конструктивных отношений. Они состоят в следующем: 70,4% от числа всех опрошенных студентов (70,5% выходцев республик Кавказа, 74,6% — из территорий Ставропольского края) считают, что в группе восприятие друг друга — «в основном нормальное, независимо от различий». Что и в какой степени этому способствует? Это:

– *общая гражданская идентификация*. 71,4% опрошенных считают себя россиянином. А именно: 73% — из числа представителей республик; 74% — жителей территорий СК; 64% — жителей краевого центра.

– *увлечения, общность интересов, отношение к учебе*. Отвечая на вопрос о том, «что имеет значение в выборе «своего круга» в вузе», студенты выделили следующее: 1. Увлечение на досуге (55%). 2. Ответственная активность (38%). 3. Серьезное отношение к учебе (37%). 4. Землячество (15%). 5. Национальность, религия (13%). 6. Материальное положение, статус семьи; физические, внешние данные; авторитет, лидерские качества (по 10%). 7. Связи (7%).

– *коллективизм*. В ответах 49% опрашиваемых студентов указали на это обстоятельство (44% — представители СКФО; 54% — представители территорий СК; 49% — местные студенты), подчеркнуто, — «Поддержка и защита коллективных интересов, прежде всего». Способность сочетания личного и общественного в нормативной сфере студенческой среды характеризует развитие свойства принадлежности субъектов к «своему» сообществу, что выступает важным фактором для развития сотрудничества. Есть основания полагать, что такое отношение основано на сложившемся чувстве доверия, сходстве убеждений и ценностей у студентов.

– *позитивная межкультурная коммуникация, преодоление стереотипов*. Около 40% студентов отметили свое знакомство с культурами представителей других национальностей в своей студенческой группе; столько же сказали: «поверхностно знакомы». Единицы считают нормой жизни утверждение превосходства перед людьми другой культуры (3,5%) 80% не согласны с утверждением, что представители отдельных национальностей или этнических групп более склонны к совершению преступлений, чем другие.

Более 70% респондентов согласны с суждением «Мы живем на Северном Кавказе, где происходит обмен культурными ценностями и традициями. Мы стремимся взаимодействовать друг с другом», в том числе 69% из числа представителей республик СКФО; 57% — из территорий СК; 49% — из числа местных студентов. Лишь единицы участников опроса считают нормой жизни утверждение о превосходстве представителей одной культуры перед людьми другой культуры (3,5%).

Таким образом, анализ результатов социологического исследования взаимодействия студентов в образовательном пространстве в целях выявления культурного потенциала педагогической среды вуза показывает, что полем социального взаимодействия современной молодежи выступает поликультурное образовательное пространство, а педагогическая среда — его инструментальной частью. Циркулируемая в образовательном пространстве социологическая информация выявляет потенциал *ценностных характеристик взаимодействия студентов* с точки зрения конструктивных отношений; а ее генерирование дает возможность определить остроту конфликтогенных факторов, меры по их снижению, персонифицированной учебно-воспитательной работы со студентами, целенаправленной деятельности по гармонизации отношений на принципах поликультурности.

Использованная литература:

1. Горшенина С. Н., Неясова И. А., Серикова Л. А. Поликультурное образовательное пространство как педагогический феномен // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 6. С. 64–69.
2. Леонова Н. А., Маслова Т. Ф., Нестеров А. С. Социологическое сопровождение адаптации студентов-мигрантов в поликультурной среде: опыт моделирования. Ставрополь: Изд-во Ставропольского гос. пед. ин-та, 2015.

3. Маслова Т.Ф. Социальное партнерство как проблема личности и общества // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). 2014. № 5. Т. 2. С. 335–337.

4. Экспансия кавказцев в сопредельные регионы [Электронный ресурс] // temaretik.com. URL: <https://zakon.temaretik.com/ekspansiya-kavkaztsev-v-sopredelnye-regiony> (дата обращения 18.08.2016)

Tatyana F. MASLOVA

Dr. Sci. (Sociology of Culture, Intellectual Life), Prof.,
Department of Philosophy and Cultural Studies,
Stavropol State Pedagogical Institute
Stavropol, Russia
tatianamaslova@rambler.ru

Value Characteristics of Interaction between Students in a Multicultural Educational Epace: an Empirical Analysis

This article analyzes the results of sociological research on the interaction of students in a multicultural Space University: are the factors of conflict, as well as cooperative relations as positive characteristics of interaction between youth in terms of educational migration. The definition and content features of modern educational space as multicultural. Part of this space stands pedagogical Wednesday, representing the scope of the organized process of forming personality, possessing culture and intercultural competences; disclosed the terms of the effective functioning of the pedagogical Wednesday. Based on the results of the expert survey gives groups of factors reflecting the risks of conflict interaction of students, that allows you to define the steps to prevent them. Student survey data indicate the characteristics of cooperative interaction as valuable guidance in the student relations Wednesday.

Keywords: multicultural educational space, social interaction, factors and characteristics of interaction between students, pedagogical University environment.

Р. А. Ханаху*,
З. Х. Гучетль**

Ислам в Республике Адыгея: состояние, перспективы, прогнозы

В статье рассматриваются состояние и перспективы ислама в Республике Адыгея и прогнозируются тенденция её эволюции на основе эмпирических исследований, проводимых в режиме мониторинга в республике. Авторы приводят количественные характеристики исламской общины, определяет перспективы ее развития в современной социокультурной ситуации. Некоторые их описанных процессов несут в себе определенную конфликтность, для упреждения которой необходимо знание их причин и детальная отработка сценариев по их купированию.

Ключевые слова: мусульмане, «традиционный», «нетрадиционный» ислам, исламская община, солидаризм, эгалитаризм, идентичность, религиозный экстремизм.

О ситуации в исламской общине. В после советские годы в Республике Адыгея наблюдается значительное оживление и распространение ислама. В начале 90-х гг. в регионе не было ни одной мечети, имевшиеся, были уничтожены в конце 30-х гг. прошлого века. Например, в 1924 г. в Адыгее действовало 26 мечетей, а к началу 30-х гг. их не стало вовсе. Сегодня мусульманские культовые сооружения функционируют в Майкопе и большинстве адыгских аулов, а также в некоторых районах Кубани. Местные общины мусульман, состоящие в основном из этнических адыгов объединены в централизованную структуру — Духовное управление мусульман Республики Адыгея и Краснодарского края (ДУМ РА и КК).

В настоящее время в ДУМ входят 12 региональных организаций мусульман и 3 городских (Майкоп, Краснодар и Адыгейск). Открытие филиала ДУМ в Краснодаре состоялось 25 июня 2010 г. До этого

* ХАНАХУ Руслан Асхадович, доктор философских наук, профессор, заведующий отделом философии и социологии Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований, Майкоп, Россия. Электронная почта: hanahul@rambler.ru.

** ГУЧЕТЛЬ Зухра Хачмафова, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела философии и социологии Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований, Майкоп, Россия. Электронная почта: zuchraguchetl@mail.ru

мусульмане Краснодара собирались на пятничные молитвы в одном из кинотеатров города. Однако в сентябре 2014 г. помещение, отданное ДУМ на нужды представительства было изъято в связи с отказом департамента муниципальной собственности и городских земель администрации города Краснодара в продлении аренды.

По данным 2015 г. в Республике Адыгея функционируют 43 мечети, в Краснодарском крае — 5 мечетей: в аулах Кургоковский, Шхашефиж, Каноковский (Успенский район), Тхагапш (Лазаревский район), Большое Псеушко (Туапсинский район), строящаяся мечеть в Агое (Туапсинский район) и моленные комнаты (в Краснодаре, Новороссийске и Белореченске). В них служат 34 имама и 33 эфенди занимающихся в основном погребально-поминальными услугами.

Точных оценок количества мусульман нет. Отчасти это обусловлено тем, что внешние критерии отнесения того или иного человека к мусульманам могут быть различны. Так, например человек может себя идентифицировать себя как мусульманин, но при этом не соблюдать предписаний ислама, не ходить в мечеть, не иметь четких представлений о вероучении, и в целом вести себя как светский человек. Отнесение или не отнесение такого человека к числу мусульман часто зависит от контекста и дискурсов, исследовательских или информационных задач, которые решает обществовед.

Согласно нашего первого социологического исследования, проведенного в 2000 г. приверженцами ислама, в республике считали себя 35% от числа опрошенных адыгов и людей других национальностей, [1, с. 155] а по результатам второго опроса 2014 г. таковыми считают себя 80% респондентов-адыгов [2, с. 98].

Оценивая результаты подобных опросов необходимо, на наш взгляд, учитывать справедливое замечание ученого-религоведа К. Хилла, одного из авторитетных зарубежных специалистов по религиозной ситуации в СНГ. Он писал том, что в послесоветское время утверждение «Я верю в Бога» скорее следует понимать как форму отвержения атеизма, нежели как признание в осознанной глубокой вере [3, с. 573]. В справедливости слов процитированного нами ученого свидетельствуют данные нашего социологического исследования.

Массовый опрос по случайной выборке проводился в Майкопе, Тахтамукайском и Кошехабльском районах Республики Адыгея. Объем выборочной совокупности составил 250 респондентов. Собранные нами информация представляла собой субъективные оценки и ин-

терпретации имеющихся проблем. Наряду с массовым опросом были взяты интервью у муниципальных служащих, курирующих религиозные организации, а также у экспертов в локальных мусульманских общинах и районах и отдельных пунктах.

Наше исследование показало, что подавляющее число адыгов, почти 80% считают себя мусульманами. В тоже время почти такое же количество мусульман затруднились с определением направления в исламе (мазхаба), которого они придерживаются. Это указывает на поверхность их сведений об исламе. Респонденты были опрошены о знании ими основополагающих культовых норм ислама, предусмотренных для случаев поминок, свадеб, рождения детей и некоторых других. Выяснилось, что подавляющая часть этих норм не знает. Почти половина опрошенных сочла, что уровень знаний об исламе не достаточен у имамов и эфендиев [2, с. 98–101].

Основная часть адыгского населения республики черпает знание об исламе с различных источников — в основном от друзей и знакомых, в семье через СМИ (70%). Коран был основным источником знания о религии примерно для 20% респондентов. Около 70% не совершает намаз, почти 60% считают, что нормы «адыгэ хабзэ» (традиционная норма поведения) предпочтительнее норм шариата. Семейные отношения строятся в соответствии с нормами ислама только у 5% семей [2, с. 102].

Регулярно посещают мечети, по нашим данным — менее 10 процентов. Каждый десятый адыг не считает себя мусульманином. Это объясняется тем, что в числе опрошенных были люди преклонного возраста, впитавшие в себе атеистические убеждения в годы социализма. Часть, не считающая себя мусульманами, является приверженцами иных религиозных или даже сектантских взглядов. Многие (20%) не определились со своим отношением к религии и к исламу [2, с. 102].

Таким образом, подтвердилось отличие Адыгеи от республик восточной части Северного Кавказа, которое состоит в том, что здесь ислам менее укоренен и влиятелен. В социальных отношениях, включая, семейные преобладает светские нормы. Исламская община Республики Адыгея отличается рядом отличительных черт. Так история распространения ислама (XVIII–XIX вв.) имеет свои особенности по сравнению с Восточным Кавказом (Дагестан, Чечня). Например, на Северо-Западном Кавказе ислам усваивался наравне с мораль-

но-нравственными нормами адыгагъэ, которая выполняла и продолжает выполнять, роль универсального регулятора общественной жизни социума. Данный феномен является существенным фактором стиля и образа жизни, регулятором индивидуального и группового поведения, базисом этнической идентификации, фактором коммуникации и социализации. Это было подтверждено рядом социологических и культурологических исследований. Было выявлено, что в определенном смысле следование императивам морально-этического кодекса адыгагъэ составляет фундамент традиционности «проросшей» в современность.

Большая часть мусульман Адыгеи исповедует ислам сунистского направления ханафистского мазгаба. Многие специалисты считают его одним из самых веротерпимых. В последние годы в Майкопе и некоторых районах республики (Тахтамукайский, Кошехабльский) появилось незначительное число приверженцев других мазгабов — шафиитского и маликитского. Их количество исчисляется несколькими десятками. Шафиитского мазгаба придерживаются, в основном, студенты, приехавшие в Майкоп на учебу из Дагестана, Ингушетии и Чечни, а также выходцы из этих республик, проживающие в Адыгее. Часть выходцев из Дагестана, Чечни и Ингушетии являются членами характерных для этих республик суфийских тарикатов — братств) кадирия и накшбандия. Доминирует кадирия. Существенных противоречий между последователями различных мазгабов и тарикатов нет. Насколько вероятно их появление в будущем — это вопрос, который требует дополнительного изучения, и поэтому остается пока без ответа.

Перспективы исламской общины. На наш взгляд, Адыгея во многом повторит логику того пути, который уже был пройден другими республиками Северного Кавказа. Намечившаяся тенденция приобщения молодежи к исламу будет нарастать. В том числе и потому, что уход в религию интерпретируется многими как чуть ли не единственный способ духовного существования в мире, покушающемся на справедливость (солидаризм), основы человеческой морали и нравственности. Привлекательность ислама зиждется на основных постулатах эгалитаризма и солидаризма. В современных условиях в идеологии ислама солидаризм используется как средство горизонтальной и вертикальной «социальной мобильности». В условиях перманентного кризиса реформ значение солидаристских ценностных ориентаций

в кавказских общинах возрастает, поскольку является мощным ресурсом индивидуального и группового ресурса выживания.

Эгалитаристские ориентации массового сознания проявляются в другом — в установке на различные версии исламского социализма. В современных условиях массовое сознание не осуждает индивидуальное обогащение, поскольку она теперь не угрожает материальному благосостоянию общины, а наоборот способствует его увеличению. «Лучший из вас, говорит Пророк Мухаммед — не тот, который ради небесного пренебрегает земным, и не тот, который поступает наоборот; лучший из Вас тот, кто берет от обоих». Следуя этой установке, ислам фундирует труд и богатство.

Эгалитаризм ислама особенно привлекает молодых и некоторую часть незащищенного мусульманского населения. Поэтому рост радикальных и протестных настроений, которые наблюдаются, во многих республиках Северного Кавказа, представляется возможным.

Данные массового опроса говорят о том, что значительное количество жителей Адыгеи из числа адыгов — почти половина — намерено воспитывать своих детей как мусульман. Только 13% видят какую-то иную альтернативу исламскому воспитанию. 40% респондентов затруднились ответить на вопрос об их намерениях в области воспитания детей. Таким образом, в среднесрочной перспективе (10–20 лет) Адыгею ожидает, скорее всего, некоторый сдвиг в сторону укоренения в ней ислама, появления большего количества людей, разбирающихся в вероучении и культе. Однако этот сдвиг вряд ли будет тотальным. Социальные отношения сохраняют свой преимущественно светский характер.

Вероятнее всего, что будет нарастать также дифференциация внутри мусульманской общины на:

- а) сторонников «традиционного» ислама;
- б) «нетрадиционного» («младомусульман») — то есть, приверженцев традиционного для Адыгеи ханафизма, но выступающих за очищение его от языческих привнесений;
- в) сторонников «чистого ислама».

По мере дифференциации республиканских мусульман на «традиционных», «младомусульман» и «чистых» будет возрастать также вероятность конфликта между ними. Однако пока ее можно оценить как низкую.

По мере увеличения количества ортодоксальных мусульман, их укоренения в республике и расширения среди них ортодоксально-ис-

ламских лояльностей и солидарностей, скорее всего, будет возрастать вероятность появления и постепенного обострения противоречия между адыгами, сторонниками «исламского пути», с одной стороны, и адыгами, сторонниками не религиозного или слабо религиозного «адыгства», традиционного кодекса жизни черкесов, — с другой.

В настоящее время противоречие между сторонниками адыгства и мусульманами ортодоксами выражено слабо. 40% респондентов считают, что нормы ислама и адыгства в основном совпадают и еще 6% — что они совпадают полностью. 14% считает, что традиционная нормативно-культурная система адыгов — «выше ислама». Однако около 8% опрошенных сочло, что «ислам выше традиционной культуры». По всей вероятности количество сторонников последней точки зрения будет постепенно возрастать, что и может обусловить появление и даже обострение указанного выше противоречия.

Ответы, полученные на вопрос о соотношении адыгства и ислама, коррелируют с ответами, полученными на вопрос о соотношении Адыгэ Хабзэ («адыгского закона») и Шариата. Большинство респондентов (56%) указало, что для них нормы Адыгэ Хабзэ предпочтительнее. Около 30% сочло, что Адыгэ Хабзэ совместим с Шариатом. Однако 6% считают, что Шариат предпочтительнее [2, с. 103].

Несмотря на наметившиеся и имеющиеся противоречия в исламской общине, результаты проведенного исследования указывают, скорее, на то, что в республике практически нет радикального исламизма, способного под религиозными лозунгами мобилизовать сколь-нибудь значимое количество людей для осуществления противоправных деяний, в том числе и террористических актов. Однако по мере увеличения количества глубоко верующих мусульман, на фоне коррупции, социальной несправедливости, сильного расслоения уровней доходов бедных и богатых и других острейших проблем, потенциал для протестных акций в Адыгее может появиться.

Тем не менее, актуальную для России и, особенно для Северного Кавказа проблему терроризма вряд ли целесообразно жестко связывать исключительно с исламом, в том числе и такими его версиями, как «чистый ислам». Мы неоднократно отмечали, что проблема терроризма есть не что иное, как возведенный в высшую степень радикальный протест, который, в принципе, может быть облачен в любую форму — как «традиционного», так и «нетрадиционного» ислама или

в любую иную, и совсем не обязательно — мусульманскую, например протесты по пенсионной реформе.

Следует отметить, что ситуация в исламской общине республики требует постоянного и тщательного наблюдения. Протекающие в ней процессы несут в себе определенную конфликтогенность. Для упреждения потенциально возможных конфликтов необходимо знание их причин и детальная отработка сценариев по их купированию. Возникающие проблемы, как мы отмечали выше, носят не только социально-экономический характер, но и религиозный. Поэтому крайне важно углублять знания об исламе среди верующих, всем тем государственным служащим, лидерам общественных движений и сотрудникам правоохранительных структур, которые по своим должностным обязанностям связаны с этой тонкой и сложной сферой. Многое зависит и от того как наше социально ориентированное государство будет решать (разрешать) возникающие в российском обществе экономические и социальные проблемы и противоречия.

Использованная литература:

1. Ханаху Р. А., Ляушева С. А., Цветков О. М. Ислам у адыгов Северо-Западного Кавказа на рубеже тысячелетий // Мир культуры адыгов (проблемы эволюции и целостности). Майкоп: Адыгея, 2002. С. 152–157.
2. Ханаху Р. А., Цветков О. М. Исламская община Республики Адыгея: текущая ситуация и тенденции развития // СОЦИС. 2014. № 10. С. 97–103.
3. Хилл К. Религия и демократия. М.: Прогресс, 1993.

Ruslan A. HANAHU

Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Prof.,
Herd, Department of Philosophy and Sociology,
Adyghe Republican Institute of Humanitarian Studies,
Maykop, Russia
hanahu1@rambler.ru

Zukhra Kh. GUCHETL

Cand. Sci. (Sociology of Culture and Intellectual Life),
Leading Researcher, Department of Philosophy and Sociology,
Adyghe Republican Institute of Humanitarian Studies,
Maykop, Russia
zuchraguchetl@mail.ru

Islam in the Republic of Adygea: Current State, Prospects, Forecasts

The article discusses the state and prospects of Islam in the Republic of Adygea and predicts the trend of its evolution on the basis of empirical studies conducted in the monitoring mode in the republic. The authors give quantitative characteristics of the Islamic community and determine the prospects for its development in the modern sociocultural situation. Some of their described processes carry a certain conflictogenicity, for the anticipation of which requires knowledge of their causes and a detailed development of scenarios for their relief.

Keywords: Muslims, “traditional”, “non-traditional” Islam, islamic community, solidarity, egalitarianism, identity, religious extremism.

Е. С. Полянская*

Профилактика интолерантности в молодежной среде: крымский опыт

Статья посвящена рассмотрению проблем и практик профилактики интолерантности в молодежной среде на территории Крыма. Крымский полуостров — регион Российской Федерации, который находится на стыке западной, православной и исламской цивилизаций. Самой нестабильной категорией, поддающейся наибольшему влиянию, является молодежь. В условиях глобализации и быстро меняющихся жизненных ориентиров, важное значение приобретает сплочение молодежи вокруг общей идеи. Связующим звеном для всей крымской молодежи должен стать патриотизм. Диалог этнических и конфессиональных сообществ, интеграция этнических и конфессиональных групп Крыма в российское общество, наличие механизмов демократического согласования и представительства групповых интересов является гарантом стабильности и спокойствия на полуострове.

Ключевые слова: Крым, молодежь, молодежная политика, полиэтничные сообщества, интолерантность, патриотизм.

* ПОЛЯНСКАЯ Елизавета Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Сочинского института (филиала) Российского университета дружбы народов, Сочи, Краснодарский край, Россия. Электронная почта: kinoliza@mail.ru.

Крым — постоянно развивающееся поликультурное и полиэтничное общество, которое находится в тесном взаимодействии с западной, православной и исламской цивилизациями. В таких регионах, находящихся на стыке цивилизаций соотношение национальной, региональной, этнических и конфессиональных идентичностей неустойчиво и конкурентно, что помимо положительной сочетаемости идентичностей может порождать тенденцию конфликтности [2, с. 56].

Не секрет, что именно молодые люди выступают в качестве проводников социально-экономического, демографического и духовного развития общества. Как специфическая социально-демографическая группа, молодежь характеризуется не только возрастным цензом, но и особым местом, которое занимает в социальной общественной структуры, особым общественным предназначением. Молодежью считается социально-возрастная группа в возрасте от 14 до 30 лет. Обладая определенными предоставленными обществом возможностями и льготами, социум все же ограничил в дееспособности указанную социально-возрастную группу. Предоставляя возможность полноценного участия в жизни общества, на государственном уровне молодежная политика выделена в самостоятельное направление. Отдельные социальные институты общества, молодежные общественные объединения консолидируют свою деятельность в направлении возможности социального развития, усиления роли молодежи в качестве потенциала развития общества.

Первые четыре года после возвращения Крыма в «родную гавань» явились переходным периодом закладки и формирования новых социальных отношений, личностного восприятия и определения вектора дальнейшего развития. Справедливости ради, отметим, что на момент свершения исторического события на полуострове уже была сформирована базовая основа патриотического воспитания. Однако полное соответствие с общероссийскими взглядами на организацию работы по подготовке истинных патриотов и на сегодняшний день остается актуальной проблемой. Особенно остро данная проблематика проявилась в первые годы после воссоединения.

Процессы деградации основных социальных институтов (семьи, образования) начались еще в 90-е гг. XX в. Негативные тенденции привели к деформации процесса формирования личности, изменению ее духовного облика и нарушению жизненного потенциала. Данную проблематику рассматривала Л. Н. Гарас. В этом ключе, например

автор констатирует: «К сожалению, вектор аксиологических настроений молодежи в социально-экономической системе направлен в сторону целерационального действия, в область утилитарных ценностей. И сегодня одной из приоритетных задач государства становится социализация молодого поколения, обеспечение его защиты и целостного развития...» [4, с. 143].

Учитывая специфику восприятия молодежью динамично развивающегося и изменяющегося мира, следует обращать внимание на возможность проявления таких социально-психологических характеристик как: юношеский максимализм, недостаток знаний и жизненного опыта, несформированность жизненных целей и идеалов, внушаемость и неустойчивость психики, которые могут превратить ее в объект политических спекуляций.

Внутри региональные конфликты наиболее вероятны по линии «славяне — крымские татары». Именно влияние православия и мусульманства активизирует негативные процессы в молодежной среде полуострова. Помимо провокационных сюжетов в Крымских СМИ активная дестабилизационная работа ведется в неформальных организациях и сети Интернет.

Важным фактором определения толерантности в молодежной крымской среде выступает взаимоусиление этнической и конфессиональной идентичности на полуострове. Согласно опросам, проведенным в «украинский» период, в Крыму сложились три основных этнических сообщества: русское, украинское и крымскотатарское. Символические границы этих идентичностей в большинстве своем совпадают с маркерами религии и языка. Имея контрастное самосознание представители этих идентичностей по-разному оценивают российскую идентичность. Отметим, что данная тенденция наблюдается в Крыму на современном этапе. Исследования профессора А. В. Баранова подтверждают, что «региональное сообщество Крыма — сложносоставное с достаточно отчетливым внутренним выделением русского, украинского и крымскотатарского сообществ...определяющих «повестку дня» конкуренции идентичностей» [1, с. 20].

Не смотря на разницу идентичностей объединяющим звеном всегда выступал русский язык, который наиболее распространен на полуострове не только как государственный, но и как средство межэтнического общения. Подтверждением тому является массовый опрос под руководством М. Н. Губогло и Р. А. Старченко (2013 г.), ко-

торый подтвердил, что для 89,3% украинцев и 74,8% крымских татар русский язык является основным языком повседневного общения не только в социуме, но и в малый ячейках — семье [1, с. 18].

С целью реализации ключевых направлений молодежной политики и одновременно профилактики интолерантности в поликультурной и полинациональной крымской молодежной среде, уже сегодня разработан комплекс разнообразной работы с молодежью полуострова. Активно поддерживаются молодежные проекты и проекты некоммерческих организаций, повсеместно осуществляются мероприятия воспитательной работы, инициируется создание молодежных движений и организаций.

Ориентиром в быстро меняющемся мире должен стать патриотизм. Патриотизм в России всегда рассматривался как символ мужества, доблести и героизма, силы русского народа, как необходимое условие единства величия и могущества Российского государства. Идеология патриотизма долгое время ставилась во главу угла в воспитании и политической культуре граждан и представляла собой некую основу единства многонациональной страны как в сфере духовного, так и нравственного воспитания.

На современном этапе данному вопросу уделяется пристальное внимание и особенно в рамках воспитания культуры патриотизма студенческой молодежи в Крыму на современном этапе. Среди мероприятий по профилактике интолерантности в молодежной среде можно выделить следующие:

- проведение социологических исследований по вопросам отношения молодежи к патриотическому воспитанию, проблемам организации свободного времени студентов, межличностным отношениям;
- организация и проведение работы по формированию традиционных моральных ценностей, размыванию межнациональных граней;
- привлечение студентов к здоровому образу жизни, спорту и туризму;
- организация мероприятия по противодействию экстремистским проявлениям в молодежной среде;
- правовое воспитание, работа по профилактике правонарушений;
- координация досуговой деятельности студентов, их участие в работе клубов, кружков, секций, советах, общественных организаций, военно-патриотических мероприятий;

– работа по патриотическому воспитанию студенческой молодежи в ходе подготовки празднования Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

Таким образом, «от сегодняшнего патриотизма российских граждан зависит судьба России, ее суверенитет, целостность, благосостояние народа» [3, с. 986–988.]. Настоящий патриотизм состоит не в показном шествии, это любовь к Родине, к истории своего отечества, настоящая вера в ее будущее и надежда на сохранение достоинств вопреки всем недостаткам. «Патриотизм — это не “привычка”, а прежде всего то главное и сокровенное, что связывает человека с историей страны, что заставляет благоговейно относиться к Отчизне» [5, с. 12–13.]. Сегодня смыслом развития общества в культурно-идеологическом плане является сохранение и недопущение утраты действующего уровня патриотического воспитания, вовлечение молодежи в сферу взаимодействия истории и патриотизма.

Примером профилактики интолерантности может послужить опыт Гуманитарно-педагогической академии (филиала) Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. План внеучебных мероприятий академии включает организацию и проведение творческих и научных конкурсов молодых ученых; научно-исследовательских работ патриотической направленности среди обучающихся; написание работ, связанных с героическим прошлым России, важнейшими событиями в жизни народа.

Войдя в состав Российской Федерации Крым стал регионом, от успешности интеграции которого уже сейчас зависит стабильность и безопасность всей России. Равноправие диалога этнических и конфессиональных сообществ, интеграция этнических и конфессиональных групп Крыма в российское общество, наличие механизмов демократического согласования и представительства групповых интересов является гарантом стабильности и спокойствия на полуострове. Несмотря на все приложенные со стороны властей усилия ряд проблем в молодежной среде все же остается.

Используемая литература:

1. Баранов А.В. Социокультурное измерение воссоединения Крыма с Россией и современная политика идентичности // Причерноморье в истории и современном развитии российского государства: опыт интеграции. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2017. С. 15–20.

2. Баранов А. В. Историческая память о Великой Отечественной войне как ресурс обеспечения межэтнического согласия [Электронный ресурс] // Наследие веков. 2017. № 2. С. 55–61. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2017/06/2017_2_Baranov.pdf (дата обращения 26.10.18).

3. Буриев И. И. Национальная идея и проблема патриотического воспитания молодежи // Молодой ученый. 2016. № 9. С. 986–988.

4. Гарас Л. Н. Информационно-коммуникационные технологии в контексте радикализации молодежной среды: крымский аспект // Духовно-нравственные основы идеологии российской государственности на современном этапе. Краснодар: Б. и., 2017 — С. 143–148.

5. Криворученко В. К. История — фундамент патриотизма. М.: Ин-т непрерывного образования, 2012.

Elizaveta S. POLYANSKAYA

Cand. Sci. (National History), Assoc. Prof.,
Department for General History, Sochi Branch,
Peoples Friendship University of Russia,
Sochi, Krasnodar Region, Russia
kino-liza@mail.ru

**Prevention of Intolerance among
Young People: Crimean Experience**

The article is devoted to the consideration of the problems and practices of the prevention of intolerance in the youth environment in the Crimea. The Crimean peninsula is a region of the Russian Federation, which is located at the junction of Western, Orthodox and Islamic civilizations. The most unstable category that is most influenced is youth. In the context of globalization and rapidly changing life guidelines, the rallying of youth around a common idea is gaining importance. The connecting link for all Crimean youth should be patriotism. The dialogue of ethnic and religious communities, the integration of ethnic and religious groups of Crimea into Russian society, the existence of mechanisms for democratic coordination and the representation of group interests are the guarantee of stability and tranquility on the peninsula.

Keywords: *Crimea, youth, youth policy, multi-ethnic communities, intolerance, patriotism.*

Организация публичных пространств как элемент политики идентичности на локальном и региональном уровне

В статье рассмотрена одна из проблем организации публичных пространств как элемента публичной идентичности — корректность организации данных пространств. Современные города на сегодняшний день особенно остро нуждаются в новых подходах к организации публичных пространств. В статье рассмотрены такие подходы как реорганизация и создание новых публичных пространств. В результате проведенного анализа информации, полученной из разных источников, можно сделать вывод, что нежелание туристов вернуться в посетившие ими города в случае, если публичные пространства в них не произвели на туристов должного впечатления, так как не продуманы или скучны. Соответственно, при любом из подходов, корректно организованные публичные пространства, а именно, носящие необычный и комфортный характер, могут до неузнаваемости изменить облик города, тем самым, повысить его туристскую привлекательность.

Ключевые слова: публичное пространство, идентичность, политика идентичности, территориальная идентичность, брендинг территории, туристская привлекательность, проектирование, урбанистика, реорганизация.

Организация публичных пространств как элемент политики идентичности позволяет сформировать государственную политику территориального развития, представляющая собой совершенно новую концепцию взаимодействия власти, гражданина и бизнеса, ориентированная на построение базовых ценностей, позволяющих сформировать действенные демократические механизмы государственной идентичности. Основой концепции государственного брендинга территории являются: политические, экономические, социальные, организационные и правовые механизмы, а также приоритеты консолидации национальной общности

В соответствии с вышесказанным, проблемы, рассматриваемые в рамках исследования, являются актуальными, так как неразрывно связаны с формированием устойчивого представления не только

* ОКОНИШНИКОВА Юлия Евгеньевна, магистрант 1 года обучения кафедры государственной политики и политического управления Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия. Электронная почта: 17021011@bk.ru.

об уже известных районах и городах Краснодарского края, но и более удаленных от побережья, в частности, расположенных в степной зоне.

Необходимо отметить, это может оказать свое влияние на рациональное распределение турпотока, что позволит снизить имеющуюся высокую нагрузку на побережья, тем самым охватить большее количество туристов разных возрастов и с разными предпочтениями.

На мой взгляд, одной из проблем в рамках исследования можно выделить корректность организации публичных пространств. Актуальность данной проблемы связана с таким фактом, как: нежелание туристов вернуться в посетившие ими города в случае, если публичные пространства в них не произвели на туристов должного впечатления, так как не продуманы или скучны. В подтверждение этому рационально будет предоставить рейтинг наиболее посещаемых городов России за 2017 г., составленный ТурСтат (Рисунок 1) [6].

В рейтинг попали города Ивановской, Ярославской, Московской, Ленинградской, Владимирской, Волгоградской, Нижегородской, областей и Республики Татарстан.

Рисунок 1 — Рейтинг наиболее посещаемых городов России за 2017 г., по данным ТурСтат (составлен автором)

Рейтинг представлен в соответствии с результатами анализа туристической посещаемости городов по отношению к их населению по итогам 2017 г. В рейтинг не вошли города-курорты. В первую десятку городов России по популярности у туристов на одного жителя, входят туристические города Золотого кольца России в Московской, Ярославской, Владимирской и Ивановской областях, а также в Вологодской, Ленинградской и Нижегородской областях и в Республике Татарстан.

По данным ТурСтат, в самые посещаемые города России на душу населения туристы приезжают в среднем на 1–2 дня в основном в выходные и праздничные дни.

Говоря о самых туристических регионах, необходимо провести анализ статистических данных въездного туризма в России, за исключением Москвы и Санкт-Петербурга (Рисунок 2) [7].

Рисунок 2 — Самые туристические города России (составлен автором)

Корректно организованные публичные пространства, а именно, носящие необычный и комфортный характер, могут до неузнаваемости изменить облик города. Необходимо отметить, что выделяют 5 видов публичных пространств, которые можно встретить в любом современном городе: рекреационные зеленые пространства, пешеходные улицы и пешеходные зоны, набережные, комплексные проекты благоустройства, общественные зоны круглогодичного использования.

Современные города на сегодняшний день особенно остро нуждаются в новых подходах к организации публичных пространств. Особое внимание необходимо уделять популярным среди туристов и часто посещаемым местными жителями местам, а также набережным вдоль рек, озер и морей, так как это является, в большинстве случаев, точкой притяжения отдыхающих — привлекательный культурно-развлекательный объект. Одна из проблем при проектировании прибрежных зон — высокие набережные, которые, по мнению ведущих специалистов по урбанистике, являются пережитком прошлого.

Для улучшения, представленных на Рисунке 3, публичных пространств существует два пути: реорганизация существующих объектов; создание новых объектов.

Ярким примером создания нового публичного пространства могут служить:

- стадион «Краснодар» и одноименный парк в городе Краснодар;
- проект «Новая Голландия» в городе Санкт-Петербург;
- «Квартал 130» в городе Иркутск;
- «Рыбная деревня» в городе Калининград.

Что касается реорганизации существующего публичного пространства, то данный процесс можно встретить практически в любом российском городе. Их преобразование может быть осуществлено посредством новых туристических достопримечательностей, которые зачастую становятся визитной карточкой города и притягивают все большее число туристов.

Самым распространенным видом благоустройства общественного пространства в российских городах по-прежнему остаются пешеходные улицы. Однако, по мнению профессора, декана Высшей школы урбанистики ВШЭ Александра Высоковского, необходимо грамотно подходить к вопросу существенных сдвигов в реструктуриза-

ции: пешеходных зон, площадей, каких-либо значимых посещаемых мест.

Это связано с необходимостью учета еще и комфорта передвижения по городу на общественном транспорте.

Кроме того, профессор придерживается мнения, что необходимо рациональное сокращение количества элементов для транспортного движения, а также и развития паркинга в наиболее популярных районах города (например, центр), что позволит улучшить места публичного скопления людей [2].

Также профессор считает, что при работе над формированием и развитием публичного пространства, необходимо развивать все его виды, не делая ставку на конкретный из них, так как люди находятся везде.

Для наибольшего понимания выделенной проблемы — корректность организации публичных пространств, — необходимо провести SWOT-анализ, позволяющий выделить сильные и слабые стороны данной проблемы, а также ее риски и возможности (Таблица 1).

Таблица 1

SWOT-анализ проблемы

	Возможности	Угрозы
	– формирование устойчивого представления о районах и городах Краснодарского края.	– использование старых технологий; – неоцененность со стороны местных жителей и туристов; – халатное отношение со стороны местных жителей и туристов.
	Возможности + сильные стороны	Угрозы + сильные стороны
Сильные стороны – дифференциация пространства; – рациональное распределение турпотока.	– снижение имеющейся высокой нагрузки на побережья; – охват большего количества туристов разных возрастов и с разными предпочтениями.	– при создании новых проектов учитывается положительный зарубежный опыт; – использование новых технологий.
	Возможности + слабые стороны	Угрозы + слабые стороны

Слабые стороны	– увеличение бюджета;	– Недолговечность первоначального вида
– недостаток финансирования;	– привлечение инвесторов;	
– недостаток должного внимания.	– привлечение общественности.	

При изучении данной проблемы необходимо также сказать о таком немаловажном факторе, как безопасность. Безопасность является ключевой характеристикой публичного пространства. Безопасность при этом обеспечивается самими людьми, а не соответствующими правоохранительными органами. Люди присматривают друг за другом, за детьми, таким образом, начинает работать социальный контроль публичного пространства, отсутствие которого часто и повышает риски городской жизни. Вот что об этом пишет Джейн Джекобс «Прежде всего, необходимо понять, что общественный порядок — порядок на тротуаре и улице — в городах в основном обеспечивается не полицией, а сложным, почти бессознательным сообществом добровольного надзора и сдерживания, состоящим из простых людей. Оживленная городская улица, как правило, безопасна, а безлюдная городская улица может таить в себе опасность. Магазины, бары, рестораны, как основные примеры, различным и сложным образом способствуют обеспечению безопасности на улицах» [1, с. 3].

Прежде чем представить определенные пути решения формирования публичных пространств, необходимо указать их особенность. Особенностью публичных пространств является оживленность, людность, высокая посещаемость, дружелюбная социальная атмосфера, что обусловлено их главным функциональным содержанием — быть средоточием активности и обмена. В современных городах в условиях экологической запущенности и в атмосфере хаоса, царящей в открытых пространствах (в частности, скверы и парки), оккупированной бездомными и чужаками, присутствует особый фактор не притягательности и опасности, что в свою очередь способствует уменьшению степени удобства пользования данными объектами. Данное обстоятельство усиливается широкими возможностями, предоставляемыми достижениями информационных технологий, когда городские жители скучным, грязным паркам и площадям, где полно неожиданных сюрпризов, предпочитают домашний кинотеатр и Интернет.

В соответствии с этим, наиболее рациональным решением по организации публичных пространств будет соответствие его всем пожеланиям местных жителей. Это возможно осуществить посредством проведения полномасштабных опросов населения по вопросам выработки генеральных направлений развития отдельных городских пространств. Предложенная модель была апробирована в Томске впервые в 2015 г. в рамках Совета при мэре по развитию общественных пространств, при подготовке к которому было проведено социологическое исследование, направленное на аккумуляцию позиций горожан в отношении развития одного из центральных мест города — Новособорной площади. Исследование позволило выяснить, какие проблемы с позиции жителей свойственны данному месту, и какой образ данного пространства представляется желательным.

В идеальном варианте открытое пространство, соприкасающееся с наиболее оживленными районами города, вызывающее множество ассоциаций, доступно каждому — представителям разных социальных, возрастных, этнических групп, которые чувствуют себя там вполне комфортно и безопасно. Тем не менее, значимой тенденцией в развитии общественных пространств города является их коммерциализация и деградация: все меньшее количество территорий остается открытым и общедоступным, поскольку их постепенно занимают открывающиеся заведения общественного питания, досуга и торговли. Некоторые из открытых пространств, например, как спортивные и игровые площадки теряют свой публичный статус, огораживаются и запираются, «приватизируются». Скверы и аллеи, парки, которые вполне полноценно могут выполнять функции публичного пространства, превращаются в средоточие преступности, оставленные, без освещения и присмотра — они таят в себе опасность, как в дневное время, так и после наступления темноты.

Ввиду этого, возникает вопрос о целесообразности изучения и переосмысления принципов проектирования данных объектов с учетом коллективных предпочтений жителей города и позиций современного этапа развития общества.

Городской администрации следует поставить во главу угла вопрос о формировании новой стратегии дальнейшего благоустройства городской среды развития, создания образа города и улучшения пространственной организации городов. Необходимо осознавать функциональное значение публичных городских пространств, которые

не являются просто элементом городской архитектуры, а играют значимую социальную роль в формировании городской идентичности и представлений гостей, туристов о визуальном и архитектурном облике города (роль «визитной карточки»), повышении культуры общественных коммуникаций.

Публичные пространства могут возникать и успешно функционировать только при более внимательном отношении к ним со стороны городской администрации, социально ответственного бизнеса и самих горожан, тогда как эффективность работы может быть достигнута только их совместными усилиями.

Использованная литература:

1. Джекобс Д. Назначение тротуаров: безопасность // Логос. 2008. № 3. С. 3–23.
2. Интервью с профессором Высшей Школы Экономики [Электронный ресурс] // Газета.ru. URL: https://www.gazeta.ru/realty/2014/05/30_a_6053713.shtml?updated (дата обращения 07.05.2018).
3. Климова С. Г., Климов И. А. Взаимодействие горожан с властью: компетентное участие и проблема посредников // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 51–57.
4. Козырева Л. Д. Публичные слушания как институт гражданского общества: проблемы организации и проведения // Управленческое консультирование. 2015. № 3. С. 116–122.
5. Козырева Л. Д. Публичные слушания как форма гражданского участия // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 1–1. С. 80–82.
6. Рейтинг наиболее посещаемых городов России за 2017 г. [Электронный ресурс] // ТурСтат. URL: <http://turstat.com/populatowntourtravellrussia> (дата обращения 08.05.2018).
7. Рейтинг внутреннего туризма самых популярных у туристов регионов России по итогам 2017 г. [Электронный ресурс] // ТурСтат URL: <http://turstat.com/travellrussia2017> (дата обращения 08.05.18).
8. Сухушина Е. В., Рыкун А. Ю., Погодаев Н. П. Городское пространство — опыт исследования // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2014. № 1. С. 84–98.

Yulia. Ye. OKONISHNIKOVA

Graduate Student (State Policy and Public Service),
Department of State Policy and Political Management,
Kuban State University, Krasnodar, Russia
17021011@bk.ru.

Organization of Public Spaces as an Element of Identity Policy at Local and Regional Level

This article considers one of the problems of organizing public spaces as an element of public identity — the correctness of the organization of these spaces. Modern cities today are particularly in need of new approaches to the organization of public spaces. The article considers such approaches as reorganization and creation of new public spaces. As a result of the analysis of the information received from different sources, it is possible to conclude that the reluctance of tourists to return to the cities visited by them in case the public spaces in them did not make a proper impression on tourists, as not thought out or boring. Accordingly, under any of approaches, correctly organized public spaces, namely, carrying unusual and comfortable character, can unrecognizably change the image of the city, thereby, to increase its tourist attraction.

Keywords: *Public space, identity, identity policy, territorial identity, territory branding, tourist attraction, desingn, urban, reorganization.*

В. А. Чернобровкин*

Развитие этнокультурной образованности дошкольников: реализация программно-методического комплекса «Наш дом — Южный Урал»

В статье рассматриваются особенности и актуальная значимость программно-методического комплекса «Наш дом — Южный Урал», разработанного научными и педагогическими работниками Челябинской области для решения проблемы фор-

* ЧЕРНОБРОВКИН Владимир Александрович, кандидат философских наук, доцент кафедры дошкольного и специального образования Магнитогорского государственного технического университета имени Г.И. Носова, Магнитогорск, Россия. Электронная почта: chernovrov.vl@mail.ru

мирования у детей дошкольного возраста этнокультурной образованности. Раскрывается реализация принципов педагогической регионализации и учета этнокультурной ситуации развития детей дошкольного возраста в условиях реализации Федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования; определяются основные составляющие компоненты понятия этнокультурная воспитанность и образованность дошкольника; приоритетные направления реализации регионального компонента дошкольного образования в Челябинской области в форме приобщение дошкольников к культурному наследию Южного Урала. Материал статьи характеризует структуру, содержание основных разделов программно-методического комплекса, раскрывает познавательные сведения о природе Южного Урала, об истории, жизни, быте народов, его населяющих; позитивный опыт использования комплекса, его педагогическую эффективность и актуальную востребованность в регионах Урала и России.

Ключевые слова: этнокультурная образованность, дошкольное воспитание, программно-методический комплекс, региональная культура, культурное наследие, принцип педагогической регионализации, культура Южного Урала.

В современных условиях заметно возрастает значимость процессов, связанных с социальным развитием ребенка. Соответственно возрастает и роль дошкольного образования как фактора успешного развития ребенка. Дошкольное образование на сегодняшний день, согласно действующему Федеральному закону «Об образовании» является первым самостоятельным уровнем в системе общего образования. Это возлагает особую ответственность на реализацию образовательной деятельности в этот возрастной период. Детский сад, как отмечают современные педагоги, призван обеспечить ребенку гармоническое взаимодействие с миром [4, с. 82].

На последнем областном совещании Челябинской области по вопросам дошкольного образования, среди наиболее важных и насущных задач и проблем были поставлены следующие:

- расширение сети дошкольных образовательных организаций, в связи с демографическим подъемом в области и по России;
- расширение подготовки специалистов в области дошкольного образования;
- требование к увеличению количества бюджетных мест в образовательных организациях области и Магнитогорска;
- повышение уровня компетентности работников системы дошкольного образования;
- вопрос о допуске к работе в системе дошкольного образования только профильных специалистов и др.

Общеизвестно, что дошкольный возраст наиболее сензитивен, то есть чувствителен и восприимчив к различного рода деятельности, связанной с вхождением ребенка в окружающий мир, осознанием таких общечеловеческих этических категорий, как нравственность, толерантность, патриотизм, уважение к человеку.

В силу усложняющейся в Европе и мире социополитической и культурной ситуации, усилению негативных явлений в духовно-нравственном направлении, тенденций к разобщенности, национальной нетерпимости, обострению проблемы адаптации в инокультурной среде, период дошкольного детства оказывается наиболее важным и благоприятным для формирования этнокультурной осведомленности и образованности дошкольника [2].

Понятие этнокультурная образованность дошкольника, на наш взгляд, включает ряд компонентов. К главным компонентам формирования этнокультурной образованности можно отнести:

- создание условий для целостного развития личности ребенка через приобщение его к традиционной народной культуре;
- воспитание уважения к культуре межнационального общения, толерантности, умения взаимодействовать с окружающим миром,
- создание педагогических условий формирования этнокультурных компетенций у детей дошкольного возраста.

Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования (ФГОС ДО) ориентирует педагогов на учет этнокультурной ситуации развития детей. Согласно ФГОС ДО (раздел 1. п. 1.4), одним из важных принципов дошкольного образования, является учет этнокультурной ситуации развития детей [5].

Выделение данного принципа, на наш взгляд, обусловлено доступностью для освоения ребенком — дошкольником особенностей региональной культуры. Она формируется под влиянием природных (географических, ресурсных, климатических) особенностей, а так же системы социальных институтов (семьи, образовательных учреждений, партий, движений, общественных объединений, религиозных конфессий) и складывается из совокупности самобытных материальных и духовных ценностей народов, живущих в определенных региональных условиях, то есть народной культуры, что способствует, как отмечают современные ученые, усилению направленности современной государственной политики в области дошкольного образования

на создание условий для обеспечения доступности и качества дошкольного образования [6, с. 172].

Одним из приоритетных направлений реализации регионального компонента дошкольного образования в Челябинской области является приобщение дошкольников к культурному наследию Южного Урала. Педагоги постоянно заботятся о создании и сохранении такого образовательного пространства, в котором взрослые и дети, вступая во взаимодействие непринужденной партнерской деятельности, взаимно обогащают друг друга, передавая культурные ценности прошлого и приобщая к истинным ценностям настоящего [1, с. 10–11].

Принцип педагогической регионализации выступил основополагающим при разработке известного на Урале и в России программно-методического комплекса «Наш дом — Южный Урал», созданного авторским коллективом на базе кафедры дошкольного и специального образования института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета имени Г.И. Носова во главе с профессором Е.С. Бабуновой, и отражающего совместный опыт теоретической и практической работы Магнитогорских и Челябинских ученых [3].

Комплекс был создан в связи с введением ФГОС ДО в 2014 г. при поддержке губернатора Челябинской области Б.А. Дубровского и по заказу Министерства образования и науки Челябинской области на основе одноименной региональной образовательной программы, которая с 2003 г. (уже более 15 лет) успешно реализовалась в дошкольных образовательных организациях Челябинской области, Башкирии и других регионов России. Первыми авторами программы стали преподаватели кафедры дошкольного образования Магнитогорского государственного университета: Е.С. Бабунова, Л.В. Градусова, Е.Г. Лопатина, В.И. Турченко. С 2014 г. в издании комплекса к ним присоединились: доценты кафедры Н.И. Левшина, С.Ф. Багаутдинова (ныне директор «Центра ПК и МР» г. Магнитогорска), а так же ученые из Челябинска: В. Садырин, И. Колосова, И. Едакова, С. Обухова, Л. Галкина.

Позитивный опыт использования этой программы показал ее педагогическую эффективность в сохранении и развитии у ребенка уважительного взгляда на историю, культуру, деятельность жителей региона, в формировании умения принимать и уважать культуру народов Южного Урала (Челябинскую область населяют около 130 пред-

ставителей разных национальностей и этногрупп, более 30 из них — наиболее многочисленные).

В условиях введения Стандарта перед разработчиками программы стояла задача создать новый вариант программно-методического обеспечения, сохраняя идею образования дошкольников средствами народной педагогики. Комплекс состоит из Образовательной программы и двух иллюстрированных приложений: «Жизнь и труд людей на Южном Урале» и «Природа Южного Урала». В отношении статуса — образовательная программа «Наш дом — Южный Урал» является авторской, парциальной образовательной программой дошкольного образования, предназначенной для проектирования основных программ. Программно-методический комплекс предлагается использовать для проектирования части основной образовательной программы дошкольного образования, формируемой участниками образовательных отношений.

Программный материал раскрывает познавательные сведения о природе Южного Урала, об истории, жизни, быте народов, его населяющих, специфике игрового и речевого фольклора, своеобразии декоративно-прикладного искусства народов Урала.

Структура и содержание Программно-методического комплекса включает три основных раздела: целевой, содержательный и организационный, а так же рекомендуемую литературу и восемь приложений: фольклор народов Южного Урала, тексты уральских легенд и преданий, названия месяцев в обычном и народном календарях, народные костюмы Южного Урала, методические материалы для педагогов по образовательной области «Социально-коммуникативное развитие», методические материалы для педагогов «Особенности декоративно-прикладного искусства Урала», конспекты изобразительной образовательной деятельности по теме «Башкирское жилище».

Привлекательность программно-методического комплекса заключается в том, что его содержание позволяет интегративно реализовывать такие образовательные области как познавательное, речевое, социально-коммуникативное и художественно-эстетическое развитие ребенка с учетом региональных и культурных особенностей Южного Урала, обеспечивая дополнение обязательной части программы представленных образовательных областей. Кроме этого, содержание комплекса может применяться для всех возрастных категорий детей

группы, что очень важно в реализации части, формируемой участниками образовательных отношений.

В целевом разделе комплекса представлены миссия, цель, задачи, целевые ориентиры, принципы, среди которых базовым выступает принцип педагогической регионализации с основной идеей — дополнение основного образовательного материала региональным содержанием. Содержательный раздел программы включает описание задач и образовательного материала для работы с детьми в рамках четырех образовательных областей.

Образовательная деятельность комплекса строится на основе различных видов планирования, которые учитывают особенности региональной культуры и основы музейной педагогики.

В приложениях содержатся консультативные материалы этнографического и искусствоведческого содержания для педагогов. Конспекты изобразительной образовательной деятельности по теме «Башкирское жилище», разработанные Е. Г. Лопатиной, представляют собой сценарии совместной деятельности воспитателя с детьми, показывают особенности выстраивания литературного и зрительного рядов.

В иллюстрированных приложениях комплекса представлено более 200 фотографий Уральского края. Автор этих фотографий Владимир Садырин — известная личность в педагогической среде Челябинской области, в недалеком прошлом министр образования Челябинской области, ректор Южно-уральского государственного гуманитарно-педагогического университета.

Живописные фотографии природы Уральского края демонстрируют детям величие растительного мира, уникальность и многообразие животного мира. К примеру, одних лишь птиц в объектив фотоаппарата попало около 190 видов. Рассматривая фотографии, дети имеют возможность увидеть, что природа одарила Южный Урал особой, неповторимой красотой: здесь есть и величественные горы, и стремительные реки, и многочисленные озера Южного Урала, наполняемые горными ручьями.

Во втором приложении «Жизнь и труд людей на Южном Урале» представленные фотографии позволяют педагогу и воспитателю осуществлять увлекательные и зрелищные путешествия по родному краю, познакомиться с гербами всех городов и районов Челябинской области, с его жителями. Комплект специально подобранных изо-

бражений, входящих в приложение, красочно представляют ребенку особенности бытовых и трудовых традиций народов Южного Урала, оживляют детские впечатления о народных праздниках, костюмах и украшениях, ярко демонстрируют детям бережное и поэтическое отношение человека к природе, быту, традициям Южноуральцев.

Реализация программы и последующего программно-методического комплекса «Наш дом — Южный Урал» осуществляется уже более 15 лет и имеет достаточно широкую географию.

В настоящее время по программе работают практически все дошкольные организации города Магнитогорска, многие дошкольные организации города Челябинска и других городов Челябинской области, а так же Башкортостана (Белорецкий район), Оренбургской области: города Орск — ДОО № 46; Оренбург — ДОО № 29 и др.

Актуальная востребованность и привлекательность данного комплекса подтверждается перечнем ниже представленных и опубликованных модульных парциальных программ и их разработчиков, составленных на базе анализируемого программно-методического комплекса:

1. МДОУ «Центр развития ребёнка — ДС № 127» «Родничек» г. Магнитогорска (зав. Стецуренко Л. Е., ст. воспитатель Севастьянова Н. В.);

2. МДОУ «Детский сад № 77» «Росинка» г. Магнитогорска (зав. Ганенкова И. В., ст. воспитатель Кудесенова Р. Р.) проект: мини-музей «Наш дом — Южный Урал»;

3. МДОУ «Центр развития ребёнка — ДС № 183» г. Магнитогорска (зав. Федоренко Е. А., ст. воспитатель Патрикеева Т. Н.) — Программы «Горенка», «Стань природе другом»;

4. НДОУ «ДС № 149» ОАО «РЖД» г. Магнитогорска (зав. Махмутова Л. М., зам зав. по учебно-воспитательной работе Усольцева Т. В.) — Программа по поликультурному и полиэтническому воспитанию;

5. МДОУ «ДС-№ 163 общеразвивающего вида» г. Магнитогорска (зав. Щигалева Т. В., зам. зав. по учебно-воспитательной работе Чернова Е. С.) — программа «Сандугач» по приобщению дошкольников к татарской традиционной культуре;

6. ДС с. Остроленка Нагайбакского муниципального района Челябинской области. Программа «Мы — нагайбаки» (муз. руководитель Юскина Н. П., воспитатель Аюбашева Г. Б.).

На базе детского сада Белорецкого района республики Башкортостан: МДОБУ ДС № 2 «Радуга» был создан и продолжает функционировать по настоящее время «Ресурсный ЦЕНТР по формированию позитивной социализации дошкольников», объединивший пятнадцать детских садов Белоречья. Необходимо отметить, что Белорецкий район работает по программе уже более 7 лет. Последнее коллективное пособие «Дети земли Уральской — 2 часть», посвященное этнокультурному воспитанию, представляет собой коллективный педагогический проект под редакцией Е. С. Бабуновой и Л. В. Градусовой, включает 14 проектов: «С Юбилеем город мой!»; «Моя семья — моя опора»; «Русь красавица — мастерами славится»; «Моя Родина — гордость моя»; «Моя малая Родина»; «Вместе счастливы»; «Широкая Масленица»; «Волшебное семечко»; «Моя семья — мое богатство»; «Я и моя семья» (коррекция речевого развития); «Семья и детский сад на защите прав ребенка»; «Фантастические ручки»; «Театрализованная сказка — мюзикл «Бальные платья для Вьюжки и Метельки»; «Казачьему роду — нет переводу».

Во многих дошкольных образовательных организациях на основе Программно-методического комплекса «Наш дом — Южный Урал» были созданы методические пособия, разработаны проекты этнокультурной направленности, например, в ДООУ № 175 г. Белорецка — по приобщению дошкольников к фольклору (2006), знакомству детей с народной традиционной семейной культурой народов Южного Урала, знакомству с музыкальным фольклором Башкортостана (рук. А. Р. Шеврина).

Комплекс рекомендован воспитателям, руководителям детских садов, а также активно используется в качестве учебно-методического пособия для студентов, обучающихся по направлениям подготовки Дошкольное образование и Психолого-педагогическое образование.

В заключении, хотелось бы пожелать Программно-методическому комплексу «Наш дом — Южный Урал» долголетия и расширения использования на благо всестороннего, полноценного воспитания нашего подрастающего поколения. На последнем совещании работников дошкольного образования Челябинской области (август 2018 г., г. Чебаркуль) неоднократно звучал вопрос о востребованности и необходимости переиздания Комплекса.

Использованная литература:

1. Бабунова Е. С., Багаутдинова С. Р., Едакова И. Б. Реализация программно-методического комплекса «Наш — дом Южный Урал» в образовательном процессе дошкольной организации // Дошкольное воспитание. 2015. № 10. С. 9–15.

2. Бабунова Е. С. Педагогическая стратегия этнокультурного воспитания детей 5–7 лет в условиях полилогического пространства дошкольного образовательного учреждения. М.: Изд. дом Акад. естествознания, 2012.

3. Наш дом — Южный Урал: программно-методический комплекс для организаций, реализующих образовательные программы дошкольного образования / под научн. ред. Е. С. Бабуновой. Челябинск: Челябинско обл. отд-е Рос. детского фонда, 2014.

4. Теоретико-прикладные основы социально-коммуникативного развития дошкольников / Е. С. Бабунова и др.; под ред. Н. И. Левшиной. Магнитогорск: Магнитогорский гос. технический ун-т, 2015.

5. Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования [Электронный ресурс]. URL: <http://edu.mari.ru/mouo-medvedevo/dou10> (дата обращения 02.10.2018).

6. Stepanova, N. A., Sannikova, L. N., Levshina, N. I., Yurevich, S. N. and Chernobrovkin V. A. Parental evaluation of preschool education quality: is it a problem or an opportunity?, *Man in India*, 2017, vol. 97, no 5, pp. 171–185.

Vladimir A. CHERNOBROVKIN

Cand. Sci. (Aesthetics), Assoc. Prof.,

Department of Preschool and Special Education,

Magnitogorsk State Technical University,

Magnitogorsk, Russia

chernobrov.vl@mail.ru

Development of Ethno-Cultural Education of Preschool Children: Implementation of the Program-Methodical Complex “Our Home — South Ural”

The article discusses the features and the current importance of the program-methodical complex “Our Home — South Ural”, developed by scientific and pedagogical workers of the Chelyabinsk Region to solve the problem of the formation of ethno-cultural education in preschool children. The implementation of the principles of pedagogical regionalization and taking into account the ethno-cultural situation of the development of children of preschool age in the context of the implementation of

the Federal state educational standard of preschool education is revealed; defines the main components of the concept of ethno-cultural education and education of a preschooler; priority areas for the implementation of the regional component of preschool education in the Chelyabinsk region in the form of familiarizing preschoolers with the cultural heritage of the Southern Urals. The article describes the structure and content of the main sections of the program-methodical complex, reveals cognitive information about the nature of the Southern Urals, about the history, life, life of the peoples inhabiting it; positive experience of the use of the complex, its pedagogical effectiveness and current demand in the regions of the Urals and Russia.

Keywords: *ethno-cultural education, preschool education, program-methodical complex, regional culture, cultural heritage, principle of pedagogical regionalization, culture of the Southern Urals.*

ISBN 978-5-86443-289-1

9 785864 432891